

РОССИЙСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

при содействии

АКАДЕМИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
И ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ ИМ. Г.Р. ДЕРЖАВИНА

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

литературно-художественный журнал

№ 4

Санкт-Петербург
«Гамма»
2011

*Литературно-художественный журнал
Российского Межрегионального Союза Писателей*

Под общей редакцией Е.П.Раевского

**Почетный член редакционной коллегии
Ю.В.Бондарев**

Шеф-редактор: Н.А.Веселова

Редактор отдела поэзии: Д.Н.Киршин

Редколлегия: А.А.Облог, А.М.Губаревская, А.Н.Молоканов

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

ISBN 978-5-4334-0035-1

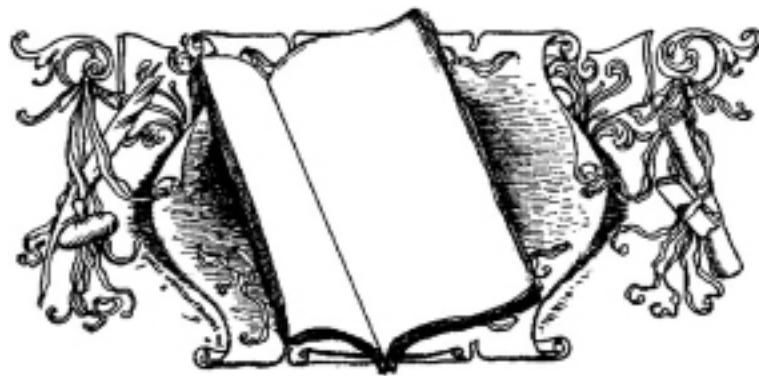
© Коллектив авторов, текст, 2011
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2011
© Н.А. Веселова, фото на 1-й
странице обложки, 2011

*Издание возрождено по инициативе
Председателя Исполкома Международных
Писательских Союзов,
Героя Социалистического труда
Ю.В.Бондарева*



Ю.В.Бондарев и Е.П.Раевский

ΠΡΟΖΑ



Анна Губарёвская

Легенды и сказки

Про гадание

- Што говорить - гадали ране, было - особо на святках. Грешно это, но грех не грех, а судьбу попытать охочи были в девушках-то. Само верно гаданье - это послушать в пустом доме около полуночи, тамо где последни жихари умерши. Страшно. Ни, я не ходила туда, ни. Вот катанки да носки шерстяны, што цельный ден носила под подушку положить - это верней, но сказать надоть:

- Я тя цельный ден носила, ты меня ночь води, к суженому-ряженому выведи.

Все это до трех раз повторяш, коли кто позовет - не откликаешься, иначе все зря. Можно, конечно, колодезь из лучинок тонких в изголовье смастерить и сказать, штоб коня пришед поить, но каки ноне кони, да и люди беспокойны, а ране-то было и приде. Кого узришь - тот и судьба твоя. Все сбывалось, теперя реже сбыватца - где людей только по миру не носе. Оно конечно сон - и е сон, явь и то человек с годами-то забывает. Почудили мы с молоду-то, ой почудили. Время разное было, но молодость-то свое бере. У прохожих было имена спрашивали, по подоконью бегали и тож поспрашали:

-Как суженого звать?

Ишо было - петуха в избу принесут и смотрют – из чией кучки ен зерно клевать зачне. У одной девушки ен колечко золото склевал - пришлось зоб резать да сшивать опосля. Всяко бывает.

Было и гребень на чердаке подвесишь на длинну нить, и уголья в воду побросашь, и на воде погадашь, но вот в зеркала смотреть, што промеж свечек ставя - само верно. Страх бере, но захватывают. Сидишь одна в темной горенке ли в бане - тамо верней получатца гаданье-то. Как токо увидала што - зеркало опрокинуть надо, иначе - быть беде. На моей памяти одна деушка так гадала и чудище лохмато увидала и поняла, што к ей кто-то шерстнатый подошед. Она жаланна так и обмерла. Подружки ждали, ждали ее, пошли поглядеть и што - видют она бледна на полу валятца - считай мертва, еле отходили - боле года заикалась бедна. Вот те и суженый. И кто теперь знат, што это было - пошутковал кто или ей шиш баянный явивши был? Шиши-то они любят позабавитца, а их в наших местах каких только нет - болотны, амбарны, баянны, сеновальны, овинны, сенны... Ну, это я так - к слову.

У меня-то как было? - и не спрашивай. Парни-то многи мной интересовались, но мне все не по сердцу, а тут на святках приглашат меня на кадрили видный такой парень, не знаком мне - видать из приезжих и одет не по нашинскому - в костюме. Больно у нас с ним ловко вышло, вижу - все за нам смотрют - глаз никто не спускает - шепоток иде - мол больно пара хороша.

Стал он чаще в нашу деревню заезжать. Сам-то ен из купцов был. Вот в святки-то решила и я поглядеть в зеркало... Сижу - сперва боязно было, што-то внутри так и подрагиват, по спине и рукам, словно мурашки бегут. глянешь в зеркало-то, а тамотко коридор - долгой, дрожит чуть. Долго я сидела, вроде в сон стало клонить, но потеряла глазоньки-то и вижу - ен стоит в зеркале, как живой и чувствую - кто-то рядом стоит. Я зеркало перевернула да как закричу, но голос-то срыватца - и слова не сказать. А он не рассмеялся, ни... Успокаиват, уговариват да и спрашивает опосля - мол, пойдешь за меня - ведь в зеркале-то сама все видела - судьба.

Вот и така ворожба бывает, а по древнему - то кобь. Не слыхала, как вошел, ни. Жизнь-то как? - пока живой был, закружило што в той кадрили, редко счастье мне выпало, ой редко.

Женщина продолжала рассказ о жизни, а меня заколдовало, заморозило слово «кобь» - возможно и не зря в деревнях наших перекидывают и святую, и наговоренную воду через скобку, а наш «Скобарь», видимо, сохранил элементы древнего мужского ритуального танца.

Пошла баба за водой

Пошла баба за водой на реку - по бадейке в каждой руке несет, а вокруг-то благодать божья. После дождика солнышко выглянуло, воздух свежий, ароматами поздних цветов пропитан, дышится легко, на душе хорошо - вот если бы не воду таскать - все бы распрекрасно было. Вздохнула женщина, взглянула на небо, а там радуга от леса до берега реки перекинулась дугой семицветной - концы ее в землю упираются. Подумала женщина:

- Надо же, какая штукавина удобная - видать великанша невидимая или может богиня древняя берег реки да лесок на другое место перетаскивает - надо и моего мужика заставить похожую штукавину смастерить. Если она такие тяжести играючи держит, неужели я двух бадеек не осилю. Вошла она в дом, бадейки поставила на скамью и говорит мужу:

- Сделай-ка мне, муж разлюбезный, такую штукавину, как радуга, только поменьше, чтобы на плечи удобно легла, да воду с реки носить сподручней стало, а то больно тяжело да мешкатно.

- Ты что, жена, сдурела совсем?

- Да вроде нет - а что?

- Радуга - это природное явление - земли украшение.

- И что с того? - мне воду носить надобно.

- Это небо-батюшка земле-матушке подарок делает, чтобы она еще краше была. А ты что удумала, а?

- Украшение тоже не худо, и оно надобно - не помешает, но вот воду носить тяжеловато, так что сделай. А то, может, сам на речку пойдешь, а?

- Да ты што? Засмеют.

- Тогда делай - и вся недолга.

Думал, думал мужик, но ничего на ум не идет, и пошел он к реке водяного пораспросить, может тот, что похожее видел.

Покликал его возле глубокого омутка, а когда тот показался, спросил его с поклоном почтительным:

- Послушай, сосед, сдурела моя баба - требует незнамо что. Воду ей вишь ли тяжело носить, так она приспособленье просит, похожее на радугу. Ты понял? Ничего про то не слыхал, не видал? Ведь у воды живешь. Может чем подмогнешь?

- Моим бабам воду носить не надобно - твоя забота, ты и зоблишь. Мне какое дело до тебя - водяной поскреб свою мокрую бороду и нырнул в омуток - только круги в разные стороны пошли.

Обиделся мужик, подобрал камушек на берегу да и швырнул его вслед водяному:

- Погодь, черт старый. Ты у меня еще помощи попросишь - я те припомню гаду мокрому.

Вот с той поры и пошла между ними вражда, но это так - к слову. Мужик что делать? Пошел он в лес. Благо идти недалеко. Леший облюбывал для себя островок посреди болотца - очень красивое место в наших краях - вот туда и направился мужик,

там-то и встретил хозяина лесного и говорит ему:

- Выручи меня. Сдурела совсем баба моя - никакой управы на нее нет. Требуется такую штукину, как радуга, но поменьше.

-А для какой надобности?

- Воду таскать с реки видишь ли ей тяжело стало... Может быть ты чего посоветуешь, а? Да еще и украшение такое на голову хочет - ну разве это умна баба, а?

Тогда люди с лесным народом в дружбе жили. Помог лесовик мужику - показал деревце подходящее, научил и тому, что сделать с ним нужно, чтобы изогнулось наподобие дуги, но потребовал за совет плату, а мужик обиделся:

- Какая еще плата за деревце одно? - больно ты жаден стал.

- Да не велика, не сумлевайся, но коли и дале хошь со мной в дружбе жить, то посади деревца у дома своего.

- А зачем?

- Сказал - плата, опосля сам благодарить будешь. А за убором головным в город езжай. Давечь купцы тут - за версту проезжали - всего везли и головны уборы тоже.

- Обойдетца и без убора. А с корой-то что делать?

- Тьфу, непонятливый какой.

- От такого слышу.

- Слышишь, да худо. Толкую, толкую тебе, а ты все свое. Говорю - окорить надобно, отесать, концы стянуть, острогать, надрезы сделать легки таки, не глубоки...

- На остроганные концы ведра не подцепить. Обманывашь ты меня.

- С какой стати? Ты на концах нарезки сделай - углубления небольшие, вот и будет как надобно.

- Остроганное дерево одного цвета, а она радугу требует, как быть?

- А ты покрась, или того лучше, резьбу наладь. Все выйдет, как надо, точно говорю.

- Спасибо тебе, друг любезный, век не забуду.

- Вспомнешь, когда снова потребуюсь.

- Да, ты что. Да, я для тебя...

- Иди, иди... У меня и без тебя дел хватает.

Пришел мужик домой счастливый. Молодые деревца у дома посадил, потом за деревянную поделку принялся. Все сделал, как ему лесовик наказывал. Наконец-то получилось - и он показывает жене обновку. А она головной убор требует.

- Всегда так - одно сделаешь, а о другом и забыл. Рассердился мужик - кричит:

- Обойдешься. Ишь чего надумала, штоб все это на нее глаза пялили - мол, какая красавица идет. Волосы-то под платок спрячь - неча бахвалитца, да за водой сходи, испробуй обнову-то. Неча...

Обиделась женщина. Взяла коромысло и пошла за водой. Да так ступает, словно в танце плывет. Руки раскинула, голову подняла, по сторонам смотрит небрежно. Идет, а из всех окон вслед ей вздохи летят да взгляды завистливые.

- Ох, и мне б таку бабу! - думали мужики, но молчали.

- Ах, и мне б таку штукину, что б я хуже ее прошла что ли? - думали женщины и ругали мужей за то, что бестолковы и руки у них, как крюки - ничего путнего смастерить не могут.

Вот с той поры в нашей деревне и носят воду на коромыслах, вокруг домов деревца сажают, а красоту женских волос под платочки прячут. Не каждый может радугу жене на головной убор раздобыть...

Бабы, правда, говорят, что их - мужиков - страх берет, что слишком хороши женки будут - и так на них управы нет. У вас в деревне может бабы другие, а? Смирены, покладисты? Нет? Я так и знала.

Наталья Суворова

Дачный вопрос Драма на шести сотках

Действие первое Радушная Настя

Действующие лица:

Участковый инспектор Иван Иванович; садовод-огородник Настя - собственник участка слева от соток Старой Ведьмы.

«Камень преткновения» - Старая Ведьма незримо присутствует на своих шести сотках. Подъезжает «лимузин» участкового инспектора. Иван Иванович пересекает границу надела неспешно и с достоинством. Пышнотельный огородник Настя бросается ему навстречу.

Настя: - Вот радость! Уж и не чаяла. Помогите, Ван Ваныч, больше надеяться не на кого. Отблагодарю!

Инспектор: - Что у тебя тут случилось? В чём наше с тобой беспокойство?

Настя: - Ван Ваныч, в нашей семье у каждого - по машине. А ну, как все в одночасье нагрянут на отдых?! Куда поставить транспорт?

Инспектор: - И куда же ты решила его поставить?

Настя: - Да он весь в два ряда встанет, если оттяпать у Старой Ведьмы приличный кусок. Вот такой... *(С готовностью распахивает руки, стоя на чужом участке).*

Инспектор *(с сомнением в голосе)*: - А... не слишком?

Настя: - Нет, в самый раз будет. Все машины угнезятся.

Инспектор: - Ты уже зондировала почву?

Настя: - Что делала?

Инспектор: - Ну... пробовала ей намекнуть?

Настя: - Да не один раз! Я её сразу определила: старая потаскуха. И камнями, камнями в её поганую морду. Ещё и плюнуть очень хотелось. А тут старуха яблоню прививать намылилась. Так ведь привила. Все ходят-смотрят. А я встала в пять утра и башку-то этой ветке на сторону свернула... *(с недоумением)* Старая, а всё чего-то надо.

Инспектор: - Соседка поняла тебя?

- Настя: - Ка-неч-на, нет! Но у меня ещё много приёмов. Старуха намедни грядку соорудила по границе, чтоб я не переступала. Так я встала в пять утра, доски по всему участку раскидала, а землю заложила в пограничную канавку. То-то Старая Ведьма обрадовалась, когда поутру глаза продрала. Уж очень мне хотелось прояснить, достичь понимания. И чтоб всё по закону.
- Инспектор: -Достигла?
- Настя: -Да я подошла к старухе, когда она шлялась вдоль нашей границы, намекнула, что написано на её гнусной морде, схватила за шиворот-да об землю. Чтоб не успела опомниться. Сви-де-те-лей-то не-ту! (*хохочет*).
- Инспектор (*с сомнением*): - А... не слишком?
- Настя: - В самый раз! Старуха ещё и к сливе приложилась... своей дурной башкой. Насажала тут. Вот и соседка Анна советует: не уступай.
- Инспектор: - Однако, ты сильна!
- Настя (*закавав оба рукава, с гордостью*): -Во, какие бицепсы-трицепсы!
- Инспектор: - Фитнес посещаешь? Бодибилдингом балуешься?
- Настя: -Ну, может он и бодин, как его там, прости Господи? Теперь много новых названий. А я возьму метлу, лопату и - по асфальту, и - по асфальту. Территория безразмерная.
- Инспектор: - Ну, теперь-то уж до соседки дошло?
- Настя: - Какое там?! Стоит на своём. На своём участке, то есть. Охраняет. Не отдаёт. (*С издёвкой*) Верёвочку протянула. Так я ту верёвочку вместе с колышками на её сливы и повесила. Да и ветки сливам и чёрной смородине укоротила... А ещё я пообещала убить её.
- Инспектор (*в раздумье*): - Ну...это уж...ни к чему... (*с неудовольствием*) столько мороки!
- Настя: -Да вы не беспокойтесь! Ей и земли-то всего полметра надо. Урою - никто не найдёт. В крайнем случае, в канаве утоплю. Ведьма её недавно углубила.
- Инспектор (*медленно, акцентируя*): - Я...так...думаю, что поспешность нужна только при ловле блох. Главное – не переборщить.
- Настя: - Хотите борща? Это в другой раз. А сегодня у меня рассольник. Милости прошу, заходите, гостем будете.
- Идут к крыльцу.*
- Настя: - Слышь, инспектор, Старая Ведьма про моего внука Ганюшу целую сказку сочинила. Уж так та сказка мальцу понравилась! А мне слов много не надо. Всего одно...и она уже знала, куда ей идти. И шла бы туда вместе со своей сказкой. Книжонку её я бросила в грязь, в глину. У нас как дождь, так развезёт. А внучек-то мой - мальчишка смышлёный. Одиннадцать лет. Возраст для подвигов подходящий. Взял рогатку да и вышиб ей стекло. Вон, видишь, дырка насквозь и лучи во все стороны? Я давеча у неё под носом сортир соорудила. Впритык к её участку. Должна и у старухи быть какая ни на есть радость.
- Инспектор: - А не боишься, что она тебе навредит?
- Настя: - Куда ей! Всё книжки пишет. Возьмёт лопату - ничего не копает. По участку шляется -(*с издёвкой*) мыслит. Смотреть тошно. Да пойдём в дом. А то наш рассольничек-то простынет.

Действие второе

Бедная Анна (Честь мундира)

Действующие лица:

Участковый инспектор Иван Иванович; садовод-огородник Анна (участок справа от соток Старой Ведьмы).

В ожидании инспектора Анна являет собой саму кротость, демонстрируя невинность. Лицо озаряет жалостно-вопросительная улыбка безвинно замученного человека. Участковый выходит из машины, Анна бросается к нему.

- Анна: - Иван Ваныч, спасите честь моего мундира! Они ведь у нас с вами одинаковые!
- Инспектор: - Что случилось, коллега?
- Анна: - Старая Ведьма назвала меня «Две бабы-дуры» даже написала про это в своём «Послании к совести». Я только не поняла: к моей, что ли? Так у меня её нету.
- Инспектор: - Это ужасное оскорбление. За что же старуха так обесчестила тебя?
- Анна: - Я хотела заставить Старую Ведьму передвинуть сарай на 20 сантиметров и отхватить часть её соток, а она не отдала. И всё тыкала мне в нос какой-то чертёжик.
- Инспектор: - Ну что за люди?! Ничего по-хорошему не понимают. И что ты решила, какие меры воздействия?
- Анна: - Старуха носила навоз на свой участок. Я подошла к навозной куче, встала напротив и закричала скандальным голосом так громко, чтобы слышали все-все-все. И чтобы освежить память маразматички, что она – рыжая курва и европейская шлюха.
- Инспектор: - А почему европейская?
- Анна: - Чуть что - едет в Европу. За впечатлениями, так сказать. Соседи, что ли, не впечатляют?
- Инспектор: - Ну, и как ты считаешь, освежила?
- Анна: - Трудно сказать, пока стоит на своём, кусок земли не отдаёт за «здорово живёшь», за «рыжую курву», то есть. И переносить сарай отказывается. Видите ли, она женщина слабая и у неё нет опыта носить сараи.
- Инспектор: - Не волнуйся, Анна, это пустяки. Я прижму твою соседку к ногтю психиатрической экспертизой. Обещаю. И это всё?
- Анна: - Конечно, нет. За обедом я выпила, как обычно, сорокаградусной. Мне стало легко и захотелось набить кому-нибудь морду. Сразу же раззудилось плечо, чтобы размахнулась рука. В ней в этот момент была палка. И я замахнулась на соседку так, что та от страха заморгала.
- Инспектор: - Ну и что? Это хорошо, что испугалась. Нас и должны бояться. Ты же не ударила её?
- Анна: - Нет, к сожалению. Но пообещала проткнуть вилами.

Инспектор: - Что ты, так же можно испортить мундир!
Анна: - Да не себя проткнуть, её, Старую Ведьму!
Инспектор: - А вот этого лучше не надо. Испачкаешь вилы, кровь может попасть на мундир... Возле навозной кучи ты была в форме?
Анна: - Нет, в футболке и штанах.
Инспектор: - В форменных?
Анна: - Нет, в дачных. А форменная у меня, вообще-то, юбка.
Инспектор: - Ну так о чём беспокоиться? Ни навозом, ни кровью мундир не испачкан. И на химчистке экономия. Да! А соседка-то что?
Анна: - Она меня шёпотом спросила: ты что, больная?
Инспектор: - А ты?
Анна: - Я громко закричала, что да, больная! И мне за это ничего не будет!
Инспектор: - Вот тут ты права. У нас на работе много больных. И - никому...ничего...
(Задумался. После паузы): Придётся провести с твоей соседкой разъяснительную беседу. По всей строгости. Впечатлить, что называется. Не беспокойся, прижму её не так, так этак.

Участковый садится в машину.

Инспектор: - Мир вам, дети мои.

Милицейский «лимузин» отъезжает.

Действие третье

Именем здравого смысла

Действующие лица:

Участковый инспектор;
Радужная Настя;
Бедная Анна;
Старая Ведьма;
Комиссия из трёх человек садоводческого товарищества «Тихий омут».

В присутствии участкового инспектора произведён обмер трёх конфликтных участков. Результаты обмера совпали с данными пятнадцатилетней давности, предъявленными Старой Ведьмой комиссии, с сантиметровой точностью.

август, 2010г

Египет

очерк

*Госпоже В.С. Васюнцовой -
с нескрываемой нежностью*

Смотреть и видеть

Своим смуглым перстом вечно цветущая Африка поманила нас, когда в весенней России ещё только появилась вуалевая дымка зелени. Пятичасовой полёт крылатой машины оренбургских авиалиний был исполнен в апрельской ночи безукоризненно. Раннее египетское утро встретило нас ярким солнцем уже знакомого континента. Формальности туристического вторжения на чужую территорию заняли не слишком много времени. И вот порог отеля «Gasala-beach resort». Standart room №433 на двоих в отеле 4* просторен, уютен и продолжен лоджией за стеклянной во всю стену дверью. Солнце здесь бывает лишь косвенно, не досажая. Отсюда, со второго этажа главного здания, открывается вид на эвкалипты - исполины и тщательно выбеленный сплошной забор, оберегающий отель от улицы. Неспешную суетность дня уравнивает успокоение египетской ночи. И постепенно напряжённая нервозность трудовых буден, завезённая по инерции в незнакомый дом, исчезает в тишине её и покое.

В конце апреля в шесть утра прибрежный песок ещё прохладен. Красное море, ровное как стол, прозрачно, как ухоженный домашний аквариум. Оно на мелководье демонстрирует своих юрких обитателей. Рыбок хочется схватить руками, чтобы разглядеть поближе эту жёлто — голубую полосатость различных форм и размеров. Ранним утром по кромке моря на длинных и тонких ногах важно шествует ибис-маленькая цапля озабочена пропитанием. Море ещё не совсем согрелось, но...мы вспомнили, зачем приехали. Надо! Медлить некогда: на всё про всё - одиннадцать дней. Поэтому морские ванны начинались в шесть ежеутренне. Прогулочный парусник «пиратской» наружности приходит часам к десяти, останавливается супротив наших «четырёх звёзд», рисуясь. Знает, что безупречен. Затем, неспешно удаляясь в простор моря, предлагает праздному народцу впечатления о морской волне, бризе и бегущих мимо берегах.

Господа рестораторы отеля дважды в день к «шведскому столу» предлагали доброкачественную еду с огромным количеством овощей и фруктов. «Гвоздями» же программы были маленькие круглые дыньки и ...финики. Нет, не те вялено - сушеные плоды, в изобилии завезённые в северные страны. Эти будто только что сошли с пальмы в огромные чаши, чтобы поспособствовать здоровью бледнолицых и их долголетию. Финики содержат все мыслимые микроэлементы в необходимом количестве. Господа отдыхающие, ешьте, сколько влезет... Влезало много!

По территории отеля пройтись приятно во всех отношениях. Она, территория, - услада для глаз днём. В духоте вечера табак, изо бильно цветущий на клумбах, благодарно после утреннего полива нежит обоняние. Кустарник с модельной стрижкой по краю дорожек густ, серебрист и цветёт нежно-лилово. Садовник, почерневший под египетским солнцем от постоянной работы с землёй заскорузлыми своими руками и воображением с любовью создаёт художественные произведения на зелёных просторах отеля. Рос сийско-деревенской мальве из полисадников на солнечной поляночке жарковато. Но в тенёчке она хороша и кустиста. Пальмы и кактусы, будучи у себя дома, в умелом сочетании создают незабываемые египетские картинки.

Работники отеля - только мужчины. Они молоды, приветливы, учтивы. И красивы удивительной красотой Востока.

Прислушались к говору гостей. Такое впечатление, что отель в аренде у подданных Германии. Немцев так много, что иные гости, полагая себя здесь единственной национальностью, и нас принимали за жителей Deutschland.

-Ich bin russisch!-говорила я с гордостью. И примирительно добавляла: -Deutschland und Russland - Freundschaft.

В волне, на пляже, в ресторане братание шло полным ходом. Меж государственные политические игры народам ненадобны! Приветствия, звучащие с утра и до конца дня, немецкого и английского свойства. Усмотрев в этом покушение на приоритет хозяев дома, решила разрушить сложившуюся традицию, поздоровавшись по-арабски. И этим решением произвела фурор неожиданный. Са лам алейкум, господу секьюрити, денно и ночью охраняющие отель «Газела-бич» и прилегающие территории. И ты сразу чувствуешь к себе расположение. Салам алейкум, господу торговцы!.. («О! Она знает!») И товары несколько понижались в цене. Салам алейкум! И тебе с лучезарной улыбкой ответят по-арабски. И совсем неважно, что из долгой приветственной арабской речи вы поймаете ухом только «алайкум ассалам». Налажено взаимопонимание. И продемонстрировано уважение к хозяевам дома.

Египетский кризис сказался положительно на отношении принимающей стороны к россиянам. Заскучали египтяне без россиян-то. От акул отгородили, как могли. Мол, всё хорошо в Шармэльшейке, приезжайте, милости просим. Пропадаем без вас: «крокодил не ловится, не растёт кокос!»-торговля на мёртвой точке. Очень сожалеем, что пренебрежительно обобщали россиянок одним на всех именем «наташка».

Озвученный крик души «русские, где вы?» слышен в каждой маленькой лавочке, больших магазинах бесконечного рынка, ресторанах на берегу моря. У владельцев этих заведений общепита об эту пору - просто чёрная полоса невезения. Принаряженный в национальные одежды (шаровары, феску, красный широкий пояс) по соседству с нами турецкий ресторанчик мог привлечь наше внимание разве что дизайном посадочных мест - без профессионала не обошлось. За всё время нашего пребывания за столиками - один-два человека. Хозяину - не до улыбок. Владельцам ювелирных магазинов везло больше. Там стройными рядами серебряные нефриты рука об руку с рамзесами, жуками-скаробеями и богом солнца Ра, с коралловыми бусами. Выполненными, между прочим, не без изящества и в неограниченном количестве. Обратите своё пристальное внимание, господу иноземные туристы: серебро у нас, египтян, ну, чрезвычайно серебряное. И с пробой! Ну, раз так, и мы не обошли стороной это великолепие. Торговцам трикотажной необходимостью тоже оказывалось внимание, поскольку производство - египетское, а не китайское. Качество трикотажных изделий с египетской символикой сомнений не вызывало.

* * *

По пути в церковь Святой Екатерины старания египтян украсить зеленью безжизненные сожжённые солнцем просторы вызвали уважение. Ландшафтный дизайн с перепадами высот присутствовал, невзирая на трудности с поливом. Водоводы проложены везде, где зеленеют оазисы. Собирая экскурсантов по разным адресам, диву давались, наблюдая, как владельцы отелей озабочены поразить воображение ухоженностью своих территорий. Памятен въезд в пятизвёздный отель. На площади за пропускным пунктом меж пальмами размещены кувшины дико винно-стройные, в росте не уступающие пальмам. В таком саду

чувствуешь себя пигмеем. Но произведённое впечатление - чрезвычайного свойства.

Наш гид Хаттаб для простоты запоминания просил называть его Хаттабычем. Видимо, с русской детской литературой знаком неплохо. Этот арабский молодец был так хорош собой, так грациозно владел микрофоном! И если бы владел ещё и русским в достаточной степени, то словесные картинки были бы вняты от начала и до конца. Но кое-что мы всё же уловили. Хаттабыч внушал нам, неразумным, что египетского языка нет на белом свете, то есть на Ближнем Востоке. Как нет алжирского, тунисского, иранского... Но есть один на весь арабский мир-арабский. И в алфавите - 28 букв. Составив слово, не забудьте написать его справа налево. Эту восточную манеру письма называют арабской вязью.

Население Египта-85 миллионов человек, из них в Каире - 20 миллионов.

По магистралям государства-езда без правил. Вместо них - указатели. Иногда. А прави-ла... Зачем они? Каждый, сидящий за рулём, должен думать только головой.

В университете учатся четыре года. Служба в армии обязательна. Хаттаб развеял наши недоумения по поводу одежд женщин: ведь жарыща тут у вас, удивлялись мы. А ваши женщины от пяток до макушки упакованы так!.. И купаются, не снимая упаковки. Да всё это - оправданная необходимость. Мы, арабы, люди с горячей кровью. Поэтому, пусть лучше желанная женская красота угадывается, не бросаясь в глаза. Ну... чтобы чего не вышло. Нечаянно.

Кто такие бедуины? Это свой особый мир внутри арабско го. Это-народец вольный. Государственные законы писаны не для него. Для него закон-один очень богатый шейх. Он-главный, он-судья; решает все споры, разногласия и проблемы. Его слово-закон. Бедуин и кочевник-слова синонимы. Но нынешнее поколение бедуинов-молодые люди с этой догмой уже не согласны. Не хотят кочевать. Хотят оседлости, надёжности, уверенности.

Магазинчик при монастыре и церкви - во-первых. Сначала надо поддержать коммерцию. Потом можно оставить две записочки: о здравии и за упокой. Их передадут священнику, не беспокойтесь. На память о посещении возьмите освящённое колечко из тонкого неведомого металла. Подберите, чтобы пришлось впору. Это-подарок каждому.

Архитектура церкви Святой Екатерины привлекательна неожиданностью решения. Припадая к горному массиву и растекаясь по подножию, является его украшением и частью. По цветовой же гамме совпадает и с горным массивом, и с горой Давида напротив. В церкви- тихо и сумрачно. Атмосфера её располагает вслушаться в своего Бога и в себя. Вера-интимная ипостась для каждого человека.

Растущая возле храма во внутреннем дворике Неопалимая Купина теперь недоступна в прямом смысле. За семью печатями - за воротами в виде забора. Они - на замке. Раньше-то как было? Вплотную к дереву, растущему на выступе скалы, подойти невозможно. Скакали, как горные козы, пытаясь раздобыть заветный листочек. Чтобы засушить и хранить, пока не истлеет. Всё! Дикае прыжки - в прошлом. Воля ваша: смотрите, пока не надоест.

Фуксия и цветущая герань служили символом уюта в наших деревнях, украшая подоконники в избах. Микродворик церкви Святой Екатерины украшен газонами с буйно цветущей пахучей геранью-символом мира и покоя.

* * *

Дельфиний рай - то, ради чего стоило приехать в Шармель шейк. Да, дельфинарий был бесплатным -150 долларов за 25 минут общения с дрессированными животными. Да и животные ли они? У меня была возможность убедиться, что те, которых мы считаем ниже себя, не глупее нас с вами. Да почему так мало - всего 25 минут?! Ну хотя бы... час. Я огорчалась.

Когда мы прибыли, дельфины ещё отдыхали. Пришлось подождать. Я осмотрелась. Возле бассейна в круглой клетке высотой метра три проживала макака - крупная особь мужского пола. В его жизни скуотища была подругой. Кроме двуногих окрест - никого. Всего и развлечений-то: ловко забраться повыше, когда подходит поилец-кормилец. Фрукты-овощи смертельно надоели: валялись тут же нетоварного вида. Ёмкость для воды - пуста. Я забеспокоилась: при такой-то жарнице бедной обезьянке нечего попить! И стала искать служащего, ответственного за беспечальную жизнь макаки. Он появился очень скоро, взял ёмкость и пошёл за водой, сказав на ломаном русском, что вода была. Я не поверила, что самец беспричинно вылил её на пол. Поилец-кормилец вскоре появился с водой, открыл клетку, поставил воду. И ушёл. Обезьян спустился «с небес», понюхал воду и, поглядывая по сторонам, стал неспешно раскачивать ёмкость. Двумя руками. Через минуту вода вся до последней капли растеклась по полу. Чашка опять была пуста. Ну, что ж, у каждого - свои тараканы в голове. Когда обезьянка села ко мне спиной, я просунула указательный палец сквозь решётку, чтобы погладить её. Макака в ярости мгновенно повернулась ко мне всем корпусом, злобно оскалив глаза и крепкие молодые клыки: как ты посмела?

И вот, наконец, бассейн. Под открытым небом, конечно. Два дельфина (афалина, или бутылконос) - в режиме ожидания справа по борту. Оба - женского пола. Спокойны. Терпеливо ждут своего часа. Против работы с людьми не возражают: эмоции только положительные. Дельфины очень чувствительны к окружающей эмоциональной атмосфере: любят музыку Петра Ильича и не терпят какофонию. Рыбка и восторженный человеческий щебет - награда за работу. Мы, готовые к плаванию в бассейне, побежали по бортику к дельфинам, чтобы сфотографировать парочку. Я наклонилась над ними. Ближайшая девочка подула мне в лицо, обдав капельками воды: смотри, не свались от усердия в воду вместе с фотоаппаратом.

К нам подошёл дрессировщик и попросил снять все украшения: кольца, цепи, серьги. Шестеро отважных спустились в воду, чтобы изведать неизведанное. Оказалось, что им, дельфинам, все возрасты покорны: от четырнадцати до семидесяти с плюсом. Мы сгрудились возле подплывших девочек: они, прехорошенькие, «стоя на хвосте» и не обращая на нас никакого внимания, кланчили рыбку, издавая звуки трещотки, широко раскрыв клювы. Я сразу же заглянула туда: широкое горло, абсолютно гладкая, пронизанная кровеносными сосудами слизистая оболочка. Дельфин не был мягким и пушистым, как моя кошка. Он был упругим, мокрым и очень скользким. Я попыталась легонько обхватить его двумя руками - рук не хватило. От едва заметных движений хвоста объёмное упругое тело слегка колебалось. И я прижалась к нему всем естеством: вот он, дельфин, живой, не на экране, не на картинке. Грациозно обтекаемый, он не где-то там, в неведомом океан-море, а здесь, буквально, в моих руках. Какое чудо! Какое счастье.

Я сразу же «побежала впереди паровоза»: а когда целование с дельфинами? Ради этого момента я была готова на всё. Но у дрессировщика и большого друга дельфинов Сулеймана «всё по-честному, без обмана». Всё будет, дайте только срок. А если уж кому очень невтерпёж, могут начинать процедуру целования с него, с Сулеймана. Визуально-мануальное знакомство завершилось. И... был «вальсок». Каждого из шести претендентов на внимание два дельфина кружили в воде. Держась за грудные плавники, в непосредственной близости наблюдая вертикально поднятый клюв, я ощущала гармонию мощного тела, созданного для сверхбыстрого перемещения в просторах морей. Каждого из нас дельфины мчали с одного края бассейна к другому. Держась за спинной плавник двумя руками, расположившись вдоль дельфиньего тела, я преодолевала сопротивление

воды, бьющей в лицо. Движение длилось секунды - скорость была высока.

Мы находились в воде уже довольно долго и начали подмерзать. Вода в бассейне - несколько пониженной температуры, соответствующей температуре среды обитания. Теперь два дельфина должны были доставить на другой берег каждого из нас. Я, болтаясь в подвешенном состоянии у бортика самой глубокой части бассейна и уцепившись за край, дожидалась своей очереди. Оба дельфина откуда-то из-под меня вынырнули одновременно и мгновенно. Свободной рукой я сразу же уцепилась за спинной плавник ближнего дельфина, а второй рукой не успела. И... вот потрясение: второй дельфин остановился и подождал меня, такую небыструю. Я схватила его за плавник, и мы помчались. Вода, сопротивляясь, била не только в лицо. И когда мы прибыли к другому краю бассейна, верхняя деталь купальника, назначенная мной корректировать, удерживать и возносить естество на уровень мировых стандартов, обреталась на уровне талии. Всё плыло само по себе: я, мой бюст и купальник. Вся наша команда весело и беззлобно хохотала. А Сулейман с добродушной улыбкой спросил: а где бикини? Господа, в играх с дельфинами будьте бдительны! Можно остаться и голышом по формуле: V_{max} умножить на L_{max} равняется T_{max} (Т-топлес). Я хохотала вместе со всеми. В воздухе витало настроение счастливых людей. И теперь я понимаю, почему в специальных дельфинариях (к примеру, в Израиле) лечат больных детей контактами с этими думающими существами: они создают состояние счастья вполне здоровых людей.

К этому моменту посреди солнечного египетского тепла шестеро любителей экстрима тряслись от холода, выбивая дробь зубами. Какие же долгие - эти двадцать пять минут! Наконец, Сулейман попросил дельфинов показать, что есть целование. Дельфин лёг несколько на бочок и почмокал, приблизив клюв к щеке почти вплотную. Шоу с нашим участием закончилось. Сулейман (худощавый, с тройной, молодой и неплохо знающий русский) спросил меня, трясущуюся от холода, хочу ли я ещё покружиться с дельфином? Не попадая зубом на зуб, я радостно закивала головой. И вот - прощальный «вальсок». Я потом всё думала, почему он предложил дополнительный «танец» только мне? И пришла к выводу, что такие ребячливые, настырно пристающие бабушки-резвухи с собственным оригинальным шоу «как я теряю одежду во время представления», случай уникальный в его практике.

Последствия длительного купания не замедлили сказаться на моём здоровье. Через два дня - озноб... и герпес знаменитого размера украсил мой нос. Имейте это в виду, господа. С этим презентом я и прибыла в Россию. Но, посетив бассейн, заплатила за чрезвычайное происшествие и получила в ответ эмоциональное торжество.

* * *

Огромный зонт, защищавший нас от солнца до двенадцати часов дня, с пеклом справиться уже не мог. +39 воздух; +28 море. Хорошо нам, конечно, на пляже - чистом и песочном, но всё ж мы - не египтяне. В номере 433 - прохлада, уют, тишина - дообеденный отдых. Когда схлынет жара - выход в люди. «Злачные» торговые точки недалеко от «Gasala-beach». Походкой абсолютно свободных от житейской суеты людей мы неспешно шли к ним, дабы поддержать египетский постреволюционный бюджет. И получить удовольствие. В своих лучших летних отпускных одеждах и с приветствием по-арабски наперевес (убивать, так наповал), мы, конечно, были неотразимы. И вот конфуз! Мой собственный девиз «смотреть и видеть», был задействован мной не в полной мере. И я очень удивилась, когда возвратившись на родину и развернув покупки, обнаружила вместо тщательно упакованной корицы — порошок неведомого происхождения. Вместо оливкового масла — прогорклое подсолнечное. Я виню только себя. Смотреть надо, что

тебе в руки-то суют. Будьте бдительны, господа. Нас любопытно «разводят» не только на родине. Как я уже писала в очерке «Тунис», «Восток — дело тонкое, Петруха». Проверять надо, не стесняться. Над разумом у иных торговцев преобладает ловкость рук.

* * *

Всевозможные революции ничего, кроме обнищания и новых проблем простому народу не несут. Люди теряют работу, достоинство человека, свободного от унижительных нужд. То есть то, что имели. А мусульманские законы остаются непоколебимы. Семьи, вырастившие невест, ждут женихов терпеливо. Встречаться с мужчинами до брака запрещено. Таков закон. К тому же семья должна получить калым - продать свою дочь будущему мужу. Будущий муж - нищ, бос и наг. Будущую жену ему выкупить не на что: калым велик. А природа берёт своё. В ходу - приехавшие на отдых путешественницы из стран с других континентов. Российские, к примеру, с одним на всех именем «наташка». Приставучие мужчины с горячей кровью настоятельно просят пройти в «интим» (к кустам прямо на обочине дороги или в торговую точку - неважно). До такой степени настоятельно, что не знаешь, куда деваться. Возраст? Деталь пустячная, значения не имеет, не беспокойтесь! Объект внимания движется? Уже хорошо. В советские времена был анекдот: возможен ли половой акт посреди Невского проспекта? Невозможен. Советами замучают. Так вот там египетские мужчины этого не опасаются. Они советами пренебрегают, поскольку уверены в себе в любой ситуации. И при свете дня - тоже. Господа египтяне, спасибо вам, конечно, за заботу о нашей безнравственности. Несмотря на то, что у нас на родине другая неприятность: женщин больше, чем мужчин значительно, уж мы сами решим, где, с кем и когда. У вас - законы, а у нас - принципы.

Итак, тема исчерпана. Впечатления же остаются. И воспоминания о хорошо организованном сервисе в отеле «Gasala – beach», о приветливом, вышколенном персонале, о Красном море - ласковом и нежном звере с покладистым нравом, о работагах - дельфинах в превосходной степени.

Глубокоуважаемый господин Египет, кому-то надо, чтобы в Вашем доме время от времени происходили потрясения революционного толка: то - потому, а то и потому что. А я желаю вам мира, здоровья. И достоинства.

* * *

Когда однажды Вера Степановна, проживавшая в это же время в том же номере 433 на соседней постели, долго звала меня, сонную, пить чай, я в шутку сказала:

-Как мне с Вами трудно!

-Да?.. А мне с Вами - хорошо.

Мне тоже хорошо с Вами, дивная моя подруга, и в будни, и в праздники.

Апрель - май -2011

Из цикла рассказов «Я - педикюрша»

*Искры тлеющего костра становятся
заметней в сумеречное время.
Я-педикюрша. Но к этому повествованию
моя нынешняя профессия имеет весьма к
освенное отношение. Патология стоп,нажитая
видавшими виды людьми за долгую жизнь,не
даёт им покоя,бывает,ни днём,ни ночью.
И тут зовут меня .И я прихожу.
Чтобы помочь-облегчить и вслушаться
в голос одиночества.*

*Жанне Соломоновне -
с благодарностью*

История в Лицах

*Сожаления о несбывшемся былом
будоражат чувства всю
жизнь, давая пищу разуму*

Глава 1

- В далёких пятидесятых прошлого века в средствах массовой информации объявили: родственники репрессированных могут получить справку об их судьбе.

В приёмный день в большом сером доме на набережной я была пропущена в огромный зал,установленный столами,вместивший толпу людей в строгости лиц,в шелесте слов . Подошедший ко мне офицер осведомился о родстве. Я не родственница,я - невеста,мы должны были пожениться через несколько дней. Но мне хотелось бы знать...А все родственники Виктора уже умерли.

Мой случай был неординарным,и офицер попросил подождать. Вернувшись,предложил сесть за стол и изложить просьбу письме. Молчание в ответ длилось полтора года.

* * *

- А он и не мог быть другим,мой Виктор. Доброкачественность генофонда его родителей была высока и несомненна .Сергей Сергеевич десять лет прожил в Берлине,и его немецкий приобрёл берлинский акцент.В институте Красной Профессуры он преподавал греческий и латынь. Мария Ефимовна на Бестужевских курсах (единственное учебное заведение для женщин) учила курсисток математике.

Блистательный студент физмата,талантливый переводчик с французского „на

лету“ усвоил берлинский акцент вместе со всем немецким. Все родительские таланты,отпущенные Господом Богом, были приумножены в процессе обучения в Университете. И, ввиду крайней полезности выпускника, две кафедры предлагали ему научную работу, аспирантуру. Зная историю как свои пять пальцев Витя помогал нам,филологиням,готовиться к экзамену. Сидя рядом, увлечённо рассказывал то,что мы должны были знать назубок. Он был талатлив в любой области знаний.А успехи в языках давали ему право называть себя прирождённым лингвистом. Уровень его воспитания определяло кредо:относиться к прачке,как к герцогине.

* * *

*Мосты Невы, взмахнув крылами,
Парили в сумраке ночей.*

- И в бесконечной щедрости молодых объятий и поцелуев. В двадцать четыре года мы смотрели с надеждой в светлое советское будущее. Восхищённым взором. Он был завзятым шутником - мой Принц Крови. Не допуская к лицу улыбку, разыгрывал меня удивительными сообщениями. Якобы, где-то...

- А знаешь,Аня,что шерсть может вырасти на ладонях. Скажу больше: шерсть может вырасти и на коже портфеля...

Я слушала Витю,открыв рот,верила,а он наслаждался моим потрясением.Он смешил меня озорными стишками,которые высказывали неожиданно,в большом количестве и будто сами по себе:

Если хочешь быть счастливым, ешь побольше чернослива.

И тогда в твоём желудке разведутся забывудки.

Однажды, мои родители ушли к своим друзьям. И мы с Виктором решили встречать Новый год вдвоем. Употребив всё свое умение, я стала накрывать на стол в лучших традициях. Сверкая старинным хрусталём и серебром, убранство поражало своим великолепием. Пришёл Виктор и замер, потрясенный: «Аня, я готов был стать лордом, но не знал, достойна ли ты стать леди. Теперь я знаю: достойна».И не было на свете никого талантливей,красивей,умнее,одним словом, прекрасней,чем он. Всю жизнь и сейчас,в канун своего СТОЛЕТИЯ,оглядываясь на несбывшееся,не могу себе простить,что не была с Витей физически близка. Я умышленно не употребила принятый ныне речевой оборот, чтобы не оскорбить высокое чувство.* Пять лет, терпеливо соблюдая себя для главного действия, мы помнили,что оно должно наступить вот-вот,буквально через несколько дней. Он хотел, когда мы поженимся,взять мою фамилию: даже коротенькая, с таким явным акцентом, она несет в себе огромные проблемы,отягчая и без того непростую жизнь.

Почему у меня нет детей? Только Витя мог стать отцом моего ребёнка. А теперь...лишь воспоминания о былом в бессоннице ночи. Наша любовь прожила целых пять лет! Всего пять лет. Оставив свет незабвенный,способный светить до конца дней.

* Расхожее выражение «заниматься любовью».

* * *

*История человечества-
история самоистребле ния.*

Федор Абрамов

Мучительный и неукротимый переход от большой лжи революции и революционного экстаза к различного рода несвободам принёс с собой тридцать седьмой год.

Постоянно беря на себя повышенные обязательства, автозавод“ ЗИС“сработал 63000 экземпляров автомобиля, произведшего в народе неизгладимое впечатление.И застрявшего в его памяти как „чёрный воронок“.

С принудительной скоростью стал исчезать подвид Homo sapiens inteligitis (опознавательные знаки - очки и шляпа). Вызывавший раздражённое неприятие в других подвидах. Образованная молодь находилась в поле зрения”органов”опеки и отца всех народов под особым контролем.

Исполнители судеб - «друзья» народа освобождали страну Россию от «врагов народа» бессонными ночами. Градус страха (засим прочно осевший в генах каждого уцелевшего) был столь грандиозен, что передавался по воздуху, как зараза. По этому поводу Осип Мандельштам заметил:

*И всю ночь напролёт
Жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами
Цепочек дверных“*

* * *

- Какова природа предчувствий? Из какой дали они прибывают в сознание? И, однажды, расставаясь до завтра и взбегая по ступенькам, неожиданно для себя крикнула Вите: если мы не соединимся до шестого января, нам не быть вместе никогда!

-Аня,Аня,что ты говоришь?! Аня!

Тревога,не давая забыться сном,жила во мне всю ночь. Утром я позвонила Виктору. Никто не поднял трубку. Этой ночью „чёрный воронок“ ненадолго притормозил возле его дома,оставив след горя вселенского масштаба. Достаточно было одного-единственного авто,чтобы навсегда переехать судьбы двух семей. Мы не успели пожениться. А если бы успели, я-уже жена «врага народа» следом по этапу ушла бы туда,откуда не было возврата.

Глава 2

- Я носила с собой свою загубленную любовь и в пир,и в мир, и в добрые люди. Черз полтора года после первого визита на Литейный я несла её и по бесконечному коридору четвёртого (или пятого?)этажа печально известного дома, желая узнать правду и

услышать нечто, могущее повергнуть меня в ужас. Моё состояние привело к некоему беспомыслию. Я на секунду вдруг перестала понимать, где нахожусь и зачем. В чувство привёл непонятный звук, шорох за моей спиной. Оглянувшись, увидела смыкающиеся металлические створки, бесшумно делившие коридор надвое. Пути к отступлению не было. От внезапно накатившего страха волосы встали дыбом. Взяв себя в руки, взглянула на номер ближайшей двери. Кабинет находился в самом конце.

Об эти годы уже не модно было украшать стены портретами постановщика и режиссёра общечеловеческих трагедий. Выдающегося лицедея. Не отягчавшего свою душу чувствами людскими:

*И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.*

А.Твардовский

За столом в вольготной позе сидел очень сытый человек средних лет. Взглянув на него, вспомнила слово «опричник» из учебника. Его улыбка в данном контексте показалась мне наглой. И я услышала:

-Ваш Виктор был порядочным человеком.

Кровь бросилась мне в лицо, и я почти закричала, что и без него это знала. Я выбежала из кабинета в бесконечность коридора. Створки, делившие его надвое, бесшумно расступились. Об руку со мной бежал животный страх. На одном дыхании достигла двери, ведущей на улицу...

к свету...

к солнцу...

* * *

Карельской берёзы маленький старинный столик с гнутыми ножками в своём ящичке для рукоделия хранит два пожелтевших сложенных вчетверо ветхих документа. Более полувека они свидетельствуют о невинности и информируют о причине смерти.

Глава 3

Это надо не мёртвым.

Это надо живым.

Р.Рождественский

Умаявшись душой и телом, Анна Семёновна вела свой рассказ без слёз («же всё выплакала»).

Вслушавшись сердцем в трепетное повествование, я примерила на себя чужую душевную боль, почувствовав её опустошительное свойство. И в слякотный октябрь тридцатого числа в ДЕНЬ ПАМЯТИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЁННОГО я отправилась с единомышленниками туда, где под корабельными соснами в вечном безмолвии лежат советские граждане, раздавленные в угоду и без сожалений «красным колесом». Замученные до смерти безвинно убиенные поколения. Соль соли земли российской.

На Левашовской Пустыни над свечами, цветами и тихим говором щемяще плыл голос набата. Я встала в скорбную очередь. Неравнодушно ударила в колокол, чтобы он трагическим голосом напомнил о поверженной жизни одного отдельно взятого советского гражданина, олицетворявшего собой целое поколение.

Глава 4

Преодолев восемь десятков лет, частично утратив за это время физическое здоровье («ноги не ходют»), Дарья Ильинична* убеждённо сказала:

-У нас зря не содют. Я Кобочку люблю.

* * *

МЫ ЛЮБИМ СВОИХ ТИРАНОВ.

Октябрь-2010

*По желанию героев моих сюжетов их имена изменены до неузнаваемости. Факты - достоверны.

Мороженое с шампанским

*Любовь и творчество - сродни.
Они всегда с тобой в полете*

Часть первая

В эпоху всеобщего застоя в мозгах Наталья Антоновна непрерывно искала счастье, убеждая себя в том, что оно-таки - в замужестве. Она ходила туда трижды. Но гармония, скитаясь по чужим адресам, дразнила недосыгаемостью. Между замужествами Наталья Антоновна впадала в горестно-нервическое состояние, которое кратко можно было бы выразить пятью словами: все-замужем, одна я-нет. Заключив брак (с верой, надеждой и штампом в паспорте), Наталья вскоре обнаруживала, что хотела бы унести оттуда ноги живой, не повредившись разумом и вместе со своими бесценными детьми. Иными словами: с восторгом-туда; без иллюзий - оттуда. И, радуясь, что опять повезло и обошлось без осложнений.

Её ближайшая подруга, которой со стороны было видней, выговаривала Наташе открытым текстом:

- Не лишнее было бы подумать, прежде чем вступать, куда ни попадя. Оглянись! Вокруг тебя всё какие-то непечатные личности. И ведь всё мимо денег, мимо денег, дорогая.

Ну, с этим-то Наташа смирилась давно. Считала, что «мимо денег» ей было написано на роду. Появившись на свет Божий в год Быка, работала всю жизнь, как ломовая лошадь, и в присутствии и дома. Без посторонней помощи придя к мысли, что дуэт-не её стезя, вступать во что ни попадя прекратила. И припала душой к различного рода ремёслам, облагораживающим жизнь не только с точки зрения эстетики, но и приносящими хоть и небольшой, но доход. Унаследовав доброкачественные родительские гены, руки в варенье никогда не держала, одевая себя и детей, активно советуясь с журналом „Burda moden”, елико возможно прихорашивая свой очаг.

* * *

Невмоготу было ночью. В её постель вместе с ней просачивались мысли и воспоминания, трансформируясь в снах в различного рода сцены с её участием. Которые теперь принято называть эротическими. Нет, Наталья Антоновна не была ханжой. Но, дорогие мои. Есть же границы. Ей было, прямо скажем, стыдно. Пересказать увиденное было невозможно. С её точки зрения, временами показывали этакое порно. Понаснится же, в ужасе думалось ей. Однако старалась запомнить картинки. Втайне надеясь поучаствовать в ночной оргии вновь. Не приобретя порочащих личностей привычек, но обладая нравственными тормозами, Наташа самой себе признавалась, что не может ими пренебречь, переступив черту наяву. Ярким лучом в ночном тёмном царстве было одно спасительное воспоминание о событии, случившемся между двумя первыми замужествами. Когда всё ещё «фонтаны били голубые и розы красные росли». Когда настигшее чувство раскрасило бытие, как по холсту, разноцветными масляными красками.

Они все были красавцами - три школьных друга: Олег и два Вовки. С одним из них супружеские отношения были отмечены в Книге Записи Актов Гражданского Состояния. Ненадолго. Таисия Петровна, мама Олега, будучи задушевной Наташиной подругой, обо всех перипетиях, связанных с замужеством №1 и разводом под тем же номером, знала. И на советы не скупилась, сочувствуя. И жилетку, мокрую от слёз, не жалела, помогая пережить.

Володя Крюков (второй Вовка), лишившись родителей очень рано, был с Таисией Петровной в почти родственных отношениях. Она была ему ближе, чем дядя и тётя, на квадратных метрах которых он жил. И за это самое терпел упрёки денно и нощно от добрых родственников.

Наташа и Володя - они частенько нечаянно встречались на нейтральной тётятасиной территории. Чувствуя приязнь друг к другу, прохаживались по Большому проспекту Петроградской стороны. Заглядывали в кинотеатр «Свет» на углу Большого и Подрезовой на первый ряд балкона.

Он был особенным, конечно, этот Вовка Крюков. В двадцать пять лет отличался от прочих мужественной своей статью, уверенной походкой, крепкими руками, сводившими Наталью с ума. Он просто был полубогом. Не влюбиться было бы позорно. И она поняла, что пропала. Что уже влюблена. Что эта болезнь пройдёт нескоро. Возможно, никогда.

В шестидесятые годы прошлого века имел место застой общепитовских цен, который радовал простой народ и в будни, и в праздники. Кафе беззастенчиво пользовались успехом. Мороженое с шампанским для рабочего кошелька не было слишком обременительно. А «Лягушатник» на Невском!.. О! Да он просто погряз в паломниках: очередь стояла на улице в любое время года. А летом душным вечером попасть за столик в зал с зелёными занавесками было нереально. Расположенный неподалёку общепит «Минутка» готовил для народа бульон с пирожками, стесняясь травить голодных посетителей недоброкачественной едой.

Теперь там вездесущие оправы для очков. А тогда... Кафе-мороженое на углу Кировского и Большой Монетной было просто меньше «Лягушатника», но нисколько не хуже. И совшампанское добросовестно пузырилось в бокале. И разноцветные шарики мороженого были холодны и долго держали форму. И белые с рюшечками занавески украшали уютный зал.

Забредя туда в тот раз, они угощались и тем, и другим. И, несколько захмелев, в состоянии, определяемым обычно как «море по колено», вышли на проспект, будучи и рядом и вместе. И неизвестно над чем хохотали. «И чушь прекрасную несли»: а целоваться я желаю здесь и сию минуту... Да, на проезжей части! И прямо под фонарём, конечно.

Тогда ещё принято было изумляться до оторопи. И, изумлённые до оторопи, прохожие и проезжие наблюдали неожиданное решение, приведённое в исполнение в центре большого вечернего города. Прохожие, не замедляя шага, поворачивали головы, не отводя взгляда; проезжие неодобрительно сигналили, объезжая стороной. А им, воодушевлённым шампанским, было всё равно. Надвигающаяся страсть привычно «схватила своей мозолистой рукой» так, что нечем... стало... дышать.

Часть вторая.

Жизнь так спешила дальше, так спешила. Уже между делом выросли дети - подарок на долгие времена. Все исполненные дуэты без сожалений ушли в прошлое. Уже приобретён иммунитет к заболеванию с диагнозом „любовь“...

Наталья Антоновна расценила этот судьбоносный «пассаж» как некую компенсацию за закреплённые штампами в паспорте промахи. Она неожиданно обнаружила нестерпимое желание высказаться. Письменно. Придав речи литературную форму. О том, что пережила сама когда-то, её друзья, знакомые. И, потакая этому капризу, стала с усердием реализовывать свалившуюся на неё благодатную ипостась, постоянно пребывая в сомнениях и надеждах. Ну, конечно, не с бухты - барахты свалилась-то. Нет. Намётки - то кое-какие были. Неотчётливые. Господин Пегас, весьма заинтересованный в успехе, свою благосклонность трактовал широко. Он сыпал на вновь испечённого литератора интересные мысли, удачные фразы, неглупые афоризмы. И...получалась книга. Наталья Антоновна обросла тетрадками и прочими канцелярскими принадлежностями. Они дежурили ночью на журнальном столике, карауля великие мысли для будущих шедевров. Наташа вспомнила, что и Лев Николаевич под подушкой держал писчую бумагу. Но на этом сходство с Великим заканчивалось. А считать себя писателем ей и в голову-то не приходило. Современные оргсредства, недоступные её проникновенному пониманию, без дела пылились до поры

Потрясённые родственники с опаской брали в руки книги Натальи Антоновны. Но не несли сразу на помойку. А сначала читали. И только потом...ставили на книжную полку. Соблюдая иерархию. Перечитывая особо удачные места, новенький с иголки автор радовалась, как ребёнок долгожданной игрушке, литературным находкам. Повестью о жизненных коллизиях своих героев, Наташа разделяла их радости. Горюя вместе с ними, поливала страницы рукописи искренними слезами, сострадая. Она считала: повествование не должно быть бесстрастным. Чтобы читатель постиг всю глубину эмоций её героев, надо сначала прожить всё это самой. Автор не может быть сторонним наблюдателем. Закончив очередную книгу, Наташа впадала в опустошительное оцепенение. Но уже не желала расставаться с подаренными судьбой эмоциями, надеясь пережить их вновь. Испытывая опьянение творческим полётом, она неожиданно обнаружила, что чувствует то же, что и тогда, в ярком свете городского фонаря: восторг счастья.

Часть третья.

И всё помнится и помнится, как она бежала ещё и ещё раз прильнуть и попрощаться прямо к трапу, не слыша запрещающих окриков авиадежурной. И всё плачется и плачется, являя из памяти, как предавали, уводя... Плавно и медленно крутится и крутится этот известный романс, отвечая сразу на все вопросы:

Но не любил он, нет, не любил он,

Ах, не любил он... меня

Сон смежит глаза, и где-то там, в далёком далеке, в другой жизни - двое в жарком объятии на проезжей части Кировского проспекта, безмятежно счастливые своей молодостью.

Елена Сакс
(перевод)

Опра Уинфри: Вернуть людей к книгам

История о Королеве телеэкрана, актрисе, популярной телеведущей ток-шоу и очаровательной женщине непростой судьбы, которой, по её собственному признанию книги помогли найти себя.

Автор: Мэрилин Джонсон

«Что-то происходит в твоей собственной жизни, когда ты попадаешь в чужой мир. За это я люблю книги. Всякий раз я берусь за книгу, чтобы уйти от себя. В этом и есть для меня смысл чтения. В возможности уйти.»

Нашей героине удалось стать самой высокооплачиваемой телеведущей в мире, чье состояние оценивается почти в полмиллиарда долларов и чья ежедневная аудитория насчитывает около 20 миллионов, - иначе говоря, одной из самых влиятельных персон в мировом шоу-бизнесе. Скептики ставят под сомнение некоторые подробности её личной жизни, на что Опра клятвенно заверяет: «Я ничего не придумываю».

Несмотря на сегодняшнее благополучие и высокое положение в обществе, Опра все ещё с болью вспоминает о своём детстве. В течение многих лет она с экрана делилась личными незаживающими ранами и самыми сокровенными переживаниями. А в середине 1990-х женщина, более десяти лет царившая в дневном телеэфире скандальных ток-шоу, вдруг решила «вернуть людей к книгам». Для этого ею был основан Клуб читателей, принесший ей славу одного из самых щедрых меценатов за всю историю издательского дела. Около 10 миллионов экземпляров восьми глубоких психологических романов хлынули на книжные прилавки по одному только слову Опры. Среди них знаменитая «Песнь Соломона» Тони Моррисон. Моррисон, первый афро-американский автор, удостоенный Нобелевской премии по литературе, с восхищением произнесла: «Это настоящая революция!».

Что же касается Опры, то она просто отдает должное книгам, которые, сколько она себя помнит, были её друзьями, а иногда – её единственными друзьями. Именно они, по её словам, сделали ту Опру Уинфри, которую теперь знает весь мир.

А начиналась эта история на юге страны, в штате Миссисипи, в районе, известном расовой дискриминацией по отношению к темнокожим. Незаконнорожденный ребенок из бедной семьи, обитавшей на ферме, маленькая Опра была самой бесправной среди сверстниц. Там же, брошенная родителями, она провела первые шесть лет жизни со своей бабушкой. «Конечно, она не была образованной женщиной, но это она научила меня читать и именно от неё я узнала свои первые библейские истории», - вспоминает Опра. Однако жизнь девочки была далека от библейской сказки. Когда ей было девять лет, её изнасиловал двоюродный брат, в четырнадцать лет она стала матерью, а в двадцать с небольшим – увлеклась наркотиками.

Наверное, люди, с детских лет познавшие горечь несправедливости и лишений,

словно бы получают взамен дополнительную порцию честолюбия, подвигающего их к созданию азартных телешоу и захватывающих романов... Когда у четырнадцатилетней Опри умер ребенок, она «с головой ушла в книги о много переживших Хелен Келлер и Энн Френк». Много читала о жизни Эленор Рузвельт. И чем трагичнее были эти истории, тем сильнее она сопереживала их героиням. «Я решила, что судьба дала мне шанс начать всё сначала».

Если и была та единственная книга, послужившая ступенькой на пути к успеху, то этой книгой стал роман Элис Уокер «Цвет пурпура», вышедший в свет в 1982 году. Как отмечалось в рецензиях, это впечатляющее произведение о бедной, полуграмотной чернокожей женщине, которая пытается противостоять жестокости окружающего мира». «Я была подавлена и ошеломлена, - вспоминает Опра, - но одновременно почувствовала в себе новые силы. Я давала читать книгу всем, кого знала, и мне не о чем было говорить с теми женщинами, для кого эта повесть ещё не стала открытием».

Опра стала словно бы проповедником книги и всю свою теплоту и сердечность, которые она испытывала к героям «Цвета пурпура», она перенесла в телестудию, чем только подтвердила своё призвание ведущей ток-шоу. На каждую личную драму участницы программы Опра открывала свою душу. Ведь в каждой из этих женщин была своя Селия, героиня романа, оказавшаяся под ложным обвинением в начале повествования и добившаяся торжества истины – в финале.

Идея регулярно приглашать литераторов в студию через Клуб читателей принадлежала продюсерам Опри и состояла в том, чтобы после прочтения предложенного Клубом произведения его участники имели возможность побеседовать с автором в студийной обстановке. «Самое удивительное, - говорит Опра, - это когда ты узнаёшь, что именно связывает каждого читателя с этой книгой».

Моррисон, побывавшая в гостях у Опри в штате Индиана, призналась: «Если не считать библиотек других писателей, я редко видела дома с таким множеством книг, причём каждая побывала в руках своего обладателя и была прочитана. Это не показной, а истинный, жадный до книг Читатель».

Сама же Королева телеэкрана редко уделяет время просмотру телепередач, считая, что телевидение пропагандирует ложные ценности. Вместо этого она проводит вечера за чтением. «Свои выходные, - вспоминает Опра, - я посвящала поэзии. Меня всегда успокаивала музыка поэтических строк...» И хотя её сборник диетических рецептов стал бестселлером, её авторству не принадлежит ни единого художественного произведения. «Меня никоим образом нельзя назвать писателем. Я не обольщаюсь на этот счёт. Писатели – это особая каста; к ним я испытываю чувство глубокого уважения, скорее даже – чувство благоговения. А мой дар – это умение общаться».

Валентина Чирок

Плата за обман

...Волки в окрестностях нашего села Вщиж, что в Жуковском районе Брянской области, водились всегда. Сейчас их стало не так уж много – нечем особенно полакомиться: местную овцеферму давно сровняли с землей. Да и охотники регулярно прочесывают местность. Зато в перелесках и оврагах появились зайцы, лисы, кабаны, портящие зимой деревья в садах местных жителей.

Впервые я увидела волка в возрасте 12 лет, когда однажды шла со своими сестрами и двоюродным братом в соседнюю деревню. Сначала мы шли через поле, а потом спустились в овраг. Там под кустом сидела большая серая собака и грызла кость.. При нашем появлении она вскочила, но не залаяла, только оскалила зубы, да на загривке вздыбила шерсть. «Это волк!» – крикнул брат, и мы пулей выскочили на другую сторону оврага. А когда возвращались назад, ни собаки, ни кости под кустом уже не было. Дома обо всем рассказала матери. Она ответила, что этот овраг называется Волчьим логом – самое волчье место во всей округе. Но пугаться не надо: летом волки сыты, и человека не тронут. Хотя лучше на глаза им не попадаться

С того случая прошло около десяти лет. Я окончила педучилище, работала в сельской школе учительницей, заочно училась в институте. После выходных дней, проведенных дома, добираться до своей далекой школы приходилось на перекладных: пешком, потом на автобусе, снова пешком. И, как правило, одной. Летом никаких проблем не было: дни длинные. Зато зимой...Столько страху натерпишься. Однажды, в понедельник утром, я рано вышла из дома, чтобы успеть к занятиям во вторую смену. Еще не рассвело. Шел редкий снег. Кругом все было тихо и уныло. Три километра из семи шла спокойно, чтобы было веселее, читала вслух стихи известных поэтов и даже сочиняла свои.

Вдруг изнутри почувствовала толчок, и, даже не успев испугаться, все поняла. Казалось, в воздухе витала какая-то агрессия. А через минуту я увидела их. Они выбежали вдвоем на дорогу – белый и серый волки. Захотелось бежать, но ноги подкосились, и стали как ватные. Ничего не соображая от страха, я повернула назад и тихо, тихо пошла по направлению к деревне. Видя, что я не убегаю, волки остановились, вероятно, «обдумывая» ситуацию. Это придало мне уверенности. Не переставая передвигать ноги, я стала выбрасывать на дорогу все, что дала мне с собой мать: сало, яйца, хлеб, домашний сыр, вареное мясо, надеясь этим подольше задержать серых разбойников. Вдруг впереди послышался скрип телеги: это вщижские мужики ехали на центральную усадьбу. Они подобрали меня, через некоторое время остановились в указанном месте. Я хотела посмотреть, что же стало с моими продуктами. Но их и след простыл. Как и волков тоже. Зато на свежем снегу ясно были видны волчьи следы.

«Тебе повезло, - почесывая в затылке, сказал возница. - Могло быть и хуже».

Но мои злоключения в тот день не закончились. На рейсовый автобус я все-таки опоздала и добиралась на попутках. Когда до моей школы, осталось всего четыре километра, началась метель, и стало быстро темнеть. Идти предстояло через овраг, на противоположной стороне которого, как мне показалось, мерцали огоньки. Этого было достаточно, чтобы я снова вспомнила о волках, повернулась и побежала к маленькой

одиноким избушкой, находившейся недалеко от оврага. Меня впустили сразу, точнее, дверь в сени полуразвалившейся хатки даже не была закрыта. На пороге стояла согнутая в три погибели старая женщина. «Проходи, голубка! Ты ведь учительница? Сейчас будем вечерять. Нельзя в такую погоду по ночам ходить – заблудишься или волки разорвут, ласковым голосом ворковала она. - Сейчас повечеряем, а завтра поедешь в свою школу на бензовозе или хлебной машине.» Разомлев от немудреной крестьянской еды и тепла, я поблагодарила хозяйку и полезла на теплую деревянную печь. Уснула почти сразу.

Утром, взглянув на мое встревоженное лицо, бабушка сказала: «Да не тревожься ты, моя хорошая, никто тебя не станет ругать за опоздание на занятия. В жизни тоже у тебя все будет хорошо. Жить ты будешь долго и счастливо. Ты будешь много знать. И станешь знать еще больше, если придешь ко мне в гости на Пасху. Немало интересного узнаешь, что потом в жизни поможет. А не придешь, - (она хитро усмехнулась), - волки потом всю жизнь покоя не дадут». Я пообещала прийти, и мы очень тепло расстались.

Но своего обещания я не выполнила, не пришла на Пасху в гости к знахарке, побоялась. Летом того же года ее не стало. Вскоре я перевелась в другую школу, поближе к дому, потом вышла замуж и переехала жить в райцентр.

...Шли годы, принося лишь болезни и потери. Умерла моя младшая сестра, оставив сиротами двух девочек-дошкольниц. Я сама перенесла серьезное заболевание и стала инвалидом. Незаметно подросли мои дети, получили образование, стали работать, обзаводиться семьями. Одному из них, младшему Михаилу, в детстве все же пришлось встретиться с волком. И, наверное, из-за меня. Случилось это лет двадцать тому назад, когда сыну было всего лишь шесть лет. Мы ехали из районного центра в мой родной ВШЦЖ к бабушке. Из автобуса вышли на повороте, от него до деревни было целых семь километров. Шел мелкий дождик. У Миши в руках была любимая игрушка – маленький барабанчик с деревянными палочками, у меня – рюкзак и фонарик, на тот случай, если быстро стемнеет. Мы прошли совсем немного, около километра, и у придорожных кустов заметили волка. Первым его увидел Миша и весело крикнул: «Мама, а это волк?». У меня екнуло сердце, но виду я не подала и ответила: «Не знаю». Волк, услышав наши голоса, повернулся и затрусил следом вдоль дороги. Миша по-прежнему весело продолжал: «Ты его не боишься? Я тоже нет. Он совсем, как бабушкин Шарик, и не сможет нас проглотить». Я приказала Мише идти вперед и бить изо всех сил в свой барабанчик. А сама включила фонарик и направила его в сторону волка. Он как-то дернулся и отскочил поближе к кустам. Миша еще сильнее забил в барабанчик, я громко запела песню собственного сочинения. Увлечшись своим концертом, мы почти забыли о волке и не заметили, как подошли к деревне. А зверь тем временем куда-то исчез.

Но на этом мои встречи с серыми не закончились.

Как-то раз привезла я своих осиротевших племянниц, которые учились в школе-интернате, во ВШЦЖ на каникулы к бабушке, и там заночевала. Ночью в родном доме, где прошло мое детство, снились мне в первый раз в жизни цветные сны: весна, дождик, солнышко, цветы на лугу, а в них кувыркаются волки, совсем не обращая на меня внимания. А утром в день моего отъезда и впрямь пошел дождь. Он падал и тут же превращался в лед, делая дорогу тяжелой и скользкой. Но надо было идти, чтобы завтра встретить Новый год со своими сыновьями и мужем. И я пошла, прихватив с собой красный поломанный зонт и кое-что из еды. Тут же попала в густой молочный туман. То ли от тумана, то ли от дождя сразу вымокла насквозь и, поскользнувшись, несколько раз упала. За околицей у первого оврага возле березок увидела синие «Жигули». Три человека в маскировочных халатах и с ружьями в руках гоняли по лесочку какую-то живность. Я решила, что они-то и доvezут

меня до автобусной остановки. Но минут через десять эта машина, на полном ходу обогнав меня, остановилась у очередного оврага, где снова началась охота. Я прошла уже километра два и совсем, было, загрустила. Почему-то вспомнилось, как когда-то последней электричкой ехала в декабре из педучилища на зимние каникулы. Решила переночевать на полустанке, где жила семья знакомого путевого обходчика, чтобы утром по замерзшей реке отправиться в деревню. Но я не знала, что на полустанке уже никто не живет: обходчику незадолго перед этим дали квартиру в городе. А когда поняла это, то сильно испугалась. Но решение пришло сразу. Я забралась в знакомый сенной сарай, подперла вилами дверь зарылась в сено и, постепенно успокоившись, стала засыпать. Снилось мне топящаяся печь, смоляные факелы, собаки, вокзал, много народа. Проснулась от жуткого холода и воя у двери. Казалось, что прошло всего лишь пять минут (как потом выяснилось, больше трех часов). С ужасом слушала я волчью песню и читала про себя бабушкину молитву. Из оцепенения меня вывели свист и гроыханье еще далекой первой утренней электрички. Но как прорваться на перрон? Засунув руку в карман, нащупала коробку спичек (я всегда брала их с собой в дорогу на всякий случай). Захватила на вилы побольше сена и подожгла. А затем толкнула дверь и выскочила на улицу с горящим факелом. Большая, темная тень метнулась от двери к лесу. А я в мгновение ока вскочила на платформу, где тускло горели фонари. Успела! Электричка плавно подошла к платформе. Кинув вилы в сторону, я вскочила в открывшуюся дверь и обессилено опустилась на лавку в безлюдном вагоне. Ехала до самой Жуковки, конечной остановки. До обеда просидела в районном центре на вокзале, пока не увидела своих односельчан, с которыми и возвратилась домой...

Вспоминая эти эпизоды, я потихоньку шла вперед. И все дальше уходила от синих «Жигулей». Пока не почувствовала знакомую разлитую в воздухе агрессию природы. Подняла голову и в метрах пятнадцати от себя увидела пятерых красавцев: трех взрослых матерых волков и двух волчат-подростков. Они трусил прямо мне навстречу. Положение было не просто щекотливое, а страшное. Все повторялось, как в фильме ужасов. Как когда-то давно, я снова выбросила всю имеющуюся еду на снег и опять повернулась спиной к зверям, прикрыв ее порванным красным зонтом. И снова стала читать всю ту же спасительную молитву. Я шла и просила Бога, чтобы синяя машина подобрала меня раньше, чем сожрут волки, но машины все не было. И вдруг она вынырнула из тумана почти рядом. И тогда я закричала и замахала руками, зная, что волки меня уже не тронут. Услышав мой рассказ вперемешку с рыданиями, один из охотников пошутил: «А может, это собачки были, а не волки? Волки? Так куда же они подевались?» На асфальте, действительно, уже не было ни волков, ни моих продуктов. И только, как когда-то давным-давно, по полю тянулись их свежие следы. Один след вел в сторону автотрассы к скирде соломы. Напротив нее водитель и остановил машину. Я вышла, поблагодарила охотников и пошла к автобусной остановке. А охотники, схватив ружья, побежали к скирде. Раздались выстрелы и крики: «Попался!» Мой страх прошел. Не оборачиваясь, я шла и думала: «Сколько еще таких встреч с серыми мне предстоит?». Как ответ, в голове прозвучали слова, которые могла бы сказать мне старая колдунья, если бы была жива: «Это плата за твой обман, голубка!».

Привередливый волк

Эта история случилась на самом деле. Рассказала мне ее моя бабушка. Произошло она в дни ее молодости, зимой, в крещенские морозы. Прасковья (так звали бабушку) уже была замужней женщиной, матерью шестерых детей, которые, за неимением одежды и обуви, часто болели. Ей шел тридцатый год. Семья жила бедно, как и многие крестьянские семьи в довоенное время. Однажды самые младшие, Ленка и Володька, которые едва научились ходить, заболели ангиной. Кроме трав, других лекарств в доме не было. Попробовала сделать из них отвары. Но отвары двойнятам не помогли. И тогда она решила сбежать за восемь километров к своему брату за медом. У него в соседней деревне была большая пасака, и он никогда не отказывал сестре в помощи. На дворе стоял тридцатиградусный мороз. Кроме старенькой юбки и дырявой кофточки, одежды у нее не было, поэтому Прасковья решила взять с печи побитый молью овчинный полушубок, которым укрывались дети. Часто они «ловили под этой шубой рыбу», и поэтому она имела специфический запах. Около трех часов дня, оставив свое потомство на попечение мужа, она отправилась в путь. До брата нужно было добраться быстро и засветло, ведь зимний день короток, а путь лежал через заснеженные поля и глухие перелески. Дошла она действительно быстро. Ее встретили, как дорогую гостью, напоили и накормили, обо всем расспросили, надавали подарков. Когда засобиралась домой, начало уже смеркаться. Родственники советовали переночевать у них. Но Прасковья волновалась за здоровье детей, и, не слушая уговоров родни, отправилась назад. Полпути прошла благополучно. Чтобы не было страшно, пела любимые песни, ведь до замужества она считалась лучшей певуньей в округе. Но когда спустилась в лощину, выходящую к реке, ей почему-то стало не по себе. В голову полезли невеселые мысли, которые пыталась отгонять чтением молитв. Вдруг услышала за спиной какой-то шорох. Казалось, что кто-то бежал за ней, ломая ветви. Инстинктивно оглянулась. Прямо с пригорка на нее летела стая собак, одна больше и страшней другой. А впереди несся огромный белый пес. Увидев его, Прасковья сразу поняла, что перед нею не собаки, а настоящие матерые волки со своим вожак. Смысла бежать не было. И она приготовилась к неминуемой смерти. Читая про себя молитву, рухнула на снег, поджав ноги и втянув голову в большой воротник. Сейчас вздохнет раз, другой – и все кончено. «Вот и наступил для меня конец света, - подумала Прасковья, - хотя мать говорила, что он будет не раньше 2012 года, а я проживу до 90 лет». Но не доходя до нее нескольких шагов, стая остановилась. Вожак подошел к ней, обошел вокруг странного предмета, принюхался. Запах мочи, исходящий от полушубка, не понравился «лесному разбойнику», и он несколько раз чихнул. Затем приподнял ногу, сделал над полушубком «малую нужду» и побежал к замерзшей реке, направляясь в лес. Что происходит, Прасковья поняла только тогда, когда струйки потекли за воротник. Не выдержав, она поднялась и села на снег, наблюдая, как все волки последовали примеру вожака. Не помня себя, в слезах, приплелась домой. Но плакала не от обиды и страха. Это были слезы радости от того, что Бог избавил ее от неминуемой смерти. Чудесное исцеление она приписывала только действию молитвы и предсказанию своей матери, а не вонючему полушубку и привередливости вожака волчьей стаи. После того случая Прасковья больше ничего и никого не боялась, решив, что двум смертям не бывать, а одной не миновать. Она не только вылечила своих детей, но стала сама лечить людей заговорами и молитвами. Могла остановить кровотечение, заговорить

боль, избавиться от последствий укуса змей. И все это ей удавалось потому, что безоговорочно верила в действие молитвы и результативность своего лечения.

...На этой самой дороге, где она зимой встретила с волчьей стаей, почти в том же самом месте, у Прасковьи произошла еще одна интересная встреча. Случилась она много лет спустя летним днем, когда 70-летняя старушка, возвращалась домой из медпункта. Была жарко. И Прасковья пошла по ложине, направляясь к реке, чтобы напиться. Как вдруг услышала сзади топот копыт. Вначале подумала, что кто-то едет на лошади и, наверное, ее подвезет. Но оглянувшись, увидела, что на нее мчится крупный рогатый лось-самец. Кубарем скатилась под обрыв, прямо в реку, успев на ходу ухватиться за корень какого-то дерева. Лось подбежал, остановился прямо над ее головой и начал бить копытом землю. Не отпуская руку от корня дерева, Прасковья, набрав воздуха, сунула голову под воду. Лось подождал несколько секунд, а затем сам плюхнулся в воду и поплыл на другой берег. Немало других интересных случаев произошло за долгую жизнь моей бабушки. А прожила она на свете, действительно, 90 лет и умерла в 1975 году, так и не дожив до конца света.

Федор и кабаны

На вид Федор был неприметным молодым мужиком. И фамилия у него была тоже самая что ни на есть распространенная – Кузнецов. Жил со своей матерью Василисой на краю деревни в маленькой, но аккуратной, чистой избе. Еще до службы в армии по любви женился на девушке Нине из соседнего района, с которой учился в областном центре на курсах ветеринаров. Родили двух мальчиков – Петьку и Вовку. А потом Федор пошел в армию. Нина после его ухода погрустила маленько, после зачастила в клуб на танцы, нашла себе воздыхателей, с которыми закрутила романы. Своих маленьких детей она бросала на свекровь, которая о происходящем решила молчать до окончания сыном военной службы. Но даже, когда через несколько лет, Федор вернулся домой, Василиса, чтобы не нарушать его семейную жизнь не решилась об этом рассказать. Зато нашлись «доброжелатели» в лице друзей Федора, которые во всех подробностях поведали ему о Нинкиных похождениях. И он стал бить жену. Каждый день. Тихо, методично, когда в доме никого не было. Нинка потихоньку чахла, но молчала, никому не жаловалась. Знала, что бьет за дело. И однажды, когда после очередного битья, она еле доползла до своей комнаты, Федор глядя вслед жене, понял, что она уже не жилец. И больше пальцем ее не тронул. Нинка после этого случая прожила всего три дня и тихо скончалась, оставив сиротами двух своих маленьких сыновей, которые долго еще никак не могли понять, что случилось с мамой, и почему ее больше нет.

Не прошло и полгода, как Федор женился на другой, крепкой и статной вдове солдата Анне. Муж ее погиб на фронте, Анна с дочерью, получив похоронку, еще пять лет его ждали. Хоть Федор по возрасту и не был на войне, а служил в армии уже в мирное время, Анна была о нем хорошего мнения – несмотря на неприметный внешний вид, он был, как говорится, на все руки мастер – любое дело горело у него в руках – хоть дом починить, хоть баню построить, хоть машину или трактор отремонтировать, не говоря уже о лечении животных. Тут ему не было равных, ведь Федор работал в колхозе ветврачом. Если он принимал отел у коровы, то все проходило на высшем уровне: корова и теленок не просто выходили из этой ситуации живыми и здоровыми,

а вообще потом никогда не болели, словно его руки имели чудодейственную силу. Любил он не только домашних, но и диких животных. В том плане, что хорошо знал их повадки и умело охотился за ними, обеспечивая свою семью свежим мясом. Эта страсть его и стубила. Федор очень любил соленое сало и поджарку из свинины. Хотя его семья после войны не держала в доме никакой живности, кроме коровы (детям нужно было молоко), свинина у Кузнецовых не переводилась. Никогда он не приходил с охоты с пустыми руками.

Но, как говорят старики, и на старуху бывает проруха. Однажды побегав по полям за зайцами и не убив ни одного, он спустился на луг к реке. Был уже конец октября. По утрам трещал небольшой морозец, усиливаясь ближе к вечеру... На лугу было тихо и пустынно. Вдруг в ближнем лозняке, как показалось Федору, что-то шевельнулось. Он вскинул ружье и выстрелил наугад. Раздался дикий визг. И через секунду из кустов выскочил кабан – секач. Со скоростью курьерского поезда дикий зверь понесся прямо на Федора. Кругом не было ничего, где можно было бы спрятаться. Только старая ветвистая ива, давно сбросившая свои листья, стояла среди луга. Благо она было почти рядом. Федор, «включив скорость», побежал к иве. Слышно было, как стучат по мерзлой земле копытца животного да сапоги Федора. Охотник почти уже вскочил на иву. Но в ту самую минуту, когда ему только оставалось подтянуть левую ногу (правая была уже на дереве), в нее впились клыки секача. С невероятной силой Федор дернул ногу, и она оказалась на дереве. Чувствуя страшную боль, Федор медленно поднял прилипшую к коже штанину, и понял, что положение серьезное. Рана оказалась глубокая, мышца ноги была рассечена до самой кости и без медицинской помощи было не обойтись. Он расстегнул фуфайку. Сдернул с себя старую фланелевую майку, порвал ее на полоски и начал перевязывать ногу, решив, как ветврач, что тугое бинтование остановит кровь. Занимаясь этим делом, как-то не заметил, куда делся секач. Собираясь спустить ноги вниз, Федор огляделся и заметил, что кабан поначалу колесивший вокруг дерева, давно улегся под ним и тоже зализывает свои раны. Было видно, что уходить он никуда не собирался, думая пересидеть Федора. Тут горе-охотник впервые пожалел, что не взял с собой собаку, которая могла бы отвлечь зверя. А еще пожалел, что не отпрыгнул в сторону, когда кабан бежал сзади него. Тогда бы тот пронесся мимо, а у Федора было бы время, чтобы исправить ситуацию. Федор знал, что дикий кабан не только хитрый и сильный, но и быстрый зверь, который обладает острым обонянием и хорошим слухом. А вот хорошим зрением он не обладает. Федор всмотрелся в лежащего под деревом зверя. У него была крупная удлиненная голова. Крепкие ноги, намного длиннее, чем у домашней свиньи. Причем, передние длиннее задних, от чего он казался немного горбатым. Уши большие, покрытые грубой длинной шерстью. Щетина какого-то серо-бурого оттенка. «Килограммов двести весу-то будет, - подумал Федор. - А возраст, лет пять, не меньше, рост около метра. Не кабан, а просто танк какой-то. В самом соку, зверина», - подумал охотник. Между тем начало смеркаться. Мороз крепчал. Федор сидел и думал, что ночью мороз усилится, и он может замерзнуть на дереве. В то же время он знал, что поздней осенью и зимой, кабан выходит пастись, то есть на жировку, в светлое время суток, а ночью отсиживается в своем гнезде. Значит, можно надеяться, что с наступлением ночи его противник уйдет к себе в укрытие.

...В это время зять Василисы, живший с ее дочерью через несколько домов, зашел к теще, чтобы разжиться свежим мясом после охоты Федора. Но Федора дома не было. Зять встревожился. И решил сам сбегать поискать родственника. Взяв с собой старенькое ружьишко и собаку-лайку по кличке Белка, он пошел на ближайшее поле.

Федора там не оказалось . Спустился на луг. Несколько раз выстрелил в воздух. Лайка загавкала, думая, что где-то поблизости дичь. Федор, услышав выстрелы и лай собаки, понял, что его ищут, и закричал. Секач тоже понял: ему надо немедленно уходить, что он и сделал, тут же растворившись в вечерних сумерках. Опираясь на зятя, Федор кое-как с охами и болезненными криками доковылял до дома, а на другой день пошел в медпункт лечить свою ногу. Нога долго не заживала. Только к лету он полностью оправился от своей болезни. Первым делом решил съездить на рабочем поезде в город, чтобы получить препараты для колхозной ветеринарной аптечки. Получил в ветлечебнице необходимые лекарства, зашел в гости к двоюродному брату, инвалиду войны, который работал в мастерской по ремонту обуви. В обеденный перерыв они пошли в закусочную, хряпнули по стаканчику за встречу и растянулись отдыхать тут же во дворе на траве, под старой грушей. Был солнечный летний день. А когда проснулись, уже наступил вечер. Федор быстро засобирился к последнему поезду. Купив билет, он едва успел на транспорт. Через две остановки уже был на своем полустанке, от которого надо было еще пройти четыре километра до моста. А там до деревни рукой подать.

Федор шел лесом по холодку, что-то мурлыча себе под нос. Когда уже прошел весь лес, впереди, в молодых посадках, что-то промелькнуло. Он не придал этому никакого значения и даже не подумал, что дорогу переходила свинья со своим диким выводком. Никто не знает, как уж так случилось, что один поросенок из ее многочисленного потомства застрял в траве. Именно на него Федор чуть ли не наступил. Споткнувшись о что-то мягкое, полосатое и визжащее, Федор стал на колени и взял его на руки. «Как ты тут , бедняга, без матери оказался? А, впрочем, она должна быть где- то поблизости. Это опасно», - подумал Федор. И как на экране в мозгу встали строки из какого-то охотничьего журнала: «Дикие поросята появляются на свет в середине или в конце весны. К этому времени родители в тайных укрытиях готовят специальные гнезда, где малышам будет уютно и тепло. Такие гнезда можно увидеть в зарослях камыша или в сухих лесных массивах под вывороченными деревьями и пнями. Сверху оно покрыто крышей из веток и сухих листьев, а внутри выложено сухой травой . Обычно на свет появляется от четырех до шести поросят, но бывают пометы до двенадцати детенышей. Первую неделю жизни поросята не выбегают наружу, предпочитая проводить время, лежа в родном гнезде, тесно прижавшись друг к другу. На прогулке, куда их начинает выводить самка через две недели после рождения, поросята, услышав опасность , бегут в разные стороны и прячутся в траву. Выводя свою семью на прогулку, самка похрюкивает, если не чувствует опасности. . .» Федор только хотел подняться с колен, чтобы положить малыша в сумку, как что-то огромное налетело на него сзади , и он от боли потерял сознание. На следующий день мужики из райцентра, приезжающие в деревню поудить на речке рыбки, нашли под сосной растерзанного колхозного ветеринара. Рядом с ним валялась сумка с медикаментами. Злые языки потом говорили, что это Бог наказал Федьку за жестокое отношение к Нинке, собрав все семь пятниц в одну. Но многие сочувствовали. Федька мужик был сметливый, работящий. А главное, очень любил животных. И вот до чего эта любовь довела.

Похоронив мужа, Анна определила подросших пасынков Петьку и Вовку в ремесленное училище учиться на слесарей-инструментальщиков. После окончания училища они уехали на какую-то всесоюзную стройку, там женились, завели семьи и больше никогда уже в деревню не возвращались. Сама же Анна выдала красавицу дочку замуж за военного, присланного со своим взводом на уборку урожая в деревню, и уехала с ними на место службы зятя. Дом их в деревне после смерти бабки Василисы совсем обветшал и врос в землю.

А что касается кабанов, то говорят с того времени их в округе развелось, видимо-невидимо. Грызут деревья в садах местных жителей, портят озимые. Но несмотря на свою многочисленность, на людей не нападают. Скорее, люди на них теперь устраивают облавы, словно пытаясь отплатить за Федькину смерть.

Шурик и Волк

Шурик – это не мальчик, как, возможно, Вы подумали. У него нет отчества и паспорта, хотя он жил в небольшой российской деревне у старой бабки Раи. Шурик – это еще не старый, пятилетний пес черного цвета с подпальными боками и очень строгим характером. Никогда и никого он не пускал в дом к своей хозяйке, как следует не облаив, даже если это были соседи, которые ежедневно ходили сюда за козьим молочком и всегда угощали бабкину собачку чем-нибудь вкусненьким. Особенно он не любил тех, кто в ответ на его лай замахивался палкой. Вот тогда пес неистовствовал во всю мощь своей луженой глотки. А однажды, когда к бабке Рае пришла в гости старая учительница Александра Петровна, которую на бабкинском дворе он тоже видел неоднократно, и замахнулась своей палкой на неугомонного пса, Шурик до того разозлился, что сорвался с цепи и укусил старую женщину за ногу. Нога потом долго болела. Александра Петровна к бабке больше не заходила, боясь, что снова повторится нападение Шурика.

Бабка любила своего строгого сторожа за его звонкий залиvistый лай, который за километр был слышен в округе. Его принесли к ней еще маленьким щеночком, когда ее бывший пес Шарик издох от старости. Она хотела этого щенка тоже назвать Шариком, но старший бабкин внук Саша сказал: «Лучше назови, как меня, интересней будет». Бабка подумала, что как-то неприлично называть собаку Александром или Сашей и вспомнила, что в деревне это имя частенько заменялось другим, более простым и легким – Шурик. «Вот и ладненько, подумала она, - и путаться не придется». Внук – Саша, а пес - Шурик. Пес был очень привязан к хозяйке. Нередко она брала его с собой на луг и в лес, чтобы оберегал ее от неприятных встреч с диким зверем. Она баловала Шурика, как только могла: то вкусных куриных косточек насыплет в его миску, то молочка нальет. И будку ему хорошую соорудила. Вернее, сделала ее не сама, а сосед Тимка за бутылку водки смастерил. Часто под вечер отвязывала собаку и выпускала погулять. Шурик был без ума от доброты своей хозяйки и не желал лучшей жизни. В тот день, бабка, как всегда, отвязав Шурика, сказала: «Ну иди, погуляй, проветришься». Он отошел несколько метров от своей будки и уселся возле крыльца напротив хозяйки. «Что-то ты сегодня какой-то не такой, - сказала Раиса Степановна. - Какой-то невеселый. Может, какую-нибудь гадость съел и отравился?»

Пес ничего не ответил, только грустно вильнул хвостом. Бабка посидела на крыльце еще несколько минут и ушла в хату. А собака, как ни в чем не бывало, стала бегать вокруг дома. Ближе к вечеру из города приехала в гости младшая внучка Лена, которая работала в аптеке фармацевтом и часто привозила бабушке лекарства. Она рассказала бабке, что когда подходила к ее дому, из зарослей сирени возле опустевшей Швабровой хаты выглянула большая серая собака, похожая на крупную овчарку. Лена сразу обратила на нее внимание, потому что у нее дома в городе тоже жила овчарка. Только у деревенской незнакомки, в отличие от ее Рекса, была очень уж крупная лобастая голова, толстая шея, большая грудная клетка, высокие, сильные ноги и поджарый живот. А чуткие уши стояли торчком. Лена, немного разбиравшаяся в собачьих породах, просто струхнула. Она никогда не видела таких крупных и сильных собак. Когда они поравнялась зверь

оскалил зубы и зарычал. «Пошла вон!» - крикнула с перепугу Лена и ускорила шаг. А большая собака нырнула в глубь кустов, и оттуда Лена чувствовала взгляд ее страшных немигающих глаз.

Шурик, радостно встретивший Лену возле дома переехавших в город Швабровых, тоже испугался, поджал хвост и стал прижиматься к ногам девушки. Когда Лена рассказала все это бабушке, та перекрестилась. «Свят, свят, свят! - сказала бабка Рая. - Неужто волк? Знать, запах моих коз почувствовал? Теперь всех перережет». На возражение Лены, что крупная коза не под силу волку, бабушка ответила, что когда работала в колхозе на овчарне видела, как волк зарезал большую овцу и бросив на холку, убежал с нею в лес. Гнавшиеся за ним женщины не смогли его настичь и отбить животное. Так и убежал ворюга. Говорят, что волк даже на лося нападает. И легко с ним справляется, особенно, если лось старый или больной.

Поужинав, бабка с Леной легли спать. Но и часа не поспали, как их разбудило жалобное повизгивание Шурика. Лена отдернула на окне шторку и увидела при свете луны прямо на дороге перед домом бедного маленького пса и уже виденную сегодня крупную поджарую собаку. Шурик, поджав хвост, жалобно повизгивал, словно просил пощады. А большая собака громко рычала, показывая большие зубы. Лена хотела выскочить во двор, чтобы прогнать эту подлую большую собаку, но проснувшаяся бабушка запретила ей это делать. «Послушай, - сказала она, - недавно в районной газете писали, как в одной деревне волк хотел украсть кролика. А хозяева увидели и выскочили во двор. Хозяйка, намеривавшаяся вилами заколоть серого разбойника, была сбита бросившимся под ноги волком, который тут же ее разорвал, а хозяина покусал. Но волчуга-то оказался бешеным. И никто об этом не знал. Через некоторое время хозяин скончался от неизлечимой болезни. Так что не буди лихо, и будет оно тихо». Лена, было заикнулась, что очень жалко: волк может разорвать Шурика. На что бабка ответила: мол, что Бог даст. Шурик умный, может, сам как-нибудь справится. Вон, шмыгнул бы под калитку – и во дворе, в будке. А из будки волк его никак не вытащит. Шурик, словно услышав мысли своей старой хозяйки, метнулся к калитке и уже почти подполз под нее. Но волк с разбегу перепрыгнул низенькую калиточку и плюхнулся прямо на бабкиного сторожа. Шурик завизжал. А волк, словно мешок, перекинул собаку через плечо на шею и затрусил в сторону леса. Лена, видевшая всю эту картину, залилась слезами. «Боже ж ты мой, - сказала со слезами бабушка, - съест теперь серый паразит нашего Шурика. А меня без собаки и подавно заест. Но сначала всех моих коз порежет. Что теперь делать, не знаю. Как отвадить эту тварь от моего двора?» Лена, помолчала, а потом сказала, что знает, как помочь бабушке. Через день она привезла ей из города двух братьев-дворняжек - рыжего и серого цвета - Тузика и Рыжика. Спят они в одной будке. Если кто-то идет, на дорогу тоже выбегают вдвоем. Как говорится, для большей смелости и солидности. Только вот волк с тех пор на бабкином дворе больше не появлялся. Бабкины козы и она сама остались в целости и сохранности. Видимо, испугался, серый разбойник коллективной защиты.

Мария Ивановна и медведь

Бывший художник, а ныне пенсионерка Мария Ивановна Лосева, выйдя на заслуженный отдых, посвятила свободное время грибам и ягодам, которых в родных лесах, к сожалению, с каждым годом становилось все меньше. Но она все же умудрялась заготавливать на зиму огромное количество банок и баночек с компотами, вареньями и соленьями. С этой целью ездила в соседний Каменский район, где леса были девственные, ягод и грибов росло много, да и зверья тоже водилось немало. Говорят, даже бурого медведя там видели, он любил посещать заросли малины. Но Мария Ивановна всем этим рассказням не верила - много лет она ездила в каменские леса одна и никаких зверей не видела, разве что иногда белочку или дятла на дереве замечала. Собирать в лес компанию каждый раз она не хотела, не потому, что боялась, что ягод ей не достанется, а потому, что любила красоту и тишину, в которой ей всегда удавалось набросать красивый пейзаж. Иногда, оставив в сторону ведро с ягодами, она садилась на пенек, доставала из кармана куртки карандаш с большим блокнотом и писала, писала. Но и без ягод никогда не возвращалась. Все успевала сделать за долгий летний день. Иногда заходила так далеко, что пропускала последний поезд и по рельсам более 20 километров пешком топала домой. Но ее это нисколько не удручало. Она считала, что человек должен как можно чаще заниматься трудом и физкультурой – тогда будет себя хорошо чувствовать и дольше проживет.

Так проходил год за годом, ничего не меняя в характере Марьи Ивановны. Однажды в июле она в очередной раз собиралась в лес за малиной. Оделась по-походному, взяла ведро и пошла к первому раннему поезду, который шел в соседний, Каменский район. Муж, собиравшийся на работу, весело сказал: «Смотри, чтоб медведь не задрал, он не любит, когда женщины в его владения заглядывают». Она недовольно махнула рукой: мол, не стращай. Никогда никто не трогал и сейчас, даст Бог, все будет хорошо.

На одиноком полустанке с разваленной кирпичной кассой-будкой с нею сошли несколько ягодников. Они побежали в противоположном направлении, а Мария Ивановна облегченно вздохнув, поплелась по своим любимым местам. Через полчаса она уже была возле огромного малинника. Быстро набрав ведро ягод, присела на пенек и взялась за блокнот. Но ей почему-то в этот день не писалось. Она достала из сумки две баночки: одну, литровую, с квасом, и поллитровку – с медом. Добавив в квас немного меда, выпила почти половину банки. Жара и сбор ягод ее утомили. Она зевнула раз другой и уснула прямо на траве, оставив рядом свои незакрытые банки и блокнот.

И приснился ей сон. Будто идет она по лесу. И возле поваленного дерева вдруг проваливается в глубокую яму. А там, оказывается, медвежья берлога находится. Да такая хорошенькая и уютненькая, что Мария Ивановна просто ахнула от восхищения. Посредине комнаты стоял большой стол и три стула. Мария Ивановна сразу вспомнила сказку про медведя и сообразила, что эти стулья для папы - медведя, мамы - медведицы, и сына - медвежонка. Краем глаза в спальне она увидела три кровати. Возле одной из них стояла сама хозяйка, большая бурая медведица. Она вышла навстречу гостье. И начался у них разговор.

«Ну, здравствуй, милая красавица. Как тебя зва-величать?» - «Мария Ивановна», - ответила гостья, немного удивившись во сне, почему это медведица разговаривает на человеческом языке - «Прекрасно. Значит, ты моя тетка А тезку у нас положено встречать по всем правилам, то есть хорошим угощением». И она поставила на стол пирожки и клюквенный сок. А Марья

Ивановна достала из сумки баночку меда и небольшое ведерко с малиной. У медведицы загорелись глаза. Она довольно заурчала, видя на столе свое любимое лакомство. Марья Ивановна, в свою очередь, с удовольствием набросилась на сок и пирожки. После обеда решили отдохнуть. Медведица легла на кровать своего мужа, а Марью Ивановну положила на свою. И Мария Ивановна, словно провалилась в глубокий и сладкий сон.

Сколько проспала - не помнит. Разбудило ее рычание на другой стороне малинника. Мария Ивановна тряхнула головой, стараясь прогнать сонное состояние. Но рычание повторилось снова и снова, а следом послышалось громкое чавканье. И только тут она поняла, что пришел сам хозяин леса, чтобы пообедать малиной. Не успев обдумать ситуацию, Мария Ивановна вдруг увидела в кустах, почти рядом, крупную медвежью морду. Отъевшийся, с темно-серой косматой шерстью, медведь показался женщине огромными и неповоротливым. Она где-то читала или слышала по радио, что этот национальный русский зверь, несмотря на свою неуклюжесть, очень ловок, он быстро бегают, хорошо плавает, лазает по деревьям и даже по небольшим горам, так что догнать ее ему раз плюнуть. У медведя острые слух и обоняние. Но он близорук и видит только на близком расстоянии, а вдаль видит плоховато, особенно ему тяжело рассматривать неподвижные предметы. Стол хищника интересен и разнообразен. Медведь любит, как растительную, так и животную пищу. Эта мысль сначала испугала Марию Ивановну. Если зверь может напасть на таких животных, как олень или косуля, значит, он может напасть на человека, когда голоден. Она тихонько ойкнула. В ответ на этот звук медвежья морда полностью высунулась из кустов. На ней не было совершенно никаких эмоций: ни злы, ни раздражения. Только темные глаза очень внимательно глядели на человека. И зверь, и человек - оба оказались не робкого десятка. Медведь не испугался, хотя эта встреча для него тоже была сюрпризом. Он не убежал в чащу леса, а медленно, предупреждаяще рыча, стал приближаться к человеку. Марья Ивановна решила не показывать свой страх. Она понимала, что нельзя поворачиваться и бежать. Но надо как-то отпугнуть косолапого. Тогда она душераздирающе закричала и стала бить крышкой об эмалированное ведро. Потом схватила открытую баночку с медом и швырнула прямо в медведя. Затем в него полетело ведро с малиной. «На, жри, паразит!» – еще громче крикнула пенсионерка. Боясь, что медведь сейчас набросится в нее, Марья Ивановна вскочила и, пятясь, задом стала отступать, а потом побежала, куда глаза глядят. Она не слышала за собой ни хруста веток, ни медвежьего рычания, на ходу удивленно думая, почему же медведь не гонится за ней. Обернувшись, заметила, что медведь, наклонившись вниз, водит мордой по траве. И все поняла: собирает разлившийся мед и разбросанные ягоды. В тот день она благополучно добралась домой, заблаговременно прибежав к поезду. Приехав, стала ругать мужа, что напророчил ей сегодняшнюю встречу. Но, несмотря на это, ездить в лес она не перестала. Только теперь в каменские леса не ездит одна, а с кем-либо из своих подруг. Видимо, опыт пошел на пользу.

Судный день Николая Семеновича

Николай Семенович – единственный сын в семье колхозников Евдокии и Семена Параниных рано остался сиротой. Ему не было и года, когда умер 22-летний отец, заживо сгорев в бане. Говорят, что Игнат, сосед и недруг Семена в одном лице, зная, что Семен в этот вечер моется в бане, подпер снаружи дверь толстым колом, облил баню керосином и поджег. Баня находилась поодаль от дома Семена, под горкой, и семья сразу не заметила, что Семену грозит опасность. Заметили, когда пламя уже охватило всю деревянное строение, и огонь поднялся выше крыши. Но было поздно.

Еще до начала Великой Отечественной войны Николай успел окончить школу-восьмилетку и сельское профтехучилище по специальности «Механизатор широкого профиля». К 18 годам он год отработал в колхозе по своей специальности, то есть трактористом. В первые же дни войны его призвали в армию. Воевал 5 лет. Дошел до Берлина. Вернулся домой - вся грудь в орденах, но правая нога - с оторванной ступней. В колхозе воина-героя не решились снова посадить на трактор, а определили на легкую работу. Его направили ночным сторожем на колхозную пасеку, которая находилась в километре от деревни, на дне глубокого глухого оврага, где протекал небольшой холодный ручеек. В маленькой деревянной лачуге сторожа стояла русская печь, стол с керосиновой лампой и деревянные нары – своеобразная кровать для отдыха. В первую ночь 24-летний солдат никак не мог уснуть, испугавшись близкого воя волков. Но потом по совету своей матери стал перед сном съедать ложку меда, и уже больше не мучился бессонницей. Так шли день за днем, год за годом. «Служба» его была спокойная и сытная. Он получал зарплату, ел вволю колхозный мед и мечтал о семейной жизни. Вскоре Иван женился на местной красавице Насте, которая была на 10 лет моложе его. У них один за другим появились четверо детей – два сына и две дочери. Настя оказалась спокойной, домовитой и на редкость дипломатичной женой. Всегда могла посоветовать что-нибудь толковое, или помочь. Со временем они построили новый просторный дом, посадили сад, завели две коровы. Так в делах и заботах летело время. Николай и не заметил, когда ему стукнуло шестьдесят. Дети к этому времени, подросли, закончили техникумы и вузы, завели свои семьи и разлетелись кто куда.

Уже несколько лет Николай и Настя жили одни. Годы и болезни сделали свое дело. Коров им стало держать не под силу, их продали, купив двух дойных козочек. Летом Николай косил для них сено, только в значительно меньшем объеме, чем для двух бывших коров. А еще в хозяйстве оставались куры, гуси, поросенок, чтобы к приезду детей их всегда можно было попотчевать чем-нибудь домашним и вкусненьким. Зимой Николай ловил рыбу. Озеро находилось под горкой, почти рядом с домом, и мало кто из деревенских туда захаживал, считая этот водоем вотчиной Николая. И Николай, действительно распоряжался в нем, как в своем огороде. Он делал во льду проруби и ставил туда сплетенные им самим кубари. Настя, хоть озеро было и рядом, для подстраховки вместе с ним ходила на рыбалку, боясь что муж где-нибудь оступившись на большую ногу, больше, не сможет подняться. Рыбы ловилось много. Крупную Настя потихоньку продавала соседям или возила на продажу в райцентр солидным людям. Больше всего любили рыбу евреи. Заведующий закусочной особенно обожал щук. Ему она возила эту хищную рыбу по 15-20 штук в неделю. Он забирал всю рыбу, успокаивая пугливую Настю: «Да не озирайся ты, не дам я такую красавицу Рыбнадзору, кто ж мне потом рыбку-то возить будет». А врач-невропатолог Зинаида (Зенда) Моисеевна,

кроме шук, еще просила и линьков ей доставлять . Так у Насти постепенно сложилась своя клиентура. После продажи оставалось еще много мелкой и средней рыбы, которую сушили, вялили, солили, и для разнообразия сами использовали в питании.

Однажды, зимой к ним в гости приехал двоюродный брат Насти, которого тоже звали Николаем. Перед отправкой на ночное дежурство ее муж решил сводить свояка и тезку на рыбалку. Они взяли тяжелую железную пику, чтобы долбить проруби (по деревенски пановки), несколько кубарей и три большие корзины для рыбы. Оделись потеплее, в дубленые полушубки, на улице был мороз, а работа предстояла долгая: проверить старые пановки, долбить новые, собрать рыбу, рассортировать ее по размеру и фракциям и принести домой. Спустившись с горки и подходя к лозняку, окружавшему озеро, они вдруг увидели, как идущий с небес мощный поток света осветил все вокруг. (Было еще не поздно, шестой час вечера, но зимой темнеет рано). Бывший солдат Николай Паранин крикнул вдруг: «Ложись! Сейчас бомбить будут!» И оба Николая рухнули возле кустов на снег. Но взрывов не последовало. Зато свет, идущий с неба, вдруг оказался на озере. Шел он от летательного аппарата, похожего на огромную многоэтажную люстру, из которой после посадки и выключения света на корабле один за другим стали выходить люди. Было их человек десять. Все небольшого роста, в красивых серебристо-голубых комбинезонах. Одни стали набирать какими-то ковшиками снег. Другие зачерпывали воду из еще не успевших застыть пановок. Третьи ловили в проруби сачками-подхватками рыбу. Впервые оба Николая переглянулись. Не веря глазам своим, оба взглядом спрашивали друг у друга: что это? И в ответ пожимали плечами. Не прошло и пяти минут, как на огромной люстре опять включился свет, люди быстро попрыгали в летательный аппарат, и он поднялся в небо. Через некоторое время оба Николая тихонько заговорили, о том, что им, наверное, сейчас не нужно спускаться на лед. Но любопытство все-таки взяло верх. Настин муж стал внимательно осматривать следы пришельцев. Они не были похожи на человеческие. Множество круглых, как шар, ямочек. Таковую обувь никто не только в России, да и, наверное, в мире не носит. Друзья проверили пановки. В кубарях, как всегда было много живой рыбы. Но в воде вверх брюхом плавали и мертвые рыбешки. Вернувшись домой, двоюродный брат Насти, клацая зубами, полез на печку, а Николай Паранин, взяв с собой хлеб и бутылку молока, отправился на дежурство. Несмотря на то, что на улице было холодно, он не стал затапливать печурку, а в овчинном полушубке, подпихнув под голову подушку, сразу улегся на нары и уснул. Сколько он проспал, не помнит. Только помнит, как вздрогнул во сне от страшного волчьего воя и проснулся. На столе горел огарок свечи. За ним сидели три человека в серебристо-голубых комбинезонах, точь-в-точь такие же, которых он видел час назад на озере Глубоком. Возле их ног – огромный серый волк, глядел на него и скалил зубы.

- Ну что Николай, так удивленно глядишь, ты же совсем недавно нас видел? - сказал один из пришельцев. - А подойти познакомиться духу не хватило?

Николай чуть не заплакал от обиды и негодования:

- Я старый, больной человек. Что вам от меня надо? На опыты что ли хотите забрать? Так я не пойду.

- Придет время - пойдешь как миленький, никуда не денешься,- сказал второй.
- А пока сиди и думай: идти или не идти, больше тебе ничего не остается.
- Мы будем тебя время от времени навещать, - вступил в разговор третий. - Но ты не пугайся, твой судный день еще не пришел. Ты, наверное, думаешь, когда же он настанет. Скоро, совсем скоро. Когда сухонькая старушка в белом платочке, махнет тебе рукой, показывая, куда идти.. И только ты пойдешь в ту сторону, вот этот волк сразу же набросится на тебя. И тебя не станет.

...Придя с дежурства домой, Николай рассказал о ночном происшествии Насте и ее двоюродному брату. Тот сразу же стал собираться домой, говоря при этом, что он ни на минуту не намерен оставаться там, где творятся такие страхи .

Незаметно прошла зима. Непрошенные гости в серо-голубых комбинезонах еще появлялись пару раз в избушке деревенского сторожа. Но больше они ничего не говорили. Только молчали. Молчал и Николай. Когда наступило очередное лето, Николай решил сходить в лесные овраги, которые назывались Лисьи Ямы, чтобы поставить силки на лис, а заодно и хорошую траву посмотреть для коз. Он шел краем поля, подходя все ближе к Лисьим Ямам. Будучи уже совсем близко от них, Николай услышал лай, а потом душераздирающий крик какого-то дикого животного.

«Наверное лиса попалась», - подумал. Положил косу на траву и начал спускаться вниз. Вдруг прямо лицом к лицу он увидел сухонькую старушку в белом платочке, которая в ответ на его удивленный взгляд сказала:

- Возвращайся назад, там нет ничего интересного. Или приляг, отдохни, а я пойду поищу густую траву для твоих коз, а потом покажу, где она находится.

Николай вылез из оврага, огляделся кругом, а старушки-то и след простыл. Он сел возле ближайшей липки. Зевнул раз-другой. И уснул. Проснулся от холода. И понял, что наступил вечер. Вдруг откуда ни возьмись, перед ним появилась знакомая старушка и показала рукой назад, откуда он пришел, мол, там находится много сена. Именно туда ему надо идти. Николай Паранин покорно поднялся, положил на плечи косу, и в этот момент из-за старушки выскочил огромный волк с открытой зубастой пастью и бросился на него. Иван упал как подкошенный и перед ним опустилась завеса тьмы.

Настя продала его целые сутки, а потом вместе с соседями пошла искать мужа по его «рабочим местам». Возле Лисьих Ям на краю самого оврага наткнулась на его косу. А рядом лежали чисто обглоданные человеческие кости. Он закричал на своем голосе и потерял сознание. Николая Семеновича Паранина, хоронили как героя войны, всей деревней, вместе с его орденами и медалями. Вскоре не вынеся горя, умерла и сама Настя. Сейчас в их доме никто не живет, лишь изредка на каникулы и в отпуск приезжают наследники. А двоюродный брат Насти Николай еще жив. Но он в родные места не приезжает, боясь что может принять ту же участь, что и его тезка - свояк Паранин Николай Семенович.

Зайка серенький, зайка беленький

Алене с детства нравились животные. В ее родительском доме была корова, лошадь, куры, поросята, гуси, индюки, кролики. Последних она любила особенно. В больших клетках они сидели попарно – серый крол с белой крольчихой. Кладя в клетку капустные листья или свежую траву, она ласково гладила их по спинкам приговаривая «Зайка-серенький, зайка-беленький». Выйдя замуж, взяла с собой в дом мужа две клетки с кроликами. Муж ее, тридцатилетний Иван, колхозный тракторист и охотник по совместительству, глядя на причуды жены, которая называла кроликов зайчиками, говорил: «Да это же не зайцы, Леля! И уши у них разные, и шерсть, и форма следов. Да и не живут зайцы в неволе. Они строят свое жилище в кустарниках, в мелколесье. А питаются, не капустой, как домашние кролики, а веточками ягодных кустарников, иногда грибами и корой деревьев, зимой разрывают под снегом озимые всходы, разыскивают на огородах остатки овощей, воруют сено на крестьянских подворьях, обгрызают кору яблонь в садах». На эти слова хрупкая 18-летняя жена в ответ только кротко улыбалась, боясь перечить высокому плечистому мужу. Когда ее бывшие школьные подруги на улице или в магазине говорили ей: «Ишь, тихоня, какого мужика отхватила!», она только качала головой, а на глазах наворачивались слезы». Только самые близкие люди знали ее историю. Увидев как-то после окончания школы у колодца 17-летнюю красавицу, Иван твердо решил, что женится только на ней. У ее сестры, своей одноклассницы Татьяны,

он выведал, что Алена поступила в экономический институт, будет очно учиться на бухгалтера-экономиста и замуж пока что ни за кого не собирается. «Это хорошо, - подумал он, - что у нее нет парня. А что касается учебы, на заочное переведется». Узнав, когда ей исполняется 18 лет, он пришел на другой день к ее родителям свататься. Разговор был долгий и трудный. Алена ни в какую не хотела переводиться на заочное. А ее родители не хотели упускать знатного и красивого жениха, сына председателя колхоза. Первый парень на деревне, которому еще со школы симпатизировала Татьяна, долго не женился, выискивая себе невесту по душе. И когда нашел, решил ни за что не отступить. Под натиском родителей Алена согласилась на эту ненужную ей свадьбу. А после свадьбы совсем замкнулась, редко выходила из дому, ни с кем не общалась, только со своими «зайчиками». Муж пытался развеселить ее красивыми нарядами и украшениями, но в глазах жены вместо радости постоянно видел слезы. Ее свекор, председатель колхоза, говорил сыну: «Да не трогай ты ее. Пусть привыкнет. Все поймет. Надо время, чтобы она тебя полюбила. А назойливостью ты только хуже сделаешь. Отобьешь ее от себя. Еще, не дай Бог в кого-либо влюбится на стороне. Вот когда пойдут дети, тогда увидишь, она изменится».

Через год после свадьбы у них, действительно «пошли дети». Алена родила двойню – Митьку и Нинку. Роды были трудные. И первый месяц после родов Алена не вставала с постели и не могла ходить. Но молодость и здоровье сделали свое дело. Вскоре она поправилась. Иван снова завалил жену подарками. А в ответ в ее глазах опять увидел недоумение и слезы, которые означали, что она его не любит.

Но зато Алена оказалась чистоплотной и экономной хозяйкой. Она все успевала – и на работу на почту сходить, где работала бухгалтером, и по хозяйству все свои дела сделать. Дом их был полная чаша. Дети аккуратные и вежливые. Скотина накормлена и вычищена. Но Ивана это не особенно радовало. За 10 лет прошедших со дня свадьбы, жена не только совсем перестала улыбаться, но почти перестала с ним разговаривать. Даже дети в ее присутствии старались не озорничать, чтобы не огорчать тихую и боязливую мамочку. Только возле клеток с кроликами, где Алена просиживала часами, она преображалась, разговаривая со своими «зайчиками», как с людьми, улыбалась и даже смеялась, наблюдая за животными.

Однажды Иван напрямую спросил ее, почему она себя так странно ведет с ним и с детьми, словно они не люди, а с кроликами общается, как с людьми. Она ответила тихо и грустно: «Я их люблю, они такие беззащитные и беспомощные, совсем, как я». В ту минуту он понял, что она его просто не любит и детей от него тоже. «Но почему? - не мог понять Иван. - Почему? Я ведь не урод, ее не ругаю, не бью, работаю механиком. Стараюсь всегда и во всем угодить. Даже заочно техникум окончил, чтобы быть вровень с ней по образованию. А она почти десять лет глядит на меня как на пустое место. Нет, так не пойдет. Сколько же можно терпеть? Надо что-то делать! Жизнь менять надо. Родителей уже два года как нет. Делать нам теперь в деревне нечего. Надо переезжать в город. Вот даже Ганя-пройдоха, даром что одна живет, дочку в город замуж выдала и квартиру там ей купила. А мы что? Хуже ее, что ли? А все благодаря чему? Самогоночке. Надо и мою Лельку к этому делу подключить. А то интеллигенция, называется. Даже на похороны родителей, не захотела самогонки прогнать. А ведь умеет, шельма, все умеет. Алена на предложение мужа тихо ответила: «Как скажешь. Только ведь меня могут посадить за это! Я же не какая-нибудь бабка-колхозница, а бухгалтер на почте, у всех на виду». «Ишь, разговорилась, - подумал Иван. - Потому что испугалась? Надо бы ее хоть немного в страхе поддержать, авось, язык развяжется». Он успокоил жену, сказав, что

реализовывать этот товар будет сам.

С первых дней Иван понял, что дело пошло. Водка Алены была чистая, как слеза, и одновременно мягкая и крепкая. К тому же в три раза дешевле магазинной. Иван на вопросы мужиков, где он добывает такую знатную самогонку, сначала говорил, что сестра из города привозит. А потом решит не таиться: «Да это моя Аленка так умеет. Золотые руки у бабы. За что ни возьмется, все горит».

Однажды при встрече участковый, живший с Иваном по соседству, как бы исподволь спросил: «А чего это у тебя, товарищ механик, все механизаторы под хмельком ходят? Смотри у меня, друг сердечный...» Но Иван не дал ему договорить: «Так это они чуть-чуть для поднятия духа и работоспособности. И тебе, Палыч, не мешало бы чуток принять на грудь, а то какой-то понурый ты сегодня». Он достал из-за пазухи начатую бутылку самогонки, пустой стакан из кармана и заваливавшуюся конфету и предложил представителю власти. Как коренной местный житель, Иван знал, что Палыч это дело любит. И не просчитался. Человек почти пенсионного возраста, участковый ничего и никого не боялся. Он молча хрюкнул стаканчик, крякнул. И со словами «Ах хороша, стерва» пошел восвояси.

Года полтора водочный бизнес в семье Алешкиных шел очень хорошо. Но то, чего боялась Алена, все-таки случилось. Новый директор школы, несколько раз застав школьного сторожа пьяным на работе, строго спросил его, где берет самогонку. На что сторож простодушно брякнул: «Да у Ваньки-механика, сына бывшего председателя. Вся деревня у него берет. Лучше магазинной водочка. И дешевле намного».

Директор ничего не сказал в ответ. А на следующий день уже был у начальника РОВД с требованием пресечь водочную эпопею в деревне. Все родители его учеников ходят пьяные да и работники школы тоже. А спаивает их не кто иной, как механик Иван Алешкин, колхозное начальство то есть...

А на следующий день под вечер районная милиция с «облавой» нагрянула в дом Алешкиных, который находился рядом с домом участкового. Алена в это время гнала самогонку, а Иван подсчитывал денежки. Он уже побыл в городе, приглядел кирпичный домик для своей семьи и даже дал задаток хозяевам дома. Была назначена и дата оформления сделки по купле-продаже дома. Но милиция все расстроила, нагрянув в дом и застав Алену с поличным. Она ничего не отрицала и ни в чем не оправдывалась, не сказала даже, что инициатива принадлежала ее мужу. Молча собрала узелок, поцеловала детей, погладила своих кроликов, серенького и беленького, и вышла... на целых два года. На мужа она только глянула своими большими серыми глазами, в которых, как всегда, стояли укор и слезы. И промолчала. На эти два года в их дом приглядывать за детьми, переселилась старшая незамужняя сестра Алены – Таня, одноклассница Ивана, внешне похожая на сестру, но совсем противоположного характера. Она была также трудолюбива, как и Алена, только много говорила, шумела и улыбалась. Возвращаясь с работы, Иван, глядя на Таню, ловил себя на мысли, что именно такая жена была ему нужна, веселая, разговорчивая, расторопная и одного с ним возраста. Эти два года, пока Алена сидела в тюрьме, пролетели для Ивана как два дня. Он успел купить дом в городе, с помощью Тани сделал там ремонт и даже пустил на время квартирантов. Для его жены Алены, как ни странно, это тоже было счастливое время. Она встретила в тюрьме свою любовь, первую и последнюю в жизни. Ею стал молодой охранник Алены, 27-летний Петр. Это была любовь с первого взгляда. Едва взглянув на охранника, Алена поняла, что больше не сможет без него жить. Встречи с охранником были для Алены сбывшейся мечтой, настоящим праздником, которого она ждала целых десять лет. И единственным подарком, после которого, как в наказание, начались многочисленные беды. Через год в тюрьме у Алены родился мертвый ребенок.

Ганька–пройдоха, арестованная после Алены на полтора года тоже за самогоноварение и содержащаяся в соседней камере, вышла на свободу раньше своей землячки и познакомила Ивана со всеми тюремными новостями. В том числе, и о любви Алены с охранником ему рассказала. «Тварь! Тварь неблагодарная, - повторял Иван про себя, сжимая кулаки, - ну, погоди, я покажу тебе, где раки зимуют. Мне такая жена не нужна».

...Собираясь домой после двух лет отсидки в областной тюрьме, Алена написала сестре Тане, чтобы кто-нибудь встретил ее на лодке у озера. Была весна, озеро сильно разлилось. Но иного пути не было. С другой стороны протекала река, которая тоже очень сильно разлилась. Она понимала, что, кроме Ивана, встретить ее некому. Хотя с ним встречаться она очень не хотела. С Петром договорилась, что съездит в деревню только дня на два, заберет детей и приедет с ними к нему в его загородный дом, где он после смерти родителей жил совершенно один. Но оказалось, что, уезжая на два дня, она уехала навсегда.

...Два километра, от электрички до озера, шла пешком. У озера на лодке ее ждал Иван. Он молча кивнул в ответ на приветствие, предлагая сесть в лодку. Обреченно она села напротив мужа. Лицо его было застывшим и бледным, как маска, и не предвещало ничего хорошего. Некоторое время ехали молча. Вдруг на небольшом островке среди разлива увидели несколько серых зайчат с зайчихой. «Зайчики. Давай их заберем, а то пропадут», - умоляющим голосом сказала Алена. «Нет уж. Я тебе не дед Мазай. А ты, если хочешь, сама можешь сплавать за ними». Он бросил весла, схватил ее за голову и некоторое время подержал в воде. «Как, нравится?» Она, почти захлебнувшись, прошептала: «Лучше брось меня туда, к зайчикам» Но он опять схватил ее за волосы и окунул лицом в воду. «Я все знаю, стерва! Я все знаю, тварь!» - кричал Иван, окуная Алену в воду снова и снова, пока она не потеряла сознание. Переправившись на другой берег, он привязал лодку к раките, взял на руки бесчувственную Алену и положил в повозку. Привязанная к дереву лошадь громко заржала. Таня выбежав им навстречу, испугалась. Алена едва дышала. «Вот, все хотела прыгнуть с лодки к зайчикам, которых на островке увидела , - объяснил Иван, - а я ее то и дело ловил, чуть сам не утонул». Вечером Алена очнулась , попросила сестру позвать детей и принести клетку с кроликами. «Вот и все, - сказала она, - видно, несчастливая у меня судьба. Простите меня, детки (она поцеловала сына и дочку). Простите меня, мои зайчики, серенький и беленький. А я отправляюсь к другим зайчикам, которые тонут на островке среди разлившегося озера».

Она протянула руку в клетку, погладила кроликов и закрыла глаза. Потом подняла голову достала из карманчика блузки кусочек бумаги, на котором был адрес Петра и попросила Татьяну: «Напиши моему любимому человеку, что я больше никогда не смогу его увидеть. Никогда. Не судьба, как говорится. Расскажи ему все. Пусть меня не ищет. И устроит свою судьбу с какой-нибудь другой женщиной».

...Вечером Алены не стало.

Ирина Богородицкая

Долг

*Замечательным врачам и медсёстрам
РНИНХИ им. проф. А. Л. Поленова*

Если бы УЖАС имел глаза, они были бы именно такими: огромными, круглыми, немигающими, с бездонной чернотой расширенного почти до границ радужной оболочки зрачка. В обрамлении пушистых, умело покрашенных ресниц. В сущности, на лице одни глаза и были. Сверху до самых бровей была надвинута хирургическая шапочка, а всю нижнюю часть лица закрывала стерильная марлевая повязка.

Обладательница этих глаз – студентка мединститута – держала мою покорную руку, а другой дрожавшей рукой в который раз пыталась попасть иглой в мою вену возле локтя. Перед ней стояла трудновыполнимая даже для опытной хирургической медсестры задача – подключить меня к капельнице, которая возвышалась тут же над моей койкой, нетерпеливо позвякивая полными бутылками целебных растворов. Это называется у них в институте – практика в больнице.

Первый раз вонзив мне под кожу иглу, девушка перевела испуганный взгляд на моё лицо, видимо, чтобы убедиться, что я осталась жива. Наши взгляды встретились. Собрал в кулак все оставшиеся силы, чтобы инстинктивно не отдёргнуть руку, я с вымученной улыбкой попыталась её ободрить и успокоить взглядом. Ничего, мол, дерзай – не боги горшки обжигают! Прорвёмся... Я тоже на первой своей практике в ВУЗе, помню, от волнения перепутала катод с анодом и устроила короткое замыкание... Слава Богу – без жертв...

Самая первая её попытка попасть иглой в вену убедила меня в том, что я – её первая жертва со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я стала мысленно готовиться к подвигу. «В конце концов, - уговаривала я себя, - кто-то же должен быть у неё первым больным... Не у неё, так у другого, другой... и почему бы не я? С какой стати мне претендовать на особые привилегии и рассчитывать на нескончаемые милости судьбы? Она и так бесконечно щедра ко мне: я же пережила эту жуткую операцию, неужели ж не наскребу в себе сил выдержать последующее лечение...». По крупичкам, по крохам возвращала я покидающее меня мужество, ибо одной лишь зубной боли панически боялась больше поиска вен слепой иглой шприца.

Очередной неточный укол прервал мою душевную работу. Рука невольно дёрнулась, кровь хлынула на простыню... Игла опять не попала в цель. Здесь, в больнице, мой кругозор значительно расширился, что способствовало частичной ликвидации моей безграмотности в области медицины. Так, я с удивлением узнала, что сосуды ведут себя, как живые существа: они прячутся от боли, уходят внутрь от поверхности кожи. Вены обладают памятью. С каждым днём они прячутся глубже, и их всё труднее находить. А у меня позади уже с десятков поставленных капельниц... Вывод напрашивался сам собой: значит, этой девочке найти иглой мою вену практически не суждено.

Практикантка судорожно выдернула иглу и зажала тампоном очередную рану на руке. Виновато взглянув мне в глаза, опустила ресницы. Усилием воли я вновь попыталась преобразить гримасу боли на своём лице в ободряющую улыбку, одновременно ощущая,

как стремительно иссякает запас моей выносливости.

«Милая, - молча умоляла я взглядом, - ну, зачем ты здесь? Что подвигло тебя на такой страшный выбор профессии? Ну, пошла бы на инъяз, в переводчики, или в экономисты, визажисты, секретарши, да мало ли – куда... В парикмахеры, наконец... Ну что тебе дались мои и без тебя все колотые-переколотые вены? Зачем тебе медицина – такая нервная, тяжёлая, подвижническая работа... И такая страшная ответственность: ведь, иная твоя ошибка может кому-то стоить жизни... Ты обрекаешь себя на жизнь среди боли, крови, страданий – зачем тебе всё это? Одумайся, умоляю тебя, одумайся, пока не поздно, пока у тебя на счету всего лишь одна жертва – я, пока ты не порвала мне все сосуды... Оставь меня, беги отсюда, не оглядываясь, милая, глупая девочка...».

За спиной практикантки, скрестив руки на груди, стояла главная медсестра. С первого же дня я мысленно окрестила её Королевой Иглы. Вот уж кто – настоящий снайпер по сосудам! Высший класс! Ни одна вена не может спрятаться от неё. Слегка погладив руку, прицелившись, она попадает иглой точно в цель, всегда с первого раза. Дни её дежурств – настоящие праздники для всех в палате. Иногда мне даже хотелось подставить вторую руку, чтобы лишний раз восхититься её непревзойдённым мастерством.

А сейчас она стояла неподвижным изваянием позади практикантки и хладнокровно созерцала происходящее... Ни один мускул её лица не дрогнул, не выдал ни волнения, ни тревоги при виде лужи крови на простыне возле моей обречённой руки. Я украдкой попыталась перехватить её взгляд, молча умоляя о пощаде. Увы – она демонстративно не поднимала глаз, невозмутимо следя лишь за пальцами практикантки. Она принимала экзамен.

В палату стремительно вошёл мой Лечащий Врач – весёлый человек, умеющий разговаривать с больными так, что в любом состоянии у них не остаётся ни тени сомнений, что, в итоге, всё будет хорошо, а иначе и быть не может. Плюс к этому, он умеет делать сложнейшие операции. Тому доказательство – все больные нашей палаты, прооперированные им, включая меня – хоть и пригвождённую к больничной койке, но главное – живую... «Пока живу...», - мысленно поправила я себя, опасливо покосившись на практикантку.

Врач мигом оценил ситуацию. Удивительным образом, он всегда появлялся в палате, когда мне было особенно плохо. Вот и сейчас я подумала, что, может быть, ему телепатически передался мой молчаливый, отчаянный сигнал SOS: «Погибаю! Помогите!»...

Я встретила с ним взглядом, вложив в свой всё отчаяние своё и невысказанный вопль о помощи. «Доктор, спасите меня ещё раз! – телепатировал мой мозг. - Скорее избавьте меня от роли подопытного кролика! Обидно же будет, если мою спасённую Вами жизнь так бездарно отнимет, перечеркнув все Ваши усилия, чья-то неумелая, случайная рука... Ведь, опять Вам же придётся зашивать мои порванные вены! Я не вынесу этого! Сжальтесь надо мной – прикажите этой девочке оставить меня в покое!»...

Но, к моему удивлению, Врач, обычно столь чутко реагирующий на все мои боли, жалобы и перепады состояния – человек, у которого я ежедневно черпала силы и надежду, чтобы дожить до следующего дня – на этот раз не проявил ни малейшего беспокойства и тревоги. Лишь шуткой ободрил практикантку, улыбнулся мне и... вышел из палаты!

И в тот же миг в открытую дверь я увидела идущего по коридору Профессора в окружении свиты врачей. Сердце моё радостно забилося: сама судьба сжалилась надо мной и посылает мне главного избавителя от непереносимых мук! Вот КТО сейчас войдёт в палату, сразу увидит мою истерзанную руку и немедленно прекратит дальнейшие опыты

над несчастной.

Профессор – это высшая инстанция. Его все уважают и боятся. Он всё расставит по местам. Его слово здесь – закон. Он увидит мою руку в сплошных кровоподтёках, сердцем почувствует мои страдания и немедленно отправит эту студентку тренироваться на муляжах! Только бы Он взглянул в мою сторону, только бы встретиться с ним взглядом...

«Дорогой Профессор, - мысленно умоляла я, - Вы взяли меня на своё отделение, окрылили надеждой на излечение, отдали в руки самых лучших врачей - неужто затем, чтобы всю их кропотливую, ювелирную работу перечеркнула эта перепуганная, неопытная девочка? Пожалейте, если не меня, так хоть усилия своих коллег...».

Профессор мельком бросил взгляд в сторону нашей палаты и быстро прошёл дальше по коридору, унося с собой мою последнюю надежду на облегчение своей участи. Я слышала, что сегодня Он делал особо сложную операцию. Ему, конечно, не до какой-то примитивной капельницы... Больше уповать было не на кого.

Спокойствие и дружное демонстративное безучастие к моему бедственному положению людей, ответственных за моё здоровье и жизнь, меня озадачило и побудило к самоанализу. Их хладнокровие придало мне мужества и несколько успокоило внутреннюю панику. Я попыталась взглянуть на себя и на происходящее как бы со стороны. Представила себе, как, может быть, когда-то и Лечащий Врач, и наша любимая всеми медсестра-Королева тоже начинали свою практику точно так же – с дрожащими руками... Такими же полными ужаса глазами смотрели они на кого-то, кто был для них первым больным, как я для этой девочки... И сколько же вен надо проколоть, сколько операций надо сделать – возможно, и не всегда удачных – чтобы стать, наконец, Мастером... Вся медицина, наверно, на том и стоит: практика, и только практика.

А моя студентка так и не научится никогда, так и будет рвать от страха вены, если я – такие, как я – будут малодушно отдёргивать руку и выпрашивать для себя милости у сильных мира сего. Как иначе, где она приобретёт опыт, чтобы, со временем, стать Мастером своего дела? Грядущие поколения останутся без помощи... Отечественная медицина сойдёт на нет... Меня, вот, спасли замечательные, опытные врачи, а их там, в их будущем, ни лечить, ни спасать будет некому... А раз так – значит, у страны просто не будет будущего!

«Ну, что – рука, - уговаривала я себя, стараясь не вздрагивать от очередного укола и отвернув лицо к стене, - сколько людей и жизни не жалели ради будущих поколений, а значит, и ради меня - когда страна, родина, наконец, звала их на помощь... Миллионы... Шли добровольцами на фронт... на верную гибель... А когда пришёл мой черёд, мне всего лишь одной руки с пучком сосудов для родины, для её будущего, для славы отечественной медицины жалко... Нет, не покрою я позором свою голову. Никто не услышит от меня ни стоны, ни просьбы о пощаде. Я отдам стране посильный долг».

Мои мысли и чувства были чисты и возвышенны, но им противостоял мощный животный инстинкт самосохранения. Когда, наконец, мне показалось, что его одолели совесть и стыд за своё малодушие, эгоизм и слабость, я вновь повернулась лицом к студентке. Взглянула на свою онемевшую от боли руку. Возле самого локтя была воткнута игла, аккуратно приклеенная пластырем. В стеклянной трубке капельницы мерно сменяли друг друга частые капли, вливающие в вены здоровье и жизнь. За ними заморожено следили сияющие глаза практикантки.

Почувствовав, что я повернула к ней голову, девушка перевела свой лучезарный взгляд на меня, как бы приглашая разделить ее радость: «Вот, видите – капает!». Она

была горда собой – она сдала экзамен. Победила мою вену, свой страх, неуверенность и волнение. Из глаз её исчез ужас. Зрачок сузился до нормальных размеров, освободив всю радужную оболочку. На меня смотрели ясные серо-зелёные глаза в обрамлении красивых густых ресниц. Если бы у ПОБЕДЫ были глаза – они были бы именно такими: восторженными, лучистыми и бесстрашными.

Я ответила ей усталой улыбкой: дескать, ну, я же говорила – прорвёмся... И прикрыла глаза с чувством исполненного долга. Я истекала кровью, но ни один малодушный стон не вырвался из моей груди. Ни одна эгоистическая просьба не осквернила мои уста. Эх, если б еще не мой предательский взгляд, вопиющий о пощаде! Впрочем, на него, к счастью, никто и внимания-то не обратил... А главное – мне, отчего-то, вдруг стало спокойно за будущее отечественной медицины.

Владимир Федоров

Два Поэта

14 лет назад Валентина Сергеева познакомилась с поэтом Евгением Раевским. С тех пор двух прекрасных Поэтов связывает творческая и человеческая дружба.

Поэт Евгений Раевский руководит Российским Межрегиональным союзом писателей Северо-Запада и возрожденной им Академией русской словесности и изящных искусств имени Г.Р.Державина, а по ночам пишет чудесные стихи о любви. Когда все спят, к поэту приходит творческое вдохновение, он парит над миром повседневной суеты. Поэт возносит Любовь на недостижимую высоту.

*Любовь – вершина бытия,
Восторг восторгов, свет Вселенной.
Любовью был изыскан я,
Чтоб свет найти в тебе, бесценной.*

Раевский преклоняется перед любовью.

*О, государыня капризная, Любовь,
Пусть ненадолго смилуйся над нами.
И любящим спасенье уготовь
Под солнечными, нежными мирами.*

Поэт восхищается женщинами. Его стихи обращены к любимой, чей образ отражается в душе поэта.

*Ваши глаза – два Спаса-на-Любви.
О, как вы ослепительны сегодня.
Вы солнечны, как Моцарта клавир,
Как голос мой, родник неугомонный.*

В любви поэт испытывает чувство полета.

*В любовь бросаюсь без опаски,
Как мотылек в огонь костра.*

«Желанная, верни меня в полет», – просит поэт любимую.

*Мне бы крылья – я в небо-море
Полетел молодой чайкою!*

А вот и крылья – губы любимой!

Твои руки как губы, а губы как крылья.

Их скольжение по мне равносильно полету.

Через миг растворюсь я в родных избытках,

Красоты обнаженной вдыхая щедроты.

Любовь во сне и наяву соединяются в воображении поэта. Об этом в стихотворении «Увидимся во сне»:

«Давай с тобой увидимся во сне», –

Твои мне шепчут губы на прощанье,

И я, как откровенье в тишине,

Пишу тебе Любовью обещаю.

Слова мои меж наших тел скользнут

Теплом неповторимо возжеланным,

Мне в прелести часов, в добре минут

Приятно быть восторженным и пленным.

Неведомы мне лучшие слова,

Что с нежностью дарю тебе и плачу.

Кружится от желаний голова!

О, сплю ли я, иль сон свой в ласки прячу?

Пристальное внимание Евгений Раевский уделяет сонету. Поэт говорит о магии сонета: «Я пробовал себя в разных ритмах и размерах. И вдруг понял, что 14 строк сонета – идеально. В них можно сказать все. И в этой форме есть своя мистика. Сонет диктует свои условия – простоту и лаконичность».

Благодарю

Благодарю тебя за счастье быть с тобой,

За чистоту твоих улыбок и объятий,

За честность, за любовь твою и боль

Понять меня средь множества понятий.

Благодарю тебя за слезы торжества

В ответ на слезы святости сердечной,

За то, что ты открыла острова,

Где юною останешься и вечной.

Благодарю тебя за верность доброты,

За красоту твою, за преданность надежде.

Все светится, когда приходишь ты,

Все радуется, что грустным было прежде.

К тебе, к тебе я шел, как к алтарю...

Люблю тебя и вновь благодарю.

Это уже романс в сонетной форме. Романс занимает особое место в творчестве Евгения Раевского. В его романсах вся палитра любовных переживаний, счастье обоюдной любви. Страсть в них сочетается с нежностью.

Поэзия Раевского музыкальна. И это не случайно, ведь Евгений Раевский – музыкант по своей второй профессии. Он играл на ударных инструментах, был

вокалистом, руководил вокально-инструментальными ансамблями. Музыка – гармония любви.

Многие произведения Раевского исполняют известные певцы в сопровождении оркестра.

Поэт влюблен в родной Петербург. Евгений Раевский родился 14 сентября 1947 года на Васильевском острове, с которым связана вся его жизнь. Отношение поэта к родному городу нежное, лирико-романтическое.

*Когда нежнеют отблески заката
На коромыслах арок и мостов,
Я слышу воробьиные стаккато,
Что питерцу понятны и без слов.*

*То музыка милейших из созданий,
Что так неперелетны и верны.
Залетный воробей – дитя изгнаний,
Знак чьей-то бессознательной вины.*

Раевский говорит о себе: «Свой я в доску, незалётный, Петербургский воробей».

А поклонники поэта называют его «Белым ангелом Петербурга», «Последним поэтом Серебряного века», «Золотым эхом Серебряного века».

Беседую с Евгением Раевским о поэтическом творчестве.

– Евгений Павлович, вы, наверное, один из последних поэтов-романтиков, пишущих лирические, одухотворенные стихи о любви?

– Так как я, по старой классической схеме, сейчас уже никто не работает.

– А как же пишут нынче?

– Применяют какие-то элементы новаторства. Или наоборот работают просто, на глагольных рифмах.

– В чем же отличие ваших стихов?

– У меня, в общем-то, обыкновенные слова, которые попадают в необыкновенные сочетания. Я пишу простыми словами, но несколько иносказательно, эпически. Я все умею высказать по-другому.

– Вы видите окружающий мир не так, как все?

– Мировосприятие у меня лирическое. Я – лирик! Несмотря на то, что мне уже за 60, я воспринимаю мир, как юноша. И стараюсь сохранить это откровение, лирическое восприятие мира, лирическое восприятие людей. Это мой устой.

– Может, вы на каком-то примере поясните эту вашу особенность?

– Можно сказать: «Завтра будет утро». Это проза. Или: «Завтра случится утро». Это уже будет поэзия. Есть такие вещи, которые можно вообще выразить в одной строке. «Ты пришла. Это к стихам». Законченное стихотворение! Или: «Ты ушла, как падают листья. И листья падали на твои следы». В общем, поэзия – жанр, в котором можно выразить любые чувства: любовь, дружбу, ненависть...

Поэзия – высшая литературная культура. В поэзии, по моему мнению, есть три направления: любовь, смерть и свобода.

– Вы, в основном, пишете о любви. Сразу ли вы пришли к этой теме?

– Нет, начинал я совсем не как лирик. Писал остросоциальные стихи. Мне хотелось языком поэзии бороться с беспорядками, происходящими в стране. Я был поэтом гражданского, социального звучания. Но потом понял, что это не мое. А ведь

еще известный русский поэт Константин Батюшков говорил: «Пиши, как живешь, и живи, как пишешь».

– Сначала вы кому-то подражали или сразу обрели свой стиль?

– Началось все с детской любви к Пушкину. Потом, когда я прочел Лермонтова, он стал мне нравиться больше, чем Пушкин. И, наконец, третий человек, который меня покорило, свел и сводит с ума, – это Есенин. Сергей Есенин – мой любимый Поэт. Мне очень хотелось быть похожим на него. До сих пор стараюсь не то, чтобы ему подражать, но быть проникнутым духом этого великого русского Поэта. Я просто поражен тем, какое у него глубокое видение мира, какие он находил удивительные образы. Мне, к примеру, близка его фраза: «Человек без поэзии, как природа без цветов». Для меня Сергей Александрович Есенин – великий Учитель! Кстати, на мой взгляд, самый лучший памятник Есенину установлен в Петербурге, в Таврическом саду. Когда я его увидел, у меня родились такие строки:

*Есть памятник в Таврическом саду,
Волибный, откровенный, белоснежный.
Во всей Руси я лучше не найду.
Есенин здесь таинственный и нежный.
Доверчиво-торжественная статья
Тут в мраморе застыла и чарует...*

– Каждый из классиков внес в поэзию что-то новое, свое. А вы?

– Если говорить о каком-то новаторстве, то в моих стихах вы найдете пятистишья, шестистишья, работу с одной нерифмованной строкой. Такие интересные модификации у меня есть. Рифмуются первая и третья строка, а вторая – идет свободно. Это раскрепощает, дает возможность работать в свободной форме, не связывая себя рифмой.

– У вас замечательные, неподражаемые сонеты.

– Да, мои сонеты написаны по-своему. Мне советовали по-своему перевести сонеты Шекспира. Но, зачем я буду это делать, если они уже переведены. У Шекспира свои сонеты, у меня свои. Я даже выдумал некую свою, оригинальную форму: ожерелье сонетов.

– Любопытно, в чем смысл этого ожерелья?

– Я заканчиваю одной строкой и с нее же начинаю следующее стихотворение. При этом я не теряю сюжет. Дело в том, что до меня никто никогда не написал в венке сонетов законченный сюжет. Все заканчивали его на четвертом или пятом сонете. А затем уже «растворяли» сюжет.

– Но ведь читатель ищет не форму произведения, а его содержание.

– Вот именно! Я всегда работаю на содержание, на глубину стиха. Я не искусник, который пытается кого-то покорить, изобретая велосипед. У меня настоящая передача моих эмоций, моих чувств. А самое главное из всех чувств – это, конечно, любовь.

– Что, по-вашему, любовь?

– Любовь – это нравственное движение двух душ, двух умов и двух тел друг к другу. Я, кстати, не признаю «слепой» любви: он, мол, такой нехороший, но я его все равно люблю, потому, что не могу иначе. Такая любовь способствует разрушению человеческой личности. Любовь должна быть в гармонии, когда двое любят друг друга, а не так, что один любит, а другой только позволяет себя любить. Два любящих друг друга человека могут свернуть горы.

Когда я пишу о любви, ничего не придумываю. Если у меня 200 стихотворений о любви, значит, это было 200 случаев, которые произошли именно со

мной. Это были реальные чувства, реальные женщины.

– У вас было 200 любимых женщин?

– Ну почему 200? Разве нельзя 100 стихов посвятить одной женщине? 200 женщин – это уже явный перебор, это уже не любовь, а разврат какой-то! Нет, конечно, 200 раз я не влюблялся, но я люблю быть в этом состоянии. Мне нравится, когда моя любовь взаимна. Считаю, что любовь может придти в любом возрасте: и в юности, и в очень глубокой зрелости. Любовь – это огромное счастье!

– Наверное, только в состоянии влюбленности и можно написать настоящие стихи о любви?

– Безусловно! Причем с любимым человеком совершенно не обязательно быть все время рядом. Он может даже находиться где-то далеко. Главное, он есть, а это значит, что от него идет сильная обратная реакция! Любовь – главный двигатель творчества!

Чтобы написать истинно совершенное стихотворение о любви, поэт должен отдать душу, талант любимому человеку, а затем эти большие чувства, эмоции суметь выразить на бумаге. Иногда такое стихотворение пишется годами. Считаю, что даже великий поэт не может за всю свою жизнь написать более 10 гениальных стихов.

– Сколько вы уже написали совершенных стихов?

– Пока пять. Еще пять надеюсь написать.

– Может быть, вы назовете хотя бы одно такое стихотворение?

– Горжусь тем, что моему перу принадлежат слова к знаменитому романсу «Метель» великого русского композитора Георгия Свиридова. Я написал стихи к этой гениальной мелодии. Я отважился! Как говорят профессионалы, мои слова соответствуют музыке.

Это произведение исполняют 16 вокалистов. И все поют его по-разному. Была даже сделана радиопередача, которая называлась «Концерт одной мелодии». На ней собрались многие вокалисты, исполняющие романс «Метель». Получилось весьма оригинально и красиво.

– Евгений Павлович, как вы относитесь к творчеству коллеги по поэтическому цеху Валентины Сергеевой?

– С восхищением! Сергей Есенин говорил: «Моя биография в моих стихах». То же самое можно с полным основанием сказать и о Валентине Сергеевой. Она – руководитель крупного предприятия, стихи, как и я, пишет по ночам. В стихах Валентины Георгиевны вся ее жизнь: работа, любовь, творчество, чувства, эмоции, переживания...

– Как она пишет?

– Естественно и сокровенно, без выкрутасов и вывертов. То, что хочет сказать, выражает, воплощая это на бумаге. Стихи у нее простые и понятные. У Валентины Георгиевны активная жизненная позиция, знание жизни и сложившаяся собственная философия. Она – энергичный, вдохновенный человек, живущий по чести и совести.

– Валентину Сергееву можно сравнить с кем-нибудь из поэтов современности или прошлого?

– Нет, она абсолютно ни на кого не похожа. У нас есть разные поэты. Есть хорошие поэты. Есть плохие поэты. Есть знаковые поэты. Есть известные поэты. Есть безвестные поэты. А есть Валентина Георгиевна Сергеева. У нее свой стиль, свой почерк.

– В чем же главная особенность ее стиля?

– У нее синтез гражданского, лирического, песенного и музыкального творчества. Если многим поэтам нужно что-то выдумывать, чтобы поразить читателей, она делает это просто и откровенно. И у нее получается тот самый перл, который идет от чистого сердца. Она всему придает акцент романтичности. Порой, находит образы необыкновенной

поэтичности. Везде чувствуется ее присутствие, ее мнение, ее философия. Она не сторонний наблюдатель, а активный участник всех событий, о которых пишет. Обладая мужским аналитическим умом, Валя пишет женственно, нежно. Она грациозная, трогательная женщина, которая не боится быть слабой, расплакаться. И это тоже есть в ее стихах.

– Валентина Георгиевна не любит, когда ее называют «поэтессой». Она – поэт!

– Нет вообще никакой женской и мужской поэзии, как таковой. Есть поэзия и непоэзия. Валентина Сергеева относится к поэзии. Она – настоящий поэт! Явление в поэзии. А еще она «белая ворона».

– В каком смысле?

– В самом лучшем! Она – человек независимый. Валентина Сергеева не была под сенью каких-то писательских кланов, влиятельных людей.

– Но ведь вы же ее крестный отец?

– Я, в свое время, направил Валу в правильное русло, в правильном направлении, и она расцвела. Под крылом нашего Российского межрегионального союза писателей она может творить свободно, так как ей хочется. Что она и делает. Она, в этом плане, – счастливый человек! Это ведь здорово, когда тыходишь в творческую организацию, которая тебя поддерживает. Сам по себе, одинокий волк, никогда ничего не достигнет. Организация – это сила!

– Вы, в качестве генерального директора петербургского отделения издательства «Культура», участвовали в выпуске нескольких книг Валентины Сергеевой.

– В 2002 году я готовил к печати сборник стихов Валентины Сергеевой «Достичь себя». Считаю, что это одна из лучших ее книг. Я тогда многое ей подсказал, написал предисловие к этому сборнику.

– Валентина Георгиевна прислушивается к вашим советам?

– Валя умеет слушать. У нее есть замечательное качество: она умеет услышать невысказанное. Она всегда внимательно выслушает, не вступая в ненужные споры. Когда я говорю ей: «Валя, это надо исправить. Это нетрудно», – она соглашается и исправляет, потому что знает: у меня большой редакторский опыт, чутье на стихи. Даже сейчас, когда Валентина Георгиевна достигла в поэзии таких высот, что может вроде бы уже никого не слушать, она обращается ко мне за советом: «Палыч, послушай. Палыч, скажи свое мнение».

– А чем вам так понравился сборник «Достичь себя»?

– Прежде всего, само название лаконичное и многозначительное. Великий Сервантес сказал: «Золотыми пулями всегда попадают в цель». Главная цель Сергеевой – достичь себя, а это сложнее, чем попасть в какую-то мишень.

В сборнике «Достичь себя» немало мудрых мыслей.

Талант эквивалентен красоте:

То и другое – только обещание.

Чтоб все осуществилось, что в мечте,

Труд должен быть приложен и старание.

Или:

Тоска. Надежда. Жажда чуда.

Неясная угроза.

Все это осени причуды,

Предчувствие мороза.

Вы видите, что я открываю сборник «Достичь себя» на любой странице и сразу попадаю на такие глубокие поэтические образы. Подобных примеров можно привести множество.

– В последние годы Валентина Георгиевна увлеклась написанием песен.

– Это не случайно. Валентина Сергеева – музыкальный поэт. На ее слова написано огромное количество песен. Таких поэтов очень мало. Я, честно говоря, даже не ожидал, что у нее произойдет такой взлет, появится прекрасная телевизионная передача «Валентина Сергеева представляет». Многие песни Валентины Георгиевны мне очень нравятся. Одна из моих самых любимых – «Новый год» в исполнении Михаила Боярского.

*Да неужели правда это,
Тяжелый год уходит прочь.
Мы верим: ждет нас счастье где-то
И до него всего лишь ночь.
В Новый год
Верим в чудо, как в детстве,
Успеваем согреться
В Новый год на целый год.
В Новый год
И хлопушки, и свечи,
И наивные речи.
В это чудо – Новый год.*

*Да неужели правда это?
Растаял шлейф дневных забот.
В огнях гирлянд и в искрах света
Нас ночью встретит Новый год.
В Новый год
Верим в чудо, как в детстве,
Успеваем согреться
В Новый год на целый год.
В Новый год
И хлопушки, и свечи,
И наивные речи.
В это чудо – Новый год.
Да неужели правда это?
Осуществляется мечта,
И от заката до рассвета
Царит над миром доброта.*

Это песня не просто про Новый год, а про доброту. Песня «Новый год» понравилась многим. Вскоре после появления этой песни, на нее сделали клип – маленький фильм, в основе которого именно доброта.

– Какие еще песни Валентины Сергеевой вам нравятся?

– «Пляж на двоих» в исполнении Виктора Кривоноса.

*Усыпляющий шепот волны,
Мелкий, темный, но теплый песок.
Бесконечного неба кусок
За зубцами отвесной стены.*

*Этот маленький пляж,
Этот маленький пляж на двоих.
Окунувшийся в море уступ.
Рук тепло, загоревших, твоих.
Этот маленький пляж,
Этот маленький пляж на двоих,
Рук тепло, загоревших, твоих
Сладкий привкус подсоленных губ.
Этот пляж на двоих.
Наполняет меня благодать.
На земле я? А может, в раю?
И надежда, что я устою,
И желание не устоять.
Этот маленький пляж,
Этот маленький пляж на двоих,
Окунувшийся в море уступ.
Рук тепло, загоревших, твоих.
Этот маленький пляж,
Этот маленький пляж на двоих.
Рук тепло, загоревших, твоих,
Сладкий привкус просоленных губ.
Этот пляж на двоих.
Этот пляж на двоих.
Этот пляж на двоих.*

Конечно, хорошо, когда пляж – на двоих. Вообще – хорошо быть вдвоем с любимым человеком.

Очень нравится мне и «Баллада о бездомном барде» в исполнении Игоря Склера.

*Полыханье костров
Из рубинов фальшивых,
Мех мохнатых ковров,
Хрусталя переливы
Чей-то радуют глаз,
Но не трогают душу,
И живем мы, подчас,
Словно рыба на суше.*

*Пел когда-то давно
Бард бездомный:
«Жизнь – не все, что дано –
Все, что вспомним».*

*Жизнь все крутит кино,
В кадрах лица и даты,
Умирать все равно
Нам придется когда-то.
Кто-то вспомнит – друзей,
Что любил, что любили.
Кто-то – ворох вещей*

В дымке плесенной пыли.

И поет, как давно

Бард бездомный:

«Жизнь – не все, что дано,

Все, что вспомним».

В этих стихах глубокая жизненная философия. Лейтмотив этой песни: «Жизнь не все, что дано, Все что вспомним». Жизнь не то, что прожил, а то, что помнишь. Песня призывает отбросить все ненужное, оставить только главное. Я эту песню долго не понимал.

– Когда же вы поняли философский смысл этой песни?

– 23 ноября 2010 года в «Книжной лавке писателей» на Невском проспекте состоялся творческий вечер Валентины Сергеевой. Зал был переполнен. Я открыл вечер, тепло представив Валентину Георгиевну. Потом она рассказала о себе, прочла свои стихи. Артисты исполнили песни на ее слова. А когда был показан музыкальный клип на песню «Баллада о бездомном барде», я понял, что это гениальное произведение.

– А что вы скажете о патриотических песнях Валентины Сергеевой «Моя Россия», «Мы Петербурга дети»?

– Это высокохудожественные, глубокие произведения, настоящие шедевры, которые будут жить очень долго. «Мы Петербурга дети» я вообще сделал бы гимном нашего любимого города. Слезы наворачиваются на глаза, когда слушаешь эту песню, мороз по коже. Валентина Сергеева заслуженно награждена Пушкинской медалью «За сохранение традиций в русской литературе» и Медалью имени Есенина.

– В песне многое зависит от композитора.

– У песен Валентины Сергеевой хорошие композиторы. Особенно нравится мне музыка Виктора Плешака. Виктор Васильевич чувствует стихи Валентины Сергеевой, их музыкальность и задор. Он находит своеобразные музыкальные сочетания. Нотные сочетания имеют какую-то ограниченность. Это редкость, когда появляется мелодист, который находит какие-то новые интонации. Виктору Плешаку это удастся, потому что он удивительный, истинно петербургский композитор. Виктор Васильевич написал очень много песен на слова Валентины Сергеевой, и некоторые из них – настоящие шлягеры.

– Валентина Сергеева – член правления Российского межрегионального союза писателей Северо-Запада, вице-президент Академии русской словесности и изящных искусств имени Державина. Вы возглавляете эти организации. Как проходит ваша совместная деятельность?

– Мы с ней много раз вместе участвовали в разных городских праздниках, концертах, творческих вечерах, на радио и телевидении. И на Дворцовой площади, и в Петропавловской крепости, и в Доме ученых... Выступает Валентина Георгиевна очень хорошо, прекрасно читает свои стихи. Успех у зрителей придает ей новые творческие силы. У нее великолепная память. Она, в отличие от меня, никогда не берет с собой шпаргалки. Я тоже помню все наизусть, но на всякий случай подстраховываюсь. Валя никогда ничего не забывает и не сбивается. Умело проводит собрания, презентации книг... Бывает я веду первую часть собрания, а Валентина Георгиевна – вторую. Несколько раз она выступала на собраниях нашего Союза писателей, читала свои стихи. Мы с ней – члены Консультативного Совета федеральной службы по вопросам интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Боремся с пиратством!

– Вы так давно знакомы с Валентиной Георгиевной, что, наверное, хорошо знаете

ее человеческие качества.

– Валя – настоящий, красивый Человек. Антон Павлович Чехов говорил: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Она именно такой Человек с большой буквы – красивый, добрый, родной! Я отношусь к Вале трогательно, с любовью. У нас друг от друга секретов нет. Она мой истинный, добрый, нежный друг. Я ее, чисто по-человечески, очень люблю, и желаю ей новых творческих взлетов!

Таша Васильева

Один день из ее жизни (студенческие рассказы)

Утро выдалось ветреным и серым. Выйдя из общаги, она почувствовала пронзительность аэродинамической трубы в действии. Новосибирск, казалось, был построен нарочно для того, что бы ветрам было удобно гулять направо и налево сквозняком, рвать воротники, проползая между пуговиц ледяной змейкой. Декабрьский ветер комкал её чёлку, выбившуюся из-под шапочки, и плевал мелкой моросью в лицо, что вызывало непреодолимое раздражение и тоску. Она вдобавок не выпалась... Допоздна пришлось готовиться к коллоквиуму, читать партитуры Гайдна и заниматься философией. Когда в три часа ночи с ледяными ногами она пришлёпала из репетитория в комнату, Надежда уже спала. Забравшись под одеяло, Татка ощутила что-то-то она не сделала... И сразу же почувствовала дискомфорт: под ложечкой протяжно заныло. «Конечно! Я же опять не обедала... Воды надо хоть попить», - подумала она, но уже впала в сон и не могла заставить себя подняться. Туманность подхватила её и понесла над реальностью. Как приятно вспомнить, собрать по кусочкам сон. Троллейбус сильно трясло, но она прикрыла глаза, пытаясь вспомнить и ещё раз пережить всё, что было там, за гранью реальности. Её руки раскинулись, опираясь на струи ветра, и подняли над бесконечно зелёным полем шелестящих, мягко струящихся нитей изумрудной травы... Полёт кружил голову и радовал свободой сердце...

Татка вошла в вестибюль, где с утра пораньше полный лысый дежурный Степан вновь, показывая свою власть, проверял студенческие билеты. Высокий контрабасист Володя был ему давно знаком, но пускать его без билета он принципиально не желал.

- Да, я пускаю без билета с шести утра. Пока бугры (на его лексиконе - преподы) спят, виртуозы ответственно пальцы ломают. А ты? Выспался, позавтракал, а билет кто носить за тебя будет? Твой ньюфаундленд? С собакой пуцать не велено.

Знал же зануда, что собака добросовестно будет ждать хозяина на улице... Как ни странно, но за Вовку вступился не любивший его декан. Будучи маленького роста, он носил туфли на каблуках, вздёрнув нос, и всегда гордо держал седую голову, пытаясь смотреть на всех свысока. Образ Наполеона в памяти всплывал сам собой. По сообщениям старшекурсников Гилбург не выносил высоких парней (Вовка был ого-го – два с хвостиком!) и обожал маленьких девушек с глубоким декольте. Да, это можно было прочесть по его глазам. Но об этом позже...

Им удалось проскользнуть. Вовка, колыхаясь, как тощий тополь на ветру, рванул налево, а Татка быстро, через ступеньку побежала в аудиторию на третьем этаже. Но напрасно она спешила, Анька ещё курила где-то в нескончаемых закутках консы, обсуждая проблемы кого угодно и чего, но только не своей и не их, на сей момент,

родной зарубежной муз.ист. Шлёпнувшись на последнюю парту, она заметила, что перед ней сидел незнакомый парень с пышной в колечко шевелюрой. С утра не было никого желания активничать и, закрыв глаза, она тихо «кимарила». Вдруг очень высокий, как ей показалось странно-неестественно окрашенный голос прорезал брешь в её сознании. К ней повернулся парень, сидевший впереди.

- Прости, но я уже второй раз обращаюсь к тебе, – пропел он фальцетом. - У тебя нет пилочки? И, видя недоумевающие глаза, уточнил: - Пилочки для ногтей нет?

Надо сказать, что голос её по природе был альтом, а если не выспаться – уезжал к фа малой октавы. Здесь же от неожиданности загудел альтом-фаготом, на одной ноте:

- Что? – и, не удержавшись, съязвила еще более, намеренно, уводя голос вниз: - А помады с пудрой не предложить?

А так как пилочкой она не пользовалась вовсе, почему-то стало стыдно...

Группа захлебнулась смехом и незлобными колкостями. Игорь как-то прилепился к ней с этого дня, и они общались, как подружки, пока он не перевёлся в Москву.

Вошла Аннущка - молодящаяся дама в годах. Но прежде неё влетел запах сладковатых духов. Она носила светлый брючный костюм, курила на лестничной площадке со старшекурсниками, имела третьего мужа-виолончелиста, которого обожала, много говорила, но никогда по предмету, за исключением перечисления списка литературы. Рассуждение о любви было для неё наипервейшей темой. Дымя в окно или выдыхая дым прямо на нас, она делала сногшибательные, совсем не музыковедческие, заявления.

- В музыке есть три великих проститутки: Кармен, Травиата и Манон! Сильно картавя и распевая раскатистую «эр», с восторгом и трепетом сообщала она нам, цитируя наизусть последние слова умирающей Манон: «Вину мою поглотит время, пр-р-еступления мои забудутся. Но любовь моя не умр-р-ет никогда». - Кармен никогда не будет стирать мужу носки! Не воображайте себе, что на неё можно накинуть узду. Кармен – свободная птица, - воскликнула она, рассказывая о своей бурной жизни, и, заламывая папиросу «Беломор», пылко сверкнула глазами из-под очков.

Потом замолчала минут на несколько, и мы молчали, видя, что Анечка вспоминает что-то своё... и не шевелились. Через минут пять она посмотрела на нас удивлённо и ... назначила день зачёта в её квартире, в библиотеке. Не запрещалось пользоваться любыми книгами, но при таком объёме, если не читал ранее, библиотека не спасала. Анна хорошо знала предмет и быстро могла определить степень «отягощённости интеллектом». И нам приходилось перепахивать длинные списки книг по разным темам, включая книги по философии, ведь приближался зачёт у Гилбурга.

Следующей парой как раз была философия. Татке было разрешено посещать предметы свободно в силу некоторых проблем по здоровью. На философии она была раза четыре за полугодие. Уже упоминалось, что декан, млел от маленьких девушек. Надежда - её подруга, невысокая яркая симпатичная брюнетка с некоторыми восточными чертами, поверх чёрной водолазки надела специально белую кружевную кофту с глубоким вырезом, имитируя декольте. Хотя она много читала, но почему-то боялась этого предмета и жаждала получить зачёт «автоматом». Татка не заморачивалась, понимая, что ей это не светит. Но вчера вечером она готовилась основательно, памятуя о своих пропусках. Группы были небольшие, и спрятаться за кого-то не представлялось возможным. И она не ошиблась. Гил вызвал её в конце опроса. Медленно поднявшись, зная нелюбовь препа к высоким, немного безразлично, но без напряжения, просто и естественно для неё начала рассказывать. При этом она со свойственной ей плавностью и грациозностью жестикулировала руками, глядя в сторону и рассказывая всем и никому... В изящности ей нельзя было отказать. Вдруг, Гил остановил её и неожиданно для всех спросил:

- Вы занимались бальными танцами?

Татка оторопела, покраснев, и пролепетала что-то о гимнастике и балете

в детстве, вспомнив истёртые пуантами ноги и радость от танцевальных экспромтов дома для родителей и друзей. Ей нравилось медленно завязывать на ногах розовые ленточки пуант крест накрест, ощущая их гладкую атласность; свободно двигаясь, набело импровизируя, создавать линии движений и образов.

- Это чувствуется. Вы очень грациозно и пластично двигаетесь. Очень приятно смотреть на ваши руки. Спасибо. Садитесь.

Было видно и слышно по интонации его голоса, что эта девушка, с пышными светло-русскими волосами и зелёными глазами цвета малахита с желтоватыми крапинками, зацепила его чем-то неуловимым. Он начал называть кандидатов на «автомат». Когда прозвучала фамилия Татки у всех, да и у неё самой расширились глаза.

- Да, да... Мне понравился ваш ответ сегодня, вы хорошо знаете предмет и неплохо историю. Вы придёте вместо зачёта на короткий опрос.

Он был прав насчёт истории, она любила этот предмет и когда-то была приглашена на исторический факультет, но всё сложилось иначе в её жизни... Но даже себе долгое время она не сознавалась, что по сути она не музыкант, а историк с творческой поэтической душой. Она писала стихи и часто на лекциях делала карандашные зарисовки сокурсников. Вот и сегодня на лекции у Калужского она рисовала Ольгу, долго вырисовывая её пухлые щёчки, а затем очки и взгляд лектора. Предмет... впрочем это совсем неважно.

Вечером они с подругами пошли на концерт странного, если не обозначить жёстче, авангард-джаза. Их привлёк именно джаз, и как музыкантам было интересно познакомиться с его новым направлением, тем более что играть должны были старшекурсники. Казалось, первое отделение тянулось бесконечно. Раздражение по мере исполнения у Татки нарастало, как снежный ком. Ничего более неприятного, хаотично и раздражающего она не слышала никогда. Пианист увлечённо импровизировал, его руки пластично захватывали аккорды, или остро впиваясь в синкопы, рассыпали бисер пассажей. Душа настолько воспротивилась и взбунтовалась, что девушке захотелось любым способом остановить эти руки. Она стала пристально смотреть на длинные пальцы играющего музыканта и представлять, что что-то невидимое мешает им двигаться. Воздушными штрихами она перечёркивала его движения. Произошло невероятное... Пианист занервничал, чуть не сбился и, повернув голову к залу, стал искать кого-то глазами. Она почувствовала его взгляд и остановила хулиганские мысли. В перерыве, свернув в длинный коридор основного здания, быстро побежала в раздевалку под мраморной лестницей. Поднимаясь обратно, она увидела пианиста, который, улыбаясь, с упрёком смотрел на неё.

- Вы зачем мне мешали играть? – спросил он без агрессии. Она пыталась было отпираться, но вскоре призналась, желая понять: как он узнал...

- Мне было просто невыносимо, руки будто одеревенели, я на клавиши не мог попасть. Откровенно, я сам от этой белиберды не в восторге, но надо концерт запланированный отыграть. А вы больше не шалите так, с вашей энергией надо только о хорошем думать...

Из консы она вышла с Надеждой. Было промозгло и снежно. Хотелось есть. В общаге помнилось – пусто. Забрели в кафешку. Всё другое было уже закрыто. Меню выразительно объявило, что денег больше чем на пирожки и чай у них не хватит. Надежда задёргалась. Но Татка с уверенным видом подозвала высокомерного официанта и сделала заказ. Официант ждал.

- Это всё! И поторопитесь, будьте любезны, - отправила его Татка с видом леди, заказавшей устриц в шампанском.

Парень шустро принёс два пирожка с капустой и чай. Через минуту они поняли, что этого мало. Наскребли по карманам мелочи и удовлетворённо отправили официанта с подносом за пирожками ещё раз. С достоинством царственных особ оделись и вышли... А уж здесь расслабились, и под собственный хохот язвительно шутили и в лицах разыгрывали весь день, как по нотам. Зайдя в комнату, ощутили, что спать просто невозможно: пирожки растворились в желудках, и жутко хотелось

есть. Поставили чай и достали из-за окна палку копчёной замёрзшей колбасы. Сидя на столе, они весело пилили её на кусочки и макали в густую сладкую сгущёнку... Хлеба не было. Но ничего вкуснее они не ели. Казалось, этот бесконечный день закончился. Сон окутывал их сладостной пеленой, унося в неведомое завтра.

Вдруг за стеной раздался грохот и сдавленный крик. Вбежавшая через минуту к ним Регина вся дрожала. Она закрыла дверь и, размазывая по своему очаровательному лицу с миндалевидными лисьими глазами тушь и слёзы, бухнулась в кресло. В дверь тарабанил Андрей. Они бросились её успокаивать и расспрашивать.

- Это опять он... - сказала, всхлипывая, гостья.

Между этими двумя - странные отношения тянулись с первого курса. Андрей безумно любил её. Но всё осложнялось нелюбовью Регины. Она сообщила ему, что выходит замуж за другого. Андрей, высоченный детина, терпевший все её выходки, выполнявший все её прихоти, на этот раз просто вышел из себя. Он схватил утюг и запустил им в возлюбленную. Это единственное, что пришло ему в голову в тот момент. От гнева у него закипел разум, как у мавра, сердце взорвалось изнутри ревностью и злостью, разбрызгав по комнате ненависть. Утюг просто попался под руку. Слава Богу, что Регина успела присесть и он, просвистев у неё над головой, пробил стекло и вылетел на улицу, рухнув с высоты седьмого этажа вниз. Снизу раздался визг, но и там всё обошлось без крови. Правда, крыша машины, стоявшей внизу, пострадала изрядно.

Через несколько минут Регина нервно, но победоносно курила, кутая узкие плечики в ажурную шаль, а её Отелло, униженный и посрамленный, стоя на коленях, молил о пощаде и целовал её тонкие вздрагивающие пальчики. О, эта история только разворачивалась, набирая обороты. Наконец часа в два все успокоились и дружно пошли к Регине пить чай с тортом от Андрея. День удался...

Малыш-ангел...

Утро Татка почувствовала по тёплому лучу, который шёлково и нежно щекотал её щеку, проникнув сквозь стекло окна. Просыпаться не хотелось. Все дни были похожи один на другой, а во сне хоть можно было помечтать... К её удивлению, она услышала лёгкий звонкий смех и... открыла глаза. Окно было распахнуто в утренний залитый солнцем сад; ветер нежно перебирал складки на занавеске, играя солнечными лучами. На столе сидел маленький ребёнок. Пухленький со светлыми кудряшками на голове и лёгкой накидкой через плечо он казался эфемерным существом. Малыш мотал беспечно босыми ножками с прозрачно розовыми пяточками и дёргал за нитку, на которой висел фантик от конфеты, завязанный бантиком. Рыжик лежал на спине и нежно трогал его лапкой. Ребёнок спрыгнул со стола и поласкал котёнка, тот в ответ протяжно и довольно замурлыкал. - Какой ты славный, - почему-то грустно заметил Малыш.

Ему было от силы года четыре. Шлёпая по полу, он подошёл к дивану.

- Наконец-то проснулась, - сказал он радостно и, ловко взобравшись, сел в ногах оторопевшей хозяйки.

- Привет. Ты кто? – спросила она.

- Знаешь, а мне у тебя нравится, - помолчав, сказал он в ответ, оглядевшись, - Комната такая светлая. Он снова помолчал... - Можно я у тебя побуду немного? Кстати, ты знаешь, что сегодня день твоего Ангела, - не ожидая ответа и как бы, не замечая вопроса, продолжал ребёнок.

Правда, что-то было в нём серьёзное не детское...

- Не знаю, а что... - не включаясь спит она или нет, ответила Татка.

«Главное понять: где я, что это, и с кем я? Спокойно. Аум-аум-аум»... - успокаивала мысленно она сама себя. «Ты дома, не сбрендил, не спишь – значит, заключила она – просто Глюк посетил. Вот, значит, как это бывает. Вчера была на концерте Хворостовского, не его же божественный баритон так на меня повлиял?»

- Да, мне тоже нравится его глубокий баритон, – неожиданно произнёс малыш. – А ещё я люблю бархатный голос виолончели, осень и закат на море...

- Знаешь, а мы с тобой очень похожи, – забыв о сдержанности, с которой она держалась до этого с незнакомцем, быстро проговорила хозяйка и села.

- Точно, - пролепетал он скоро за ней. – Ты вот что сейчас больше всего хочешь? Чего-нибудь очень преочень? – спросил Малыш.

- Я? – засмеялась она и ответила совершенно просто и естественно, будто она его знала тысячу лет, этого малыша с носом-кнопочкой, посмотрев в его ясные небесной голубизны глаза: - Полетать хочу. Просто, как ласточка, над золотистым полем хлебным, зелёным лугом, а можно над душистым сенокосом, где у горки под берёзами поёт ключ.

Малыш всплеснул руками:

- Вот здорово!

И неожиданно воспарил в воздухе. «Это всё... я больна... Глюк-забавник меня не оставляет». Но, увидев, как малыш легко шелестит прозрачными крылышками, в изумлении обо всём забыла. Он сделал круг по комнате. На его крылышках отчётливо были видны золотистые прожилки.

- Как у стрекозы, только более плотные и округлые, - подумала она. - Здорово... Она опустилась на диван:

- Я так не могу, к сожалению. Я только во сне летаю: в юности - так легко, а теперь

– низко и тяжело. Вобщем - «низенько, низенько», как крокодил, съёрничала она.

- Вот глупости! Ты сможешь непременно. Только надо очень захотеть. Ну... скажем... как новые туфельки в детстве. Закрой глаза, и представь, что ты лёгкое пёрышко. Ты видела когда-нибудь, как планирует жёлтый листик, оторвавшись от ветки, он летит подобно живой самой прелестной бабочке. Красивое зрелище...

Всё это он сказал очень эмоционально, хлопая длинными ресницами и изображая пухлыми ручками листик-бабочку. Кажется, что он неживой, но такой живой и трепетный...

- Да, но я не имею... этих... хрустящих, что за спиной у тебя, - она не могла выговорить слово крылья...

- А, это дело наживное, - рассудительно произнёс Малыш. Так она окрестила его, не найдя другого более подходящего имени. - Ты скинь всё, что мешает.

- Ну, ты шутник, это как? – посмотрев выразительно на свою пижаму, спросила Татка.

- Да нет, не это. Подумай о том, что плохого ты сделала в жизни и отпусти от себя вместе с обидами, так что бы глаза защипало. Я, правда, плакать не умею, как вы, - быстро проговорил он.

«Это бред, но попробую...» - не успела она подумать, как сразу услышала:

- Фома ты неверующая.

«В мае я с раздражением выставила ученика, год назад нагрубила в ответ коллеге... в детстве зачем-то взяла игрушку-козу у соседей. (Как ей хотелось, что бы у неё была такая же!), а иногда эта жизнь так достаёт... как я ругаюсь..., а как-то отцу нагрубила... (Боже, прости, и с тобой спорю, а как понять этот мир, как не в дискуссиях?), яхтам не завидую, а вот как Пименов дождинки на стекле нарисовал – завидно, раздражаюсь, поунывать – это «вообще» хлебом не корми... - крутилось в её голове, заставляя стыдиться.

– Но ты всегда помогаешь всем кого обижают... Помнишь, милиционеры пинали бездомного? А ты пожалела, выговорила, да денег бедняге дала, а он у тебя перчатки спёр. А ещё я знаю, как ты почти два года по телефону незнакомую женщину, брошенную с ребёнком, успокаивала, переживала с ней, пока у неё всё не наладилось. Она ведь больше не звонила? Хотя ты не ангел, - произнёс Малыш.

- Это точно. До ангела мне, как до неба, - прошептала хозяйка.

- А в этом ты не права, руку протянуть... Давай пробуй!

Татка напряглась изо всех сил. Именно там, где всю ночь болело и ныло между лопаток, вдруг что-то лопнуло, треснуло, зашуршало и у неё за спиной развернулись точно такие же крылышки, как у странного гостя, и быстро затрепетали, как бы помимо её воли. Она увидела себя в зеркале и немного испугалась за свой рассудок. Девушка подпрыгнула ещё раз, чуть-чуть, очень тяжело приподнялась над полом и тут же опустилась обратно. «Туда же, черепаха старая...»

- Насмешила... В твои юные двадцать семь только и учиться. Пробуй, пробуй, - лепетал Малыш, буквально порхая возле неё.

Собрав все свои душевные силы и желание, Татка зажмурилась и подпрыгнула ещё раз над полом, зависла... легко, неожиданно для себя воспарила в воздухе. Она сама не поверила этому, но ощутила невообразимую лёгкость в теле и возможность непринуждённо двигаться по воздуху. Ощущение было на грани «поросычьего визга», невероятно, как во сне. Но по сравнению с Малышом она чувствовала себя «неуклюжей и толстой вороной в розовой пижаме» со сломанным вестибулярным аппаратом. «Икарами

тоже не рождаются», - подумала она, подбадривая себя, - и не смущаясь, шагнула из окна в наполненный солнцем сад, оттолкнувшись от подоконника, взмыла вверх за Малышом к лёгким пушистым перистым облакам.

Воздух обтекал вокруг, лаская их тела. Они оказались над бесконечно-зелёным лугом с пятнами белых ромашек и малинового кипрея. Раскинув руки, две странные фигуры (малыш и девушка в пижаме – картина!) парили в небе над полем и блестящей змейкой реки. Татке захотелось нырнуть в росистую траву и искупаться, может первый раз за жизнь, в утренней прохладной траве. Они легли на спину, взявшись за руки; потоки воздуха нежно покачивали их, как перышки. Напоследок она поднялась как можно выше, так что не было видно отдельных цветов. Смеясь над Малышом кувыркающимся в воздухе, Татка радостно планировала вниз. Она, которая боялась смотреть вниз с балкона девятого этажа, отбросила свой страх и наслаждалась свободой полёта и нежностью ветра.

Дома они сели пить чай на веранде. Был отпуск, лето и никуда не надо было спешить. За окном в ветре приятно шумел сад, цвёл щёлковой розовой волной шиповник.

- Малыш, а ты откуда?

- Я? Сверху...

- А как там у вас?

- Светло. Но немного скучно. Там никто не удивляется, не радуется так безумно как вы... там всё совершенно и полупрозрачно, но без эмоций, без полей чувственных. Вы счастливые – л-ю-д-и, вы находитесь в эмоционально-энергетическом поле Физического Мира («О, это у него совсем по-взрослому...») и можете купаться в контрасте чувств. Да, и вы ведь всё должны на земле делать сами... Трудно конечно вам, но как любопытно. У нас проще... Но мне тоже скоро экзамен сдавать...

- А как там? – пыталась продолжить Татка.

- А тебе понравилось? – снова на вопрос вопросом ответил он.

Она не стала говорить ему, что это нехорошо, он ей был очень симпатичен. «Но ещё тот шкет...» - подумала она.

- Знаешь, я была как во сне. Я тебе очень благодарна. Божественно... Просто волшебно, безумно... - (пропела она из мотив из «Обыкновенного чуда»)

- Ой, что это? – вскрикнул малыш, увидев соседскую козу на полянке.

- Да это просто коза, - оглянулась Татка.

- Как это просто, совсем не просто. Какие глаза, и рога! А хвостик – кисточкой. А зачем она вам?

- Ну вот... Любой двоечник на свете знает, что коза даёт молоко. А из него делают сыр, так просто.

- Ну, знаешь, заелись вы тут. Живая коза и ... молоко... Можно погладить? - спросил он.

Когда довольный Малыш покатался на блеющей, рвущейся с привязи, козе и они вернулись, Малыш чинно произнёс.

- Вот видишь всё как славно: я твоё желание исполнил, а ты моё.

- Странно, а ты что появился мои желания исполнять?

- Я ногу наколол, - снова он ушёл от ответа.

- Надо йодом обработать, сказала она.

Малыш засмеялся серебряным своим смехом. Наклонился и подул на ранку. Та быстро затянулась.

- Вот и всё,- заключил он довольный.

- Знаешь, всё равно детям нельзя ходить босыми.

Татка достала маленькие ажурные носочки.

- Ты сама их связала? А я так не умею. Я могу разогнать облака, сделать, что бы появилось солнце, фрукты, построить мысленно дом – просто представив его, перенестись в любое место на Шане... Везёт людям, они могут руками разные разности делать: лепить, рисовать, дом построить, вырастить цветы или даже ракету сделать... или музыку, как ты. Научи меня играть на своей скрипочке.

- Ты ещё для этого маленький, - не подумав ответила Татка.

- Я??? Да я, если хочешь знать по вашим меркам уже древний, хотя и самый младший из ангелов.

- Ну, уж, скажешь... - посмотрела она на него с сомнением.

- Видишь ли, ангелы никогда не стареют.

Учить его было не интересно: он всё быстро схватывал и через час уже играл виртуозно и эмоционально «Каприс» Паганини с наслаждением отрабатывая маркатто. Он играл лучше неё, а она все же как-никак четырнадцать лет «пилила» на скрипке... Ей стало грустно...

- Скажи, Малыш, почему ты сразу не сказал мне, что будешь исполнять мои желания?

- Видишь ли, - среагировал он, - я боялся, что ты как многие начнёшь денег, здоровья просить, или чего лучше «Мерседес», яхту, а мы этого не можем...

- Неужели? А я думала вы всё можете. Мне сейчас хотелось бы иметь авто, и на море с тобой поехать...

Ангел наморщил лоб:

- Закрой глаза. Представь...

Татка почувствовала как тёплый ветер коснулся её кудряшек и запах моря, и песок мокрый и скрипучий... она открыла глаза и в удивлении села на мокрый жёлтый песок, Малыш опустился рядом. Огромное красно-жёлтое солнце спускалось к горизонту перед ними и золотило воду. Волна билась о берег, сверкая и рассыпая его последние крохи... Ладонка Малыша была совсем холодной. Она обняла его, он произнёс:

- Как красиво...

- Ты, наверное, это часто видишь.

- Что ты? Просят разное... Один додумался просить в подарок себе ювелирный магазин...

- А ты?

- Я расстроился, и у меня защипало глаза. На его глаза навернулись слёзы. И ... он исчез!

- Ангел? Где ты? Вернись! – ей никто не ответил.

Что делать? Кругом только берег и море. Она даже не знала, где она. Надвигалась ночь. Почему? Наверное, они переместились далеко на запад. В джунглях позади пронзительно кричали животные и птицы. Вдруг на берег вышла пятнистая кошка. Татке, казалось, что она умирает от страха. Она тихо побежала по берегу, но сразу поняла, что сделала это зря. Хищник грациозно двинулся за ней.

Но что ещё хуже - наперерез ей бежал ещё один леопард. Она встала как вкопанная и пронзительно закричала: Соображай!!!!!! Хищники испугавшись тоже встали. Она бросилась в море и поплыла. Пижаму пришлось скинуть в воде. Голое тело нежно глотала и целовала вода, облизывая её тугие груди, перебирая волосы, скользя тягуче по ягодицам и быстро булькающим ногам. Проплыв довольно далеко она легла на спину,

отдыхая и наблюдая за бесконечно меняющимся небом... Вдруг что-то коснулось её ноги и, поднырнув, подхватило и понёсло над волнами. Дельфин тыкался её мордочкой и, высовываясь из воды, кивал ей и кричал своим высоким голосом. Она погладила его мокрый добрый нос, видя, как он улыбается ей. Затем нырнула и бесстрашно обняла его, прикасаясь к его животу, плавникам, кружась вместе с ним под водой в прозрачно-голубоватой воде легко и свободно, совсем не чувствуя недостатка воздуха. Он то быстро удалялся, то радостно возвращался, вращаясь вокруг неё. Подняв голову, она увидела у горизонта похожий на жужжащего толстого мохнатого шмеля большой жёлтый круг солнца сквозь голубую чистую чуть дрожащую толщу воды. Дельфин быстро двигался вокруг, взмывая вверх, подпрыгивая высоко над водой на фоне яркого светила и вновь, стремительно рассекая воду, возвращался к ней. Счастье охватило всё её существо, и она ещё быстрее закружилась в необыкновенном танце, стремительно двигаясь сквозь голубые чистые воды с новым другом. Да, да... Она уже чувствовала: насколько ей близок и дорог, насколько верен ей этот серо-голубой дельфин, танцующий с ней в глубине. Радость и нежность проникли в её естественно-обнажённое существо. Тело казалось гибким и лёгким, она будто слилась с водной стихией. И что самое интересное, она чувствовала свою естественность и неотделимость от этой стихии, не стесняясь, как обычно своей обнажённости, а чувствуя только бездонность счастья и необыкновенную радость. Когда они вынырнули, она ухватилась за его плавник, а он стремительно понёсся к берегу. Но вдруг закричал и повернулся к ней мордочкой, защёлкал на своём: глаза его смотрели на неё с доверием и глубокой нежностью. Впервые в жизни она почувствовала, что это существо никогда не предаст её...и глубокая любовь к нему загорелась в её сердце. Она нежно гладила его влажную голову. Дельфин скрылся, но, вернувшись, сунул ей в руку камень с дырочкой. «Куриный бог», - подумала она, - на удачу. Вдруг над ней завис Малыш. – Вот ты где. Нам пора. Поднимайся. Она встала на песок, так как они уже были на мели. Лёгкие струйки воды устремились вниз по её загорелому упругому телу, покидая ложбинки, а прозрачные капельки на мягких изгибах её тела лучились солнечными брызгами. – Ты зачем меня бросил, Малыш? – спросила она, махая удаляющемуся дельфину. Я не бросал... Просто, когда я огорчаюсь - я исчезаю. Я не хотел! Зато я исполнил твоё последнее желание, - радостно заключил он. Татка отряхнула капли с золотистых прядей, веснушки на носу засверкали в лучах уходящего солнца, послышался шелест крыльев за спиной...

Дома она грустно сказала: «Ангел, но я не просила тебя о третьем. Хотя эта мечта всегда жила во мне: поплавать с дельфином. Я благодарна тебе за это чудо. Но мне хотелось бы больше всего на свете найти любимого...» Говоря это она одела розовый халат и вышла из ванны, оглянулась, вытирая волосы, но в комнате никого не было... В дверь постучали.

- Как не вовремя, - подумалось ей. За дверью стоял высокий парень, неловко поправляющий свои круглые смешные очки:

- Простите, - сказал он, - я настройщик.

Она молчала.

- Вы вызывали настройщика?- смущаясь, спросил он. Но она только смотрела в его глаза, растерянно теребя камешек, и понимала, что уже сегодня видела где-то такой же глубокий, щедрый, доверчивый серо-голубой взгляд.

Перед тем как ответить, она услышала сзади лёгкий прозрачный удаляющийся смех и шуршание хрустящих крылышек...

Олег Виноградов

О языке древних славян

Знаете ли Вы, что первая письменность появилась у наших далёких предков – славян, а затем она распространилась на другие народы, вычленившиеся из единого ядра. В 1767г. в Индии была найдена санскритская рукопись (санскрит это язык жрецов Древней Индии, которому не менее 3-5 тысяч лет), её тщательно изучили и сделали ряд открытий. Одно из них навело на мысль о родстве славянского языка с латинским, греческим, персидским и санскритом. Благодаря санскриту удалось связать в одно целое все европейские языки современные и классические с древними индоиранскими, понять их развитие и доказать происхождение европейских народов от одной родоначальной семьи, выяснить процесс и примерное время формирования наций (ветвей языков и наречий). Славянский язык и санскрит очень близкие друг другу. Можно думать – древнеиндийский и славяно-литовский языки есть продолжение одного и того же диалекта, лишь разлученного пространством и временем.

Учёными доказана тесная связь русского языка с санскритом. Например, слово “вякать” – бытовое “говорить”, на санскрите “ВЯК” – говорить. Этому в школе не учат, а специалисты знают, что санскрит и русский лингвистически более схожи и близки, чем некоторые родственные славянские языки: “Когда вас разбудить?” – “Када вас будх?”; “Дома были свёкр и дядя” – “Дама бху свакр и дада”. Например, слово “кровь” в санскрите – “кравия”, что значит “сырое мясо”. Из кравия образовалось латинское круро и каро. Как заявил профессор Делийского университета санскритолог Дурга Прасад Шастри: “Русский язык даже более древен, чем санскрит, и является древнейшим диалектом санскрита”.

По А.. Шлейхеру (немецкий языковед 1821–1868 гг.) славянский, литовский и немецкий языки более близки друг другу, чем к прочим языкам индоевропейской группы. Родство между славянским и литовским языками так велико, что принималось лингвистами за одну языковую ветвь. В славянский язык вошло мало иностранных слов. Эти изменения появляются лишь тогда, когда народ соприкасается с более высокой культурой, или когда ему насильственно навязывают стиль жизни другого народа. Славянский язык совершенствовался на собственной корневой основе. П.П.Орешкин в работе “Вавилонский феномен 1984 г.” указывал, что все древнейшие цивилизации белых людей Египта, Крита, Этрусков, Великого Рима, Греции и др. были славянскими цивилизациями. С помощью единого ключа – древнеславянского языка он расшифровал документы древних цивилизаций многотысячелетней давности. По П.П.Орешкину, древнейшие документы написаны посредством различных алфавитных систем, но на одном языке и здесь ключ к их расшифровке. Знаки разные, язык – один.

Новые народы и их языки сами по себе не образуются. Они, разрастаясь, отпочковываются от основного ядра и переселяются на новые земли, постепенно меняя свой жизненный уклад. Ю.Д.Петухов в 1980 г. в книге «Дорогами Богов. Подлинная история русского народа» сделал открытие, что этническо-культурно-языковое ядро праэтноса индоевропейцев состояло из непосредственных прямых предков славяно-русов: “Установлено – праиндоевропейцами, породившими практически все народы и народности Европы и значительной части Азии, были те, кого принято называть славянами (хотя это поздний и далеко не единственный этноним развивающегося

во времени народа; примеры других самоназваний – арии, расены, венеды, русы...). Прародины индоевропейцев-русов, как первичные, так и вторичные, находились в местах их обитания – на Ближнем Востоке, в Малой Азии, на Балканах, в Средиземноморье и по всей Европе”.

Неоценимый вклад в доказательство происхождения от русского языка всех европейских языков внёс замечательный учёный-патриот, защитник отечества, адмирал, госсекретарь, министр просвещения и президент Российской Академии наук А.С.Шишков. «Знаю множество наших слов, которые по искажении их в чужих языках вводим мы изломанными обратно в свой язык, принимая их не за наши. Или извлечённые из общего с нами корня чужезычные ветви предпочитаем своими. Или принимая и вводя в употребления их слова, делаем через то корни свои бесплодными...Новейшие языки не могут служить нам образцами. Они по необходимости должны заимствовать слова свои из других языков; но наш древний язык! не имеет в том нужды. Он может из каждого собственного корня извлекать ветви, сколько ему потребно». В конце своего исследования А.С.Шишков делает вывод: «Во всех наречиях – следы славенского языка. Немецкий язык был некогда славенский.»

А.Н.Драгункин в 2004 г. написал книгу “5 сенсаций”, в которой доказал, что английские слова не просто похожи на русские – они имеют русское происхождение. Он приводит пример – английское слово “Girl” (гёрл – девушка) у себя на родине происхождения не имеет. Зато в древнерусском было слово, которым называли юных особ – ГОРЛица. Костяк согласных тот же, и английское слово короче. При переходе из одного языка в другой слово может только укорачиваться, причём чаще всего пропадает первый слог. Английское REVOLT: RE – приставка, VOL – корень и загадочное T. Откуда оно взялось, западные филологи не могут объяснить. Но если RE – приставка, означающая “повторение”, и англичане её взяли у кого-то, то она могла стать только короче. Значит, изначально она могла быть длиннее. Но в мире есть только одна приставка, которая значит то же самое – это русская ПЕРЕ. Л и Р взаимозаменяемые согласные из одной цепочки. Переписываем слово по-русски – ПЕ-РЕ- ВоР-оТ. REVOLT в переводе означает “переворот, бунт”. Загадочное T, на котором спотыкаются все английские лингвисты, оказывается самым обыкновенным русским суффиксом. Далее А.Н.Драгункин пишет: “Я считаю, что именно древнерусский язык наиболее (из всех индоевропейских языков) близок к общему праязыку; возможно, в своём начале и был тем самым праязыком».

Вмире существуют языки “синтетические” и “аналитические”. “Синтетические” языки имеют очень сложную грамматику – в основном и за счёт того, что их слова подвергаются огромному количеству изменений. В “аналитических” же языках слова практически вообще не изменяются – они представляют собой так называемые “обнажённые корни”, внутри которых уже ничего не происходит. Почти все “аналитические” языки, о которых мы знаем, когда-то были “синтетическими”, но с течением тысячелетий многие из их грамматических факторов отмирали, и языки “синтетические” превращались в языки “аналитические”.

Например, китайский язык (вроде бы, 7000 лет истории) представляет собой картину чисто “аналитического” языка, так как сегодня весь его словарный состав – это сплошные “обнажённые корни”, являющиеся просто слогами, с которыми вообще ничего не происходит – их просто как кубики нужно складывать в предложения – это и есть китайская грамматика...

Английский язык (отпочковавшийся от нас уже на этапе “отсутствия 540 глагольных

форм”) быстро движется к “состоянию сегодняшнего китайского языка”. В английском языке осталось всего 10 изменений, которые можно произвести со словом (и то только снаружи, а не изнутри!) – и его грамматика, фактически, тоже является сплошным “Лего”. Раньше (более 1000 лет назад) в английском всего было навалом – и 3 рода, и 3 числа, и падежи и т.д., и слово нужно было изменять по миллиону разных показателей – то есть в нём (в тот момент) была такая же грамматика, как и в древнерусском.

Русский язык не спешит становиться “аналитическим”, так как он ни от кого не отпочковывался, он столько времени и так упорно сохраняет архаические черты. Это – наилучшее доказательство, что именно русский язык и является “базой”, и тем языком-стержнем, языком-хранителем, языком-стволом, от которого в своё время отпочковывались и семьи, и группы языков.

Приведём примеры “иностранных” слов. Почему по-итальянски СЕРАЛЕ – вечерет, по-немецки ГРУБЕ – шахта? Вряд ли современные итальянцы, англичане и немцы найдут ответ в своих языках. А вот в русском смысл и происхождение этих слов можно выяснить до конца. Пишем их русскими буквами: Се-РА-Ле – “это РА ложится”, т.е. точно вечерет. ГРУБЕ – Гору-Бе – гору бьют, значит – шахту пробивают. Гора – ГО-РА – “выше солнца”. Слог ГО на праязыке означал “высший”, например, ГО-ВО-РИТЬ – “высшее дело РА творить”, ГОСТЬ – “высокостоящий”; отсюда ГОД-ГОТТ – “высший Глава” – “Всевышний”, т.е. Бог. А уж отсюда на немецком и английском образовались ГУТ - ГООТ - ГУТ, ГУД - ГОД, следовательно, Бог был “хороший”, “добрый”.

Посмотрите ради интереса словарь латинских слов, и вы увидите, что они мало чем отличаются от русских. Более того, выяснить их внутренний смысл можно только на русской основе. Славяне по всей планете сохранили грамматический строй и коренной словарный состав своего древнейшего языка, но забыли кто они, откуда пришли, забыли о своём славном прошлом. Эта мысль подтверждается Библией в книге “Бытие” в главах 1, 5, 6, 7 сказано: “На всей земле был один язык и одно наречие. 7. Сойдём же, и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого”.

Никто из учёных не обратил внимания, что здесь сказано о преднамеренной катастрофе. Был разбит и раздроблен на части единый язык. Каждый народ получил по кусочку из общего языка, забыв, как выглядел цельный оригинал.

“Словяни” или “словене” прозывались мы издревле, что значило “люди, владеющие словом”. Наши предки похвальбой не отличались, не называли себя славными. Это Иоанн Грозный впервые приказал первопечатнику Ивану Фёдорову вместо “слов'яни” или “словены” печатать “славяне”, за что беглый князь Андрей Курбский потом и корил грозного царя из своего убежища в Остроге.

У русичей существовало несколько видов письма. Буквица – светорусское письмо межродовых и междержавных договоров (производное от буквицы – письмо Велесовой книги). Глаголица – торговое письмо, использовалось для ведения реестров, подсчётов, записи сделок и торговых договоров. В дальнейшем применялась для записи былин, сказок. Позднее христиане стали записывать глаголицей Псалтыри и Евангелия для привлечения в свою религию богатых людей – русских купцов. Черты и резы – простонародное письмо, использовалось для передачи кратких сообщений при хозяйственных нуждах. (А.В. Трехлебов).

Современная археология даёт полное представление о том, что наши предки ещё в XVI в. до н.э. широко владели фонетической письменностью. У других народов фонетическая письменность не была известна. К грекам она пришла от наших предков спустя 1000 лет, в VII в. до н.э. Ещё со II–VII вв. у скандинавов и греков есть сведения, что славяне

были образованным народом, обладали многими знаниями и имели свою письменность. Славянский народ более других народов сохранил культуру допотопной цивилизации.

Буквы буквенного письма были считаны древними мудрецами из космоса. Исследователь С.Робатень описывает, что изобретатель первой буквы “о” осмысленно изобразил её символом небесного светила, а именно самого Ра. Таким образом, любой письменный знак уже сам по себе несёт большую смысловую нагрузку пусть даже пока и непонятую нами.

Две трети обычной русской и всю греческую священную азбуки можно увидеть прямо в изображении Галактики М83. Рукописная “а” видна в самых ярких её ветвях при минимальной доли воображения.

Таким образом, любая рукописная буква русского алфавита в силу своего внешнего подобия определённым элементам божественного образца не является бессмысленной, вопреки современным филологическим взглядам, а несёт некую информацию читателю. Когда библейский бог говорит о себе, что он есть альфа и омега, то это уже современный развёрнутый текст, в котором мы не усматриваем смысла каждой отдельной буквы.

В изначальном тексте только и были эти две священные буквы альфа и омега, повторяющие своим начертанием характерные особенности видимой структуры Ра, созерцая которые, древний грамотей думал о небесном боге – Творце и его величии. При этом уже чётко понимал, что его бог и создатель – это сияющее на земном небосклоне в созвездии Стрельца, косматое светило, называемое иногда Свастика.

Становится понятной особенная “святость” греческого алфавита. Причина её в том, что греческие буквы своими округлыми штрихами совершенно добросовестно копируют очертания структуры центра Галактики. Кроме того, в греческом алфавите отсутствуют буквы, которые нельзя усмотреть на небесном образце.

Необходимо учесть, что любой алфавит создаётся, изменяется и развивается не сам по себе, а под управлением образованной касты священников. Именно поповский сын становился изгоем, если не знал грамоты, а не чей иной. Князь и боярин, согласно Г.Котошихину, прикладывали к грамотам печати, а грамотные дьяки руку, т.е. расписывались.

В немалой степени письменные знаки являются результатом субъективной деятельной интеллектуальной работы духовных учителей, которые ничего не делали просто без смысла, тем более буквы, которые всегда почитались священными. Скорее корни из трёх букв появились уже в русле учения о троичности божества, став со временем неоспоримой безусловной данностью.

Можно предположить, что типично русские буквы “ж”, “ш”, “щ”, отсутствующие в латыни и греческом, являются символами троичности божества, не имевшими прямой видимой аналогии на светиле Ра. Это философское учение было разработано в России Сергием и не поддержано в Греции (на Афоне) и на Западе в полном объёме. Таким образом, возник повод для объявления латыни и греческой азбуки священными, поскольку они целиком основаны на характерных особенностях структуры центра галактики, а специфические русские буквы католической церковью отвергнуты на основании религиозных расхождений с учением о троичности, хотя соответствующие им звуки присутствуют в европейских языках.

По-видимому, первые записи человека, придумавшего буквы относились к его богу, как он его понимал, служили цели поклонения путём подражания формы букв видимым формам небесного бога. Поскольку буквы алфавитов подражают видимым особенностям структуры галактического центра, можно сделать вывод, что авторы этих букв хорошо

понимали, кто есть в этом мире главный и кому следует поклоняться.

Духовная элита Русского Народа в неведомой древности осознала, что источником материального мира является сияющий центр Галактики, и отразила его знание в каждом штрихе наших родных букв.

Татьяна Карпенко

Миледи

Давно, задолго до прихода большевиков в России к власти, моя прапрабабка уехала из России во Францию. У неё были слабые лёгкие и доктора советовали поменять климат на более мягкий. В Санкт-Петербурге она чувствовала себя всё хуже и хуже.

И она, Мария Савельева, урождённая Коршунова, эмигрировала с мужем и дочерью, моей будущей прабабушкой, на юг Франции, в Альби. Позже они купили дом в предместье городка Ним. В самом же городе они владели трёхэтажным особняком на Ля рю Роз, где родился мой дед. Там они все и жили зимой, покидая его только на лето.

Я французенка уже в третьем колене. Но русские корни всё чаще дают знать о себе. Любовь к просторам, бесшабашность, излишняя сентиментальность. Всё это почти не присуще Западу. Они более практичны, более закрыты, что ли. Сколько раз, когда я была подростком, слышала в свой адрес примерно такие слова: «Что вы хотите, Анна же русская!», хоть и фамилия у меня, ну абсолютно, французская - Де Люш, все об этом начисто забывали. Я не обижалась. Мне даже нравилось это. Казалось, быть русской, значит быть не такой как все, быть о с о б е н н о й. Я гордилась.

Родители мои, вполне городские жители, представить себе не могли, что их дочь полюбит деревенскую жизнь и уединение. Вначале моё решение их сильно огорчило.

Но потом отец принял его как неизбежность. Он купил виллу в предместье Монпельё, подарив её мне на День Ангела.

С годами жизнь в поместье мне нравилась всё больше, и менять её на городскую я не собиралась, тем более, что только здесь я по настоящему обрела покой. Я стала свободна и душой и телом. Дело в том, дорогой читатель, что я окончательно рассталась со своим законным и деспотичным мужем в этом году. И свой нынешний День рождения, а мне исполняется тридцать пять лет, собираюсь отмечать в кругу самых близких и дорогих моему сердцу друзей.

По началу, лишь только увидев здешнюю природу, напоенную ароматами всевозможных трав, разбросанные по полю аметистовые астры, синие, словно сапфиры, ирисы и красные цветы, похожие на маленькие пеоны, я немедленно захотела сюда переехать. Жизнь здесь казалась нескончаемой сказкой, другой я не желала.

Но сегодня должно было исполниться моё ещё одно заветное желание. С того памятного дня прошло немало лет, и мне не терпелось сделать самой себе главный подарок.

Меня охватывала эйфория всё сильнее, и справиться с нею уже не было сил.

Дело в том, что я решилась на крупную покупку. Я задумала купить лошадь. О ней я грезила, казалось, целую вечность. Для меня она слишком много значила.

Во-первых, мне с каждым годом становились всё дороже и дороже мои воспоминания о детстве, когда я была юна, счастлива и жизнь, казалось, будет длиться вечно. Во-вторых, дорогие воспоминания о покинувшем этот мир моём отце.

Именно воспоминания о нём, о той давней, совместной прогулке толкнули меня на

этот шаг.

Я хотела исполнить свою самую заветную мечту. Мечту детства, высказанную когда-то вслух. А началось всё очень просто.

С самого утра сияло солнышко. Было так тепло, что, казалось, сама природа звала насладиться её гостеприимством. Отец предложил поехать в небольшой местный парк с разнообразными развлечениями для детей, и где в тенистых аллеях легко укрыться от палящего солнца, рассыпавшего свои знойные лучи по всему предместью.

Мы бродили по парку, наслаждаясь терпким запахом изумрудной листвы, как вдруг увидели, изумившую меня, картину.

Из глубины парка, девочки – наездницы вели под уздцы лошадей. Желаящие прокатиться верхом, стояли в тени каштановых деревьев, ожидая, когда же лошади отдохнут и снова начнут катать ребятишек на своих коралловых спинах.

Чуть позже мы с отцом наблюдали, как терпеливо лошадки исполняют свои обязанности. Я просто влюбилась в этих добрейших животных. Мне подумалось, что ничего лучше и быть не может, представив, как скачу во весь опор на коне в костюме амазонки. Высокие ботфорты украшены маленькими шпорами, поблескивающими на солнце. Конь несётся, будто ветер по полю, а я слегка придерживая шляпу амазонки, крепко держу поводья одной рукой, управляя его бегом. Чуть позже, я даю ему возможность свободно пастись на лугу, где есть сочная трава, а сама устраиваюсь чуть поодаль. Любуясь пейзажем, представшим перед моим взором, делаю зарисовки грифелем в блокноте для рисования.

Эти фантазии овладели мною почти полностью поэтому, когда отец окликнул меня, я не сразу отозвалась. Отец предложил мне прокатиться на любой лошадке, какая мне больше всего понравится.

Одна из них вышагивала по дорожке, гордо неся свою гривастую голову, помахивая хорошо расчёсанным, блестящим длинным хвостом. Мы с отцом невольно остановились, залюбовавшись её естественной грацией. Вот тогда, кажется, я и сказала, что когда вырасту, то непременно куплю себе такую же, а может даже ещё лучше.

Время шло. Нет, бежало. Я училась и не вспоминала о той прогулке и словах, вырвавшихся невольно из моих уст. Окончила институт Международных Отношений.

Затем работала за границей. Обычная жизнь. Обычная история.

Но я всегда хотела иметь собственную лошадь. Лошадь стоила очень дорого, примерно, как загородная вилла «под ключ». Но это меня не останавливало.

Сегодня же с самого утра поеду и выберу себе самую лучшую кобылу, и уже вечером она будет стоять в моей конюшне!

Раньше я часто ездила на конный завод, присмотреться. Выбор здесь богат, на любой вкус, поэтому сразу решиться на покупку было сложно.

Заводчики представляли покупателям самых лучших скакунов со всего южного побережья. Их тонкие ноги в «белых носочках» нервно подрагивали, будто хотели сказать: «ну же быстрее решайтесь, мы застоялись в конюшнях, мы хотим мчаться во весь опор».

Их гривы, расчёсанные и уложенные специальным гребнем, отливали то серебром, то медью, пламеня на солнце, спины же лоснились от щёток и шампуней, которыми натирали их до особого блеска.

И это великолепие породы, цвета, чистоты и грации было предъявлено зрителям так легко и просто, что создавалось впечатление некой тонкой игры понятной всем. И

взрослые люди, солидные, обременённые своими проблемами, семьями, детьми и ещё бог знает чем, играли в неё, словно сами были детьми.

Играли, забыв обо всём на свете. Они и сами сейчас абсолютно походили на детей.

В этой атмосфере взаимного доверия и непринуждённости я чувствовала себя настолько хорошо, что не хотелось её прерывать. Я действительно наслаждалась ею. Но всему когда-нибудь наступает конец. Так и с выбором лошадки было полностью покончено. Я и не заметила, как пролетели эти три недели.

Настал день, когда мой выбор был сделан в пользу Миледи. Да, да! Именно так звали мою избранницу. Видимо, хозяин или жокей, а может даже сам конюх любил известный роман Дюма, или сама Миледи была такова, что своим нравом напомнила кому-то ту самую мадам Винтер.

Была выбрана порода, масть, учли также и характер лошади. Какое хлопотное это дело, скажу я вам. Необходима взаимная симпатия, кроме того, важен психологический момент.

Честное слово, с выбором мужа я так сильно не мучилась, как с выбором лошади. Когда же меня всё устроило, то пришлось часто навещать свою избранницу.

Прошёл всего месяц, а я на конюшне была уже завсегдатаем. Меня узнавали уборщики и жокеи, тренеры и продавцы, но только не она. Я помогала им ухаживать за своей королевой: чистила стойло, кормила, поила, разговаривала с ней, уговаривала её.

И пришёл день, когда мы подружились. Миледи была на редкость умной и озорной. Она узнавала мой голос, даже если не видела меня, а только слышала, приветствуя своим громким ржанием мой приход. Мы с нею привязались друг к другу. Теперь, каждый день после работы я спешила к своей Миледи. А, когда наступало время прощаться, она грустно смотрела мне в глаза, ища в них ответ на свой немой вопрос: «придёшь завтра»?

И всю обратную дорогу я вспоминала её умный, проникающий прямо в душу, взгляд. Тонкие, изящные ноги в белых коротких носочках. Её пушистый пепельный хвост, красиво уложенный конюхом. Сама Миледи была пегая, с тёмно-серыми сполохами по бокам. Такого же цвета была и её грива. Чуть заслышав мои шаги или голос, она всегда приветствовала меня своим радостным возгласом. Настал день, когда взаимное долготерпение должно было бы быть вознаграждено. Но она вдруг загрустила. Её проникновенный взгляд потух. Я не понимала в чём дело. Конюх же, который ухаживал за нею, сказал, что эту лошадь старается перекупить очень богатый джентльмен. Он почти договорился с директором конюшни, пообещав за неё гораздо больше, чем она стоит.

- Как же так? Ведь я первая сделала заявку именно на эту лошадку.

Конюх лишь пожал плечами и вышел из загона. Я же помчалась в контору. Директор ничего вразумительного мне не сказал, да и что он мог поделать, если возник покупатель более выгодный, чем я. Да и сам хозяин конюшни не хотел пропустить выгодную сделку.

Мне с большим трудом удалось выяснить имя конкурента. Пришлось заплатить кое-кому. Мой адвокат связался с ним по телефону. И выяснил, что Месье Жерар дю Кокто хочет подарить её, мою любезную Миледи, на День ангела своей дочери. Почти «де жа вю». Как я расстроилась, понятно, хоть и чувства этого господина понять тоже не трудно. Но что же делать? Как убедить его отказаться от своей затеи, согласившись на другую лошадь? Ведь их так много здесь, в этом хозяйстве, и все они такие замечательные. Я

проплакала всю ночь. После работы я опять появилась на конюшне. Но привычного радостного голоса Миледи не услышала. Подбежав к знакомому загону, я не увидела там мою крошку. Я была в отчаянье. Бросилась к конюху, и он рассказал, что ещё вечером, как только я уехала домой, Миледи загрустила и отказалась от еды. Пришлось вызывать ветеринара. Но он ничего понять не мог. Твердил, что лошадь абсолютно здорова. Сегодня она голодала целый день и к вечеру так ослабла, что не смогла выйти на прогулку. И теперь её поместили в бокс, который находится в другом конце здания, под зоркое наблюдение ветеринара. Ей сделали промывание желудка, так, на всякий случай, вдруг она серьёзно больна. Я догадывалась, что произошло с моей девочкой. Конечно же, это не инфекция. Это нервный стресс. Оказывается, у животных он тоже бывает. Ведь и они всё чувствуют и понимают. Только сказать не могут.

О! если бы они могли говорить! Как много мы бы узнали о них!

Прибежав туда, где содержали Миледи, я наткнулась на потухший взгляд своей маленькой подружки. Она похудела. Выглядела хоть и спокойно, но в глазах её читалась такая мука, такое страдание, что я чуть не разрыдалась. Я подошла ближе. Обняла за шею. Прижалась к её тёплому боку и заплакала.

И вдруг ощутила на своей щеке тёплое дыхание. Миледи! Моя дорогая Миледи уткнулась в моё лицо своим тёплым, влажным носом. Глаза у неё были добрые, добрые. Они блестели то ли от непролитых слёз, то ли от температуры, не спадающей целый день. Я прижалась к ней, ещё крепче обняв, и сказала прямо ей в ухо, поглаживая серебристую, а сегодня слегка поблекшую гриву:

- Я тебя никому и никогда не отдам! Слышишь? Никогда и никому!

Но тут появился Месьё дю Кокто. Он недовольно взглянул на меня и, как ни в чём не бывало, обратился к ветеринару:

- Что с этой кобылой? Чем она тут у вас заразилась? Запомните! Мне нужна здоровая лошадь, а не хворающая кобылица.

На что ветеринар ему вежливо сказал, что это редкое заболевание. Обычно лошади не болеют такой болезнью. Но мы делаем всё возможное и невозможное, чтоб её поставить на ноги, месьё.

Месьё важно удалился. Я была благодарна лошадиному доктору за такой ответ господину. Теперь он решит, что лошадь и вправду серьёзно больна и не станет её покупать.

Так всё и случилось.

Господин очень торопился с подарком к тому же, ограничен временем. Выбор здесь на любой, самый взыскательный, вкус. Поэтому ему быстро подобрали другую лошадь. Не хватало ещё купить большую лошадь на день ангела своей любимой дочурке.

Вопрос с Миледи был решён в мою пользу, и как только мне сообщили об этом, я помчалась к моей любимице и первая сообщила ей об этом. Необходимо было продолжить оформление документов на покупку. И опять на это не хватило дня.

Наконец всё сделано, справки получены, завтра моя дорогая Миледи переедет на новое место жительства, в мою усадьбу.

И вот, лежа в постели, в своём доме, я радуюсь, словно ребёнок. И это ощущение знакомости происходящего меня уже не отпустит. Отныне я буду всегда чувствовать незримое присутствие моего дорогого отца.

Конюшня готова. Конюх принят на работу. Его заботой станет только она - моя Миледи. Я не хотела, чтобы моя лошадка застаивалась, и наняла для неё хорошего конюха-тренера. Он позаботится, о том, чтобы наша девочка не скучала в моё отсутствие,

и, чтобы всё было так, к чему она привыкла.

Встав и умывшись, я позавтракала, теперь нужно быстро собраться в дорогу.

Мой водитель был опытным, но и он заметно волновался. Ведь ночью прошёл сильный дождь. Дорога была скользкой и выглядела, словно мокрый, блестящий от пота, заскорузлый, старый носок. Поэтому он старательно выбирал путь, чтобы можно было проехать без приключений.

Оказавшись на месте, я не пошла в конюшню, а отправилась в контору. Нужно было заполнить кое-какие «выездные» бумаги. Там я провела около часа. Со мной переговорил ветеринар, отдав карту прививок. Сказал, когда нужно сделать остальные прививки, ведь лошадь ещё совсем молодая. Со мной говорил диетолог. Нужно было правильно её кормить, а главное- вовремя. Следить, чтобы она получала все витамины, необходимые её молодому организму. Оформив все документы и выпорхнув из рук конторщиков, ветеринаров и прочих консультантов, заботящихся о здоровье лошадки, поставив свою подпись везде, где только можно, я отправилась в конюшню.

Сделка была благополучно завершена и лошадь стали готовить к погрузке. Конюх следил за погрузкой зорко. Коня завели в специальный вагончик. Хорошо привязали, поставив вагончик на платформу небольшого поезда. Миледи волновалась, но сносила все эти манипуляции стойко. Видно понимала, что без этого не обойтись.

Я же старалась говорить громко, чтобы она слышала и знала: я тут, рядом с ней.

«Тебе понравится у нас дома, потерпи ещё немного. Мы скоро будем на месте» - говорила я ей. - «Там такие поля, такой воздух. Ты останешься довольна».

Так я успокаивала её, уговаривая, и своим голосом и тоном, вселяя уверенность и спокойствие. Наш поезд наконец-то тронулся в путь. Мы на машине ехали почти рядом. Прошло достаточно времени, когда мы достигли цели. Солнце клонилось к закату, освещая небо малиновыми лучами.

- К хорошей погоде!- подумала я.

Кипарисовая роща у горизонта казалась совершенно чёрной. Закат лениво оттенял небо. Земля словно пропала из поля зрения. Невольно залюбовавшись этим зрелищем, вдруг услышала голос своего шофёра: «Приехали».

Я огляделась. Было очень тихо. Только цикады пели свои грустные песни, словно прощались с тёплым солнцем навсегда.

Поезд остановился. Нужно было освободить лошадь от всяческих креплений и вывести её из вагончика. Эта процедура не заняла много времени. Затем сам конюх взял её под узцы и повёл по дороге к дому. Миледи утомил долгий переезд, и конюх отпустил её на волю, побегать и немного освоиться на новом месте. Тут уж она не отказала себе в удовольствии пробежаться по полю, что распростёрлось до горизонта. Немного передохнув и пощипав сочную травку, уверенно двинулась за конюхом. Она словно поняла, что идёт домой. Миледи шла впереди всех, потряхивая серебристой гривой, кося своим блестящим, серым глазом на меня, и вроде бы даже, поторапливая. Я протянула ей кусочек хлеба на ладони, и она аккуратно взяла его одними губами.

Мы подошли к прогулочной площадке. Лошадь вошла в круг. Тут же конюх из деревенского увальня преобразился в человека, хорошо знающего своё дело. Это был профессионал. Он легонько стегнул Мари и та, немного приосанившись, стрелой понеслась по кругу. Она летела так легко, что казалось, парила в воздухе, словно у неё выросли крылья за спиной. Она, как Пегас, летела над землёй. Я была на десятом небе от счастья. Теперь я была уверена, что всё в моей жизни будет хорошо.

Жизнь только начинается!

Наталья Шитикова

Бородавочка

Автобус обогнал Веру почти у самой улицы. «Вот зараза, - подумала она. – Столько времени прождала на остановке зря. Пришлось из края в край через весь город пешком идти, а он, на тебе, можно сказать, у самого дома обогнал».

И без того неважное настроение стало совсем плохим.

Да и с чего ему быть, настроению? Целый день на ногах, как челнок – от витрины к прилавку. День предпраздничный, покупателей много, а тут ещё пришлось домой пешком идти. Дома тоже ничего хорошего не ожидает.

Муж её, Василий – самураистый, характерный мужик, с некоторых пор, после дурацкой ссоры с соседом, пустозвоном и балагуром Серёгой, начал изводить её ревностью и бесконечными придирками. Стал частенько заглядывать в магазин, где Вера работала продавцом, с проверками. Ходил туда-сюда по залу, тёрся у витрин, вроде как ценами на товар интересовался. Любезничал с продавщицами, а сам всё косил глаза в её сторону: а вдруг... И, если Вера в такой день стояла за прилавком в вино-водочном – поводов для ревности не просто хватало, а было даже с верхом! Понятно, что в этом отделе народ всегда крутится, и народ этот – мужики, причём, не всегда трезвые. А Вера – женщина видная, приветливая и даже с самыми вредными покупателями обходительная. Чужую шутку может выслушать без обиды и сама может пошутить. Не нравилось это Василию. И, хотя в магазине разборок себе не позволял, дома отрывался на полную катушку. Вот и сегодня перед самым закрытием заглядывал, но её не дождал, уехал один – верный признак предстоящего скандала.

И что только сделалось с мужиком! Разборки длились по несколько дней, с ультиматумами, с длительным молчанием (правда молчание Веру даже устраивало – меньше плохих слов скажет), а последнее время и с угрозами наложить на себя руки.

- Но тогда воды тебе промытой не будет! - пронзительно, с придыханием говорил он. - Письмо перед смертью отправлю кое-кому из родственников, чтоб знали, из-за какой «поганки» неблагодарной жизни себя решил! Всё в подробностях опишу, чем ты занялась на старости лет, и на кого я жизнь свою положил! Царицей со мной прожила! Думаешь, хахалям твоим что оставлю, чтоб надо мной подсмеивались?! Не дождёшься! Я тебя так завещанием обрадую - до конца жизни веселиться будешь!

Вера поначалу пыталась убеждать Василия, что «хахалей» у неё в молодости-то не было, а теперь, на пятом-то десятке - товар старого образца - даже с приплатой никому не нужен: молодых пруд пруди. Что лучше него и пожелать нельзя: и собой видный, и хозяин – позавидовать! Но он только сильнее закипал.

Днями места себе не находил. От любого слова искрил, как оголённый провод. Ночи тоже не примиряли. Всё тяжелее становилось на душе у Веры, но терпела. Всё держала внутри, надеялась, отбушует - образумится.

С приятельницами и соседками своими семейными неурядицами она никогда не делилась. Да и не поверил бы ей никто. Все, кто знали Василия, в одну душу твердили, что он и есть та самая каменная стена, которая надёжно укрывает от любых житейских невзгод.

- Всем хорош мужик, - завидовали подруги. – Хоть дом красить, хоть хомут носить. И на работе на хорошем счету, и знакомые уважают. Лишней рюмки не выпьет, лишней

минуты не пролежит. Нет такой работы, какую бы не сумел сделать. И подгонять не надо – сам дело находит, а уж если что сделал, то переделывать не придётся. И в разговоре к месту скажет, и самое главное, никогда не слышно было, что зацепился за какую юбку на стороне! Счастливый билет ты вынула, Вера!

Действительно, до этого времени так и было...

* * *

Прожили они с Василием четверть века. Своих детей у них не было, а брат из детского дома Василий на отрез отказался.

«Бог ничего просто так не делает! Может, наказал, а может, и спас от чего! Не нам решать! В чужое семя свою душу не вложишь!»

Сказал, как отрезал, и больше никогда к этому разговору не возвращался.

Не переломила Вера его упрямства. Так и прожили без детей.

Жили крепко, основательно. Вера - женщина хозяйственная, чистоplotная. Умела создать уют. Василий, хотя и прижимистый изрядно, на нужные для обустройства нормального быта вещи денег никогда не жалел. И если уж что покупал, то добротное, надолго, и чтоб непременно использовалось в хозяйстве. Бесплезных трат и вещей очень не любил.

Квартиру в двухквартирном доме с приусадебным участком, которую Василию дала организация, где он проработал всю жизнь автомехаником, они приватизировали. Со временем подстроили большой гараж на две машины, с теплой мастерской, маленькую баньку, даже летнюю кухоньку с природным газом, водопроводом и вместительным подвалом. Всё под рукой, аккуратно, к месту. К тыльной стороне дома Василий примостил отапливаемую теплицу с дополнительным освещением для растений. Колодец во дворе выкопал. А уж про квартиру и говорить не приходилось: не квартира – шкатулка.

Вера тоже не сидела сложа руки. Крутилась и в доме, и на небольшом огороде. Теплица тоже требовала внимания, но зато радовала овощами до самых сильных морозов, а зелень не выходила аж до весны.

Цветов и на улице, и в саду, и в доме - немерено. На дорожках между цветничками - садовая плиточка. На красивом крылечке - керамические вазоны с цветами. Ни денег, ни труда не жалела Вера. Все семена выписывала по каталогу, сортовые. Что ни цветок, то – загляденье. И всё, откликаясь на её старание и заботу, цвело, благоухало и радовало глаз. Многие, проходя по улице, заглядывались на их цветники, а к первому и последнему школьному звонку, прибежала к Вере ребятня «поцыганить» цветочков.

Она не жадничала, охотно раздаривала щедрые букеты.

Никогда не имевшая своих, она на редкость хорошо умела ладить с чужими, любого возраста детьми - за что и они платили ей благодарностью. Не воровали цветов, не разоряли её цветников, не ломали благородных роз.

* * *

За стенкой, во второй половине дома жили их одногодки: пятидесятилетний Сергей его сорокапятiletняя жена Ольга.

Двое их сыновей-близнецов после военного училища служили на Дальнем Востоке. Семьи пока не завели, но к родителям приезжали редко. Так что Ольга с Сергеем, свободные от родительских обязанностей и покуда не востребованные в няньки, тоже коротали дни вдвоём.

Хозяйство вели ни шатко, ни валко - он с работой не спешил, а она или не настаивала,

или настаивать давно устала.

«Удобства» до сих пор были на улице, вода в любой уличной колонке на выбор, а в огороде только обязательные грядки. Два-три чахлах кустика цветов страдали неухоженные, как будто отбывали наказание. Старенькая «девятка», на которой Сергей таксовал по вечерам, просила ремонта. Квартира - тоже. Вроде бы и не бедно, и не грязно, но как-то неуютно, не радостно, тускло. словно здесь не жили постоянно, а приходили переночевать случайные люди.

Сергей - спорщик и балагур, любил себя показать, прихвастнуть, встрять в разговор, под руку влезть с советом и непременно оставить за собой последнее слово, что временами сердило сдержанного немногословного Василия, и тогда, «успокоения для», он уходил в гараж.

Женщины же держали разумную дистанцию - общаться общались, а дружбы не водили. Но, в общем, соседствовали довольно хорошо, и серьезных размолвок у них не случалось.

Когда Василий построил маленькую баньку, соседей из вежливости пригласили попариться... Им понравилось, и несколько суббот подряд они напрашивались сами, а потом уже стало как-то неловко не пригласить – чего уж там, воды да пару хватит. Что на двоих топить, что на четверых.

Мужики обычно шли первыми. Долго парились, а потом выскакивали остудиться в самодельный бассейн, сооружённый Василием из громадного тракторного колеса. А после бани пили пиво, вели разговоры, вернее сказать, вёл разговоры Серёга, Василий больше слушал, и ожидали жён пить чай с Вериными домашними пирожками.

Женщины всего несколько раз попарились вместе, и Вера стала находить всяческие предлоги, чтобы помыться одной, пусть даже и после всех.

Ей очень не нравилось, как Ольга откровенно рассматривала её еще довольно красивое тело и почти с осуждением говорила:

- Гладкая ты вся! То-то, что не рожала, - и, двусмысленно хохотнув, добавляла: - Наверное, и узкая не только в талии... А родинка у тебя в каком интересном месте! Как большая бородавочка! Знаешь, а если бы тебе пришлось рожать, что тогда?

Вера не знала, что было бы тогда, но ей хотелось одеться и уйти из собственной бани подальше от бесцеремонных взглядов досужей соседки.

- Да чего ты так смущаешься! - не унималась Ольга. – Это же никому, кроме твоего Василия не видно! Вон, у Серёги моего! На самом видном месте – на носу! И тоже бородавочкой! И ничего! Наоборот, говорит, что с такой отметиной не потеряешься - разве, что нос кто отрежет!»

В один из таких банных дней, уже разогретый пивом и чекушкой, Серёга напропалую расхваливал хозяйственную соседку.

- И красавица, и кулинарка, и садовница, и мужу любовница! - балагурил он, смакуя бисквитные и песочные печенья Вериной выпечки, прихлебывая дорогой китайский чай. - И женщина «серьезная»! Если конечно Лидка Парамонова, подруга, с панталыку не собьёт - ещё та штучка! С виду вон какая порядочная - не тронь меня, а то завяну! Открыто хвостом не крутит, ну разве что на работе шмыгнёт на часок - другой с каким таксистом до охотничьей баньки душу отвести! А домой придёт - и в жизни не догадаешься! Хитрая, стерва: мир в семье бережёт! Чуть что, сразу мужику своему за ухом чешет - Олежек мой, Олежек! А он, простофиля, радуется! Как кот спину выгнет, глаза закроет и муркает! А что у него под носом делается - ни видит. Да и когда ему! Все работы ради денег захватил! Для Лидки своей старается! Так что смотри, сосед! А то

втривит Веру в «гульки», и не заметишь! Что смотришь, как ёж на нож? Мы, таксисты, мно-о-о-го чужих секретов знаем! Бабы они - такие... Перед старостью ухватить хотят, чего в молодости не добрали! Душа ихняя не просто потёмки, как у нормальных людей, а крошечная тьма - без фонаря заблудишься!

- А свечку зажигать не пробовал?! Таксист хренов! - видя, что Василий вот-вот взорвётся, оборвала его Ольга. - Захлопнись, пока не врезала!

Но Василия уже зацепило:

- Вот, оказывается, для чего таксисты нужны! Надоело красивым бабам на дорогих машинах ездить! И хорошая домашняя парилка не надобна! За сто вёрст киселю хлебнуть в чужой бане, не весть после кого не помытой, с каким плюгавеньким «таксёром» душа требует! Нет! Не душе это надо, тут другого места причуды!

- Всё! Хватит! Уходим домой! - заторопилась Ольга. - Напылил поганым языком, всю баню испортил!

- Да ничего я не портил! Открыто, по-соседски, предупредил, чтоб посматривал. У них, у торгашей, частенько гулянки за городом бывают. И там не только один женский пол винцом балуется. Бывает кому и кошельком, и кое-чем другим потрясти да оттянуться на всю катушку! А на гулянке, сам знаешь: пьяная баба - чужая добыча! Вера твоя ещё вон какая видная, хоть куда! А Лидка - баба вертлявая, в грех втянет - потом думай, откуда кто про секретные родинки знает. Ходи да оглядывайся, кто тебе вслед посмеивается!

Василий от Серёгиных слов аж в лице переменялся.

- Домой! - взвизгнула Ольга и стала выталкивать пьяненького Серёгу на улицу.

Настроение было испорчено. Василий вышел во двор закрыть на ночь ворота и калитку, проверить всё ли в порядке в бане. Вера убирала со стола, составляла чайные чашки в мойку, пластиковые бутылки из-под пива и пустую чекушку - в мусорное ведро, оставшиеся печенья - в шкафчик. От негодования щёки у неё горели, руки дрожали и она, выливая остатки заварки, уронила заварочный чайник на чайные чашки. Тонкого фарфора изумительной красоты чашка, подаренная ей Василием, раскололась на три части. Сердце неприятно ёкнуло.

Торопясь убрать осколки, она порезала ладонь. «К беде, - мелькнула противная мысль. - Ночью порезаться – к беде!».

Пришёл со двора Василий.

- Ты что такая красная? Плохо, что ли? - спросил он тихо, каким-то не своим голосом.

Вера фыркнула и сказала возмущённо:

- От таких придурков, как Серёга, не то, что плохо станет - помереть можно!

- Можно, - так же тихо ответил он. - Если будет за что, - и, не проронив больше ни слова, ушёл спать в гостевую спальню.

Утром встал без настроения, обычного приветствия не сказал. Прошлепав мимо кухни, где Вера сутилась с завтраком, не заглянул. Не принёс из колодца свежей воды для чая.

Когда Вера позвала его завтракать, молча, как безмолвная рыба, посмотрел ей в глаза и, ничего не ответив, ушёл в гараж.

До полудня из гаража не вышел, от обеда так же молча, как утром, отказался. Все её вопросы оставил без ответа. Ужинать не стал, и спать снова ушёл в гостевую комнату. Вера перестала спрашивать, в чем дело, решила обождать, дать возможность обидчивому супругу «обойтись».

Но прошла неделя тягостного молчания, началась вторая, а Василий либо молчал,

либо отвечал отрывисто и односложно. Причины молчания не называл. На работу уходил без настроения, с работы приходил хмурый.

Нехорошо было у Веры на душе... Не то чтобы у них с Василием никогда прежде не было размолвок - были. Но сейчас в его лице было что-то такое, от чего у неё заходила душа, а спина сутулилась, словно кто-то тяжёлый сидел у неё на плечах и холодом дышал в затылок.

Баньку больше не топили, и всё это время Ольга с Серёгой к ним не заглядывали. А если доводилось встретиться на улице, то кроме приветствия - ни слова. Словно обжигаясь, тут же проходили дальше. Им, видимо, тоже была неприятна эта размолвка, но ни с Верой, ни с Василием никаких разговоров не заводили

И как долго бы это тянулось неизвестно, если бы не случай...

* * *

Как-то днём, во время грозы, ветром сорвало антенну с крыши их дома, и она упала прямо на теплицу, в которой Вера в это время закрывала верхние фрамуги для проветривания. Осколки стекла впились в голову, искромсали Вере шею и лицо. Чудом не задело глаза, но на правой руке зацепило вену. Вера попыталась зажать рану, но кровь хлестала, мгновенно промочив халат, с лица и пробитой головы тоже текло, заливая кровью глаза. Вера бросилась вон из теплицы. Упругие дождевые струи смывали кровь на землю. От боли и волнения Вере сделалось плохо.

Она забежала в дом позвонить, но телефон молчал. Видимо падая, антенна оборвала телефонный провод. Ноги подгибались, голова кружилась, в глазах мельтешили чёрные снежинки. Преодолевая слабость, Вера насколько можно быстро направилась к соседям напротив, но и здесь её ждала неудача – дома никого не было.

Совсем разволновавшись, она пошла по улице, в надежде встретить хоть кого-нибудь из соседей или остановить машину и попросить довезти до больницы. Но, как на зло, ни одной живой души.

Уже поворачивая на главную дорогу, которая вела к центру города, Вера увидела, что с соседней улицы выехала «девятка» и движется в ту же сторону, что и она. Из последних сил Вера вышла на середину дороги, пытаясь остановить машину, и только что не упала на капот. Рассерженный и напуганный водитель выскочил из машины, готовый разорвать в клочья ненормальную, но, увидев, что она вся в крови, аж лицом посерел. Вера сбивчиво стала объяснять ему, что он ни при чём. Ей срочно нужно в больницу, иначе она изойдёт кровью, и просит ей помочь. Но, сообразив, что его вины в Вериной беде нет, водитель тут же сел за руль, сдал назад и, проезжая мимо Веры, приоткрыв стекло, сказал:

- Не возьму! Чехлы испачкаешь!

Вера заплакала.

- А может, кто резал тебя! По милициям потом затаскают! - добавил он и, разбрызгивая лужи, покатил по мокрому асфальту.

Притихшая было гроза началась с новой силой. Небо потемнело. Не успеет сверкнуть молния, как тут же раскаты грома. Дождь припустил не на шутку, ветер трепал и гнул деревья, и они, раскачиваясь, задевали сучьями провода. Вере уже не было ни страшно, ни больно, она так ослабла, что ей стало всё равно. Молния ударила ей под ноги. Необыкновенной силы вспышка, казалось, до самого дна осветила разверзшуюся землю так, что стала видна её структура. Охнула рядом расщеплённая молнией липа. Падая, она

сбила с ног Веру, макушкой кроны придавив к асфальту, и перекрыла проезжую часть дороги.

Не слышала и не видела Вера, как через несколько минут двое испуганных мужиков укладывали её в старенький помятый «жигулёнок». Как отчаянно по сотовому телефону, просили «скорую» выехать им на встречу - «потому, что женщина, наверное, умрёт от потери крови». Как в больнице суетился медперсонал, готовя её к переливанию. Как просили по местному радио доноров с редкой группой крови - четвёртая отрицательная - сдать кровь для срочного оказания помощи. Как доставившие её перенервничавшие мужики рассказывали следователю обстоятельства происшествия, как просили у кого-то помощи сами.

Первой, кого, очнувшись, увидела Вера, была медсестра. Она сбегала доложить дежурному врачу, что пострадавшая пришла в себя.

Через несколько минут пришёл врач, ещё не старый, среднего роста, седой полноватый мужчина. Поинтересовался её состоянием. Вера молча кивнула забинтованной головой – мол, всё в порядке – и неожиданно для себя расплакалась. Бинты на шее стали мокрыми и швы защищали.

- Ну, вот и хорошо, что хорошо! - с улыбкой сказал врач. - А плакать не нужно! Благодарите своего Ангела-Хранителя. Ваш донор, как с неба упал! Без него мы бы вас не спасли! Кровь редкой группы! Ну, а теперь отдыхайте!

И, ещё раз улыбнувшись, вышел из палаты.

Вера, ещё немного поплавав, задремала. Несколько раз сквозь липкую дрёму она слышала, как к ней подходила медсестра, щупала пульс, мерила давление, делала укол, но ни пошевелиться, ни открыть глаза у неё не было сил.

Утром другого дня, после обхода, Вера попросила медсестру сообщить Василию, что она в больнице и поинтересовалась, кто тот человек, что дал ей свою кровь. Оказалось, что приехавший на выручку к доставившим её мужчинами человек, услышал, что ищут донора, и сам пришёл в приёмный покой. Согласился на прямое переливание крови и всё балагурил, что если спасённая окажется красавицей, то после поправки он с неё возьмёт компенсацию – поцелуй за каждые сто граммов крови, а если страшенькая, то за каждые сто граммов – сто граммов дорогой водочки под хорошую закусочку, для восстановления объёма. И так балагурил, пока сам не ослаб. Сейчас в соседней палате под капельницами сил набирается. Привет передаёт и обещает зайти познакомиться.

К вечеру пришёл в палату Василий. Подавленный, тусклый, без настроения. Принёс Вере передачку, спросил, как она себя чувствует, что принести в следующий раз и когда её выпишут. Особого тепла не выказал, посидел немного, весь в своих мыслях, и засобирался домой. Уже открывая дверь, спросил, когда ему ещё прийти. «Как чужой», - подумала Вера и сказала:

- Да не нужно. Может, что дома после грозы подправишь, а я не залежусь, завтра-послезавтра буду, как штык!

Василий ушёл, а Вера опять, сама не зная, отчего, заплакала.

На другой день, после процедур проведать Веру заглянула улыбающаяся медсестра:

- Ну, что, фотографию приготовили?

- Зачем? - не поняла Вера.

- Так же сейчас ваш спаситель придёт посмотреть красивая вы или как? А через повязки, что можно увидеть?

Кто-то осторожно открыл дверь, и Вера не поверила своим глазам: в палату вошёл

Серёга. Бледный, без кровиночки на худом лице...

- Ну, иду знакомиться! Посмотреть, кому кровь моя шальная пригодилась! - И, глядя на её забинтованную голову, пошутил: - Гюльчатый, открой личико! Хочу посмотреть, сестрой мне тебя называть или подругой?

- Соседкой... - тихо, но отчётливо произнесла Вера.

Серёга, так и рухнул на стул у двери.

На другой день Серёга ушёл из больницы, чтобы положенные донорам несколько дней отлежаться дома. Через неделю и Вере сняли швы на руках, шее и лице, и она тоже выписалась на больничной.

В день выписки Василий всё-таки приехал за нею, хотя она и не просила его об этом. Сам узнал от врача. Может быть, от него он знал и о Серёге, но у Веры ни разу не спросил и разговора на эту тему не заводил.

От следователя, который опросил её ещё в больнице, Вера узнала, кто спасшие её мужчины. Подтвердила, что в происшествии их вины нет, что она была до них порезана осколками тепличного стекла.

Вера не поскупилась и хорошо отблагодарила своих спасителей. А вот Серёга наотрез отказался и от денег, и от подарка и от «ста грамм за сто грамм».

- Да брось ты, Вера! Свои ведь, не чужие! Ближний сосед - лучше дальней родни. Устаканится всё, тогда вытопим баньку к какому праздничку, стол хороший накроем, посидим не спеша!

Но до самой зимы такого случая так и не представилось. И вот однажды Вера увидела в магазине Ольгу. Поговорили. Ольга успокоила Веру, что швы на лице почти не видны, и Вериной миловидности не испортили.

Когда же Вера из вежливости спросила про Сергея, Ольга сразу развернула тему:

- Да переживает, балабол, что рассердил Василия! Давайте соберёмся на Новый год - вы одни, мы одни, ну что ходить «сопком»? Смотришь, и помирились бы!

- Да я не против, - сказала Вера. - Пусть мужики договариваются!»

Решили, что Серёга придёт к Василию на переговоры. Тот каждый день прогревает машину в гараже, смотришь - и договорятся.

С такими мыслями она и шла домой, подумывая, что бы такое поинтереснее, повкуснее, приготовить к праздничному столу. Тяготило её, что никак не отблагодарила Серёгу за спасение.

Пошёл снег. «Хорошо, что я уже дома, - подумала Вера. - На метель лучше из окна смотреть». Поравнявшись с гаражом, она услышала Серёгин голос:

- Да брось ты, Василий! Ну, пьяный я тогда был, вот и ляпнул! Я же и сейчас пошутил, что с Верой уже не один год сплю?! Так ведь сплю же - ЧЕРЕЗ СТЕНКУ!!! Шуток ты не понимаешь что ли?! Сразу свяжу, убью! Ну, на - вяжи, убивай, если дурак! Не думал, что ты так всё к сердцу примешь! Кто ж тебя знал, что ты такой ревнивый! Отпусти! Ты ж меня задавить можешь!

Последние слова Веру насторожили. Она притаилась у гаражной дверцы и решила дослушать разговор.

- Пока не скажешь, откуда знаешь про родинку, не отпущу. Сейчас скотчиком рот залеплю, да и оставлю тебя здесь. За праздники замёрзнешь, как таракан. Никто не хватится: может, ты желающих по банькам возишь. Что тебе, в первый раз? Весной вытаешь где-нибудь! - услышала она голос Василия.

Вера бросила сумку и мигом влетела в гараж.

У торцевой стены гаража стоял прижатый машиной Серёга. Каждая рука по отдельности, накрепко, в нескольких местах, была прикручена к металлической рамке, оставшейся от старого стеллажа. На верстаке, недалеко от тисков с зажатой в них похожей на металлический пруток деталью, стояла начатая бутылка водки и лежала на пластмассовых тарелках недоеденная закуска. Вера осторожно, чтобы не зацепиться за детальку, и не порвать легкую шубейку прошла внутрь гаража.

- Вася! - позвала она.

Он обернулся. Такого выражения на его лице, как сейчас, Вера никогда прежде у Василия не видела.

- И ведь сделает! - подумала она. - Как пить дать сделает!

- Что вы не поделили?! - взмолилась она. - Не дурите, мужики! - и бросилась к Василию, пытаясь отобрать скотч.

- Отойди! - отшвырнул её Василий с такой силой, что она, пролетев до самого верстака, упала на тиски.

Тоненькая металлическая деталь легко вошла в тело, и Вера боком съехала на верстак. Василий даже не оглянулся. Заклеил Серёге рот, закрыл дверцу машины, выключать двигатель не стал, налил водки, залпом выпил и направился к двери. Проходя мимо Веры, даже не взглянул в её сторону. Закрыл на замок гаражную дверь, подобрал сумку, оставленную Верой у гаража, и пошёл к дому.

Снега подсыпало. «Надо откинуть от гаража и прочистить дорожки», - подумал он успокаиваясь.

Не снимая ботинок, прошёл на кухню, поставил сумку и снова пошёл на улицу. В прихожей стал искать рабочие перчатки, не нашёл, включил свет. Снег с ботинок растаял, и мокрыми бледно-розовыми пятнами остался на линолеуме.

«Что это? Откуда?» - удивился Василий. И вдруг всё понял...

* * *

Хоронили Веру как раз на праздники. Много людей пришли проводить её. Много было сказано о ней хороших слов. Василий и Серёга тоже были на похоронах, но даже взглядом не касались друг друга. Василий словно окаменел, ни с кем не разговаривал, на вопросы не отвечал, не замечая ничего вокруг, и всё сидел рядом с гробом и смотрел в одну точку.

- Переживает, - шептались соседи. - Да и как не переживать?! Всё равно ведь убийство, хоть и по неосторожности! И зачем ей понадобилось водку у мужиков отбирать? Василий - он гордый, не любит, чтобы женщина им командовала! Тем более, при друзьях! Вот и толкнул Веру! Попала под горячую руку! Вот беда-то!

О том, что у них с Василием произошло, Серёга в милиции не сказал, хотя Василий ни о чём его не просил.

На сороковинах командовала Ольга. Постаревший, осунувшийся Василий казался безучастным. Всё время молчал, а если настойчиво требовали ответа, говорил «да» или «нет», как будто все остальные слова забыл или не знал вовсе. Пока в доме шли приготовления к застолью, он слонялся по двору.

Зачем-то заходил на летнюю кухню, в теплицу, на огород, заглядывал в баньку, а колодец во дворе и вовсе закрыл на замок, как будто не хотел, что бы из него кто-нибудь надумал взять воды. Посидел на скамейке в саду и опять, как слепая лошадь по кругу, - двор, летняя кухня, баня. Ничего не искал, ничего не находил, просто слонялся, как

неприкаянный, туда-сюда и, казалось, не чувствовал холода и забыл о времени.

- Переживает, - шептались на кухне соседки, видя из окна, как он мается, не находя себе места. - Да и как не переживать? Конечно, дело случая! А сердцу его теперь век страдать! Ведь жизнь друг для друга прожили! Сейчас пройдут поминки, останется один, и тоска его съест! А то, может, он запьёт или что с собой сделает! Совсем ушёл в себя, ни на что не смотрит! Что делают, как делают! Как неживой, и глаз от земли не поднимает - мается мужик...

Ольга постаралась, всё было сделано по порядку: пригласили соседей, Верин коллектив, всех, какие были, родственников. Пришли и с работы Василия.

Красивая молодая Вера улыбалась с фотографии доброй улыбкой всем, кто пришёл её помянуть. Василий немного посидел за столом и ушёл на кухню: видно, одному ему было легче переносить свою боль.

Разошлись нескоро, вспоминали разные случаи из жизни, иногда и смешные.

- Ладно! - одёргивали друг друга Верины подруги. - Она не обидится! Не умела Вера долго сердиться и помнить обиды! Лучше промолчит, а ссоры не затеет!

- Уж это точно! - подтвердила Ольга. - Всё в себе носила! Вот и мне промолчала, когда рассказала я своему балаболу про её секретную родинку! Я попросту сказала! А он взял, да спьяну, после бани, Василию и ляпнул. Я вижу - пьяный разговор, увела благоверного домой. Говорю, назавтра: «Ты бы объяснил Василию, что это я тебе проговорила, а то видишь, как он вчера рассердился!» Самой мне пойти, скажет - защитница, не поверит. А Серёга ни в какую! На Василия подбиделся! Василий-то тоже умеет подковырнуть! Другого кого подкусит - вроде так и надо! А самого не трогай - обидчив больно. Тогда долго сопком, да молчком ходит, пока не обойдётся. А то и вовсе не угадаешь, за что нахмурился - характерный, скрытный, не поймёшь его! Вера и то к нему не всегда имела подход...

- Да это не только Василий такой, - вздохнула Полина Ильинична, дальняя родственница Веры. - Это по жизни так! Живёшь-живёшь с человеком, а с кем прожил, так до конца жизни и не узнаешь! У каждого своя секретная родинка, своя бородавочка... Себя и то не всегда поймёшь!

На кухне что-то упало, звонко рассыпав осколки. Сидевшая с краю Полина Ильинична пошла посмотреть, что случилось.

- Станный, какой-то Василий, - вернувшись, тихо сказала она. - Смотрит так, будто что ужасное увидел, а сам белый, как полотно!

- Не по себе мне, - добавила она. - Помните, вы меня посылали ведро с отходами к соседям отнести, вышла я на улицу, а собаки воют, воют. Да так страшно! Не к добру это, ох, не к добру!

Посидели ещё немного, поговорили, а затем всё убрали, перемыли, расставили по местам. Показали Василию, что из еды оставлено в холодильнике - он только рукой махнул.

- Ты хоть кошку-то не забывай кормить, - наставляли его соседки. - А там, едой запахнет - и сам что съешь.

Но он опять только махнул рукой.

* * *

. Два дня после сороковин бушевала метель. Февраль капризный месяц. К полудню может потеплеть так, что снег становится сырým, липким, а к ночи так заохлодит, что только держись.

Два дня не сходя с места, сидит кошка на крыльце у Василия, два дня нет света в

его окнах. Пробовали соседи звонить, не подходит к телефону. Жалко Василия. Жалко кошку, тоже ведь живая душа. Пошли покормить, а заодно и Василию в дверь постучать: что ж скотинку-то на холоде держит... Не открыл. Не открыл и на другой день.

Обратились на всякий случай в милицию. Дверь взломали, а Василия нигде нет. Всё проверили, всё обошли - как в воду канул. В комнатах всё на местах, пропажи не видно. Обзвонили родственников, знакомых - нигде не объявлялся.

...Нашли Василия на кладбище, у Веры. Хоронили кого-то поблизости и заметили. Замело его снегом, видно пришёл еще до метели...

Иван Ильин

Не полярники, но почти эскимосы (Из старого походного дневника)

После четырнадцати часов езды на трёх автобусах с ночными пересадками по тряским дорогам окраин Ленинградской и Вологодской областей мы выгрузились со своими лыжами и рюкзаками в посёлке Ошта на самом юге Онежского озера.

Автобус ушёл дальше, а мы остались на дороге посреди посёлка. Было начало марта. По меткому выражению Михаила Пришвина, «весна света». Небо синее, синее. Кучевые облака аккуратные и белые, как подушки на купеческой кровати. Ветра нет, а мороз градуса четыре. Напротив старый покосившийся от времени дом, весь покрытый кружевными наличниками. На свесах крыши - резные полотенца. Охлупень с крупными ушастыми и гривастыми коньками. В садике за домом звонко перекликаются синицы зинзиверы. Несмотря на слабый мороз, солнышко заметно греет. Сосульки, свисающие с резьбы, тают, и с них капаят сверкающие капли.

На большом простом доме с длинным крыльцом и большими окнами криво висит вывеска «Столовая». Оставляем рюкзаки и лыжи на крыльце и заходим. В просторном зале стоят прямоугольные столы, изготовленные местными плотниками, и скамейки. Никакой пластмассы. Добротное дерево с красивой фактурой. Столовая колхозная. Продукты свои и цены по колхозной себестоимости. Квашеная капуста, огурцы и хлеб не оплачивается. Кушайте на здоровье. Щи и борщ, наваристые с мясом. Уха из свежей рыбы, пойманной в Онеге вчера. На второе и гарнир, и тушёное мясо предлагают с добавкой. Гостям из Питера явно рады. Мы даже растерялись. Привыкли мы в городе к тому, что в рядовых столовках, где официантки задёрганы толпой посетителей, сервис «ненавязчивый», а зачастую и просто хамский.

Нас шестеро и мы хотим пройти на лыжах по льду Онежского озера в Кижы. Когда-то, ещё в детстве, моя крёстная тётя Капа внушала мне, что на богомолье надо не ездить, а ходить. Вот когда долго идёшь, то в пути душа постепенно просветляется и ожидает чуда посещения Святого места. В пути ты всё дальше уходишь от забот повседневной жизни и приобщаешься к Богу. И надо ежедневно молиться. Все эти полузабытые наставления моей крёстной оставались где-то в глубине души, но пересказать их вслух моим друзьям я, конечно, не мог да, наверное, и не сумел бы. Ведь время было самое советское. Церкви использовались под клубы или склады, а то и просто разрушались. В Казанском соборе был музей антирелигиозной пропаганды.

Но Кижы попали под охрану ЮНЕСКО как шедевр деревянной архитектуры. С

окрестных островов в Кижы перевезли несколько часовен и домов. Появились первые альбомы художественных фотографий кижского ансамбля храмов и других строений. Во всех альбомах Кижы были сняты летом. А я подумал, что русская деревянная архитектура, очевидно, будет очень эффектно выглядеть на фотографиях под снегом и с сосульками на ярком весеннем солнце.

Летом в Кижы можно было попасть на теплоходе из Петрозаводска. Даже появились первые туристские маршруты с посещением Кижей. Совет по туризму начал зарабатывать на Кижях деньги. Но зимой попасть в Кижы можно было только с севера длинным кружным путём с пересадками на нескольких автобусах.

А я уговорил своих друзей не поехать, а пойти в Кижы на лыжах с самого юга Онежского озера. Сначала мы научились строить иглу, то есть хижины из снежных кирпичей, как эскимосы на крайнем севере, и несколько раз переночевали в таких хижинах рядом с тёплой избой. В прошлом году прошли за два дня и с одной ночёвкой на льду по «Дороге жизни» от памятника «Разорванное кольцо» на станции Ладожское озеро до Кабоны. А весной прошли поперёк Ладожское озеро от Питкяранты через Валаам до Приозерска. Четыре дня до Валаама. Два дня на Валааме и ещё два дня до Приозерска. Для подстраховки в те походы брали палатку с печкой и носили в рюкзаках дрова. И вот теперь идём на восемь дней в ледовый поход и палатку не берём. Дни на маленький весенний отпуск насобирали на донорской крови, на рейдах народной дружины, на сверхурочных работах и на женском празднике. В советское время за прогулы строго наказывали, даже если на работе нечего было делать. План выполняли по графику: «спячка – раскачка – горячка».

Из-за экономии времени мы помчались на автобусный вокзал прямо с работы. Почти сутки ничего не ели, не спали и тряслись на жёстких сиденьях в вонючих автобусах. Вот теперь сытно и вкусно поели и разомлели. Ребята уже как-то подрёмывают, а нам надо идти в озеро Онегу на лёд. Пришлось тормошить их и взбадривать. Спасибо хозяйке столовой. Разрешила нам в уголке перетрясти свои рюкзаки и привинтить на две лыжины стойки и крепкую фанерку. Получились нарты. На нарты погрузили два газовых пятилитровых баллона, мешок с кухонной посудой, ножовки для снежного строительства и ещё какие-то общие мелочи. Но на плечах рюкзаки стали легче. Вытащили всё на улицу и зажмурились от яркого света, белого снега и свежего ветерка. Перекликаются синицы и ещё какие-то птицы. А всякий мусор ещё укрыт снегом. Да, уже пахнет, пахнет весной! Спасибо Михаилу Пришвину за то, что мы знаем, как это называется: «весна света!».

Встали на лыжи и спустились на лёд озера. Остановился и я, вместо традиционного в туризме: «Физкультпривет!», неожиданно даже для себя, демонстративно широко перекрестился и произнёс: «Ну, с Богом, друзья! Идём на богомолье!» Ребята сперва растерялись, а потом как-то неумело, но тоже перекрестились. Пошли! Обошли стороной слабый лёд, размытый впадающей в озеро речкой Оштой, и взяли точное направление по компасу на Кижы. Сосчитали свой курс с учётом магнитного склонения и местной аномалии. Всё сделали, как настоящие морские штурмана.

Нас шестеро. Две девушки Рая и Зина. Рая - врач скорой помощи, а Зина - медсестра. Вместе работают и вместе занимаются туризмом. Два молодых курсанта высшей мореходки: Коля и Николай. Ребята крепкие, спортивные, послушные и любопытные. Вместе учились в школе в маленьком посёлке на берегу Белого моря. С детства рыбачили в море и вместе пошли учиться в мореходку. Пятый - мой надёжный друг Миша, с которым мы ходим уже много лет. Бывали вместе в самых сложных передрыгах. А ещё наш седьмой и бессловесный участник – это нарты, которые тащит за собой тот, кто идёт по лыжне последним. Ну и я - руководитель похода, инструктор и профессионал

туризма.

Идущему первым надо торить лыжню. Снег глубокий, слоистый. Слои на разной глубине по разному укатаны озёрными ветрами. При резких перепадах температуры лёд трескался, образовывались трещины и торосы. Потом это всё снова замерзло и заметалось новыми снегопадами. Надо выбирать путь в обход торосов и не сбиваться с основного курса. Яркое солнце и белый снег слепят глаза. Тёмные очки потеют. Наше зрение ещё не привыкло издали различать торосы и определять расстояния. Вспоминаем Нансена, Амундсена, Расмусена и других великих ледовых первопроходцев.

Я пытаюсь наладить какой-то единообразный ритм движения и смены идущего первым и последним с нартами. Для того чтобы не путать время, поглядывая на часы, у меня на шее висит спортивный секундомер. Рая изобретает ритмичную дозaprавку топливом наших организмов. Утверждает, что при тяжёлой работе, надо обязательно что-то есть и пить через каждые три часа. Обязательно калорийное, горячее и вкусное. Против вкусного мы с Раей не спорим.

Но, конечно, сказывается то, что мы больше суток не спали и не ели, а в Оште напихали в желудки больше, чем туда могло влезть. Кажется, что когда выходили из столовой, то последние непрожёванные куски ещё торчали у нас в зубах.

Земля - вообще-то круглая. По законам географии, линия горизонта видна с человеческого роста на расстоянии четырёх километров, а мы уже отошли от Ошты километров на восемь, и низкий южный берег Онежского озера скрылся за горизонтом. Мы все уже так устали, что шли, как говорится, на автопилоте. Давно пора было останавливаться на ночлег, но хотелось уйти от видимости берега.

Выбрали ровную площадку рядом с высоким торосом. Торос нужен, чтобы по нужде не ходить за горизонт. Встали в шеренгу и положили руки друг другу на плечи. Вот так, шеренгой и с рюкзаками на плечах, стали сильно притопывая лыжами трамбовать площадку под строительство хижины. Вдоль и поперёк – вдоль и поперёк. Утоптали площадку и сложили в сторонку нарты, рюкзаки, лыжи и палки. Я нарисовал на снегу овал нашего будущего дома. Первые кирпичи для стройки вырезаем из пола. Режем обыкновенной плотницкой ножовкой. Труднее всего достать первый кирпич, и он, как первый блин, выходит комом и в стройку не идёт. Второй и следующие уже проще. Подрезаю с трёх сторон и снизу, беру, как на лопату, на фанерку и несу к месту укладки. Фанерки у каждого из нас служат жёсткой спинкой в рюкзаке. Кирпич к кирпичу укладываю по периметру будущей хижины. Уложив первый ряд, ножовкой подрезаю наискось несколько кирпичей, чтобы дальше класть их непрерывной спиралью. Вместе со мной изнутри хижины работает Рая. Миша разрабатывает добычу кирпичей снаружи и у него уже лежит аккуратный ряд готовых стройматериалов. Миша и Зина режут кирпичи. Коля и Николай носят их на фанерках и подают нам с Раей. Мы строим овальную хижину, постепенно сужая её наклонными стенками. Завершать крышу - очень высокое искусство настоящих эскимосов. Мы делаем проще - кладем поперёк наши двенадцать лыж и палки, а уж на эти стропила постелили полиэтилен и укладываем кирпичи крыши. Изнутри подрезаем все выступы на стенках согнутой ножовкой, чтобы потом не капал тающий снег. С крыши не капает, так как там снег лежит на полиэтилене. Все ямки затираем. С двух сторон прорезали низкие отверстия для дверей ещё на половине стройки. Иначе нам с Раей было бы темно делать крышу. Затычки для дверей сделали из больших холщовых мешков, набитых снегом. Их ведь надо будет отодвигать, и задвигать при выходах на прогулки за торос. И ещё на лыжные палки повесили занавески, чтобы из щелей не дуло.

Подровняли пол и застелили двойным полиэтиленом. Разложили и надули матрасы.

Поверх надувных матрасов у каждого есть радикулитка. Это большой кусок хорошего фетра. А уже на радикулитки стелем двухспальные мешки. Вдвоём спать в мешке гораздо теплее.

С одной стороны хижины лежат четыре человека в двух мешках. С другой стороны - двое и у них напротив стоят нарты. На нартах газовая плита, кастрюльки и вся прочая кухня. Эти двое - дежурные повара. Устроились уютно.

От свечей, газовых горелок и нашего дыхания через полчаса уже так тепло, что сидим в лёгких свитерочках. Включаем музыку и за начало похода достаём бутылку кагора Шемаха и ещё что-то вкусенькое на закуску. Все так устали, что и бодрая музыка не помогает, а тут ещё и кагор. Кажется, что заснули раньше, чем залезли в спальные мешки. Будильник я специально не заводил.

Разбудил меня биологический гидробудильник. Надо было срочно вылезать из хижины и бежать за торос. Откинул занавеску, вытолкнул мешок со снегом и выполз наружу. Толстые снежные стены хижины не только держали тепло, но ещё и почти не пропускали звуки. Погода за ночь резко изменилась. Свистел ветер и мела позёмка. С наветра к хижине намело сугроб почти до крыши, а в затишке с подветра, сугроб вырос в полуметре от стенки. Ветер сразу продул меня до костей и зазнобил колотун. Я всё-таки сумел заметить, что, слава Богу, ветер для нас будет попутным. Возвращаясь в хижину, я опрокинул немытую после ужина посуду и разбудил всех. Вот все и «сходили до ветра», в буквальном и переносном смысле этого выражения. Поворчали, попили кофе с бутербродами и решили поспать ещё. После завтрака всегда так хорошо спится.

Но мы хоть и на льду, но у нас не лежище моржей, которым некуда торопиться. Впереди ещё много-много километров пути. Пришлось нам с Раяй вылезать из мешка, готовить обед и в большой кастрюле много какао. У каждого из нас на специальной лямке висит за пазухой большая плоская фляга в фетровом чехле с горячим питьём на дорогу. Это Рая так придумала, а я заказал сделать фляги знакомым слесарям. От этих фляг тепло и снаружи, и внутри. Спину греет рюкзак, а грудь фляга.

Пообедали, сложили рюкзаки, оделись и выползли в метель. Пришлось сломать крышу, чтобы достать лыжи. Проверили установку компасов и пошли. Видимости почти никакой. Линии горизонта нет. Торосов издали не видно. Ветер очень сильный, но хорошо, что в спину. Метёт позёмка и видно, как под ногами бегут вперёд, обгоняя нас, снежные вихри. Направление движения держит по компасу самый задний и кричит первому идти правее или левее. У первого впереди нет никаких ориентиров. Ветер треплет одежду и выдувает тепло. Но туристские штормовки имеют застёжку с двойным клапаном и капюшоны. На ногах поверх лыжных ботинок одеты брезентовые бахилы до колена. Рукавицы двойные: внутри тёплые, а снаружи не продуваемые и не промокаемые для работы со снегом и, вот для такой погоды. Чтобы не потерялись при работе со снегом, рукавицы на лямочках продетых через рукава, как у ребятишек в детском садике. На ходу быстро согрелись. Ветер сильно подталкивает спину. Только разговаривать на ветру трудно и Рая не разрешает.

Несмотря на то, что вышли с ночлега поздно и шли в плохую погоду, прошли за второй день значительно больше и остановились строить хижину тоже позже. Стройка пошла веселее. Споров и советов почти не было. Поставили хижину поперёк ветра, а входы защитили от задувания снежными стенками. Свод крыши сумели сделать почти по-эскимосски: без опоры на лыжи. Но три лыжины положили поперёк под потолком там, где теплее, для развески на просушку носков и рукавиц. А для сна у каждого есть тёплые фетровые чуни. Намёки на кагор к ужину я пресёк шуточками и страшными анекдотами про пьяниц. У Раи есть

медицинский спирт, но намёков на него не было.

Входим в нормальный походный режим дня. Подъём до рассвета, чтобы с началом дня быть уже в пути. Калорийный завтрак, заправка фляг, сборы и выползаем из хижины. Выдёргиваем лыжи, а хижина остаётся целой. Заходите и живите, кому надо.

Онега опять преподносит сюрприз погоды. Ветра нет, мороза нет. Видимости тоже нет. Есть туман, но такой густой, что идущий последним не видит первого. Идём, как в белом молочном стеклянном шаре. Трудно держать правильное направление. У идущего сзади поперёк груди фанерка, а на ней жидкостной морской компас. Он управляет идущими впереди, как вахтенный рулевой на корабле. Там тоже берега не видно. Воздух очень влажный. Температура плюсовая. Прошибает пот и бельё скоро становится мокрым. Под лыжами не снег, а какая-то каша. Остановка на перекус через два часа после выхода. Снимаем все свитера и переодеваемся в сухие рубашки. Жаль, что нельзя снять рейтузы. Даже разговоры глохнут в этом белом молоке. Переживаем за то, что не сумеем построить из такого снега хижину. Но к вечеру чуть подморозило и разъяснилось. Дом построили удивительно быстро. Залезли и навели уют. Зина напекла блинов. Ели с рыбными консервами, а потом с варёной сгущёнкой. Меню странное, но всем понравилось. Зато чай крепкий и вкусный. Смесь индийского и зелёного. В стенки натыкали ножи, ложки и, вообще всё, что можно. Развесили влажную пропотевшую одежду. Амбре, конечно, ещё то, но мы как-то принюхались и не обращаем внимания. А баллончиков с дезодорантом в то время ещё не было. Трудовой день был длинным и, несмотря на тяжёлый снег, прошли, очевидно, много. У нас нет возможности измерять пройденное расстояние. Нет таких приборов и нет ориентиров. Определяемся, очень приблизительно - по скорости движения и по времени в пути. Была идея сделать одометр. Это такой прибор, который измеряет пройденное расстояние. Я бы такое устройство просто мог сделать из колеса от детского велосипеда, а счётчик оборотов продаётся в веломагазине. Приделали бы колесо к нашим нартам и проверили бы показания прибора на дороге с километровыми столбами. Тогда мы знали бы, почти точно пройденное расстояние, но не захотелось возиться, ни дома, ни на маршруте. Направление держим хорошо и мимо Кижей не пройдем.

Дежурили по кухне курсанты Коля с Николаем. Как истинные моряки они и ужин нам приготовили морской – макароны по-флотски. Сделали вкусно, но так много, что на завтрак пришлось доедать остатки ужина.

Рая и Зина, когда учились в медицинском, то изучали латынь. Преподаватели, для лучшего усвоения, предлагали запоминать латинские изречения, поговорки и афоризмы. В переводе на русский язык, очень многое из этой латинской древности и мудрости, прочно вошло в нашу повседневную речь. Мы говорим и, подчас даже не знаем, что это слова Цицерона, Сенеки, Сократа или, вообще, общепринятые приговорочки простого латинского народа. Но Рая твёрдо уверовала в то что, если эти мудрые латинские изречения сохранились на многие века, то в них действительно заложена основа древнеримской мудрости. Рая принимала эти изречения, как руководство к практическому действию.

Ab ovo usque ad malum. В дословном переводе с латыни это означает – от яйца до яблока. В иносказательном смысле – от начала и до конца. По обычаю, обед римлянина начинался с яйца, а заканчивался яблоком. Вот, и Рая с Зиной набрали в поход варёных яиц и аккуратненьких одинаковых яблок. В пути они их прячут внутри спальных мешков, чтобы не замерзали, а на большом перекусе в середине дня, мы обедаем, как древние римляне. Ещё Рая где-то у Нансена прочитала, что в лыжном походе хорошо есть жирную пищу. Хорошо хотя бы то, что кормить нас пеммиканом, дело не дошло. Но перед походом

мы купили несколько килограммов грудинки. Чтобы не жевать её как резину, мы эту грудинку хорошо проварили. Теперь утром делаем несколько бутербродов и каждый прячет их себе в специальный карман за пазухой. Едим каждый день, но ещё не надоело. Кроме грудинки едим бутерброды с каким-то сыром особой жирности и шоколадки. А на ходу посасываем какие-то кисленькие леденцы, чтобы не хотелось пить.

Строительство дома и благоустройство идёт уже само собой. Залезаем, располагаемся и..... начинаем делать воду. Процесс длительный и нудный. Две большие кастрюльки набиваем снегом ещё снаружи, а остальную воду заносим в таком же холщовом мешке, как и затычки для дверей. Зажигаем обе газовые горелки и плавим воду на ужин. Добавляем снег в кастрюльки большой ложкой. Варим одно блюдо, называемое кашасуп и питьё. Но надо заготовить воду ещё и на завтрак, и на фляги в дорогу. Вечер получается длинным и разговорчивым. Теснота располагает к общей беседе.

Два дня стоит хорошая, и типично весенняя, погода. По утрам бодрит ночной морозец. Снег сверху покрыт коркой жёсткого наста и царапает лыжи, как наждачная шкурка. К середине дня солнышко пригревает так, что температура становится плюсовой и снег слегка раскисает, а к вечеру опять подмораживает. На остановках не только перекусываем, но ещё и по три раза в день перемазываем лыжи разными мазями.

Чем ближе к Кижам, тем чаще вечерние разговоры переходят на темы церквей, монастырей и православной веры. В наших головах и в душах странная смесь из того, чему нас учили бабушки и из того, чему учили школа, комсомол, газеты, радио. И мы все тоже разные. Наши курсанты родом из маленькой поморской деревни на берегу Белого моря. В детстве они ходили не только в школу, но по воскресеньям всей семьёй посещали церковь в соседнем селе. Летом плавали на карбасе, а зимой ездили на санях. Мой друг Миша улыбается и помалкивает, но я знаю, что его дед был священником и тоже где-то в поморье возле реки Мезени. Раин дедушка во время революции служил матросом на Авроре, а потом героически воевал во время Гражданской войны на стороне красных и, конечно он был убеждённым коммунистом и атеистом. Рая своим дедом очень гордится. Зина во всём подражает Рае и своего мнения не имеет. Мои родители были православными, но мама у меня немка. В детстве она посещала немецкую кирху, а не русскую церковь, но, выйдя замуж за моего отца, перекрестилась в православие. Многие мои родственники лютеране. Сам я долго жил среди мусульман и у меня на книжной полке рядом с Библией стоит двухтомный Коран. Вот такая гремучая смесь разного понимания церковных проблем присутствовала в наших вечерних разговорах, пока мы делали из снега воду. Мы были молодыми и азартными, но превыше всего у нас была дружба. И ещё было очень хорошо то, что находясь во льдах и снегах Онежского озера, мы далеко и далёко убежали от всяких парткомов, профкомов и прочих советских комкомов.

Вот вечером у нас и зашёл разговор о том, кто и какие молитвы знает. Оказалось, что наизусть все помнят только Отче наш. Вот я и предложил, что раз мы идём на богомолье, то давайте перед сном все вместе будем произносить слова этой молитвы. Но наши курсанты-комсомольцы твёрдо заявили, что молитва дело серьёзное и для молитвы надо, чтобы висела икона или, хотя бы большой крест, а не маленький нательный.

Я театрально выдержал паузу, а потом тожественно достал висевший у меня на груди кожаный кисет, а из него нашу семейную реликвию - иконку Ивана Воина в серебряном окладе. Сказал, что эта икона была у лейтенанта Ильина во время Чесменской битвы. Конечно, и Коля, и Николай, как будущие моряки прекрасно знали, кто такой лейтенант Ильин и то, что он главный герой Чесменского сражения. Коля достал компас и определил, где у нас восточная стенка. Потом убрал с неё всё лишнее, попросил иконку, повесил на

стенку и воткнул рядом все подсвечники. Наша хижина с белым куполом превратилась в часовню. Отче наш ребята исполнили в полный голос.

А утром пошёл сильный дождь. Под снегом стала чавкать вода. Дождь шёл и шёл. Мы тоже шли и шли под этим дождём. Во второй половине дня стало ясно, что из этой мокрой каши нам сегодня дом не построить, а ночевать в холодной луже тоже не очень уютная перспектива. И к вечеру не подморозило, а дождь продолжался то сильный, а то очень сильный. Под снегом воды было по щиколотку, и мы не то шли, не то плыли. По низкому небу в несколько слоёв бежали чёрные дождевые тучи. День и так был полутёмный, но начало темнеть уже по-настоящему. А мы всё шли и шли....

По моим приблизительным подсчётам мы уже были близко к земле. И вот, когда совсем стемнело, мы увидели впереди и чуть влево огоньки. Впереди берег и сухое жильё. Рая выдала всем по несколько таблеток глюкозы с витамином «С» и спела: «На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь!»

Вот уже впереди берег. У самого берега, под Николаем, шедшим первым, проломился лёд и он провалился с головой. Почувствовав под ногами дно, Николай оттолкнулся, вынырнул и схватился за кромку льда. Лёд обломился, но Николай опять ухватился за кромку. Я заорал ему, чтобы не дёргался и ждал. Скинул свой рюкзак, и продел лыжную палку в петлю для руки. Мне подали ещё несколько палок, и я сделал из них длинную цепочку. Плюхнулся на живот и пополз к Николаю. Потом, как хлыстом, закинул палки к нему в полынью. Слава Богу, что это удалось с первого раза. Сзади ко мне подполз Миша и схватил за ноги. Коля и Рая потянули Мишу, а я потянул Николая. Вылезли на лёд и увидели сбоку какие-то мосточки. Вот там и вышли все на земную твердь. Николай был мокрым весь. Я и Миша мокрыми были спереди. У остальных мокрыми были только ноги. Но впереди светились огоньки какой-то деревни.

От мосточков, в сторону деревни, была натоптана дорожка. Лыжи в охапку и бегом к жилью, а сил уже нет. Я ругался и гнал ребят бегом. Зина два раза упала и я забрал у неё рюкзак. Разрешил ребятам немного пройти шагом и опять погнал всех бегом. Шагом – бегом, шагом – бегом. Ввалились в первую же избу и подняли из постели сонную одинокую бабку. Она запричитала, заохала и велела тем, кому не надо срочно переодеваться, топить остывшую с утра русскую печь. Кое-какой запас сухой одежды у нас ещё был, а какое-то тёплое тряпье и две пары валенок дала бабушка Пелагея. Ночные фетровые чуни тоже пошли в дело.

Вот тут и пригодился Раин медицинский спирт. Прежде чем одевать сухую одежду всех растирали проспиртованной мочалкой снаружи и давали немного внутрь. Печка быстро разогрелась, а у бабушки Пелагеи был наварен впрок большой чугунок кислых щей. Мы добавили в щи пару банок мясных консервов, бабка выставила на стол крынку сметаны, маринованные грибочки, большую сковородку с яичницей и солёную рыбу. А я достал из рюкзака две бутылки кагора.

Для бабушки Пелагеи мы были просто туристы, попавшие в беду. У местных жителей, промышляющих рыбу в бурном озере и заготавливающих сено на островах, приключение вроде нашего, было рядовым событием. Но, прежде чем сесть за стол, мы встали в красном углу, где перед старинными иконами теплилась лампадка и, по сигналу Николая, перекрестившись, дружно и чётко спели Отче наш. Вот это для бабушки Пелагеи явилось полной неожиданностью. Она села на лавку и стала плакать. Еле-еле мы её успокоили и посадили за стол, но она, иногда, как-то улыбаясь, всхлипывала и утирала концами косынки слёзы.

По всей избе развесили наши мокрые одёжки, носки и обувки. Ночевали на полатах

под потолком, где нам было жарко. Николая положили на печку, где было не жарко, а очень горячо. И никто не заболел!

После вчерашних передряг хотели утром сладко поспать, но не получилось. Пелагея Сергеевна рано утром ходила доить корову и рассказала о нас соседям. Была суббота и сосед, специально для нашего лечения, истопил пожарче баню. Баня была просторная – в расчёте на приезжавших летом детей и внуков. На первый жар пошли мужики, и мы выхлестали из Николая остатки вчерашнего ныряния в ледяную купель. А дядя Прохор заставил Николая выпить стакан самогона с мёдом. Наши девушки устроили большую стирку и всё наше пропотевшее в походе бельё привели в порядок. Вечером даже гладили старинным утюгом на древесных углях.

После тяжёлого похода, ночлегов в тесных, душных и вонючих хижинах и последнего мокрого дня, мы чувствовали себя, как загнанные лошади, но после отдыха в просторной избе и, особенно после бани, полностью восстановились. Сходили в магазин и сумели кое-чего закупить для себя и для Пелагеи Сергеевны. Она оказалась не такой уж несчастенькой старушонкой, как нам сперва показалось. Конечно, колхозная пенсия была мизерной, но наша хозяйка была членом сельсовета и там ей, что-то платили. А в Петрозаводске у неё жили два сына с семьями и взрослый внук. В отпуск все приезжали в родную избу. Помогали с огородом, заготавливали дрова, сено, грибы, ягоды и рыбу.

Переночевали ещё одну ночь, и пошли в Кижы, а дождь всё шёл и шёл. Под крышей избы мы на дождь как-то не обращали внимания. Штормовки из лёгкого брезента, конечно, промокали, но мы под штормовками на свитера накинули шали из полиэтилена и, даже сделали себе такие же, юбки. Вот, в таком смешном виде мы и заявили экскурсионное бюро заповедника Кижы. Сложили в коридоре свои рюкзаки и пошли заказывать экскурсию. Но впереди нас заказывали экскурсию девушки, приехавшие из райцентра Великая губа. Мы познакомились и образовали общую группу. Эти девушки были из карельского народного ансамбля «Кантеле». Они приехали на гастроли в райцентр и заодно решили посмотреть Кижы. А дождь всё шёл и шёл. Никаких условий для фотографии. Низкие тучи, серая мокрая архитектура. Даже верхние маковки и кресты Преображенской и Покровской церквей видны расплывчато в сером тумане. Осталось от Кижей общее впечатление, но по фотографии получились серыми и не резкими. От храма к храму перебегали по-быстрому, так как девушки из «Кантеле» были одеты не по погоде. Внутри храмов было темновато, а со вспышкой снимать не разрешили. Зато девушки взяли нас с собой на автобус, помогли устроиться в гостиницу в Великой губе и дали контрамарки на своё вечернее выступление. После концерта устроили в гостинице совместный ужин с танцами. Наши курсанты одели форменные фланелевки с гюйсами, то есть с синими морскими воротниками, и были нарасхват. В ансамбле «Кантеле» был только один мужчина - их старенький руководитель, режиссёр и дирижёр.

Гастроли у девушек закончились, и мы вместе добирались на перекладных до Медвежегорска. В поезде, пока ехали до Петрозаводска, было продолжение банкета. Мы поехали дальше, а наши новые подруги, расставаясь, обещали писать письма и приглашать на свои выступления.

Как ни странно, но через три года ансамбль «Кантеле» гастролировал по турбазам Карельского перешейка, а я был старшим инструктором одной из этих баз. И у нас было очень весёлое продолжение банкета! Жаль, что курсанты мореходки были в плавании, но одна из солисток проговорила, что Колины родители теперь живут в Питере и ей обязательно надо к ним зайти....!

Церковь Святителя Василия Великого

*«Если притупится топор,
и если лезвие его не будет отточено,
то надо будет напрягать силы:
мудрость умеет это исправить»*

Библия, Екклесиаст, гл. 10, стих. 10.

Да, конечно, прав великий Екклесиаст, что если топор тупой, то «надобно напрягать силы», а все равно будет много движений, но мало достижений. После тяжелого перехода по зимней тайге, когда быстро темнеет и крепко подмораживает, когда все устали, замерзли и хотят, чтобы побыстрее был жаркий костер и горячий ужин, топор «тук-тук, тук-тук», а дров нет. Не помогает даже ругань на того, кто три дня назад затупил лезвие о камень, обрубая корни у выворотня. А кто тупой? Топор или... тот о ком предупреждал Екклесиаст?

Топор – древнейшее достижение цивилизации. Именно он, если верить Дарвину, сделал из обезьяны человека. Обезьяна иногда догадывается взять палку, чтобы сбить высокий плод, но привязать на палку острый камень сообразил уже Homo Sapiens. Сейчас мы, горожане, потеряли уважение к топору, еще совсем недавно самому главному инструменту человечества. Топором строили дома и дворцы, церкви и крепости, сани, телеги и корабли. С топором воевали, и это было очень грозное оружие.

На Руси говорили: «Пусти русского мужика с топором в лес, он там город построит». До революции, в лесорубной Архангельской губернии, когда жених сватал суженую, то со всей своей родней приходил к будущему тестю, а отец невесты говаривал: «А будет ли молодец хорошим хозяином и кормильцем семьи? Надо проверить». Выносили во двор топор тестя, березовую сухую чурку – на топорище и новый, ещё не насаженный, топор. Жених под строгими взглядами и шутками всех родственников топором тестя вытесывал топорище и насаживал топор, которым по обычаю должен был потом начать строительство дома для своей новой семьи. Готовый топор переходил из рук в руки родственников обеих семей и все высказывали свое мнение о женихе как об умельце и кормильце.

Был еще такой обычай: когда трудник приходил наниматься к лесозаводчику, то оплата его определялась следующим образом: на пень клали медный пятак, а нанимающийся в работники должен был эту денежку разрубить одним махом своего топора. Медные пятаки тогда были большие и толстые, и требовалась большая сила удара, чтобы расщепить монету. Потом хозяин подбирал половинки, а от точности удара зависела их одинаковость и... размер оплаты.

Наш Петр Великий, в первую очередь, был плотником, а уже во вторую – императором, бомбардиром и все остальное. Даже окно в Европу он «прорубал». И на берегу Невы стоит скульптура «Царь-плотник». Он-то топором не гнушался.

Во многих краеведческих музеях есть средневековые топоры. Это было как раз то время, когда топор был главным инструментом, и каждый сам заказывал кузнецу такой топор, какой ему был нужен для определенного дела. Или наши предки были неумельцами

дураками или мы слишком «умные», но ни в одном музее я не видел старинных топоров, похожих на те, которые выпускала в продажу наша промышленность. Один мой друг, отсидевший в сталинских ГУЛАГах 18 лет, говорил, что такую форму топора у нас изобрели в НКВД, чтобы еще больше издеваться на лесоповале над заключенными. План требовали выполнять большой, а инструмент давали очень неудобный и тупой.

Экскурсоводы в Кижях рассказывают, что когда закончилось строительство знаменитого двадцати трехглавого Преображенского собора, то после освящения храма главный артельщик плотников Нестор, тезка легендарного летописца, сказал, выпив очередную чашу вина на трапезе: «Вот, никто до нас такую красоту не строил, и уже никогда не построят!» – и закинул свой топор в седое озеро Онего.

Есть легенда о том, что молодой парень, бывший подмастерьем у Нестора, и по молодости лет не пьющий, заметил, где утонул топор мастера. Когда все разошлись, он нырял, нырял и топор своего учителя достал, и теперь этот топор передается из поколения в поколение вместе с древними секретами деревянного зодчества.

Наслушался я рассказов о русских топорах от поморов и археологов, посмотрел на древние топоры в исторических музеях Новгорода, Пскова и Старой Ладogi и захотелось мне сделать для себя топор по музейному образцу. Нарисовал эскиз и заказал в кузнице выковать мне топор из хорошей стали, но не закаливать. Потом сам начисто обработал топор напильниками и наждаком и отдал термистам закалить. Топорище сделал из сухой рябины. Наточил как бритву и сделал защитный чехол на лезвие из толстой кожи. Прекрасный инструмент получился, удобный в работе и красивый, примерно как в XIII веке.

Я хвастался своим топором в турпоходах и ловко рубил им дрова для костра. Но мой друг, иконописец Илья, посмеивался над моим хвастовством и говорил, что настоящий русский мужик должен топором построить дом, а хвастаться уже потом. Сам-то Илья деревянный дом уже строил себе в Старой Ладoge. И не просто дом, а вместе с часовней. Вход сбоку в сени, а из сеней, налево, в избу, а направо в часовню Петра и Февронии, наших православных покровителей верной супружеской любви, освященной церковным венчанием. Это в противопоставление католическому святому Валентину, покровителю легкомысленной молодёжной одноразовой любви.

Весной, перед Пасхой, была у нас в Питере всероссийская православная выставка. Илья был участником этой выставки как иконописец. И вот на ней и обратился к Илье за советом Василий Иванович Захарьящев. Василий Иванович был хозяином торгового комплекса «Русская деревня» на проспекте Народного Ополчения. Там было несколько магазинов и два больших ангара, в которых продавали всё, что нужно для садоводов, огородников и индивидуальных застройщиков. Разный инвентарь, инструменты, стройматериалы, семена и прочее. А в дальнем левом углу территории строили на вывоз избушки, хозблоки, колодезные срубы, веранды ...

Можно заказать по образцам, а можно и по индивидуальному проекту с красивой деревянной резьбой. Даже был в Русской деревне и свой архитектор по деревянному строительству, с прозвищем «Растрелли». Но время наступило уже самое перестроечное, и появилась идея превратить «Русскую деревню» в село. А на Руси разница между деревней и селом заключалась не в количестве домов, а в том, что в селе была церковь. Своему Растрелли проектировать церковь не доверили, а нашли старого дипломированного специалиста архитектора, который и спроектировал маленькую церковь. Начали строить, но в самом начале строительства, когда успели поставить только фундамент и стены сруба, архитектор умер. Его чертежи для строительства церкви найти не сумели. Плотники, возводившие сруб, были хорошими мастерами своего плотницкого дела, но надо было строить не

простой дом, а церковь. Василий Иванович Захарьяшев был не только хозяином «Русской деревни», но и ктитором строящейся церкви. Ктитор - это человек, который распоряжается всеми деньгами, собранными на строительство церкви. Ктитор покупает стройматериалы, нанимает строителей, покупает иконы, а также и всю церковную и богослужебную утварь. Вот как ктитор, Василий Иванович, и обратился на Православной выставке к Илье с просьбой найти такого человека, который сможет возглавить строительство церкви в «Русской деревне». Илья согласился приехать, посмотреть на то, что уже построено, и подумать.

Офис Василия Ивановича располагался в бревенчатой избушке, стилизованной под древнюю Русь. В назначенный день, когда приехал Илья, в этой избушке собрались несколько представителей банков, заводов и других организаций Кировского района, которых Василий Иванович уговорил пожертвовать деньги на строительство церкви. Рядом был магазин «Русский мёд», а в магазине были мёды хмельные «Монастырский», «Дружинный», «Княжеский», привезённые из заводика в Коломне. Вот под этот хмельной мёд и пошёл разговор о продолжении строительства церкви и вообще о древнерусском деревянном зодчестве. Илья рассказал, что в Кижах экскурсоводы рассказывают о самой знаменитой деревянной Преображенской двадцати трехглавой церкви, что эта церковь находится под охраной ЮНЕСКО, и ещё о том, что после освящения храма главный строитель Нестор сказал на трапезе: «Вот, никто раньше такую красоту не строил и никогда больше не построит». И, символически закинул Нестор свой топор в озеро Онего. Выслушали Илью с интересом, а Илья добавил, что молодой подмастерье Нестора заметил, куда булькнул топор, а потом нырял, нырял и топор мастера достал. С тех пор топор передаётся из поколения в поколение, вместе с секретами древнего деревянного зодчества. Выпили за Нестора и за его ученика, и за древнюю Русь. Интересно, конечно, но вроде бы, к делу строительства церкви в «Русской деревне», никак не относится.

– Может и не относится, – говорит Илья, – но этот топор сейчас у моего друга Ивана, а Иван живёт тут поблизости. Можно бы позвать и топор посмотреть. Конечно, Илью попросили немедленно мне позвонить, а пока пошли в «Русский мёд» покупать ещё несколько бутылок благородного напитка.

Илья позвонил мне и позвал выпить очень вкусного мёду «Монастырского», и ещё попросил, что бы я обязательно принес свой топор, иначе мёда не нальют. Я ничего не понял, но взял топор под мышку и пошёл. Пришёл, поздоровался со всей пиджачно – галстучной компанией и сел рядом с Ильёй. Мне налили чашу мёда, а мой топор пошёл по рукам. Кто брал топор, тот представлялся. Солидные люди, а топору радуются, как дети. Я же не знал, что им тут Илья про мой топор рассказывал. Вернули мне топор, а Василий Иванович совершенно серьёзно мне говорит:

– Вот ты и будешь этим топором нашу церковь достраивать!

Я шёпотом спрашиваю у Ильи, что это за церковь и почему я должен делать то, чего не умею? Илья тоже шёпотом стал объяснять, что церковь рядом, а строить будем вместе, и чтобы я держался посolidнее и держал кураж, а то нам не поверят. Мы шепчемся, а Василий Иванович спрашивает:

– А как у вас, ребята, с деньгами в ваших семьях? Ведь время такое, что везде зарплату по несколько месяцев задерживают, а то и по полгода.

Ну, мы, конечно, отвечаем, что у нас как и у всех очень трудно. А это было то время, когда девальвация рубля дошла до того, что все мы считали деньги уже на миллионы. В ответ на наши слова, Василий Иванович сделал нам необычное предложение:

– Вот, везде зарплату задерживают, а я на строительстве церкви буду вам платить

деньги за месяц вперёд. Если не заплачу – можете не приходите на работу.

После этих слов, Василий Иванович достал из кармана два миллиона и положил один передо мной, а другой перед Ильёй. Предложил взять деньги и завтра выходить на работу. Сובлазн взять деньги был велик, но и ответственность была ещё более великая. А Илья шепчет, что деньги надо брать и мы вместе справимся. Я нерешительно сказал, что нам надо дня три подумать, Василий Иванович разрешил думать хоть неделю, так как строить церковь - дело святое, и он нам верит, но деньги уговорил взять. Деньги были тяжёлые и очень горячие. Можно было на них крупно погореть.

Пришёл я домой, положил перед собой топор и деньги, и задумался о том, в какую авантюру мы с Ильёй влезли. Думал, думал и заснул. Моя психика имеет защитную реакцию. Когда мне очень трудно, то сознание само отключается, и я непроизвольно засыпаю. Проспал сутки.

Проснулся и стал думать. Для русского человека взяться за строительство церкви всегда было очень не простое решение, а для нас, выросших при советской власти, и вовсе таким, как решение переходить Рубикон перед Цезарем. Все мы росли и жили при советской власти. Я пережил почти десять руководителей России от Сталина до Медведева. Все они относились к тысячелетней истории русской православной церкви очень по-разному. От самых жестоких гонений, как при римских императорах Нероне и Диоклетиане, когда христиан травили на аренах дикими зверями, до показательной благожелательности, когда, вместо партийных билетов, в Кремле стали размахивать крестами. Никогда не было только сознательного исполнения Десяти Божьих Заповедей. Но всякие прислужники властей из газет, радио и телевидения всегда старались всячески охаять и церковь и тех, кто верит в Бога. Власть должна быть только одна и журналисты не успели сразу перестроиться. У них не хватало знаний и тактичности правильно освещать эту неожиданную святость наших кремлёвских небожителей.

Ну, а я сам? Имел ли я моральное и этическое право братья за строительство церкви? Пришлось заново переосмыслить всю свою долгую жизнь. Ведь я пережил вместе с русским народом все эти тяжёлые времена. Я работал в советских организациях, где были парткомы и профкомы. И где, как заградительный отряд с пулемётами, стояли начеку работники первого отдела, следящие за благонадежностью сотрудников. Я не подвергался репрессиям, но это скорее была моя хитрость, а не мой позор. Я так часто менял место работы, что ленивые сотруднички первых отделов ещё не успевали заводить на меня серьёзное дело, как я работал уже в другом министерстве. Я был «летун», но не антисоветчик.

И вот пришло время доказать самому себе, чего же я стою на самом деле. На столе лежал миллион рублей, а на душе лежали честь и достоинство моих предков.

В детстве мама и моя крестная тётя Капа водили меня в церковь и учили молитвам. Крестили меня в Николо-Богоявленском морском соборе в самом страшном 1937 году. В нашем доме всегда были иконы, даже во время эвакуации, когда мы жили среди мусульман. Когда я осиротел, жил один и много путешествовал, то со мной всегда была наша старинная фамильная икона Ивана Воина. Я специально ездил в некоторые знаменитые монастыри. Но настоящим хождением на богомолье это называть было бы неправильно. Это были экскурсии.

Но церковь строить надо! И если не мы с Ильёй, то кто же за это дело возьмётся? Надо не только строить церковь – надо перестраивать всю свою жизнь. И стал я вспоминать, что на эту тему советует народная мудрость: «взялся за гуж – не говори, что не дюж», «назвался груздем – полезай в кузов», «глаза боятся, а руки делают», «не боги горшки

обжигают». Даже в словарь Даля заглянул и там тоже прочитал несколько подобных поговорок. Вспомнил своего деда. Он говорил, что в книгах всё есть, и брался за любое новое дело, но сперва про это дело читал. И ещё я вспомнил, как я сам изучал древние русские топоры и делал свой.

Работать топором я умел. Была и сила удара и хорошая точность. В разные периоды жизни мне пришлось несколько раз быть плотником. Даже пятый плотницкий разряд был записан в трудовой книжке. А вот специальные знания по церковной архитектуре надо было срочно осваивать по совету своего деда: «В книгах всё есть!»

Пошёл я к своим друзьям, работающим в Эрмитаже, за советом и помощью. Из библиотеки музея мне достали под моё очень честное слово старинную книгу о строительстве деревянных церквей. Деревянные переплёты книги были обтянуты кожей, висящей ключьями, медная застёжка висела на одной заклёпке, пожелтевшие от времени ломкие страницы рассыпались. Дали и ещё пару книг, поновее, о реставрации северных церквей. А ещё дали адрес и телефон мастерской настоящих профессиональных реставраторов, уже несколько лет работающих по консервации и реставрации деревянных памятников архитектуры на севере Архангельской области.

Я позвонил этим реставраторам и договорился о встрече. По дороге мы с Ильёй зашли в пару магазинов и хорошо затарились. Представились журналистами и обещали написать большую статью в строительную газету. Это была полуправда. Я действительно был журналистом и статью о реставраторах написал. Хорошо посидели за столом, и наши хозяева рассказали нам много нужного и интересного. У них в мастерской ещё стояла деревянная церковная маковка, которую они возили на выставку в Германию. Делали они эту маковку три года. А нам надо было сделать две маковки: большую - на церковь и поменьше - на колокольню. Времени у нас было не три года, а три месяца. Маковка, бывшая на выставке в Германии, была раскрыта на одну четверть. Можно было заглянуть внутрь, и не только разглядеть всё устройство, но потрогать руками и сфотографировать. Снаружи тоже на части маковки обшивка была раскрыта слоями. У меня был хороший фотоаппарат со вспышкой, и я не жалел плёнки. Несколько снимков я напечатал для газетной статьи, а для нас с Ильёй напечатал все остальные. Выпили так хорошо, что я забыл у реставраторов на гвоздике свою кепку. Но зато они дали нам несколько городковых осинового лемехов, хоть и гнилых, но настоящих, снятых с древних церквей.

Вот с такой подготовкой и с хорошим, но спокойным, куражом мы и пошли во второй раз в «Русскую деревню». Василий Иванович познакомил нас с бригадой плотников. Сказал, что мы будем руководить стройкой, и сами тоже будем работать. Как говорят спортсмены «играющий тренер». Мужики показали нам справными и умелыми. Мы запретили им курить и материться, делая святое дело. Нас правильно поняли и зауважали. Перекуры в сторонке значительно снизили употребление курева, а трое вообще бросили эту привычку.

Долго выбирали два бруса сечением 200 X 200 для основы изготовления главок на церковь и колокольню. В столярном цеху заказали их первичную обработку. У нас при изготовлении главок, конечно, будет меньше трудностей, чем было у реставраторов. Всяких материалов большой запас и хороший выбор, столярный цех с разными станками, где для нас всё делают в первую очередь. За магазинами, в дальнем левом углу, под наше строительство церковных главок нам отдали большую веранду. Есть крыша от дождя и солнца, а вокруг реденькая ограда. Мы и в помещении и на виду. Сделали разновысокие козлы, чтобы на них немного наклонно лежали брусья для луковичек во время их изготовления. Работа началась.

Мы работали, конечно, не по восемь часов, а значительно больше. Бесплатно обедали в общей столовой для сотрудников. Принесли из дома кипятильник и чай пили на рабочем месте. Торговля в магазинах «Русской деревни» прекращалась в шесть часов, а потом ворота запирались и выпускались собаки для охраны территории. А мы продолжали работать ещё несколько часов, пока было светло. Собакам было скучно, и они приходили к нам поговорить и выпросить угощения. Мы не скупились, и дружба с собаками крепла.

В «Русской деревне» утром открывали ворота в десять часов. Но церковь строили снаружи, и мы и плотники приходили к девяти. От первоначального проекта приходилось отступать, объяснять это плотникам, а начальству доказывать. Нас не сразу понимали. Не воцерковлённым людям трудно понять, что такое алтарь, солея, иконостас, царские врата, дьяконовы двери, ризница. Перед обедом мы ещё раз приходили к церкви посмотреть, как идут дела. Мужики честно старались делать хорошо, но им не хватало именно специальных знаний того, как всё должно быть устроено в церкви. Поскольку Илья был иконописец, то постоянно посещал разные церкви. Он сразу видел, что и как нам надо делать дальше. Я по вечерам читал книги о церковном строительстве, но практические знания Ильи, конечно, больше помогали делать то, что нужно.

Церковь строилась перед воротами на территорию «Русской деревни» и большинство покупателей останавливались и расспрашивали о стройке. Но плотники отсылали любопытных к нам с Ильёй, говорили, что у нас интереснее и мы больше знаем. Василий Иванович тоже приводил к нам журналистов и телевизионщиков. На веранде, где мы строили церковные главки, мы были как на сцене. Пришлось и одеваться соответствующим образом. Илья работал в длинной белой полотняной рубахе с вышивкой. Подпоясан был шерстяным плетёным поясом с молитвой. Я был в косоворотке из небелёного холста с красным воротом. Подпоясан поясом, сплетённым из семи разноцветных ремешков. На головах у нас были кожаные очелья.

Работа спорилась, и любопытным уже было на что посмотреть. Углы квадратного бруса на высоту главок стесали на восьмигранник. Над восьмигранником конус, прикрывающий от затекания дождя, а над конусом шар. Над шаром тот же брус является вертикальной основой восьмиконечного православного креста. Всё едино, и в сути является продолжением одного из другого. Чтобы сразу определиться в главном, мы, подготовив брус, начали с того, что сделали кресты. Любопытным, приходящим смотреть на нашу работу, предлагали сперва перекреститься, а уж потом мы отвечали на их вопросы. Илья придумал повесить снаружи веранды церковную кружку для сбора пожертвований на строительство главок. Не важно, как выглядит такая копилка – круглая медная или квадратная деревянная, но всё равно «кружка». Вечером, перед уходом домой, мы забирали деньги из нашей кружки. Илья убедил меня в том, что дополнительная оплата нашего труда это тоже пожертвование на строительство главок. Ведь кормили нас один раз в день, а работали мы до позднего вечера. Наступило жаркое лето, и на верстаке теперь всегда есть бутылка с квасом.

А в церкви уже настелили пол и начали строить звонницу. Церковь маленькая. Алтарь получается тесным, со скошенными задними стенками. Солея и амвон тоже очень узкие. Не хватает длины метра полтора, но сруб уже стоит и надо как-то всё делать очень компактно. Когда ещё до нас ставили сруб, то не думали, что в церкви обязательно полагается сделать притвор, алтарь, иконостас, солею, ризницу, свечную лавочку, лестницу на звонницу. Теперь это наша с Ильёй головная боль. Плотники даже и слов таких не знают. Не знают и того, как это всё должно быть устроено для нормального проведения богослужений. А в алтаре тоже нужен престол, жертвенник, семисвечник и всё остальное, что необходимо священнику и диакону для проведения

службы.

А наши главки становятся всё красивее. Обрастают кружалами, журавцами, епанчой, обрешёткой и даже первыми лемехами. По церковным преданиям главка в виде луковички – это чисто русское изобретение. Когда в десятом веке на Русь пришла из Византии христианская вера, то вместе с верой к нам пришла и греческая церковная архитектура. Но в Греции главным строительным материалом был камень и кирпич. Греки научились делать завершение храмов в виде купола, символизирующего небесный свод. Но в Византии христианство было признано государственной религией на шестьсот лет раньше, чем на Руси, ещё со времени Константина Великого. А для Руси христианство было религией молодой. У нас было ещё не завершение, а только стремление. В том числе и стремление ввысь. У русских людей понятия высокого и прекрасного были тождественны: высокая нравственность, высокое искусство и, конечно, высокая церковь с высокой колокольней. Но всякий строительный материал требует своего собственного способа архитектурного выражения формы и красоты. То, что хорошо было в камне, не годилось для дерева. Дерево - материал менее долговечный, но более пластичный. Среди деревянных сельских строений церковь должна была быть архитектурной доминантой. Символизировать красоту и силу нашей веры. Прообразом церковной архитектуры стали древние русские сторожевые вышки и крепостные башни. А вот символическое завершение шатрового купола в виде барабана и луковички с крестом наши предки понимали так. Барабан над шатром – это свеча. Епанча, то есть зубчатый воротничок над барабаном и под луковицей - это потоки воска на свече. Сама луковичка имеет форму пламени свечи. Если луковички были золотистыми, то эта златоглавость русских церквей была свечами Господу.

Но не всегда можно было сделать золотые купола. Деревянная черепица в виде городкового осинового лемеха - это тоже гениальное изобретение наших предков. Осина не гниёт и не трескается несколько сот лет. Только засеребрится. А зубчики расположены так, что по всей поверхности купола, в каждой его точке, просматривается православный восьмиконечный крест.

Главку начинают обшивать лемехом снизу. Каждый следующий пояс лемехов перекрывает щели предыдущего и имеет другую форму и размер. Всё вытёсывается вручную маленьким топориком. Снаружи лемеха выпуклые, а изнутри вогнутые. Нижние ряды сверху шире. В середине бочковатые. На переходе S-образные и вверху сужающиеся. Между лемехами надо оставлять щели, чтобы их не порвало при разбухании дерева под дождём.

И все расчёты делаются по интуиции мастера. В нужном месте окружность главки измеряется верёвочкой. Верёвочка складывается в нужное количество раз. Определяется ширина лемеха и... топор в одну руку, а заготовку лемешины в другую. Прибивается лемех гвоздями так, чтобы их не было видно. Гвозди закрыты верхним рядом осинового черепицы. В старину гвозди были деревянными. Вот такая это была русская топорная работа.

Построить церковную главку, крытую городковым лемехом, работа действительно очень трудоёмкая и это на самом деле почти искусство. Не зря храмы в Кижях находятся под особой охраной ЮНЕСКО как шедевры деревянной архитектуры общемирового значения.

Было бы неправдой сказать, что у нас с Ильёй все сразу хорошо получалось. Но больших ошибок мы ни разу не сделали, а мелкие вовремя исправляли. Нам очень помогало то, что нас было двое и то, что по вечерам мы читали нужные книги. А со стороны наших ошибок никто не замечал потому, что никто кроме нас самих ничего толком не понимал в нашей работе.

Мы работали без выходных с десяти утра и до самой темноты. Нас не подгоняли, но очень торопили. Добавили нам в помощь добровольца, инженера-отпускника Славу. Мужичок он был старательный, но слишком умный. Всё пытался сделать правильный теоретический расчёт нужного размера очередного лемеха. Мы как-то всё верёвочкой и пядью, а он на бумажке формулы пишет, пишет, а потом задумается, справочник карманный достанет и логарифмическую линейку. Сидит и уже по другим формулам считает. Мы его перевели на подсобные работы, чтобы можно было без обходиться формул.

А дело хорошо двигалось. На церкви уже поставили конёк крыши и стропила начали обшивать обрешёткой. Мы выпилили из конька кусок в двадцать сантиметров и наложили с боков накладки из швеллера на болтах. Получилось посадочное гнездо для вертикальной основы главки. Плотники закончили строить звонницу и ставили вертикальные жерди для шатровой колокольни. Внутри церкви подняли пол для алтаря, солеи и амвона. В деревообделочном цеху были хорошие столяры и резчики. Мы сделали чертежи иконостаса и внутренних поделок алтаря. Работа пошла. Василий Иванович приказывал откладывать любое другое дело и, в первую очередь, выполнять то, что заказывали мы с Ильёй. Без нашей помощи ни плотники, ни столяры работать не могли. Слишком специфическим для них было это церковное дело. Крышу покрывали двумя слоями осиновых досок специального профиля, чтобы не затекала дождевая вода. Сверху ставили охлупень с коньками. Охлупень делали мы с Ильёй. Колокольню обшивали снаружи тоже мы.

Когда закончили обшивать главки, то пока они были ещё под крышей, промазали в два слоя раствором, защищающим от гниения. Собрали помощников, и на руках отнесли главки к церкви. Нужно было совершить молебен и освятить главки и кресты, прежде чем ставить их на церковь. Настоятелем к нам назначили учёного секретаря Духовной Академии отца Сергия (Расказовского). Молебен и освящение совершили, а Василий Иванович вызвал автокран и машину с подъёмной площадкой. Под шар большой главки обвязали капроновую петлю и накинули на крюк подъёмного крана. Аккуратно опустили нижний конец бруса в подготовленное гнездо и укрепили клиньями. То же сделали и с маленькой главкой. С лесенки, привязанной верёвкой вокруг колокольни, Илья завёл нижний конец бруса в квадратное гнездо. Сбоку в ещё не зашитую часть между стояками, я закрепил главку. И тут оказалось, что высоты подъёмной площадки на спецмашине не хватает, чтобы отцепить петлю от крана. Целый час спорили, что делать. Пришлось снимать уже закреплённую главку и опускать вниз. За главку я привязал верёвку «бантиком» с очень длинным, до самой земли, кончиком. Меня всё пугали, что бантик сам развяжется и главка упадёт. Но я был уверен в завязанном узле. На самом деле, это был не бантик, а правильный морской рифовый узел. Ведь в молодости я был и моряком и альпинистом. Главку поставили, я дёрнул за верёвочку и узел развязался.

Теперь можно было уже наметить день окончания строительства и освящения церкви. Русская православная церковь 19 августа отмечает праздник день Преображения Господня. Но этот день называют ещё и Яблочный Спас. В этот день освящаются плоды нового урожая. А «Русская деревня» - это комплекс разных лавочек и магазинов, где продавалось всё необходимое для садоводов и огородников. Всё - от стройматериалов до семян. И, конечно, день 19 августа в «Русской деревне», в первую очередь, был именно Яблочным Спасом. На этот день и наметили освящение церкви и первую службу. Успели сделать почти всё. Привезли колокола и меня попросили их развесить на звоннице. Я отказывался, говоря, что такая тяжесть не под силу, но мне обещали дать в помощь грузчиков. Кузнецы по моим эскизам отковали балки и скобы, на которые мы колокола и развесили. Когда всё было готово,

то около церкви, во главе с Василием Ивановичем и нашим священником, собрались те, кто жертвовал деньги на бронзу и отливку колоколов.

– Вот, принимайте работу, – сказал я.

– Это колокола! Их надо не смотреть, а слушать, – ответил мне Василий Иванович, – ты вешал, вот теперь ты же и лезь на колокольню, звони, а мы послушаем.

Я звонил в колокола первый раз в жизни, но когда спустился вниз, то мне предложили остаться служить в церкви звонарём.

В то время, когда мы строили церковь, те, кто работал в «Русской деревне», обедали в общей столовой «за счёт заведения». Пообедать можно было в удобное для себя время с часу до трёх. Кормили вкусно и сытно. Конечно, можно было просто прибавить зарплату, но обед за общим столом для русских людей значит значительно больше, чем просто еда. Общий стол - это праздник для друзей. Если бы сотрудники сидели каждый в своём магазинчике, то не было бы такого доброжелательного общения. А по всяким праздникам к обеду и хорошей закуске предлагали ещё и по стопочке водочки. Для женщин было вино или хмельной мёд. Брал человек поднос с праздничным угощением и смотрел, к какому столику с симпатичными людьми ему подсесть. Выпивать в одиночку для русского человека неприлично. В «Русской деревне» работало несколько родственников и личных друзей Василия Ивановича, а остальных приобщали к этой семейственности. Получалось!

Если русские люди каждый день обедают за общим столом, то возникают, так называемые, неформальные связи и семейственность. Бесплатный общий обед - это была великая хитрость Василия Ивановича. Это помогло сплотить дружную команду, помогающую друг другу и болеющую за общее дело.

В России это было очень трудное для всех время. Полный развал всей экономики. Военные заводы пытались выпускать никому не нужный мелкий ширпотреб. Бешеная инфляция. Как грибы-поганки выростали в этом гнилом болоте временные банки с громкими названиями, и быстро лопались, как мыльные пузыри. Прихватизировалось ловкими хапугами всё народное достояние. Всё, что можно и даже нельзя, выставлялось на продажу за доллары.

Но в «Русской деревне» всё было немножко не так, как в окружающем нас сумасшедшем мире. Не всё в нашей «деревне» было по-коммерчески, но кое-что было ещё и по-божески. Вполне понятно, что от строительства церкви никаких прямых доходов быть не могло, а только расходы и убытки. Ведь это не было государственным заказом, а только личной инициативой Василия Ивановича и его друзей. Но строительство своей церкви духовно объединяло и тех, кто в этом участвовал, и тех, кто этому сочувствовал и всех, будущих прихожан, которые жили поблизости в нашем спальном районе. Это было уже не общее застолье, а общая молитва!

В этом пусть не всемирном, а всероссийском потоке «Русская деревня» была даже не спасательным плотом, а «Ноевым ковчегом». Я, конечно, не знаю, каким великим трудом и талантом удалось Василию Ивановичу провести этот ковчег среди шквалов и штормов того времени, но те, кто был в его команде, перенесли это бурное время без больших моральных и финансовых потерь. И, конечно, вполне заслуженно Василий Иванович Захарьящев теперь избран президентом Всероссийского общества садоводов и огородников и депутатом Государственной Думы.

А в нашей «деревне» раскручивалась подготовка к освящению церкви и к Яблочному спасу. Василий Иванович Захарьящев был родом с рязанщины. Из мест, близких к родине Сергея Есенина. И было что-то в этом русском мужике такое же лихое, широкое, с хорошим

добрым куражом. Нравилось Василию Ивановичу устраивать хорошие праздники, чтобы в нашей «деревне» народ «гулял». О гулянии на Яблочный Спас, с освящением новой церкви говорили по радио и на телевидении. Писали в районной газете. Приглашения были разсланы во все общественные организации района и в муниципалитет. Позвали детей из детского дома и из домов интернатов. Обещали кормить и поить чаем с мёдом. Репетировали скоморохи, фольклорные ансамбли, гармонисты и балалаечники. Приглашали вместе с яблоками и прочими тыквами садоводов и огородников из области. Где-то достали самовар ёмкостью ведра на четыре и военную полевую кухню. В магазин «Русский мёд» завезли дополнительный запас мёда хмельного и всякого прочего.

А в то время не так уж богат был Василий Иванович, чтобы поднять в одиночку это деревенское «гулянье». Ещё несколько лет назад на месте «Русской деревни» было камышовое болото и кричали утки. Но рухнула советская власть, началась перестройка и предприимчивым людям разрешили заниматься мелким бизнесом. Вот группа друзей и родственников Василия Ивановича и взялась за освоение этого болота, очевидно, вспомнив народную мудрость, «пусти русского мужика с топором в лес, а он там город построит». Ну, город не город, а хорошую деревню запросто построили. А теперь, вот, заканчивается строительство церкви, и деревня станет уже селом. Строительство церкви дело хлопотное и дорогое. Прямых доходов принести не может, а только убытки. Но церковь во имя Святителя Василия Великого построили!

В святая святых, посреди алтаря, находится квадратный престол. При освящении нового храма верхнюю доску на престол прибавают по углам сразу четыре священника. Полагается прибавать камнями и коваными гвоздями. Потом эти камни укладываются пирамидкой под алтарём. Три вместе, а один сверху. Это символическая Голгофа. Илья отправился в кузницу ковать гвозди, а я съездил в лес на Карельский к знакомому родничку за чистыми и гладкими камнями.

После установки престола и укладывания Голгофы на престол плотно надевается шёлковый покров и расстилается антиминс. На антиминс кладётся Святое Евангелие. В переводе с греческого, антиминс означает – «вместо престола». В древности, если священник выезжал на богослужение туда, где не было церкви, то брал с собой антиминс, символизирующий и церковь и престол. Это квадратный шёлковый плат, посередине изображается положение Иисуса во гроб, а по углам четыре евангелиста. В антиминс обязательно должна быть вшита частица Святых мощей.

И вот он наступил этот знаменательный для нас день девятнадцатого августа. День Преображения Господня. День Яблочного Спаса. День освящения новой церкви Святителя Василия Великого.

Ещё с вечера по главному проходу между магазинами были выставлены столы для раскладывания яблок и других фруктов, привезённых садоводами на праздник и на ярмарку. Столы выставили и около церкви, и в самой церкви.

Я первый раз как штатный звонарь отзвонил благовест и праздничный звон на освящение плодов. Благовест - это благая весть о том, что прихожане приглашаются в храм на богослужение. У звонарей есть присказки, чтобы держать правильный ритм звона. Начало благовеста - это шесть равномерных одиночных ударов в большой колокол. Присказка: «К нам-м-м..., к нам-м-м..., к нам-м-м....» Потом на удары в большой колокол ответ на малых подзвонных: «К нам-м-м..., будем, будем, не забудем.... И опять – к нам-м-м...., будем, будем, не забудем...» Конечно, очень волновался. Но волновался и наш настоятель протоиерей отец Сергей. Для него это тоже была первая церковь, где он был настоятелем.

Торжественное освящение новой церкви возглавил благочинный центрального округа митрофорный протоиерей отец Владимир (Сорокин). Присутствовали и приглашённые настоятели ближних церквей. Особо благодарны мы были настоятелю церкви Св. Петра митрополиту московского архимандриту отцу Иринарху. Мы ещё не успели обзавестись всем необходимым. Отец Иринарх принёс потир, дискос, покровцы и ещё что-то по просьбе отца Сергия. Я так волновался, что освящение церкви и служба проплыли для меня как бы в тумане. После службы было освящение яблок и других плодов нового урожая, разложенных на столах у церкви и по главному проходу между магазинами.

Я оставался в церкви. Прихожане принесли в пожертвование на столы много яблок, а я раздарил все эти яблоки бедным старушкам и детям. После освящения плодов Василий Иванович пригласил священнослужителей на праздничную трапезу. Отец Сергей зашёл в церковь переоблачаться и усталый сел на скамью.

– Ну, давай, и мы с тобой съедим по яблочку, – сказал мне настоятель.

– А нет яблок. Я раздарил все, что было старушкам и детям, – ответил я.

Слава Богу, что не успел я покаяться, как в церковь зашли три женщины и принесли нам ещё прекрасных яблок как пожертвование. Яблоки принесли отборные. Красивые и вкусные.

Мы пошли на трапезу, а в нашей «деревне» во всю развернулось праздничное гулянье. Веселили народ скоморохи. Водили хороводы. Пели старинные народные песни. Всех угощали чаем из огромного самовара с блинами и с мёдом. Взрослым наливали по стопочке мёда хмельного «Монастырского». Из солдатской кухни на колёсах всех желающих кормили кашей. Угощали огурцами с мёдом. Но продолжался ещё Успенский пост, и скромного угощения не было.

В столовой на праздничной трапезе было тесно от многочисленных гостей. Постараюсь описать, кто же были эти наши гости. В Кировском районе Петербурга много более серьёзных торговых организаций, чем «Русская деревня». Большие универмаги, специализированные магазины, рынки. А «Русская деревня» - это несколько простеньких магазинов, где идёт торговля всем необходимым для сельских жителей, садоводов, огородников, дачников и индивидуальных застройщиков. Но тех, кому нужны эти товары, больше полутора миллионов человек, выезжающих летом на свои шесть соток. И главное их отличие в том, что они не потребители и не покупатели продуктов из магазинов, а их производители в результате собственного труда на своей земле. У этих людей совершенно другая психология. Из глубины души возвращается генетическая память славянских предков, любивших матушку землю и считавших её своей кормилицей.

Василий Иванович сумел наладить хорошие отношения со многими садоводами области и найти там интересных людей. Это и организаторы, и простые садоводы, выращивающие на своих участках что-то особенно интересное и вкусное. Вот по таким праздникам, как сегодня, садоводы приезжали к нам в гости что-то рассказать и показать.

Любили в нашей «деревне» устраивать праздники. На день Куликовской битвы и Рождества Богородицы был молебен, а потом исторический клуб «Княжеская дружина» показал настоящую средневековую битву.

В нашей деревне подарили медикам спецмашину скорой помощи. Спецмашины дарили пожарным и милиции. На Новый год устроили детский праздник. Дед Мороз должен был приехать на расписных санях, но подвела погода, и снега не было. Я был Дедом Морозом и приехал к детям верхом на коне. Моя Снегурочка приехала на пони.

И всегда кипел четырёхведерный самовар. Детей угощали блинами с мёдом, а взрослых тоже мёдом, но хмельным. Дымились военные полевые кухни на колёсах, и желающих кормили солдатским обедом.

В церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади митрополит Санкт-петербургский и Ладожский Владимир торжественно благословил всех наиболее отличившихся на строительстве церковными наградами. А потом, конечно, была и праздничная трапеза.

Но прошло несколько лет. Василия Ивановича избрали депутатом Государственной Думы, и он вынужден был переехать в Москву, а нынешние торговцы превратили «деревню» в обычный стеклянно-бетонный торговый комплекс.

Даже церковь им помешала, и её перенесли в сторону метров за двести. В Евангелии написано, что Иисус прогнал торговцев из храма. А здесь торговцы прогнали храм подальше от себя.

O tempora, o mores! (латынь) О времена, о нравы!

Владимир Кириллов

Притчи

Песок

Он не сразу заметил это явление, а потом не сразу определил его природу. Просто вернувшись после традиционного дневного моциона, комфортно расположившись в любимом кресле и укутав колени мохнатым пледом, однажды он ощутил некоторое неудобство, что-то неуловимо мешало полностью расслабиться и предаться ежедневным неторопливым размышлениям. На гладкой кожаной поверхности явно присутствовало инородное тело. Потом он с удивлением обнаружил на полу своей тщательно убранной холостяцкой квартиры посторонние мусоринки округлой формы. Но главное неудобство он испытал в постели: откуда могли взяться твёрдые крошки на хрустящих накрахмаленных простынях?! Он отловил одну из них и долго рассматривал слабыми близорукими глазами. Никакого сомнения – это была настоящая песчинка, коричневатая, мелкозернистая, с тупыми краями. Те же образования он выявил на подлокотниках кресла, на стульях, да и вообще по всей квартире. Пришлось устроить генеральную уборку. Но никакие гигиенические ухищрения уже не спасали, новообразования возникали как будто ниоткуда. Ночью он чувствовал себя принцессой на горошине, кресло не радовало и не приносило привычного отдохновения, даже во время приёма пищи что-то противно скрипело между вставными протезами. Прошло немало дней, прежде чем он, наконец, понял: песок сыпется именно с него, и темпы осадконакопления увеличиваются в устрашающей прогрессии. К тому же, он начал быстро усыхать, сбросил вес и не на шутку испугался за своё здоровье. Но процесс сделался необратимым и лавинообразным. Медицине сие явление было незнакомо, и методов борьбы с ним в природе не существовало. Коробка,

в которой он на всякий случай хранил собранные частицы своего нестандартного организма, заполнилась почти до краёв. И тогда он, никогда не имевший семьи и, в сущности, не признававший детей, принял единственное, на его взгляд, логичное решение: ушёл на площадку в скверике перед домом и сел на край песочницы. Сначала мамы, выгуливавшие своих чад, возмущались таким беспардонным вмешательством в их привычный замкнутый мирок, но постепенно, убедившись, что дефицитный песок не убывает, а только количественно увеличивается, смирились с присутствием странного пожилого человека.

Через несколько дней дворник забрал забытую кем-то на бортике детской песочницы одежду, одобрительно покачав головой и полюбовавшись свежим ровным, песчинка к песчинке, её наполнением.

Груздь

Он уже и сам не помнил, как давно стал называться Груздем. Наверное, ещё в детстве, когда худенького мальчика с простой русской фамилией Грибов начали дразнить то Мухомором, то Поганкой, а то, совсем уж обидно, Опёнком. Но пристала к нему всё-таки кличка – Груздь. В армии ему ни разу не удалось прокатиться в кабине, сослуживцы издевались: «Назвался Груздем...» Так и пролетела большая часть жизни в жёстком, холодном, тряском кузове. Он смирился с несправедливостью и сам уже безропотно «полезал в кузов».

Вот и сегодня в этом пустом, мокром, осеннем лесу, отойдя по нужде за дерево и вернувшись к полупустой корзине, он долго и с всё возрастающей ненавистью смотрел на неё, пережёвывая постылую не сложившуюся жизнь, а потом тяжело вздохнул и зачем-то полез внутрь корзинки. Конечно, со стороны это выглядело бы смешно и нелепо. Кузовок был явно не по его теперешнему размеру, к тому же мешали уже собранные грибы. Но он упорно лез, расталкивая и без того скудный урожай, уродуя крошащиеся сыроежки и посиневшие ножки моховиков. Каким то чудом ему удалось уместиться внутри, расположившись между одиноким подосиновиком и кучкой горькушек. Так и лежал он под морозящим промозглым дождём несчастный, никому не нужный неудачник.

«Мама, мама, иди сюда, тут кто-то корзинку потерял», - закричал краснощёкий мальчик в шапочке с козырьком: «Посмотри, мама, какой большой гриб в ней лежит». «Первый раз вижу розовый груздь», - удивилась подошедшая полная женщина средних лет, разглядывая диковинный гриб.

В лифте

Он вошёл в лифт, осмотрелся и нажал кнопку одиннадцатого этажа. Лифт был не обычным, а наружным, как бы приклеенным к зданию, и к тому же, скоростным. Три его стенки выполнены из особо прочного стекла, четвертая, примыкающая к стене – полу зеркальная. Он хотел поправить причёску, но резко качнулся, потому что кабина быстро стала набирать скорость. Внутренности как будто направились вниз, а волосы поползли вверх. Его рот расплылся в довольной улыбке, ему явно импонировала поездка. На электронном табло быстро сменялись цифры, за какие-то секунды он долетел до

назначенного этажа, но кабина даже не притормозила, а только увеличила скорость. Когда на табло высветилось число «13», он немного смутился и снова нажал на «11». Лифт проигнорировал и продолжил разгон. Тогда он забеспокоился всерьез и начал давить на разноцветные клавиши: «стоп», «11», «вызов» и многие другие. Лифт не реагировал, а движение все ускорялось. Он обернулся и посмотрел на стеклянную стену. Внизу копошился город. Теперь он осознал, что кабина уже давно оторвалась от здания и направляется вертикально вверх. Дышать стало труднее, затем резко похолодало. Он дико закричал, когда вблизи пронесся реактивный самолет, обдав пространство выхлопными газами. Потом вокруг стало темно, и кабина затряслась. А вскоре проявилось бледно-голубое небо, усыпанное мириадами звезд и украшенное ярко желтым диском. Ноги оторвались от пола, и он ударился о зеркало. Пальцы еще инстинктивно тянулись к кнопкам. Кабина изменила положение, она летела горизонтально, потому что он ясно наблюдал, когда лежал лицом вниз, родную планету со всеми ее океанами и материками. Голова гудела, тошнило безбожно, дыхание сперло, мышцы свело от мороза. Но снижение уже началось, и через какие-то мгновения лифт замер. На табло высветилось «11», двери открылись, и пассажир вывалился наружу. На него было страшно смотреть: мокрый, мятый, растерянный, но гордый – первый человек, облетевший землю в кабине лифта.

Писатель

Вы спрашиваете, почему я стал писателем? А что оставалось мне – одинокому, бедному, неприкаянному, ничем непримечательному человеку? Продолжать прозябать в нищете, мыкаться по углам, навязываться в гости для пообедать, да пускать слюну при виде мини юбок? Или пить дешёвый портвейн и напиток, именуемый у нас пивом? Интересный вопрос: почему я стал писателем? А потому что однажды случайно понял, что совершенно свободно могу владеть всем, что мне будут принадлежать самые красивые и экзальтированные женщины, что средства, предоставляемые в моё распоряжение, ничем не ограничены (какие там ничтожные олигархи!), что, чтобы стать известным и знаменитым, путешествовать в экзотические страны, пользоваться всеми мыслимыми благами и привилегиями, достаточно взять ручку и бумагу и сесть за протёртый от крошек стол. Тогда не только весь мир оказался в моём кармане, но и вся Вселенная растелилась у ног, я властвую даже над временем и пространством, то есть из убожества я превращаюсь в почти Бога, да что там Бога! Захочу и стану управлять Богами. Я увидел, что нет ни границ, ни рамок для человека, который стирает грань между вымышленным и реальным. Мне незачем было превращаться в пророка, властителя дум, а было вполне достаточно поселиться в придуманном мире. Впрочем, иногда я опускался до интервью, которые сам же у себя и брал, и до просмотра в периодической печати рецензий (газеты и журналы я печатал на пишущей машинке). Но это мелочи, главное, что я творил без перерывов и выходных. Я повелевал, передо мной преклонялись; я казнил и миловал, меня почитали. Я, который никогда не пользовался успехом у слабого пола, окружил себя обожанием и любовью, обладал любой понравившейся мне женщиной, сначала спеша, а со временем переживая в подробностях все этапы интимных отношений. Я научился разумно тратить деньги, вести философские беседы и держаться в обществе себе подобных.

Только одно обстоятельство огорчает меня и не даёт полностью погрузиться в новое состояние: кончаются тетрадки, блокноты, даже клочки бумаги, а где взять реальные деньги на новый исходный материал просто ума не приложу.

Единственный в своем роде...

Вторую неделю стояла не по-весеннему тёплая погода, а для средней полосы, можно сказать, аномальная. Перегретый, пересыщенный пылью и выхлопными газами городской воздух, заставлял работать мысль только в одном направлении: скорее на природу. Тем более, что на лазурном небе не наблюдалось ни одного облачка, а молодая листва уже приняла изумрудный оттенок. К тому же день был памятный, и в мозгу назойливо всплывала одна и та же картина: жара, река, девушка. Поэтому, несмотря на непомерную занятость, Вадим Николаевич решил всё-таки поехать за город.

Вадим вышел из электрички на позабытой давно станции и направился туда, куда понесли его ноги, толком не разбирая дороги, но в твёрдой уверенности, что выбрал правильный путь. Миновав полу заброшенную деревищу и забытые сельхозугодья, он вышел к редкому перелеску и начал искать симпатичную полянку для привала, но потом передумал и пошёл дальше. Пройдя ещё пару километров, он попал на открытую местность, заросшую степной густой и высокой травой. Вблизи блеснуло озерцо, а за ним, извиваясь, змеилась речушка. Он пошёл по направлению к реке, а затем вдоль пологого берега стал спускаться вниз по течению. Вода была почти прозрачной, можно свободно любоваться яркими камешками, устилающими дно. В конце протяжённой косы он заметил человека и направился к нему. Когда приблизился, рассмотрел юную девушку, удобно расположившуюся на простеньком домашнем покрывале. В голове у неё была аккуратно сложена одежда, а рядом стоял допотопный транзисторный приёмник, издававший что-то отдалённо напоминающее музыку, и валялась пачка галет. Девушка лежала на животе, опёршись на локти, и увлечённо читала книгу. Вадим Николаевич отметил точёный профиль с римским носом, стройность фигуры, покрытой первым загаром, и скромный старомодный купальник.

- Красавица, можно расположиться рядом с вами?

Купальщица оторвала взгляд от книги и посмотрела на него снизу вверх. Её глаза оказались пронзительного небесного цвета, и было ясно, что их хозяйка ещё где-то далеко и не совсем понимает, о чём её спрашивают. Взгляд медленно прояснялся, лицо хмурилось, очевидно, девушка была не слишком довольна тем, что её отвлекают от любимого дела.

- Пожалуйста, эта река не моя собственность.

- Вы очень расстроены, что я помешал вам?

- Честно говоря, немного.

- Я недолго отдохну, и пойду дальше.

Девушка машинально выключила радиоприёмник.

- Я заметил, что вы увлечены книгой. Что вы читаете?

- Леонида Андреева.

- Странно.

- Почему?

- Сегодня, по-моему, этот автор не в чести.

- Я всегда читаю не то, что в чести, а то, что мне нравится.

- Кстати, Андреев – мой любимый писатель. Он – единственный в своём роде...

Мужчина осёкся, затем, после длинной паузы, спросил:

- Вы живёте в городе?

- Нет, я учусь в институте, а потом собираюсь вернуться сюда, хочу работать в школе.

- В школе работает ваша мама?

- Да. А как вы догадались? Мы живём вдвоём, отца я никогда не видела.

Вадим не мог больше разговаривать. Вежливо попрощался и ушёл, не оборачиваясь. Только сейчас он понял, почему попал именно на это место.

За вечерним чаем, девушка сказала маме:

- У меня была странная встреча на реке. Какой-то мужик хотел познакомиться, кстати, неплохо сохранившийся, и, главное, его любимый писатель Леонид Андреев, он назвал его единственным в своём роде. Правда, потом почти сразу же распрощался.

Мама надолго задумалась. Тихо произнесла:

- Это бал твой папа, девочка.

Рассказы очевидца

Обмен

Они встретились в Группе Советских Войск в Германии. Время было тяжёлое, да и когда, скажите, пожалуйста, его можно назвать лёгким. Но тогда во второй половине пятидесятых Великая война не то что изгладилась из памяти современников, а была частью их жизни, их биографии, непосредственно отражалась на характерах, миропонимании и, часто, поступках. А тут ещё и Германия, хотя и братская, но совсем недавно – вражеская. Так что служили два товарища: один старослужащий, из самой столицы, а второй колхозник из глубинки, первогодок. Парень простой, от сохи, что называется, но раз попал в Германию, значит не последний валенок, да и председатель колхоза, старый выдавший виды однорукий партизан, не за здорово живёшь обнял его на проводах единственной мужицкой рукой и одарил принадлежащими ему по праву дефицитными часами «Победа». А москвич к тому времени обладал красивой немецкой штамповкой, с которой мучился непрерывно, то стрелку перекосит, то отполированное до блеска стёклышко вывалится. Короче, скорешился интеллигент с новобранцем и, как вскоре выяснилось, с дальним прицелом. Выдержал положенную паузу и предложил невзначай, как бы по дружбе, махнуть часами. Обмен, разумеется, неравноценный: настоящее немецкое качество на отечественный ширпотреб, хотя и символический, да где наше не пропадало. Деревня, конечно, клюнул, хотя и не без амплитудных колебаний, но уже на следующий день случайно повернул руку, то есть часами вниз, а стрелка возьми да и слети. Солдат даже обалдел от такой наглости, долго тряс изящный корпус, пытаясь поймать беглянку на ось, наконец, понял, что обмишурился, обозвал немцев несколькими обидными принятыми в России прозвищами и побежал к товарищу требовать обратно обмена. Но тот оказался калачом тёртым и отказался наотрез, мотивировав тем, что так на так, по традиции, дело святое, а традиции нарушать незаконно. «Ну, куды крестьянину податься?» - погоревал чуток, но сослуживцам, по простоте душевной, все же рассказал. А те мальчуганы простые, столичных любят, к слову, как и по всей необъятной родине, поэтому разъяснили новому владельцу «Победы» за что воевал героический народ в Великую Отечественную. Так что пришлось человеку сознаться в своей ошибке и возвратить раритет законному владельцу. Но осадок остался, тяжёлый осадок.

И вот однажды совпало так, что в наряд им пришлось заступать одновременно. Автоматы с двумя рожками (72 патрона), штык-ножи, в общем, всё по-взрослому. Один охраняет ангары с ночующими в них танками, другой – склад горюче-смазочных материалов, запасённых на целую танковую дивизию. Маршруты караульных пересекались. Когда они в очередной раз встретились, москвич, как бы забыв все прошлые обиды, попросил у колхозника закурить. Бывший сельский труженик возмутился: «Как? Курить? В карауле? По уставу не положено». Развернулся и зашагал по заданной траектории. Тут то и получил нож в спину, по самую рукоятку. Товарищ его оттащил тело за складские помещения, где располагались бочки с мазутом, намочил в одной из них паклю, немного жидкости вылил на землю и устроил пожар. Затем подошёл к проволочному ограждению, прорезал в нём дыру, вынул из кармана заранее приготовленную тряпку чёрного цвета, поводил ею по острым концам перекушенной проволоки, чтобы остались куски материи или хотя бы нитки, вернулся на пост и дал несколько очередей из автомата в сторону импровизированного лаза.

Поднялась тревога, набежали солдаты, заметались по городку офицеры. Огонь потушили, склад, конечно, не успел загореться, а то от Висмара вряд ли бы и половина сохранилась. Естественно, завели дело, но обнаружить злоумышленника не удалось. На сём бы всё и завершилось, если бы не германские дотошность, упорство и стремление доводить начатое дело до конца. Гражданские немецкие власти затеяли параллельное следствие – происшествие то серьёзное, с политической окраской. Месяца через три появляется в части инспектор полиции, который никак не мог понять, почему с нашей стороны у лаза натоптано, а с их никаких следов обнаружить не удалось, и уговаривает выдать ему для проведения анализов шинель второго караульного. И ведь обнаружили фрицы пятнышко крови на той шинели, и подтвердили результатами исследований, что группа крови совпадает с группой зарезанного солдата.

В общем, трибунал приговорил незадавшегося менялу к расстрелу. Время было такое.

«За храбрость...»

Его фамилия была Хворостянский. Это был высокий плечистый с густой копной светлых волос хохол. И ещё он пел, пел красивым сильным мужским голосом. И, конечно любил женщин, а женщины любили его. Но в Группе Советских Войск в Германии со слабым полом было плоховато, и поэтому он был вынужден знакомиться в увольнении с местными кадрами, а с одной миниатюрной прибалтийской немочкой у него сложились длительные устойчивые отношения. Но проводить редкие насыщенные встречи им приходилось исключительно в блиндажах, оставшихся от недавней войны и расположенных на соседствующем с частью внушительном полигоне. А влюблённой аборигенке так не хватало романтики и уюта. Она долго уламывала своего ненаглядного посетить с ней хотя бы ресторан, но туда вход был заказан рядовым военнослужащим в принципе. Но однажды всё-таки наш героический боец сломался, и влюблённые выбрали самое безопасное на вид заведение, располагавшееся на самой окраине Висмара. Как водится, это сентиментальное приключение закончилось более чем драматично.

Потомки свободолюбивых германцев народ гордый наученный стойко держать удар, но не всегда справедливый и выдержанный. И к столику, за которым расположились истинная арийка и явно славянского вида парень, наладились подтягиваться завсегда. Тосты всё больше произносились за Freundschaft, хотя посетители, очевидно, ждали того

момента, когда варвар переберёт. Но парень попался крепкий, взращённый на горилке и настоящем украинском сале. Тогда, как бы невзначай, из содвинутых бокалов на скатерть и одежду стала выплёскиваться драгоценная жидкость, а кружка, когда чокались, под дружный, почти жеребчий, гогот угодила в лоб братскому советскому солдату. Затем рюмка совсем случайно встретилась с носом оккупанта. Веселье нарастало параллельно с повисшим в воздухе напряжением, и, исходя из законов логики, переросло в выяснение отношений.

Неизвестно каким чудом в этом Богом забытом месте оказался фотограф, но на утро многие газеты соседнего государства ФРГ вышли с пространными статьями, и были буквально напичканы снимками, самым безобидным из которых был изображающий громадный кулак, врезающийся в физиономию рядового социалистического бюргера, с явственно различимыми брызгами крови, разлетающимися во всех направлениях, и соответствующей подписью, типа «так русский солдат обращается с мирными немецкими гражданами». К слову, вызванные на место происшествия и мгновенно примчавшиеся представители отечественной комендатуры застали следующую картину. Небольшой зал увеселительного заведения напоминал наспех сработанную декорацию дешёвого американского вестерна: пол был сплошь устлан осколками тарелок, кружек, рюмок, бутылок, залит потоками пива, водки, коньяка, в которых плавали остатки традиционных немецких сосисок с квашеной капустой, пять столов сломаны были полностью, двенадцать стульев разбиты в щепки, и в центре всего этого великолепия лежал иссиня-красный Хворостянский, синими у него были даже подушечки пальцев рук. Довершали картину потомки Тевтонских рыцарей, в изящных позах разбросанные по всему помещению, коих насчитали ровно восемнадцать искалеченных душ.

Местные компетентные органы, разумеется, возбудили уголовное дело, чтобы замять политический скандал и даже определили меру ответственности зарвавшегося хулигана – восемь лет тюремного заключения в ближайшей тюрьме. Наши компетентные органы ещё очень долго настаивали на выдаче супостата для отбывания наказания на родине, и немцы, в конце концов, сломались или осознали пикантность ситуации и отдали.

Когда Хворостянского под конвоем доставили в распоряжение части, командир долго и крепко жал ему руку. А потом, практически прослезившись, торжественно произнёс: «Хвалю за храбрость!»

Побег

Почему людей часто тянет на необдуманные поступки? И чем же всё-таки намазано на Западе, что ради этого можно рискнуть всем, даже поставить на карту собственную жизнь?

На сей раз беглец был один – могучий двухметровый грузин. А преодолеть требовалось каких-то восемь километров – расстояние от забора воинской части Группы Советских Войск в Германии до демаркационной линии. Поэтому и особой подготовки не требовалось: пустык – десять минут и ты на земле почти обетованной. Главное – побольше оружия и запас патронов. Средством передвижения должен был послужить командирский газик. Выбрав подходящий момент, он оккупировал бесхозный в этот час джип и, помолясь, стартовал. Часовому приказал открыть ворота, но тот, видимо что-то заподозрив, взял автомат на изготовку. И тогда вездеход, набрав скорость, впечатал бедолагу в створку и,

выбив её, помчался навстречу сытому светлому будущему. Сработала сигнализация, и погоня была организована моментально.

На первых же километрах удалось ранить водителя, но управление автомобиль не потерял, а дитя гор к тому же ещё яростно отстреливался. Когда до границы оставалось всего полтора километра, рвануло простреленное колесо, и машина вылетела в кювет. Джигит благополучно соскочил с железного коня и, ведя непрерывный огонь, заскочил в лес, рванув в сторону предполагаемого противника. Когда неукротимого кавказца удалось взять в кольцо, до вожделенной демаркационной линии оставалось всего около восьмисот метров. Отбросив перегревшийся автомат, гигант выхватил нож и уже направил его в горячее грузинское сердце, но в последний момент на огромной ручище повис худосочный лейтенант выпускник Суворовского училища, детально усвоивший «Науку побеждать», и лезвие, скользя по нижней части живота и прорезав пах, вошло во внутреннюю поверхность бедра, пропоров его почти до колена. Свободолюбивого сына гордого маленького народа скрутили, намяли бока и доставили в госпиталь, не забыв приставить к нему охранника. В аккуратной немецкой больничке Магдебурга обстановка была столь домашней, что юного солдатику сморило, и он мирно засопел на стуле, о чём даже не успел пожалеть. Потому как отчаянный грузин, понимая, что его ждёт за мечту о беззаботной старости, придя в себя, голыми руками задушил несчастного и сбежал. Поиски негодяя, равно как и блокирование железнодорожных путей и прочёсывание лесных близлежащих массивов, никаких ощутимых результатов не принесли. Командование получило положенный нагоняй и всеми силами старалось исправить удручающее положение.

Прошло трое нескончаемых суток. В середине очередного дня с инспекционной поездкой в госпиталь прибыла комиссия во главе с командующим Гречко, будущим Министром обороны. Шли по гулким коридорам старинного здания, заглядывали в пустые чистые комнаты-палаты. Осмотр близился к логическому завершению, когда зашли в последнее на третьем памятном этаже помещение. У задней стены всё его пространство занимал громадный добротный почти антикварный шкаф. И тут молоденькая медицинская сестра заметила кусочек белой материи, выглядывавший между створок. Споро проскользнув между военачальниками и дверным проёмом, сестричка бросилось к очевидному беспорядку, и потянула материю на себя, створка со скрипом распахнулась, и на пол с грохотом вывалилось необъятное волосатое тело сына одного из братских народов. Тело было частично скрыто окровавленными бинтами и красно-белым халатом, оно не проявляло никаких признаков сознания.

Грузина привели в чувство, подлечили, осудили и, поскольку на нём числилось не менее двух трупов, вскоре расстреляли.

Галина Ковальская

Война и судьбы

*Посвящается сестре
Немчиновой Надежде*

Я летел в служебную командировку в Мюнхен со сложным чувством. С одной стороны это было любопытство – как живут побеждённые, а с другой – настороженность. Сидя в самолёте, я стал вспоминать, что я знаю об этом печально известном городе. Именно здесь, в пивной Хофбройхаус, в 1920 году была создана нацистская партия (НСДАП), и в 1934 году в ходе операции «Ночь длинных ножей» Гитлер расправился со своими противниками и стал «фюрером» – вождём нацистского движения во главе НСДАП. Именно отсюда из Мюнхена, «Столицы Движения», как назвал его Гитлер в 1935 году, и распространилась «коричневая чума» нацизма, которая принесла горе, страдания и смерть многим миллионам людей в Европе и России. Тем более, что и мою семью война накрыла своим чёрным крылом.

Нас, троих коллег, принимало машиностроительное объединение, претендовавшее на крупный заказ. В конце семидесятых годов такая командировка считалась очень престижной. Кроме чисто профессионального интереса, был и меркантильный: купить кое-что из того, что было дефицитом в Союзе.

Мы были встречены очень радушно, хотя на первых порах и несколько более официально, чем хотелось – как бы присматривались друг к другу. Город радовал чистотой, зеленью парков и скверов, несмотря на то, что из рассказа встретивших нас хозяев, во время войны была разрушена большая его часть.

Исторический центр был практически уничтожен англо-американской авиацией, четверть населения погибла. Но мы не заметили следов разрушения, исторический центр был восстановлен в прежнем виде. Нам показали старый город со множеством церквей и самым высоким Собором святой Богородицы, две башни которого стали символом города, и центральную площадь – Мариенплац, где возвышается колонна Девы Марии и расположены новая и старая ратуши. Позднее мы осмотрели музеи города – старую и новую пинакотеки и глиптотеку. Здесь находится собрание старинного и современного искусства от картины Леонардо да Винчи и Рубенса до Ван Гога и Мане.

Кроме того, Мюнхен славится своими пивоваренными традициями. В городе шесть крупных пивоварен. Здесь проходит известный на весь мир Октоберфест – праздник пива, кренделей, жареных курочек и каруселей. Увы, к нашему большому сожалению, нам не удалось его посетить. Он проводится ежегодно в конце сентября – начале октября, а мы были в командировке в августе. Поэтому, естественно, что деловые переговоры и прогулки по музеям иногда прерывались посещением баров, где за кружкой баварского пива мы делились впечатлениями. Лёд недоверия постепенно таял.

Во время деловых переговоров, которые проходили на английском языке, принимающая сторона для простоты общения, пригласила своего бывшего сотрудника, пенсионера герра Гюнтера Иоанновича и его жену фрау Любу в качестве переводчиков с русского языка на немецкий. Гюнтер Иванович, как мы его потом называли, поразил нас блатным жаргоном и ненормативной лексикой, а фрау Люба при переводе использовала,

как нам казалось, наречие русского языка, не совсем понятного происхождения. При их переводах мы не могли сдерживать улыбок и шуток по поводу «великого и могучего» русского языка. Взаимоотношения этих совсем непохожих друг на друга людей приятно удивляли. Было очевидно, что они проникнуты взаимным чувством, трогательно заботятся друг о друге, советуются по пустякам. Эта супружеская пара необыкновенно заинтересовала нас. Было что-то загадочное и необычное в их содружестве. Нам захотелось узнать об истории их встречи. И мы не ошиблись в своих предположениях.

Вот их история.

Гюнтер, как и всякий немецкий юноша, мечтал о славе и наградах. А война, которая, как им казалось, была неизбежна, открывала для этого определённые возможности. Как-то не думалось, что война – это смерть, разрушение, не думалось и о том, что возможно и поражение. Нацистская пропаганда прочно осела в сознании Гюнтера и его товарищей. Слова «фюрера» звучали для них, как заклинание: «Хочешь иметь своё хозяйство – иди на восток, там земли много». Пока что война обогащала Германию, подчиняла ей новые и новые территории Европы, новые и новые миллионы рабов. Гюнтер поступил в авиационную школу, выучился на бортрадиста и стал кандидатом в офицеры. Чтобы получить звание обер-лейтенанта, он добровольно пошёл на Восточный фронт. Ему не пришлось долго воевать, на третьем боевом вылете самолёт был сбит, а Гюнтер взят в плен.

Раненый в руку, он был направлен в госпиталь, где ему ампутировали руку из-за возникшей гангрены. А потом долгие годы плена где-то в Северном Казахстане, место точнее он не мог вспомнить. Работа на строительстве, по уходу за железнодорожными путями, в железнодорожной мастерской. Особенно тяжело было зимой.

«Генерал Мороз», как называли русскую зиму немцы, активно помогавший русским войскам во время войны, и в плену доставал немцев. Мороз пронизывал насквозь, перехватывал дыхание, казалось, что жить при таких морозах невозможно.

Наматывали на себя и на ноги всё, что было мало-мальски тёплого, и всё равно было много обмороженных. Часто вспоминали русскую поговорку: «Что русскому здорово – то немцу смерть». На хорошее отношение к ним, как к военнопленным, рассчитывать не приходилось. И до них доходили слухи, что творили их соотечественники на оккупированных территориях. Когда колонны перегоняли с места на место, их сопровождали мальчишки, иногда бросали камни, кричали что-то вроде: «Немец, перец, колбаса, тухлая капуста...» А русские женщины, как не странно, часто совали им куски хлеба или картошку в мундире. «О, эта загадочная русская душа!» Её так и не удалось разгадать даже за то время, которое он провёл в России. Ведь их убивали, разрушали их сёла, города, жгли, морили голодом, а они делились последним куском хлеба с людьми, которые всё это совершали. Кормили военнопленных, конечно, очень скудно, лишь бы живы были. «Но было время, когда наш паёк был лучше того, что получали рабочие на заводе, и если он не полностью доходил до нас, то это потому, что оседал где-то среди распределяющих его лиц», - говорил Гюнтер. В результате – из немецких пленных в советских лагерях выжили две трети от общего числа попавших в плен, а из советских пленных в немецких лагерях выжила одна треть. Гюнтер предавался воспоминаниям с добротой и теплом. Очень высоко оценивал русскую смекалку. «В России – каждый второй Кулибин», - говорил он. Вот одна характерная история о том, как дед Василий, руководитель работ в железнодорожной мастерской, для съёма пары намертво прижавевших к оси колёс, вместо совершенно необходимого по немецким понятиям гидравлического домкрата, расклинил колёса дровами и в жестокий мороз залил всё

водой. Утром немцы поразились эффективности этой простой технологии. «О, Россия! – продолжал свой рассказ Гюнтер, - эта страна так же беспредельна, как и раскинувшееся над ней небо, в её просторах теряешься и утопаешь. Её мерцающий снег сливается с небесной синевой. Этот простор и бесконечность, так же как и наша жизнь – бесконечная дорога в неведомое. До сих пор мне снятся её снега и просторы. Немало я страдал в плену как физически, так и морально, но невзирая на переживания, забрал с собой на родину ценнейший багаж, полный жизненного опыта и профессиональных знаний, за что оставил в России часть своего сердца». Этими словами он закончил свой рассказ. По возвращении на родину Гюнтер с ветеранами Восточного фронта собирались вместе, пекли в золе картошку, пили шнапс и при свечах пели песни своей юности, немецкие и русские попеременно.

В небольшом городке под Мюнхеном произошла его встреча с фройляйн Любой в небольшом пивном баре, где она работала официанткой. Что-то знакомое в её облике привлекло его взгляд. Это лицо с высокими скулами, задорно вздёрнутый носик и общее выражение доброжелательности напоминало ему что-то далёкое и почти забытое. А когда он заговорил с ней, то понял, почему она показалась знакомой, ведь за долгие годы пребывания в России, он встречал именно такие женские лица, любовался их красотой и добротой, разлитой во всём их облике.

Фрау Люба, или Любаша, как мы её называли, не сразу начала свой рассказ. Она сидела за столом, опираясь на него локтями и обхватив голову руками. Когда она опустила руки и подняла голову, её глаза были полны слёз. «Это был сон, страшный сон, о котором хочется забыть, вычеркнуть из памяти, но он возвращается снова и снова. Человеку трудно поверить в такое, пока это не произойдёт с ним самим», - начала она свой рассказ.

Ранним утром 22 июня 1941 года жители Белорусской деревни, где жила Люба, слышали с Запада странный гул. Он нарастал. Чёрной тучей, закрывающей солнце летели сотни тяжёлых бомбардировщиков со свастиками на крыльях и смертоносным грузом. Послышались взрывы, вздрогнула земля. Война... Об этом жители этой деревни, расположенной западнее Минска, узнали наверно, раньше всех, ещё до её объявления. Самолёты летели на Минск, жестоко бомбили его и снова возвращались за бомбами.

Война застала жителей врасплох. Все надеялись, что через две-три недели война закончится, так писали в газетах и говорили по радио. Но события развивались стремительно. Немецкие войска перешли границу, вслед за бомбовыми атаками наступила очередь танковых. Эти многотонные чудовища неслись, не разбирая дороги, сметая всё на своём пути. Красная Армия ожесточённо сопротивлялась, но силы были неравными. Наши войска отступали на Восток, за ними потянулись обозы с беженцами. «Юнкерсы» на бреющем полёте расстреливали всё движущееся по дорогам. Уходить из дома, бросить хозяйство на произвол судьбы, или остаться и ждать окончания войны – такой вопрос встал перед жителями деревни. Но мало кто мог решиться уходить из дома в неизвестность. Вот и семья Любы осталась в деревне. Наиболее ценные вещи закопали в огороде, скотину угнали в лес. В лес уходили и те жители, для которых существовала непосредственная угроза жизни – комсомольцы, советские и партийные работники. Впоследствии они стали организовывать партизанские отряды. Через неделю после начала войны немцы заняли Минск. Он горел, как факел, зарево было видно даже из их деревни. Все плакали, надежда на быстрое окончание войны сгорела вместе с Минском.

После танковых атак пошла пехота. На ночлег останавливались в деревенских

избах, которые уцелели, жителей выгоняли на улицу, заставляли готовить пищу из того, что было в хозяйстве. Когда фронт продвинулся на Восток, немцы назначили старосту, в здании школы разместилась немецкая комендатура. Новая власть устанавливала новые порядки. Люба, оставшаяся без работы, по просьбе партизан, устроилась уборщицей в комендатуру. Партизаны иногда по ночам появлялись в избе, и она передавала то, что удалось ей разузнать. Но по доносу её взяли за связь с партизанами. За это полагался расстрел или концлагерь. Но ей, можно сказать, повезло. Чех, работавший в комендатуре, и, видимо, пожалевший девушку, убрал из документов эту формулировку и вписал другую. Любу, как и других девушек, отправили на работу в Германию. Сначала их гнали колонной до ближайшей станции в сопровождении солдат с собаками, потом посадили в теплушки по восемьдесят человек в каждой. Еды почти не было, теснота, отсутствие воздуха, многие умирали в дороге. Их отвезли через Чехословакию в южную Германию на работу к немецким помещикам. Люба и несколько девушек были направлены в поместье по уходу за свиньями. Здесь они и жили и питались. Благо свинарник был чистый, светлый и кормили хозяева своих хрюшек сытно. Конечно, много было унижений, работа от рассвета до заката. Но могло быть и хуже! Управляющий, кроме как «русише швайн», их и не называл. Но чем ближе подходила наша армия к Германии, тем вежливее становились хозяева. Любу даже стали привлекать к уходу за садом и уборке дома. Потом начались массированные налёты союзников на города, в их числе был и Мюнхен. После того, как союзные войска заняли Западную Германию, её и других женщин освободили от рабства. Свобода... Как ей распорядиться после стольких лет неволи?! Вернуться ли на Родину или остаться в Германии? Выбор был достаточно трудным. Но среди репатриированных из Советского Союза уже распространились слухи о том, что по возвращении их, возможно, ждёт лагерь. Кроме того, поговаривали, что при отступлении немцы сжигали деревни и уничтожали жителей, особенно в партизанских районах Белоруссии. Так что, куда и к кому было возвращаться? Вся прошлая жизнь казалась далёкой и нереальной. Прежние хозяева предлагали ей место горничной в поместье и даже оплату за труд, но она хотела скорей покинуть то место, где её так унижали. Люба к этому времени уже вполне освоила немецкий язык в объёме вполне достаточном для общения. В небольшом городке под Мюнхеном в пивном баре ей предложили место посудомойки, а позже она стала там работать официанткой. Здесь и произошла судьбоносная встреча Любы и Гюнтера. Они счастливы, не о чём не жалеют, вырастили детей и внуков.

«Наверно, вы осуждаете меня, - сказала она нам в заключение, - но после всего пережитого я тоже имею право на то небольшое счастье, которое обрела после встречи с Гюнтером». После этих слов Гюнтер взял её руку в свою и нежно поцеловал.

Я был потрясён услышанным. Судьба этой женщины один к одному повторила судьбу моей матери в период с 1941 по 1945 годы. Совпали даже даты их рождений. Им было по двадцать лет в 1941 году. Разница была лишь в том, что мама вернулась на Брянщину, вышла замуж тоже за лётчика и родила меня. Она рано ушла из жизни, и я так и не успел узнать всю правду о её жизни в «Неметчине», тем более что люди, прошедшие все военные круги Ада, не любили об этом вспоминать. Вот так причудливо играет война судьбами человеческими.

После всего услышанного, я настолько проникся тёплым чувством к герру Гюнтеру и фрау Любе, что при случае, с приветом из России, я отправил пол-литра русской водки, несколько пачек махорки в коричневой шероховатой бумаге к их картошке в мундирах и шпику для полноты ощущений в ностальгические встречи ветеранов Восточного Фронта.

Разъезжая в жизни и судьбе А. Куприна или «остановиться, оглянуться»

Мы всю жизнь бежим, суедемся, торопимся, то ли чтобы успеть за временем, то ли убегая от него. Частенько не замечаем ничего вокруг себя: ни улиц, ни домов, мимо которых идём; не замечаем лица прохожего, идущего навстречу, или, наоборот, обгоняющего нас.

Вот так и я. Который год уже хожу по улице Разъезжей от Лиговского до Загородного проспекта. Улица, как улица, не слишком широкая, с малоприметными по своей архитектуре зданиями старой постройки. Глаз остановить не на чем. Иду, в основном глядя вниз, под ноги, чтобы не споткнуться о какую-нибудь кочку или ледышку и поскорее миновать эту не слишком ухоженную улицу, даже и название почти соответствующее «Разъезжая». Разъезд, да и только! А была она проложена в 1736 году от Большой Загородной дороги до Московско-Ямской слободы у Лиговского канала с поворотом на Новгородскую дорогу, сейчас Боровая улица. В 1739 году дорога названа Разъезжей улицей. Потом она была застроена деревянными домами, их окружали сады. Первые дома каменной постройки появились в 1836 году на участке дома 7, и в 1873 дома 3.

И вот в одном из изданий читаю: «В 1903 году в доме 7 по улице Разъезжая жил А.И. Куприн». Вот так сюрприз! Сколько раз я проходила мимо этого дома, а сердце не вздрогнуло ни разу, хотя Куприн один из любимых моих писателей.

А. И. Куприн, сын татарской княжны Кулунчаковой, поручик запаса, приехал в Петербург в 1901 году вместе с И. А. Буниным. К этому времени Куприн был уже известным беллетристом, автором повестей «Молох», «Олеся», рассказов и очерков, сотрудничал в различных изданиях Киева и Петербурга. Поселились они с Буниным в гостинице «Пале Рояль» на Пушкинской 20, самой богемной гостинице Петербурга. Именно здесь завязывались дружеские и деловые связи между писателями, художниками и артистами. Устроившись в гостинице, Куприн направился в редакцию «Журнала для всех», и уже на следующий день приступил к работе заведующего беллетристическим отделом.

В конце этого же года Бунин познакомил Куприна с издательницей журнала «Мир Божий» А.А. Давыдовой. Кроме того, она была хозяйкой известного литературно-художественного салона, здесь бывали поэты, композиторы, критики и другие знаменитости. Её редакция и квартира находилась на углу Преображенской и Бассейной улиц. Здесь он познакомился с её приёмной дочерью двадцатилетней Марией Карловной, Мусей, и с воспитанницей, совсем молоденькой девушкой, Лизой Гейнрих. Всё его внимание было приковано к красавице Мусе, и на Лизу он едва обратил внимание. Муся покорила сердце Куприна, он стал чаще бывать в доме Давыдовой, сделал предложение и был объявлен женихом. А уже через три месяца в 1902 году они отпраздновали свадьбу. Необузданного, своенравного «кулунчака», кулунчак – жеребец по-татарски, Мария Карловна приручит на целых шесть лет. Куприн с головой окунулся в новую для него среду, среду петербургского «бомонда». Согласно традициям, новобрачные должны были навещать всех родных и знакомых, участвовать на обедах и приёмах. А Куприн, по собственному выражению, стремился «видеть всё, знать всё, уметь всё и писать обо всём». Но свадебные визиты пришлось прервать, скоропостижно скончалась А.А. Давыдова. Согласно завещанию, издательство журнала «Мир Божий» переходило к Марии Карловне

Куприной с сонаследниками. Куприн вошёл в состав редакции журнала.

Вскоре Куприны подыскали новое помещение для редакции журнала и жилья. «У Пяти углов на Разъезжей в трёхэтажном доме мы нашли большую удобную квартиру. Внизу, в первом этаже, помещалась аптека, во втором – редакция, а третий занимал владелец аптеки. Таким образом, лестница принадлежала только двум жильцам». Редакция и приёмная разместились в больших комнатах с окнами, выходящими на Разъезжую. Квартира Куприных состояла из четырёх комнат, столовой, гостиной, спальни и кабинета писателя. Здесь, в кабинете Куприна, на Разъезжей бывали Батюшков, Бунин, Ладыженский, Скиталец и другие литераторы. Обаяние личности Куприна было велико. Молодой, делавший первые литературные шаги Соколов-Микитов так описывает Куприна: «Мне нравилось его татарское, смуглое, породистое лицо, светившееся скрытой духовной красотой, его музыкальные выразительные руки, изящные крупные раковины ушей. Было в нём что-то детское, простодушное». У Куприных всегда было весело, сам Куприн был неистощим на всякие выдумки и розыгрыши. Гости частенько засиживались допоздна. Куприн счастлив, много пишет и работает в редакции. Машу он любит страстно, больше себя. Именно в этот момент он воскликнет: «...Миром движет любовь!» А Мария Карловна любит в нём больше талантливого писателя, чем мужа. Дочь Куприна от второго брака Ксения вспоминала: «Мария Карловна – умная, светская, блестящая женщина – задалась целью обуздать буйный нрав Куприна и сделать из него знаменитого писателя. Александр Иванович вначале был очень влюблён в свою жену и маленькую дочку Лидушу... Великосветским знакомым жены он предпочитал своих бесшабашных друзей. Он не выносил над собой никакого насилия». Именно здесь, на Разъезжей, Куприн начинает работу над повестью «Поединок». Нередко он после напряжённой работы, чувствуя необходимость развеяться, заглядывал в маленький ресторан «Капернаум», находившийся в начале Кузнечного переулка в доме 1, срезанный угол которого выходил на Владимирскую площадь. Он был известен, как литературный кабачок. Здесь Куприн участвовал в шумных застольях пишущей братии. Мария Карловна не одобряла этого, Куприна начала раздражать её властность и рациональность. Когда его работа над «Поединком» застопорилась, Маша полностью показала себя: «Или «Поединок», или я тебе не жена!» Он снял комнату на Казанской и приносил ей главы повести, просовывая через щель в двери на чёрной лестнице, таким образом, покупая её любовь. Это было тяжелым испытанием для Куприна.

Конечно же, и сам Куприн не был идеальным мужем. Часто его выходки были за гранью обывательского представления о приличиях. Он играет на бегах на Семёновском плацу, посещает цирк Чинизелли, проводит ночи среди цыган, заводит друзей среди борцов и клоунов. В полночь к Марии Карловне он мог привести авиатора Уточкина, попа-расстригу, отставного штабс-капитана Рыбникова, бродягу и других необычных личностей. Он стремился всё познать в этом мире, прожить жизнь во всех её ипостасях.

Наконец, в мае 1905 года в «Сборнике» товарищества «Знание» выходит повесть Куприна «Поединок», который явился итогом всего до сих пор написанного им на военную тему. Выход повести был для него большим праздником. На Разъезжей не раз собирались друзья, и Куприн «очень картинно, со множеством забавных подробностей» рассказывал «друзьям и знакомым, как он дописывал последние главы романа, и какую благодатную роль сыграла в этом деле Мария Карловна», - вспоминал К.И. Чуковский.

Но отношения Куприна с женой ухудшаются, хотя он всё так же страстно продолжает её любить, но его всё больше раздражает её жесткость и властность. Похождения в «Капернаум» учащаются, он здесь уже «законодатель и бог», его даже предлагают избрать

«президентом Капернауумской республики». Назревает разрыв с М.К. Куприной и разлука с маленькой дочерью.

А его так же страстно с первой их встречи у А.А.Давыдовой, любит Лиза Гейнрих, воспитанница Давыдовых. Он частенько встречал её у Мамина-Сибиряка, а когда он увидел её через пару лет, то не узнал – так она похорошела, превратившись из гадкого утёнка в прекрасного лебедя. Лиза была противоположностью Марии Карловне – мягкая, нежная, деликатная, она любила Куприна таким, каким он был, со всеми его недостатками, ничего не требуя от него. Её глаза, встретившись с его глазами, выдали её. Куприн почувствовал – это и есть его любовь, судьба, жизнь. Но Лиза боялась этой любви, бежала от неё, пряталась, не хотела разрушить его семью, где уже подрастала маленькая дочка, которую она очень любила. Даже после того, как Куприн объяснился Лизе в своей любви, она исчезла на некоторое время из поля зрения своих друзей и близких. Взаимоотношения Куприна и Марии Карловны достигли к этому времени критической отметки. Он страдал, метался, казнил себя на глазах всего Петербурга, пьянствовал в окружении какого-то сброда. Спасти его могла только Лиза. Её с трудом отыскал Батюшков и сказал только одно слово «Спасайте!» Противиться этому она не смогла.

С февраля 1907 года квартира на Разъезжей перестала быть его домом. Он только изредка заходил туда по делу, за рукописями или книгами. Они с Лизой уехали за границу в свой «медовый». Он молодец с ней. В нём возродилось былое мальчишество. Он буквально летал – поднимался на воздушном шаре, на аэроплане, дважды опускался на дно морское. Она встречала всё это с улыбкой. В это романтическое для него время он пишет «Суламифь» - этот гимн любви, посвящённый ей одной. «Любовь – это крылатое чувство, - писал он позднее.- У любви за спиной два белоснежных длинных лебединых крыла». Он как угадал, чем кончится для неё эта любовь

Она, как тот одинокий лебедь, выбросилась из окна дома на ослепительную от снега блокадную землю. Но пока они были вместе, она с ним – и эмиграцию в Париж, и уже с полуслепым – в Советский Союз. Её любящая рука держала его руку в своей до самого конца.

27 августа 1938 года шестёрка белых лошадей везла белый гроб с телом писателя в последний путь до Волкова кладбища и не могла миновать этот адрес, Разъезжая 7, с которым была связана и жизнь, и любовь, и творчество, где он состоялся, как известный всему миру классик. Процессию сопровождала чёрная эмка, в которой сидели две его самые дорогие женщины.

Так что, проходя мимо дома на Разъезжей 7, остановитесь, поклонитесь памяти этого удивительного писателя и его удивительной судьбе!

P.S. И вот я стою против дома на Разъезжей 7. Он несколько обветшал, штукатурка кое-где висит лохмотьями, окна первого этажа заложены кирпичами и не оштукатурены, стены запачканы «граффити». Мемориальная доска серая, невыразительная, почти незаметная на стене, не сравнимая с аналогичными «мемориальными» досками, установленными в последнее время в память нынешних «реформаторов».

Воистину, «что имеем, не храним, потерявши плачем!»

Валентин Лядацев

Сказки для взрослых

Русская сказка

Всё, что вы узнаете в этой сказке – истинная правда. Если где немного и прибавлено - не больше версты.

В одной из держав Лукоморья каждые десять лет рождался десяти сильный богатырь, каждые сто лет - стосильный, один раз в тысячу лет рождался тысячесильный богатырь.

Родился тысячесильный богатырь Вислей Иринеевич. Стукнет ногой - земля трясётся. Вышел он, посмотрел по сторонам и решил, что родился рано. Ничего интересного нет. Вот когда появится интересное... Лёг и задремал.

В это время в ста верстах появился на свет и не богатырь вовсе, а полусильный человек Иван, которого тут же прозвали дураком, потому, что ему на роду было написано с чудисцем биться. Умный разве полезет чудисцу в пасть? Потому Иван – дурак. Чудище ещё никто в глаза не видел, но раз на роду написано – появится. Куда ему деться?

Хоть и слабеньким родился Иван, но с богатырской силой духа и с животворящим взглядом. На что ни посмотрит, оно или вянет, или оживает. Взглянул на матушку, она сразу встала и принялась печь хлеба. Взглянул на свои ножки. Они тотчас окрепли, он встал на них и пошёл. Посмотрел на свои ручки – они тут же налились силой.

Когда хлеба спели, Иван съел один каравай – стал большим и могучим, съел второй – жаркая любовь к этой деревне пронизала его, съел третий – полыхнула в глазах ненависть к врагам.

Оставшиеся три хлеба мать сложила в мешок-лямошник и заплакала:

- Последние это хлеба, сынок! Захватил наше царство страшный Марамор. Землю отобрал, хлеб, всё! Освободи нас от него, иначе умрём с голоду.

Иван поцеловал мать, закинул мешок за плечи и двинулся пешком в путь. Не успел он далеко уйти от деревни, как повстречалась ему нищенка. Это была добрая волшебница, но Иван не знал этого. Поравнявшись с нищенкой он протянул ей каравай. Она взяла и в благодарность подала серый невзрачный сухарик.

- Зачем мне, тётяшка? - удивился Иван. - У меня ещё два матушкиных караваев жаром пышут.

- Не спеши отказываться, сынок, - сказала волшебница. - Твои караваи кончатся, а этот сухарик – никогда. И жажда мучить не будет.

Иван сказал «спасибо», сунул сухарик в карман и, забыв про него и про нищенку, пошёл дальше вдоль реки. Подумал только про себя: «Воды кругом полно, какая жажда?»

Правитель Марамор, захвативший страну, каждое утро просыпался с неприятным чувством. Что сегодня выкинет его жена Марамориха? Она жаждала власти. Может быть, и не хотела его сместить, но мечтала засунуть глубоко под каблук, чтобы он выполнял все её прихоти. Окружила себя гадалками, провидцами, чёрными магами. Вокруг её покоев постоянно висела пелена злого волшебства. Вот и сегодня.

- Пропустите меня! - слышится её грубый голос.

- Не велено, ваше высочество, - пытались сопротивляться слуги.

- Молчать!

Марамор отвернулся к стене и притворился спящим, чтобы был повод гневаться,

когда его разбудят.

- Ваше величество! – грубый голос старался быть помягче, и ощущение такое, будто свирепая дворняга трётся о ноги, как кот-мурлыка.

- Ваше величество. Вам грозит опасность!

- Что?!

- Да, ваше величество. Родился новый русский богатырь и идёт в столицу, чтобы убить вас.

- Стоило будить меня из-за такой ерунды. Подумаешь – новость! Я знал об этом задолго до его появления. К тому же мне доложили, спит он без задних ног, как будто есть ещё передние ноги.

- Это другой, Ваше Величество. Не Вислей, а Иван

- Что за Иван? Какой Иван? Никакого Ивана-богатыря не должно было родиться!

- Родился, ваше величество.

- Так убейте его!

Марамориха, вредно улыбнувшись, кивнула головой и вышла

Иван подошёл к развилке. На столбе висели указатели в виде стрелок. На левом указателе значилось: Закомаранье. На правом: Великославль. Закомаранье было жуткой глухоманью, Великославль – столицей. Иван свернул направо и углубился в лес. Сначала всё было обыденно: птички, деревья, ручьи, солнышко. А потом птицы замолкли, ручьи пропали, солнце стало жечь нестерпимо, а деревья топорщились и царапались мёртвыми ветками. Иван решил обойти это гиблое место и повернул к реке, которая была рядом. Повернул, но река, только что ласкавшая взор, пропала. Захотелось нестерпимо пить. Вдруг Иван увидел среди сухих деревьев зелёную яблоню со спелыми, сочными плодами. Они так и просились в рот. Иван, ничего не трогая, внимательно стал изучать яблоню. Она стала на глазах сохнуть, и яблочки попадали на землю. Это была лешая яблоня. Леший обернулся яблоней, чтобы известить Ивана. Съел бы он лешее яблочко и тотчас засох бы, как окружавшие его деревья. Яблоня засохла, но прохладнее не становилось. От жажды перед глазами поплыли круги. Иван отломил от каравая запечённую корочку. Легче не стало. Жуя её, вспомнил о сухаре и слова нищенки: и жажда мучить не будет. Нашёл сухарик и надкусил его. Откусил ещё раз, от сухарика уже осталась самая малость. Пока жевал, глядь, опять сухарь целый. И жажда пропала. Удивительный сухарик! Два разочка кусил и сутки шагал, не испытывая голода и жажды.

Марамор мог стать очень добрым. Для этого он открывал глаза пошире, и свет заполнял всю его душу. Если же ему хотелось посердиться, то он прищуривал глаза, или закрывал их совсем. Тогда на душу ложилась сумрачная мрачность.

«Что за народ! – думал Марамор. – Рождаются, разрешения не спрашивают и помирают – не докладывают».

Едва захватив страну, он, чтобы понравиться народу, повелел показывать бесплатные представления. Зеваки толпами набивались на них. Во-первых: это отвлекало от мыслей. Во-вторых: на представлениях убивали, грабили, блудили, показывали вреднейших соседей. И в тишайшей, добрейшей стране начались убийства, грабежи, мордобой. Соседи друг на друга скрипели зубами. И это Марамора устраивало. Народ разобщён. Те, кто помнил старые времена, друг друга поубивают, а новое поколение уже вырастет преданным Марамору.

Всё дальше и дальше уходил Иван, думая, что идёт в столицу. Он не знал, что Леший

поменял указатели местами. Не в Великославль он шёл, а всё дальше и дальше углублялся в глухое Закомаранье. Трое суток он шёл по мёртвому лесу, и только на четвёртые – опять запели птицы, заструилась речка, зазеленел лес. Хоть Марамориха и не дождалась Лешего, засохшего под взглядом Ивана, но решила, что никто трое суток такой жары не выдержит, и сняла чары.

Иван порадовался, что лес ожил, и пошёл дальше. Надо было кого-то спросить: далеко ли до столицы? На краю сухого болота он обнаружил странного лохматого старичка, одетого в невообразимо рваную одежду. Он семенил, издавая шуршащие звуки, и причитал: «Ох, ох – весь засох, ох, ох – пересох!»

Только хотел Иван его окликнуть, а тот, не открывая рта, внутренним голосом, сказал:

- Здравствуй, Иван, пообещай, что, когда победишь Марамора, который осушил мои болота, ничего осушать больше не будешь.

Иван пообещал. Старичок протянул два листика водного растения и объяснил, что если привязать их к ногам, то по воде можно идти как посуху. Сказав это, старичок исчез. Вместо него появилось несколько тёток, одетых красочнее, но в такое же рваньё, как и старичок.

- Здравствуйте, - поздоровался Иван, - давайте знакомиться. Я – Иван, а вы кто?

- Здравствуйте, - захихикали тётки, - мы ведьмы болотные.

- Тоска Зелёная.

- Тоска Жёлтая.

- Тоска Оранжевая.

- Тоска Серая.

- Тоска Фиолетовая.

- А старичок – хозяин болот – дедушка Шабура.

- Тётушки, а далеко ли до стольного града Великославля?

- Ох, милые мои! – запричитали тётки. – Да ведь ты не в ту сторону идёшь. В другу надо, - заговорили они хором.

Иван повернулся и пошёл назад, но они так загомонили, что он остановился.

- Виданное ли дело - идти на Марамора, не отдохнув!

- Наберись сил, дойди до местечка Стародорожска, там есть умные люди, которых обидел Марамор – помогут.

Едва Иван вошёл в Стародорожск, как ему повстречался богатырь Чудило Петрович и рассказал свою историю.

Когда-то он тоже был молодым. И тоже хотел освободить страну от Марамора, но Марамор оказался хитрее. Едва узнав про богатыря, он примчался в Стародорожск и, спрятавшись за выступ стены, видя его, произнёс заклинание: «Езжай, да не выезжай!»

Чудило Петрович, ничего не подозревая, выехал из города. Пошли поля, леса, но вскоре видит: опять впереди город, очень похожий на Стародорожск.

- Вот так много лет ездю, - пожаловался он.

Сейчас Иван ничего не мог сделать для Чудилы Петровича, но пообещал, что убьёт Марамора и снимет с него чары.

- Сходи на восточную окраину, - посоветовал на прощание Чудило Петрович, - там тебе помогут.

На восточной окраине проживали под домашним арестом король Кантомир и шейх Бух-Бух. Два стражника, охранявшие их, как только увидели Ивана, тут же сбежали. Король с шейхом, в знак благодарности за освобождение, подарили Ивану: король –

золотой перстень с большим зелёным камнем, а шейх – острый булат.

- Другие сабли затупятся о войско Марамора, - говорил шейх Бух-Бух, и видно было, что ему жалко отдавать любимое оружие, - а этот булат – никогда! Марамор может раздваиваться, разстроиваться и двойники могут разойтись в разные стороны, а этот булат точно укажет на Марамора.

- А ваш перстень тоже волшебный? – спросил Иван короля Кантомира.

- Да, волшебный, - ответил король, - но тем, что если ты его продашь, или потеряешь, то он всегда вернётся к тебе. Но ты не продавай, пока не повстречаешь ветра Бурелома Валиловича. Он узнает тебя по этому перстню.

Марамориха узнала, что Иван остался жив, и снова стала предпринимать попытки уничтожить его.

Иван вышел из Стародорожска, и вокруг него всё стало увеличиваться. Он слышал, что иногда волшебники превращают человека в букашку, и для него окружающие предметы становятся великанами. Но здесь он оставался самим собой, а всё окружавшее резко выросло. Малина у забора заброшенной деревни стала непроходимым лесом, а забор-тын превратился в гигантские колонны. Несколько суток Иван продирался через заросли, и прошёл не больше десятка саженей. Иногда ему приходилось сражаться с огромными надоедливими комарами, мухами и муравьями. Иногда к нему пытались приставать стаи любопытных орлоподобных воробьёв.

Чем бы это закончилось для Ивана – неизвестно. Но налетел ветер Бурелом Валилович, схватил Ивана и унёс подальше от этого места, оставив поваленный забор и поломанную малину.

Бурелом Валилович подарил Ивану волшебные воронку и дубинку. Про воронку – ни слова. А про дубинку сказал:

- Если что, держись за неё крепче, она тебя выведет.

«Что мне за неё держаться? – подумал Иван. – Я и сам знаю, куда мне идти!» – но промолчал.

Бурелом Валилович очень торопился, попрощался, пожелал удачи и улетел.

Вечером Иван улёгся спать на лужайке под деревом. Ночью проснулся от невыносимой боли в глазах. Ничего не видно... Это Марамориха подговорила Глазовёртку – вредную колдунью – извести богатыря. Внезапно ожила дубинка и стала охаживать Ивана. Он, чтобы от неё защититься, крепко схватил дубинку и она его потащила в сторону от этого проклятого места.

Три дня у Ивана после этого болели глаза. Чтобы подлечиться, он остановился в трактире. А лекарство в нём было одно – крепчайшая медовуха. Разленился Иван, а когда боль в глазах прошла, ему весь мир показался сплошной добротой. Поэтому двум бродячим шарлатанам: графу Кумкоролюнскому и его спутнице Телоизе, удалось обчистить его в кости. Они выиграли у него меч и перстень. Листики водного растения, дубинка и воронка их не интересовали. Меч они отдали трактирщику, рассчитавшись так с ним за постой и харчи.

«Отдали» меч – слишком сильно сказано. На самом деле никто из них, кроме Ивана, меч поднять не мог. Трактирщик, боясь, что они найдут носильщиков, понимая, чем это для его заведения закончится, договорился с графом, что тот отдаст меч, а трактирщик простит их долги.

Иван стремительно приближался к Великославлю. Минутная слабость, тяжёлое похмелье, пропавший перстень, всё было позади. Порубил он мечом трактирщику дрова, меч забрал и в путь. Перстень вернулся не сразу, шарлатаны держали его в кованом сундучке, и несколько раз Иваном продавался, чтобы купить одежду и еду.

При входе в Великославль охранял заставу змей горыныч Угар Угарыч. Он не служил Марамору, но так как ещё при прежнем царе кормился досмотром, то Марамор решил не испытывать его «жарких» чувств и оставил всё как было.

Угар Угарыч был по своей натуре забывчивый. Бывало попышкает огнём, а потом и придремлет, совсем забудет, что у него угли огнедышащие ещё шалют. Наглотаётся угарного газа и потом мучается. А многие не верят. Ты – говорят – Угарыч, верно лишнего хватил? Да он совсем непьющий. Ну, было на прошлой неделе: с королевичем шарахнули по паре бочечек. Да третьего дня с богатырём по столько же. А вчера тоже кто-то мимо проходил... Не, а так он непьющий. Это всё от угару.

Весть о богатыре Иване, идущим убить Марамора, принесли Угар Угарычу драконовые птицы. И как только Иван показался у ворот города, полыхнул Угарыч огнём по мараморовым хоромам, и Марамор с семейством едва унёс ноги. Выскочили они в поле подземным ходом, а здесь уже войско мараморова во главе с военначальником Замуром – не подступись. И вышел навстречу Ивану богатырь Вислей Иринеевич – Марамор привлёк его на свою сторону.

Три дня и три ночи бились они. Сначала на равных. Потом стал одолевать Вислей. Вогнал Ивана в землю по пояс – отскочила в сторону воронка, подаренная Буреломом Валиловичем. Закрутилась она, загудела, под ней образовалась огромная пещера, и всё войско засосало туда. Тогда уже стал слабеть Вислей. Иван изловчился и выбил у него меч.

- Убей меня! – закричал Вислей.

- Нас враги успеют убить, - ответил Иван спокойно. – Уж если умирать, то за Родину!

Бросились Иван с Вислеем на Марамора, а он раздвоился, разстроился, раздесятирился и мараморов становилось всё больше и, каждый был вооружён, и каждый норовил уколоть мечом. Сам же Марамор сел в лодку и переехал с охраной на остров. Вислей воевал с двойниками Марамора, а Иван прицепил к ногам листики водного растения и пошёл по воде. Меч точно указал на Марамора. Скатила голова страшного правителя, и тут же пропали Мараморчики и Мараморишки. Пропали жена Марамориха и дочери Мараморички. И держава вздохнула свободно.

А где же Чудище, с которым Иван должен был биться? А глупость и лень, которые он преодолел, и есть самые страшные чудища.

Иван с Иринеичем стали Родину защищать. А Родину защищать – не уставы писать.

А Чудило Петрович уже по старости богатырскую службу нести не мог, и выбрал его народ городским головой Стародорожска, потому, что пока он ездил, каждый камешек изучил, знал насколько плохи дороги. И в короткий срок дороги в Стародорожске стали такими, что ставили стопку водки, налитую «с бугром», и карета со стопкой на крыше проезжала через весь город, и ни капли не проливалось. Тогда-то Стародорожск переименовали в Новодорожск. Был пир.

И я там был, не водицу пил, по усам много стекало, но всё равно было мало.

Легенда об Арале

Каракалпакская сказка

Мальчик Рамет видел хороший сон: волны Аральского моря бились о берег у дома. Метровые рыбины: усач, жерех плескались у ног...

Рамет проснулся, выскочил на улицу и посмотрел в сторону моря. Далеко едва виднелась серая полоска воды. Море, плескавшееся рядом, каждый год уходило всё дальше и дальше. Сейчас ещё весна, а летом туристов будут возить к морю за десять километров.

- Дедушка, - обратился он к сидевшему возле дома старику, - почему море уходит?!

Старый дедушка Жиенбай, наверно, чтобы успокоить внука, погладил Рамета по голове и произнёс:

- Не волнуйся, внучёк, ещё дед мне говорил, что там под землёй – второе озеро. Оно наполнится до краёв, и снова в озере будет много воды.

Мальчик и дедушка не знали, что далеко-далеко отсюда, люди выкопали канал и пустили воду реки Амударьи в пустыню. Вода стремительно ревет, давя рыбу о камни, а потом в песке постепенно затихает, зарастает камышами и разбегается по бесчисленным коллекторам и арыкам, высыхая там. Не знали дед с внуком, что возле города Ашхабада вода, взятая из Амударьи, застаивается и образует в пустыне болота.

А маленький Рамет сидит на берегу и верит, что море вернётся.

Егорка - мыслительная бабаболка

Егорка на печи полёживает, да себе помечтывает.

Вот люди говорят, что за средним бугром на заводе хорошо получают. Пойти ему туда и кем-нибудь устроиться. Всё равно кем. А там увидят, что он такой умный, поставят бригадиром. Всё равно, какой бригады. Глядишь, через месяц он – начальник цеха. Он постоянно, когда начальство в отпусках, да командировках, то главного механика подменяет, то ведущего инженера. Через два месяца он уже директор. Но у него же нет высшего образования, и начнут ему козни чинить. Сначала понизят до главного инженера, а потом постепенно поспихивают до рабочего. Нет, тяжело ему будет опять в рабочие. Не пойдёт он, пожалуй, на завод. Лучше подумает, куда бы ещё пойти?

В армию можно. Война начнётся – он дивизию врага в полон возьмёт – его генеральным командиром поставят, а то, гляди, в генералиссимусы выйдет. Но снова шёпоток: «Академиев не кончал!» До полковника он ещё разрешит себя сымать. Полковники, они хорошую денежку хапают. А дальше – ша! Брякнет он саблей об пол. Не желаю больше! Подавай мне полный пенсион, за пролитые кровя!

А после можно сельским хозяйством заняться. Купить шибко голландистых семян, развести живности семипородистой. И начнут у него поросята, телята, гусята, нутрята, да всякие ондатрята плодиться как комары. Только на рынок вози их, да продавай за звонкую монету. Главное, тут его высшим образованием никто не попрекнёт. Наоборот, скажут: «Вот, он не отрывался от народа, он – нашенький!»

Так и надо сделать. Вот завтра встанет после обеда и завертится всё. Только вот до завтрева полежит маленько.

Людмила Митрохина

Кусочек счастья (или «Протечка») Монопьеса

Комната освещена горячей свечой. В большом мягком кресле, свернувшись калачиком, спит одетая женщина лет сорока, прикрывшись зимним пальто. Сапоги брошены около кресла. На потолке зияет огромная дыра на чердак, из-за обвалившейся штукатурки. На полу металлическая обшарпанная лоханка, в которую монотонно капает со стуком вода из дыры. Виднеется открытая застеклённая дверь в другую тёмную комнату. На полу валяются швабра, ведро, савок, тряпки. Около дыры стоит высокая стремянка, полуприкрытая плёнкой. Всё, что находится в комнате, в том числе и пол, покрыто полиэтиленовой непрозрачной светлой плёнкой. Небольшие пустые ёмкости из хозяйственной посуды разбросаны в разных концах комнаты. Около кресла на табуретке догорает большая новогодняя свеча. Женщина во сне часто и тяжело дышит. Затем глухо вскрикивает, вздрагивает и через несколько секунд пробуждается от тяжёлого сна. Некоторое время лежит неподвижно, смотря в потолок. Начинает вспоминать сон. Встаёт, проверяет свет, беспорядочно и нервно нажимая на выключатель. Света нет.

Опять тот же жуткий сон из детства. *(Держится рукой за сердце)* Сердце колотится, как бешеное... Странные пустые комнаты. Выбегаю из одной – дверь растворяется со стеной. Впереди – другая комната и дверь. Вбегаю – то же самое... Кто-то дышит в спину, а повернуться страшно. Ноги приросли к полу. Хочется бежать и не могу... *(Пауза)* Потом бег. Ноги как заводные механизмы. А мерзкое сопение не отстаёт. Комнаты с дверьми не убывают. Вбегаю в комнату, а там нет дверей... Ага! Не надо двери открывать. Уже легче. Слышу хрип в горле, стук в ушах. И страх, страх, страх... Впереди чёрная точка. Мчусь к ней. Вот уже вижу какую-то женскую фигуру на корточках. Руки обхватили колени, в которые спряталось и лицо. Вот оно спасение! Из последних сил отрываюсь от страшного дыхания, вбегаю в комнату к женщине. Она протягивает мне руки, закрытые длинными рукавами какой-то монашеской одежды. Ещё чуть-чуть и я схвачу их. Но она поднимает голову с колен, и, о, ужас, я вижу вместо лица череп с пергаментной кожей, оскалившийся рот и глаза – чёрные дыры. *(пауза)* Крик умер во мне, не успев родиться. *(Задумалась)* Это же её омерзительное дыхание гнало меня к ней, а глухой стук – это стук моего сердца. *(Поглаживает грудь)* Ну, всё, всё... угомонись, не стучи так. Это из-за проклятой протечки. Как только нервы на взводе, так этот сон с точкой тут как тут. Понятно – все протечки начинаются с точки, с пятнышка, которое расползается водяными щупальцами по потолку и стенам, как раковая опухоль, и пожирает дом, протыкая чёрную дыру несчастий.

Капли падают всё чаще и чаще в большую лоханку. Женщину охватывает волнение. Она ходит со свечой, смотрит на потолок и стены, садится, меняет позы. Слышно как начинает капать в другом месте по плёнке.

Господи, за что нам это наказание? Вот сколько этих протечек было на мою голову? *(Вспоминая, загибает пальцы)* Одна, две, три, четыре...

Первая врезалась в память на всю жизнь. Я выходила замуж, а мама разводилась с отцом. И это после тридцати лет совместной жизни! Вернее совместных мучений. *(Смотрит со свечой, откуда закапало. Берёт кастрюлю с пола и подкладывает туда, где капает часто вода)* Наверное, всё же и счастье было, если так убивалась. Как только мы решили пожениться, мама стала жить в этой полутёмной комнате, а нам уступила лучшую, светлую с двумя окнами. *(Показывает рукой на стену за спиной)* И что? У нас праздник, веселье, застолье, крики «Горько! Горько! Горько!...» А за этой перегороженной шкафом стеной, слышны глухие рыдания. Нам было удобно думать, что мама плачет из-за протечки. Но это было не так. И я знала. Через эту проклятую дыру пришло несчастье – развод. Я таких крупных слёз ни у кого не видела в жизни. Одиночество мамы усиливали наши радостные вопли. Мы всегда сами скидывали с крыши снег и лёд. А тут свадьба и новый год. Мама не жаловалась, да и не в нашей комнате капало. Потом, потом, успеем. *(Пауза)* Успели. *(Пауза)* Положить в больницу и... похоронить. *(Смотрит с ненавистью на огромную дыру)* У-у-у, дыра проклятая!

А потом, как по маслу. Каждую зиму – вояж по крыше с ломом и лопатой. Что такое? *(Закапало в другом месте. Женщина взяла кастрюлю, посмотрела где капает и подставила под капли)* Вторая также проявилась точкой, из которой вылез чёрный глаз на потолке и... сглазил моего мужа. Стал он пропадать куда-то. Приходил домой лишь спать. То командировки, то испытания, то полигон. А тут ещё и звоночек сочувствующего доброжелателя, как ушат дерьма на голову. Да я и без него всё чужая, ничего не зная. Всё смотрела на дверь и ждала телефонного звонка. Не заметила, как протечка набрала силу, разлилась морями-океанами по потолку, как по карте, и закапала. Ну, я и поскользнулась. Это закон. Как только начинаю психовать – сразу режу пальцы, ошпариваю руки, спотыкаюсь... Лежу на полу. Капли льются по мне, как горькие слёзы всех обманутых жён. Вдвоём поплакать хорошо, пусть даже и с протечкой. Зато... выплакали своё «счастье» назад. *(Пауза)* А счастье-то вернулось *(Поднимает палец вверх)* благодаря всемогущей прописке, держащей в кулаке все браки при любых протечках и... пустых кошельках! Да и сын сыграл не последнюю роль в этом заезженном сюжете. Ничего не хотелось менять. Страшно остаться одной с ребёнком. Специально мне внушал, что я ничего не умею делать толком, ни обед сварить, ни постирать, ни сына воспитать... Короче, пропаду без него. *(Пауза)* Ну, это ещё бабушка надвое сказала.

Но, как говорят, Бог Троицу любит. *(Прислушивается. Тихо капает в новом месте. Берёт тарелку и подставляет под капли)* После всего этого внутри стало как-то пусто. А природа, как известно, не терпит пустоты. *(Пауза)* И я... влю-би-лась! Это был почти телефонный роман. Больше всего я любила говорить с ним по телефону в полном одиночестве. *(Представляет как она говорит по телефону)* Закрывала глаза, сливалась с телефоном в одно целое, мысленно опутывала себя проводами и принимала треск в телефонной трубке за звуки грозового неба. С ним я научилась летать в пространстве чувств, в состоянии сладкой невесомости. Благодаря ему я обнаружила два мира – один внутри себя, другой вне меня. Внутри – жил мир с бесконечными лабиринтами ускользающих мыслей, яркими залами свершившихся побед и тёмными казематами печалей. Там царила я. Через закрытые веки, как сквозь полупрозрачную штору, я могла

наблюдать другой мир из суетной и тревожной жизни. А сама я, моё тёплое тело с нитями издёрганных нервов, было ничто иное, как о-бо-лоч-ка, разделяющая эти миры. Мои слова летели к нему навстречу через провода прямо в его распахнутое сердце. Слова приобретали смысл и делали меня счастливой. Метаморфоза, передаваемых друг другу чувств, кружила нас во Вселенной, останавливая время. *(Пауза)*

Что со мной было – не знаю. Избегала смотреть мужу в глаза, находится с ним в одной комнате, вместе обедать, завтракать, ужинать. Всё время придумывала причины поздно ложиться спать и рано убегать утром на работу, где я могла сразу схватить телефон, чтобы услышать дорогой голос, пока никого нет. Это был дурман, наваждение, тоска, а может это и была любовь? Что бы я ни делала, я всё время внутренне с ним разговаривала. Мучительно было скрывать нахлынувшее на меня чувство. И тут пришла на помощь очередная... *(Вспоминает)* Какая по счёту? Третья обвальная протечка. Нервы звенели как натянутые струны. Я дрожала даже от чужих взглядов. Не выдержала... и сказала мужу, что люблю другого. Было уже всё равно. Будь, что будет! *(Пауза)* Что удивительно, моё признание больше потрясло этого «другого», чем мужа. «Другой» тут же от меня отрёкся. Как оказалось, ему нужна была только моя оболочка, без проблем и отrostков в виде сына. Муж сделал так, как ему было удобно – он никуда не ушёл, скинул с крыши снег, сколол лёд, заделал дыру. Мудро переждал мой, как он сказал, очередной «бабий бзик». Ах, какая это была протечка! Я перещеголяла свою протечку количеством источаемой влаги. Мы соревновались. Я всё же победила – ревела ещё целый год до новой зимы. *(Молчание)*

(Закапало в другом месте.) Что за чертовщина, воспоминания о протечках только её раззадоривают. *(Берёт тарелку и подставляет в другое место)* Ну, а четвёртая – довела до первой седины. Мой сын. Как я поздно поняла, что он болен! Алкоголь, будь он проклят! Тогда тоже начиналась протечка. Непонятная тревога жила во мне. И в такие минуты руки сами набирали телефон сына. Иногда он отвечал сразу, но как-то приглушённо. Думала, что он не один. Или после суточного дежурства спит. А когда он не брал трубку несколько дней, я поняла, что пришла беда. От телефона не отходила. Какие это были невыносимо длинные гудки! Часами держала трубку и призывала: «Возьми, возьми, возьми трубку. Ты же там, в конце длинного гудка...» Как сейчас помню его странный замедленный глухой голос. Мороз по коже. Только бы не бросал трубку, только бы слышать его... Кричала что-то несурзное про конец света, про кровную ниточку, про безработицу, бомжей, завывала, как по покойнику, прорывалась к его оступевшему сознанию! Судорожно искала соломинку, за которую можно было бы уцепиться, прижать к стене, как жертву, воздействовать страхом, жалостью, шантажом, всеми доступными материнскому сердцу средствами. Почти потеряв надежду, вдруг услышала – «согласен». Язык остановился, заработал мозг. А в голове стучит: «Ты болен, сын мой, болен, болен... Ах, как же я была слепа...» Потом врач, капельница, долгий спасительный сон. Как безумная бегала по кухне, гремя кастрюлями, как колоколами, колдуя над едой. Я словно раздвоилась. Первая я – тупо сидит за канцелярским столом. Вторая я – кружит вокруг него там, заполняя собою всё пространство, отгоняя напасти. Через пять дней мы у врача. Жуткая правда нависла над нами, как палач. Это не жизнь и это не лечение, это избавление на краю черты. Вина разрасталась и жгла сердце. Спрашивала себя, за что? Ответ один:

За то, что ждала перемен. От любопытства и измен.

За бегство в райские сады с червивыми плодами.

За то, что главным был не Ты, а то, что за горами.

Слышится внезапный грохот – упал кусок потолка и дыра стала больше. Затем наступила мёртвая тишина. Капли прекратились. Женщина испуганно замерла. Стала убирать упавшие куски в угол и прикрывать плёнкой.

Ох! Да что же это такое! Настоящая «Гибель Помпеи», только вместо вулкана протечки орудуют. *(Прислушивается)* О! Тишина. Не капает. Нет, ты меня не обманешь, дыра раздора, я слышу, как твои щупальцы ищут новые щели. *(Пауза)* Опять этот зуд. *(Ведёт рукой по телу)* Начинается отсюда *(Трогает левую грудь)*, идёт сюда *(Дотрагивается до подмышки)*, спускается гусиной кожей по спине, пояснице, здесь щекочет *(Гладит бёдра)* и замирает под коленками. *(С раздражением)* Ах, как хочется расчесать, содрать вместе с кожей проклятый зуд. *(Осторожно почёсывает колени)* Всё из-за вчерашнего. Проснулась и тут же поняла – день дурной. За окном всё серо, мрачно. Разлад прямо висит в воздухе, как дамоклов меч. Завтрак вдвоём проскочил почти удачно. *(Пауза)* Что я сделала? Лишь случайно задела его ноги под столиком на кухне и тут же – поток проклятий и чертыханий – «Немедленно проси прощение!» Внутри меня что-то щёлкнуло и замкнуло язык на замок. *(Почёсывается)* Дожевала завтрак, поджала ноги под табуретку, как собака хвост.

Что потом? Потом в метро, на встречу с прошлым, где мне передали весточку из Германии, куда переметнулся бывший коллега. После – биржа труда с толпой безработных до самой улицы. Многие стесняются, делают вид, что случайно здесь оказались. Да что там, здесь все знают, что такое беда. Не отметишься – не получишь подачку от властей. Стыдно быть бедным и безработным. Не всякий согласится работать метлой, мыть грязную посуду или таскать тяжести. Вспоминаем свои служебные комнаты и кабинеты, как рай небесный, которые раньше проклинали. Так что «не до жиру, быть бы живу». А ещё внушали нам – всякий труд в почёте. Ничего, скоро молодёжь займёт и эти места. И правильно. Стою в толпе изгоев и нервничаю – успеть бы добежать до галереи на переговоры. Вдруг купят кое-что из картин. Мысли скачут, как строки в мониторе. Надо скорей домой. Жалобу насчёт недельной протечки не успела отнести в контору. Хоть это и бесполезно, но он велел. С обедом явно запоздала. *(Пауза)* Наконец дома. Сидим. Едим. Ноги поджаты. Молчание густеет как грозовая туча. Началось. *(Почёсывает тело)* «Сорвала на час священный приём пищи!» Поел. И вместо «спасибо» процедил сквозь зубы – «неблагодарное отродье». Отродье – это я. Почему неблагодарное? А, потому, *(Загибает пальцы)* что не работаешь, стоишь на бирже, смеешь перечить и выказывать свой нрав. Знал чем бить, чтобы погасить своё раздражение от этой протечной жизни. Недаром всю ночь выл ветер. Всё расплылось перед глазами от слёз. Стало душно. Как я выбежала из дома не помню. На Гороховой очнулась. Поняла – ноги несли меня к галерее. Знала, что зря бегу, всё пустое, но не остановится. Бежать, бежать... Куда, зачем? Один Бог знает. Ветер хлещет мокрым снегом в лицо... «Неблагодарное отродье» – слышу за спиной. *(Задумалась и стала говорить с ожесточением, почти плача.)* Нет, это не муж сказал. «Неблагодарное отродье!» – сказали мне мои отравленные годы. Я им не знала цены, не отвечала щедростью за щедрость, заполняла пустотой, дразнила надеждой, ломала их въедливой жалостью, нерешительностью, подстраивалась к чужеродной жизни. Я убила их своими неблагодарными руками. Вот этими руками...

Неожиданно загорелся свет за дверью. Женщина опешила, потом быстро схватила швабру, подбежала к двери, закрыла и воткнула швабру, чтобы дверь не открылось было с другой стороны.

Нет, дорогой, ничего у тебя не выйдет. Никаких выяснений отношений, никаких извинений слушать не желаю. На-до-е-ло! Сначала отравим, потом живительной водичкой побрызжем, как в сказке. А ты должна восстать из пепла, возродиться, всё забыть и жить дальше как все. Подумаешь, говорит, сказал что-то резкое, даже не помню что. Ну, это же в сердцах. Ты жена, женщина, должна понимать, прощать, забывать... Слова – это не дела. Это такие мелочи. Но ведь вся жизнь состоит из мелочей. Из этих мелочей как из кирпичиков складывается твой дом. Тёплые кирпичики – тёплый дом. Ледяные – ледяной. Говорит, что я злопамятная. А я не злопамятная. Мне больно от слов, как от розог. Словами можно убить. Я уже давно живу полуживая. Будто кто-то специально проткнул крышу и залил дом раздорами и бедами.

Капли начинают нарастать. Отчаяние. Нервный смех. Женщина закрывает плёнкой кресло и всё, что было не закрыто.

Сейчас, мои дорогие протечки, я буду справлять по вам па-ни-хи-ду. Вместо молитвы, извините, – стихи. *(Берёт одну плавающую свечу, кладёт в наполненную кастрюлю и зажигает.)* Эта свечка, чтобы сжечь – мамино одиночество. Мамочка, ты теперь не одинока в своём одиночестве. Два родных одиночества – это уже семья.

*Я нежностью осыплю землю,
Где спит тревожная душа...
Прости. Я слишком поздно внемлю,
Тогда, когда горю сама.*

(Кладёт ещё одну плавающую свечку в другую ёмкость с водой и зажигает)
Упокойся, и ты протечка измены. Да сгинут все измены мира в адском огне! Аминь!

*Мой муж, полей цветы моими же слезами
И ороси печалью дом.
Прими бокал с прозрачными слезами.
Отпей же счастья женского глоток!
Того, что сам дарил короткими ночами,
Которое я складывала впрок...*

(Берёт третью плавающую свечку, кладёт в наполнившуюся водой тарелку и зажигает) И ты, усопшая протечка обманутой любви, отстань от моей души на-всег-да! Пусть земля тебе будет пухом.

*Для любви нет преграды.
А обид полынья
Превратиться в награду –
Чашей счастья без дна.*

(Берёт четвёртую свечку, кладёт в тарелку с водой, зажигает) Господи, живу вслепую, по наитию. Как защитить сына от этой чёрной отравы? Сжигаю тебя протечка материнских страданий! Аминь!

*Ах, знать бы, где плечо подставить,
Солому подстелить.
Удар судьбы чуть-чуть ослабить,
Несчастья предотвратить...*

Слышен шорох в дыре. Женщина пугается, но любопытство берёт верх. Подтаскивает стремянку, забирается наверх с большой свечой и с куском плёнки в руках, пытается посмотреть, что там, на чердаке. Видит бездомную кошку.

(Удивлённо) Киска! Кисочка, кис-кис, кис-кис... Ну, что ты боишься, иди сюда. Как там холодно. Подожди. *(Вытаскивает из кармана бутерброд, разламывает на кусочки и кидает в дыру)* Это НЗ на ночь. Понюхай, съедобно для тебя. Бедная серенькая коша. Как ты зиму переживёшь?! Господи, сколько вас бездомных в городе ютятся. Все как один с поджатыми хвостами, выпяченными рёбрами, с затравленными глазами. *(Вздыхает)* Простите нас, двуногих, твердолобых, толстокожих, сытых и равнодушных, с огромными мешками и сумками, алчно набитыми едой для своих толстых мужей, жирных жён и пухлых детей. Что мы с вами сделали?! Привязали намертво к себе, пригрели и... выкинули на пустыри, помойки, в подвалы и чердаки. Человек пахнет коварством, вам этот запах лучше всего известен. Сколько вас бедолаг по белу свету рыщет! На, кисуля, не бойся, не отравлено. *(Пауза)* Правильно, правильно. Понюхай и проверь. Мне тоже верить нельзя. Двуногие давно уже всё отравили – и моря с рыбой и сушу с плодами. Теперь смотрят на небо, ищут планету, куда бы вовремя смыться с изувеченной земли. Чего ты бежишь с куском? Не отниму...

Вдруг вспыхнул свет и озарил всю комнату. Женщина удивлённо глядит со стремянки на свою комнату, которая заиграла необычайным светом от сверкающей плёнки. Комната становится похожей на мираж то ли светящихся гор, то ли необыкновенного рельефа призрачного города. Из чёрной дыры в потолке засветился мягкий свет. Видимо на чердаке включилась лампочка. Потрясение. Ей кажется, что она это уже видела, то ли во сне, то ли в своём воображении. Она медленно спускается со стремянки, закрывая её куском плёнки, делая стремянку частью этого фантастической картины. Разговаривая, женщина постепенно подходит к сверкающему рельефу, держа в руках плёнку.

Господи, что это!? Я же видела это где-то ... Во сне, на открытке? Где, не помню. Вот он этот белый город, с домами, башнями, скульптурами и колоннами, под сверкающим покрывалом серебристого инея. *(Медленно спускается со стремянки)*. Та же застывшая водная гладь под ногами. Город скользит ко мне навстречу или я приближаюсь к нему?! Как хорошо! Как покойно! Я чувствую живое тепло в сердце, как тогда. Кто-то такой нужный, необходимый, притягательный и властный стоит рядом. **Ах**, только бы не потерять это видение, удержать этот образ. Какая идёт от него сердечная нежность, неземной покой? *(Пауза)* Это Он. Он знает обо мне всё. Он жалеет меня. Он любит меня! *(Замирает)* Я не знаю кто Он. Но я в его власти, дарующей мне небывалый душевный покой. Он увезёт меня в свою тишину. Всё позади. Как легко. Ведь я не схожу с ума? Это не сон? Так хорошо мне не было ни-ког-да... *(Начинает уходить вглубь сцены к рельефу кажущегося города)* Я хочу раствориться в этом счастье, стать его частью, стать кусочком счастья, его частичкой, пылинкой... хоть на миг.

Женщина подходит к рельефу, поднимает, как птица руки с плёнкой и сливается со своим миражом в единой композиции. Через несколько секунд сцена погружается в темноту. Тишина.

Через некоторое время в темноте начинает нарастать звук капель. Слышится чьё-то шевеление, вздохи. Кто-то чиркнул спичкой. Появился свет. Та же женщина, но уже через лет двадцать, усталая и седая, сидит в зимней одежде в старом знакомом кресле, дрожащими руками зажигает недогоревшую новогоднюю свечу. Та же дырка в потолке, те же атрибуты. За стеной нарастает праздничный шум, возня, смех и слышатся крики: «Горько! Горько! Горько!...» Женщина ссутулилась, закрыла лицо руками. Стук монотонных капель переходит в звон колокольчиков, который начинается с высоких звуков и заканчивается одним долгим низким колокольным звуком в уже полной темноте, как символ конца и точки в сюжете.

К о н е ц

PS – В постановку можно ввести музыкальное сопровождение классической музыкой с диссонансом полифонического звучания, желательно одним солирующим инструментом (фортепиано, скрипка, флейта, виолончель).

Светлана Панова

Стойка на голове

Он родился обыкновенным котом, серой масти. Был из простой рабоче-крестьянской кошачьей семьи. Все его предки, как один жили в подвале, не претендуя на что-то большее. От ровесников-котят он отличался разве что размером головы. Она у него была столь огромна, что часто перевешивала туловище и клонилась набок. Поэтому, посидев немного, как все порядочные кошки прямо, он постепенно начал клонить её, пока не прикивал ушами к земле. Так он выучился стоять на голове. Никто его этому не учил, просто природа-мама так распорядилась. Начал он показывать свои фокусы с головой ещё в младенческом возрасте, постепенно оттачивая мастерство. Часто он сидел вниз головой на самом краю высокого крыльца, чем поражал всех жильцов нашего многоквартирного дома. Однажды, правда, он, не удержавшись, свалился оттуда, но фокусы свои не бросил. Только показывать старался их не на ступеньках, а на земле, остерегаясь нанести ущерб кошачьему здоровью. Прodelывая свои нехитрые трюки, кот получал повышенную норму объедков, и скоро так растолстел, что стал походить на серый резиновый шарик. Даже голову ему теперь трудно было на бок поворачивать. Вскоре все кошки нашего дома разбрелись кто куда. Этому способствовало чрезмерное заполнение двора автомобилями и собаками. Так суровая действительность сузила и без того неблагоприятную среду обитания этого зверя. Одни особи погибли в неравной схватке за жизнь, другие вынуждены были переселиться в более тихие места. Исчез куда-то и наш фокусник. Но вскоре выяснилось, что он и не думал погибать. Просто жизнь заставила его показывать свои выверты с головой на автобусной остановке. Как уж он там очутился, не знаю, но факт остаётся фактом. Иду раз утром и вижу: стоит наш проказник на голове среди

отъезжающей публики, а возле него уже гора харчей навалена. Но на остановке, как ни крути, а жить неуютно. Поэтому к зиме серый артист куда-то исчез. Долго я его не встречала. А тут иду мимо нового высотного дома и вижу знакомую физиономию. Вот, думаю, уже куда переместился. Сидит наш клоун в компании других кошек и опять на голову становится. Ну, за это его, как водится, первого и кормят. Сердятся, шипят на него сородичи-кошки, а нашему артисту хоть бы что. Вот ведь как получается! Научись вовремя на голове стоять, и весь свой век сыт будешь.

Как капля научилась ходить

Маленькая капля сидела на облаке и болтала ножками. Она не умела ни ходить, ни прыгать, ни тем более бегать. Но всё равно она купила себе ботинки на каблуках. Так, на всякий случай. Вдруг будет слякотно, а она босая, непорядок.

Тем временем туча, на которой она сидела, неслась вперёд, не разбирая дороги, перегоняя в пути другие тучи. Она даже сталкивалась с ними.

«Трр, крак, крак», - слышалось то и дело.

Капля дрожала, но не падала. Она двумя руками держалась за край тучи. Наконец туча влетела в сплошной туман. Ничего не было видно. Другая на месте капли испугалась бы, но не такая была наша путешественница. Она и виду не подала, что ей страшно.

«Главное не надо пугаться. Дыши ровно, вот так», - говорила сама себе капля.

«Какая я всё-таки храбрая», - надуваясь, думала она.

И, когда туча, наконец, вылетела из тумана, нашу каплю было не узнать. Её так раздуло от гордости, что ей стали малы свои собственные ботинки. И вот, сначала один из них не удержался на раздавшейся ноге и загремел вниз, звеня на ветру, как осколок стекла, а потом и второй полетел за первым. Капля долго смотрела им вслед, перегнувшись через край тучи. Тучу при этом ужасно перекосило. Она стала ломкая и скользкая. Наша капля каталась по ней взад и вперёд, боясь вывалиться.

«Ой, не удержусь! Ой, упаду!» – думала она.

И она действительно не удержалась и рухнула вниз. Боковым зрением капля видела, что вокруг творится что-то невообразимое. Капли летели отовсюду. Было такое впечатление, что они все разом потеряли свою обувь и теперь неслись её догонять. Капли были все разные: большие и маленькие, толстые и худые, капли-тётенки и капли-дяденьки, капли-девочки и капли-мальчики, капли-дедушки и капли-бабушки. Все они кричали в свои сотовые телефоны. При этом стоял такой шум, как будто с неба вдруг полил дождь. По дороге капли поминутно сталкивались и ругались.

Капли-тётенки почти все летели с трубками в зубах и дымили, как паровозы. А капли-дяденьки кричали им, чтобы они прекратили немедленно портить воздух. Наша капля не заметила впереди себя огромную каплю-тётенку в широкополой шляпе и села ей прямо на голову.

- Можно поосторожней! – завопила та, пытаясь стряхнуть с головы нахалку.

- Извините, - брызнула капля, сползла со шляпы и полетела дальше, как ни в чём не бывало.

Капля видела, как мимо неё на большой скорости пронёсся мальчик-капля, управляя самокатом. Он чуть было не сбил с ног нашу каплю. Капля попыталась его остановить, ухватив за голую пятку. Но мальчик-капля выдернул пятку, повернулся и показал ей язык.

- Хулиган! – прокричала ему вслед капля.

Но каплю-мальчика уже перегонял целый выводок капель-девочек. Они летели взявшись за ручки будто вели хоровод. При этом они хохотали, как ненормальные, кружились и то и дело на всех налетали. Они наехали бы и на нашу каплю, если бы она вовремя от них не увернулась. Вдруг капля услышала вой. Она повернулась и увидела плачущего мальчика-каплю. Он был весь грязный и на его штанишках в клеточку зияла здоровенная дыра. Мама-капля тянула одной рукой мальчика за рукав, а другой что было мочи била по этой дыре.

- Я больше не буду! – вопил мальчик-капля.

- Я тебе покажу! – кричала мама-капля.

Но что она показала мальчику-капле наша капля так и не узнала, потому что они очень быстро пронеслись мимо. Не успела капля пролететь и метра, как увидела, как другая мама-капля несла на руках маленькую каплюшку, которая дрыгалась и хныкала у неё в руках.

- Возьми без спанья! – кричала каплюшка – Не хочу в садик!

«В какой садик она не хочет? – подумала капля – Разве в саду плохо?»

Вдруг она увидела каплю, как две капли воды похожую на неё. У двойняшки была в руках куколка. Такой маленький, такой хорошенький пупсик с соской во рту. Наша капля от зависти прямо похолодела. Она холодела, холодела и холодела, пока не превратилась в ледышку. От этого она стала ещё тяжелее и с бешеной скоростью понеслась к земле. По дороге она перегнала каплю-мальчика на самокате, хоровод капель-девочек, у нескольких капель-тётенек выбила трубки изо рта, пока не увидела летящие, потерянные кем-то блестящие туфельки. Капля тут же растаяла, схватила туфли и сунула к себе в рюкзак, который болтался у неё за спиной и был похож на рыбину. Это она сделала вовремя, потому что впереди уже чернела, приближаясь, земля. По земле по колено в воде бродили разные капли, разыскивая свои туфли, тапки и ботинки. Спрыгнув в лужу, наша капля пополоסקала в ней свои, прямо надо сказать не очень чистые ноги, надела на них туфли и пошла. Да! Да! Пошла. Хотя прежде никогда не ходила. Да, что там пошла, она просто поскакала, смеясь и радуясь, что научилась ходить. Туфли, как две лодочки несли её вперёд. Она неуклюже скользила в них, боясь потерять равновесие, поминутно наезжая на другие капли. Вот она налетела на какого то каплю-деда, который вытаскивал из трясины свой сапог.

- Гляди куда ноги ставишь! – проворчал дед, замахиваясь сапогом.

Но каплю уже нельзя было догнать. Она летела вперёд, едва успевая переставлять ноги. А капли-девочки и капли-мальчики неслись с ней на перегонки. Так они бежали пока не увидели большое озеро. Затормозить они конечно не успели. Так и плюхнулись один за другим с обрыва. Возле берега плавали блестящие зелёные диваны, похожие на листья кувшинки. Капля поскорей уселась на самый широкий диван и поплыла вперёд, болтая в воде новыми туфлями и напевая весёлую песенку:

Вот как с тучи я свалилась

Тра-ля-ля, тра-ля-ля.

На земле я очутилась

Тра-ля-ля, тра-ля-ля

Не в воздушном океане

Я лечу теперь, друзья

На листке, как на диване

Путешествую, тра-ля!

Про жирафа

Игрушечному жирафу было невесело. Подойдя к зеркалу, он посмотрел на своё серое тряпичное тело. Оно выглядело неважно: во многих местах шерсть протёрлась до дыр, худые серые ноги висели безжизненно.

«Невыразительный, блеклый субъект, - подумал про себя жираф. – Разве кто обратит на тебя своё внимание? Разве кто полюбит тебя?»

От огорчения жираф шёл не разбирая дороги. Путь его лежал через обеденный стол. А между прочим, прямо на него надвигалось блюдо со сметаной. Но жираф не заметил блюда и ступил левой задней ногой прямо в его середину. От неожиданности он даже опешил и поскорей отдернул ногу. Но было уже поздно. Его левая задняя нога стала белой, как сметана.

«Не везёт мне», - подумал жираф и задумчиво поплёлся дальше.

Теперь справа по курсу его подстерегала вазочка с клубничным вареньем. Наш задумчивый жираф не увидел вазочки. Он ударился об её край и нечаянно вступил прямо в варенье. От этого его правая задняя нога стала красной, как клубничина. Он попытался стряхнуть варенье, но оно будто приклеилось к тряпичной ноге.

«Как с утра не повезёт, так и будет», - уныло думал жираф, машинально шагая дальше.

Но слева уже выростала горка румяных блинов, обильно политая черничным соком. Жираф споткнулся и угодил левой передней ногой в середину горки. Его блёккая передняя левая нога тут же стала голубой, как черничина на ветке.

Тьфу ты, - плюнул с досады жираф. – Шагу нельзя сделать, чтобы что-нибудь не случилось.

Ступая своими измазанными ступнями, он проследовал дальше. После всех злоключений ему очень хотелось пить, поэтому он подошёл к чашке и наклонил над ней голову. Желая убедиться, что в ней налита вода, он опустил туда свою правую переднюю ногу. На беду там оказался сок киви. И его правое переднее копытце превратилось в зелёную каплю.

«Что же это за утро такое сегодня», - подумал жираф и присел отдохнуть на краешек сахарницы.

Он с удивлением разглядывал свои ноги, которые стали похожи на радугу.

Тут в столовую вбежал мальчик. Он увидел на столе жирафа и закричал:

- Смотрите, смотрите, какой смешной жираф! У него все ноги разного цвета.

Он подбросил жирафа, и тот заболтал в воздухе разноцветными ногами. Мальчик очень полюбил смешного жирафа, и когда шёл гулять, всегда брал его с собой. Жираф выглядывал из кармана его курточки и весело махал прохожим передним зелёным копытцем. И при этом весь мир казался жирафу праздничным и разноцветным, как его собственные ноги.

Юрий Пейсахович

Мысли мои и чужие, мной разделенные, на тему Поэзия и Язык

Проблема поэзии, качество поэзии... Нет и не может быть проблем у поэзии, и с качеством тоже всё в порядке. Вопрос к конкретным людям - в данном случае поэтам и поэтессам. Признание - это то, без чего плачут дети, а взрослые умирают...

Желание быть на виду, порой неважно, каким образом, быть в окружении тех, у кого стих - не элитарное искусство, а естественный способ общения с собой и с окружающими...

Даже дилетанту понятно, что есть области, которые являются сугубо личными, и любое вторжение в них будет встречено "в штывы".

Никто не хочет, чтобы кто - то ломал его "хрустальную мечту". Нельзя переделывать авторскую работу без согласия автора, это прямое нарушение авторских прав - говорю об этом специально для отдельных "редакторов", иногда меняющих слова на прямо противоположные или их не устраивающих из - за незнания, "причесывающих" по - своему... Лучше поставьте ссылку "в авторской редакции"...

К большому сожалению, в последнее время понятие ПИСАТЕЛЬ стало мельчать и превращаться во что - то суетное и даже оскорбительное. Резко упал и авторитет писателя в обществе. Сегодня в России вместо писателей развелись во множестве так называемые АВТОРЫ.

Сравнивая большое количество нынешних стихов с действительно высокой поэзией прошлого, невольно ловишь себя на мысли, что мы все очень много потеряли в деле понимания слова и умения обращения с ним. Наш язык "вдруг" стал груб, вульгарен, примитивен. Из него выпали многие смысловые оттенки, а также тонкие понятия из сферы возвышенных чувств и переживаний. На круг мы все мгновенно обеднели, потеряв многие языковые краски, утрата их по восприятию и переживанию смысловой глубины и объема привела к тому, что сама наша жизнь стала более рутинной и пошлой.

Как мало настоящей поэзии в "Сообществе голодных поэтов" (пусть простит меня за это замечание его руководитель В. Антипенко), в присвоившем себе главное право судить о высокой поэзии от имени "Союза писателей России" (председатель - Борис Орлов), абсолютное замалчивание главной и интересной в целом газеты "Санкт - Петербургские ведомости" о таком значительном явлении в городе и в России целом, как Российский Межрегиональный Союз Писателей (юридически законный правопреемник Союза писателей СССР, поддерживаемый Председателем Исполкома Международного Совета писательских союзов Ю. В. Бондаревым) и возрожденная с 15 декабря 2003 года Академия русской словесности и изящных искусств имени Г. Р. Державина, где вся литературная деятельность направлена на сохранение традиций и развитие русской литературы и искусства. Здесь собраны неординарные, в большинстве случаев самодостаточные, обладающие раскрепощенным интеллектом и творческими способностями люди. В качестве Действительных членов АРСИИ в настоящее время уже активно и творчески

себя проявляет такое количество докторов наук и профессоров различных отраслей знаний, что нам может позавидовать Ученый Совет любого ВУЗ”а Петербурга.

В структуре Академии формируются различные научные и методические направления, творческих поисков в области духовной культуры: литературе, искусству, дизайну, военной истории, философии, социологии, богословия, права и психологии. Именно здесь и поддерживается еще наша надежда, что не всё ещё потеряно, что ещё можно спасти и нужно вести борьбу за подлинные человеческие ценности, корневую основу чего и составляет в данном случае неизвращённый русский язык.

Поддержим же тех, кто проявляет твёрдость и настойчивость на поприще удержания нашего Отечества от окончательного впадения в языковой разврат и разложение, спасая свою честь и своё достоинство. Надо, вероятно, лучше знать наших предшественников, история России богата на имена талантливых писателей и поэтов. Если бы нынешние авторы больше читали, у них бы обязательно прибавлялось знаний. Есть и сегодня немало настоящих поэтов, у кого не грех бы поучиться, и кого хотелось бы читать и слушать. Назову только “на вскидку” из числа АРСИИ и РМСР : Александр Темников, Сергей Новиков, Виталий Летушев, Дмитрий Киршин, Евгений Раевский, Марина Ермошкина, Надежда Ораевская, Людмила Новикова, Галина Тычина, Ольга Сафарова...

Настоящим будет тот Поэт, стихи которого западают в душу и память читателей надолго, находят там свой отклик. При оценке любого произведения важен первый взгляд : есть гармония или нет ? Порой скучно слушать некоторые “литературные” передачи по ТВ-или их ведут некомпетентные люди в поэзии и литературе, либо приглашают на программы совсем не настоящих поэтов.

Конечно, всех рассудит время. Если кроме написанного текста еще приходится что-то разъяснять, что поэт хотел донести до читателя (зрителя), ты не понимаешь, зачем так много говорят.

Никогда не смотри на фамилию, сначала подумай, что тебя лично притягивает, если уж “зацепило”, заинтересовало, отозвалось в душе твоей - тогда и запоминай имя. Задача искусства - развернуть человеческую душу, расширить её, развить эмоциональную сферу. Хорошие стихи как раз и учат эмоциям и чувствам.

Выскажу, может быть, не бесспорную мысль, что поэзия всё - таки не для всех. И не надо её читать там, где её не понимают. Есть ли разница и так уж ли она важна ? Для меня огромна и очень важна. Только все ли хотят или могут её услышать и осознать ? Не слышащие разницу между настоящей поэзией и тем, что во множественном числе печатается (на том же сайте: Стихи. ru) и слушается, скорее должны думать о различии в эмоциональном воздействии на нас. Тогда и будет понятна РАЗНИЦА исполнителей...

Да, все разные (и это хорошо !), но великие не оставляют нас равнодушными, они способны вовлечь вас в сопереживание даже помимо вашей воли. Кроме понятных чувств радости, боли, страдания передать недоступные, неземные эмоции, которые могут проявиться в состоянии подъема духа, сосредоточенного восторга. При этом отметим важную особенность : упорядоченность такого восторга... В хаос какофонии тоже можно вовлечь... но здесь упорядоченности нет и восторга она не вызывает.

Приветствую “ круглый стол” в Республиканской Национальной Библиотеке, организованный фондом “Безопасный город” и журналом “Бег” на тему: “ Язык и Литература, как основа национальной безопасности”.

Медведь

- Наташа, это ты? Здравствуй!
- Кто это?
- Это я, Сергей, – мужчина, услышав голос бывшей жены, нервно сжал трубку.
- А-а-а... Ну, здравствуй! Чего тебе?
- Как Настенька? Здорова?
- Да.
- А малышка твоя?
- Вполне, - равнодушный и вялый ответ как бы предлагает закончить разговор.
- Наташа, прошло пять лет. Я скучаю по Настеньке. Хочу приехать к вам. Можно? Ты же не приедешь к нам с Леной.
- Некогда мне, – голос отгалкивает Сергея.
- Давай, я все-таки приеду.
- Не выдумывай.
- Наташа, прошу тебя! – Сергей знает, что должен добиться приглашения, иначе как жить дальше, душа изболелась. – Хоть на пять минут. Я приеду. Прощу тебя.

Пауза.

- Ну ладно, приезжай, только на пять минут

Сергей почти бегом зашагал от почты к дому. Мама, Анна Павловна, грузная не по возрасту, давно одинокая женщина, вопросительно взглянула на вбежавшего сына:

- Сережа, что?
- Дозвонился, еду.
- Что сказала?
- Еле уговорил. Сказала только: «На пять минут!»
- Вот нахалка, - не сдержалась Анна Павловна. – Бросила мужа в беде. Ей, видите ли, с лица воду пить! Где это видано! Когда такое бывало, чтобы жены бросали искалеченных мужей? До чего мы дожили? Чувствовала я беду от твоей женитьбы.

Семь лет назад Сергей, стройный, красивый русоволосый, чуть выше среднего роста молодой человек демобилизовался. Отслужил удачно, часть была хорошей. Вернулся сержантом. После армии решил ехать домой, в маленький зауральский городок к маме, одинокой, не очень здоровой женщине. Да и городок свой Сергей любил. Устроился инспектором в единственную страховую компанию города.

Не прошло и трех месяцев, как сияющий и смущенный Сережа, не ночевавший сегодня дома, представил маме свою «жену» Наташу. Она только что приехала в их городок на работу после окончания финансово-экономического колледжа. Родом была из такого же рай-города. Хорошенькая, тоненькая сразу приглянулась парням. Сергей влюбился серьезно. Был рад, что Наташа выделила его из толпы поклонников. И вот сегодня она сказала «да».

Анна Павловна почему-то не смогла обрадоваться этой новости. Но Наташа с

этого дня стала жить у них.

В сентябре – свадьба. Наташа оказалась требовательной, рачительной хозяйкой. Категорически, хотя и молча, разделила семью на две. Утром, здороваясь, всегда отворачивала лицо. Да и Сережа в новых условиях стал как бы «бояться» лишней раз обратиться к матери, тем более, поговорить.

К мужу Наташа тоже оказалась строгой, ей было трудно угодить. На зарплату Сергея она смотрела свысока – копейки. Устраиваться на работу Наташа не спешила. Ее берегли – она уже вынашивала Настеньку.

Сергей нервничал. Решили с другом подрабатывать, собирать в лесу березовый гриб – чагу. Дело оказалось доходным, места у них богатые березой. Наташа несколько подобрела, стала не такой колючей. Родилась благополучно, что не часто сейчас, Настенька – здоровая, красивая. Сергей готов был жизнь отдать за своих женщин, лишь бы им было хорошо.

Ранней весной, когда Настеньке был почти годик, как только растаял большой снег, Сергей с другом отправились в лес. Поход был удачный. Друзья возвращались домой, уже шли по дороге, как вдруг боковым зрением Сергей заметил, что за спиной Андрея что-то темнеет. Мелькнула мысль: Медведь! Мгновение и голодный медведь бросится на Андрея. Не раздумывая, Сергей с криком бросился на помощь. Медведь сразу же отреагировал и, развернувшись, обрушился на Сергея. В пылу борьбы Сергей даже не почувствовал, что левой половины лица у него уже нет. В этой неравной борьбе он потерял зрение и был обезображен невиданно, у него не стало лица – бесформенные бугры, и утрачена часть челюсти слева.

Андрей не оставил друга. На обочине дороги он схватил толстую дубину и, не раздумывая, огрел медведя. Попал удачно – по голове. Медведь получил тут же ещё серию ударов и, отпустив Сергея, переключился на обидчика. Андрей зарычал страшно, по звериному. Примерился и воткнул конец спасительной дубины в пасть зверя. Андрей рычал, не уступая зверю ни в чем, даже в рыке. Гнев придал ему огромную силу, и медведь, оценив обстановку, решил отступить: отклонился, встал на четыре лапы и с недовольным рыком исчез в придорожных кустах...

Оглянувшись на лежащего Сергея, Андрей оторопел: лицо друга безвозвратно утрачено. Болевой шок был так силен, что кровь из ран только начала появляться. Было ясно, нужно звать на помощь, но Сергея нельзя оставить одного: голодный весенний медведь может вернуться. Располосовал свою рубашку, быстро перевязал голову друга. Взвалил Сергея на спину и, как мог быстро, пошёл в сторону дома.

На счастье, вскоре, как Андрей вышел на проезжую дорогу, навстречу появился «жигулёнок». Его владелец тут же развернул машину. Молча, только взмахом руки, пригласил Андрея. Выскочил из авто, взял Сергея на себя, и они с трудом уложили раненого на заднее сидение. На молчаливый вопрос водителя, Андрей с трудом выдавил: «Медведь...»

Машина рванула и минут через семь была около больницы. Та была на окраине городка. В отличие от больших городов здесь никто не спрашивал положенный теперь страховой полис, не тянул преступную паузу, а сразу Сергей оказался на операционном столе. Дежурная бригада сделала все возможное. Две недели Сергей был в реанимации, но выжил. Наташа, пока голова мужа была в бинтах и представить себе не могла, что ей предстоит увидеть. А когда увидела и убедилась, что Сергей еще и ослеп, то испугалась,

и тут же мелькнула мысль – бежать.

Когда Сергей выписался из больницы, жены и дочери уже не было. Наталья уехала на родину, к родителям. Написала записку, что она с ним жить не сможет, и чтобы он ее не беспокоил. Согласие на развод Сергей подписал сразу.

Итак, инвалидность и пенсия-насмешка 400руб. У Анны Павловны зарплата в школе 1200 руб. Так и стали они жить, экономя каждую копейку. Сергей почти успокоился. Его доброе сердце простило, «поняло» бывшую жену. А вот тоска по дочке была неотступной. Раз в два-три месяца Сергей писал записку или звонил. Когда дочке исполнилось 4 года, Наталья вышла замуж за своего одноклассника, давнего своего поклонника и вскоре родила дочку. Тут Сергей снова потерял покой. Как там его Настенька? Она представлялась отцу сиротой. Наталья категорически пресекала его попытки свидеться с дочкой.

И вот наступило лето, после которого Настя должна пойти в первый класс. Наконец-то он добился свидания с дочкой! Пусть и на пять минут.

Анна Павловна купила для Настеньки школьный набор, мягкого зайчика, костюмчик и с болью проводила слепого, изуродованного сына в дорогу. Просила взять её с собой, но Сергей категорически не согласился.

Приехал. Вышел из автобуса. В правой руке белая трость, в левой – дорожная сумка. Его не встретили. Нужно найти такси. Ему помогла проходившая мимо женщина. Провела Сергея к таксистам. Помогла сесть в машину. Через десять минут Сергей стоял перед высоким забором. Шофер постучал в калитку, попрощался и уехал.

Вышла Наталья. Ровным голосом поздоровалась, сказала, что свидание разрешает на пять минут, предложила сесть на скамейку, даже не пригласила во двор и ушла за Настей. Настя, замечательно красивая грациозная девочка с аккуратными косичками, не испугалась страшного лица своего папы, подошла и поздоровалась. Села на скамейку рядом с Сергеем. С удовольствием стала рассматривать подарки, стараясь не смотреть на лицо отца. Это ничего не меняло, ведь Сергей слеп.

- Как вы живёте? Не болеешь? Как мама? Устаёт? Ты помогаешь маме? А бабушка Аня любит тебя, все подарки она выбирала. Тебе понравились? Ты буквы знаешь? А считаешь до ста? – Сергей спешил, вопросы сыпал, как горох. На все вопросы Настенька отвечала утвердительно, в том числе и на вопрос, приедет ли к папе и к бабушке в гости, когда вырастет. Сергей понял, что приедет, обязательно приедет!

Они говорили легко и просто, но минуты закончились, появилась Наталья, приказала дочке идти в дом. Сергей спросил бывшую жену:

- Как малышка?

- Нормально, – прозвучал бесцветный ответ. И добавила твердо: – Уезжай!

Даже стакан чая или даже воды не предложила человеку с долгой дороги. Сергей взял полегчавшую сумку и вслепую стал прокладывать себе путь к шоссе. Один.

На душе стало спокойнее. «Свиделись!» Воображение Сергея рисовало почти точный портрет дочки. Красавица, умница, добрая, смелая...

Преступление и наказание

Второклассник Сева возвращался из школы радостный и практически счастливый. Вера Ивановна похвалила за правильный ответ на вопрос, почему на стекле в мороз может образоваться рисунок из льда, не спросила стихотворение, которое вчера вечером не удалось выучить, что стало ясно утром при повторении стиха. Сегодня нужно этот стих вызубрить обязательно, а главное дома его ждёт мама, что бывает нечасто. Мама обычно с утра до вечера на работе. А на улице почти весна: солнце, светло и легко.

Звонок. Мама обняла Севу, он, замирая от счастья, прижался к ней. Пообедали. За уроки можно сесть и позднее. Все мысли в соседнем сквере, где Сева со сверстниками из ближайших домов любит играть в снежки, кататься с горки, да мало ли что ещё придумает неукротимая фантазия.

- Мама! Можно я недолго погуляю на горке?

- Только будь на горке, я скоро пойду в магазин, зайду за тобой.

Сева стрелой вылетел из подъезда. Весело помчался вдоль чугунной кованной ограды, отбрасывающей на тротуар чудесную тень. Лесенка да и только! Вприпрыжку по этой лесенке Сева добежал до входа в сквер. Их дружная команда уже собиралась.

Вдруг Сева заметил летящего на него справа бультерьера. Тело в ужасе окаменело. Душа сжалась, подступила обида: да как он смеет, на него, на Севу.

- Мама! – глухо вскрикнул он и инстинктивно махнул рукой.

В то же время Севу пронзила боль, и ужас смерти охватил его. По площадке, пересекая сквер, проходили, горячо беседуя, две женщины. Одна из них бесстрашно бросилась спасать Севу. На его счастье, по противоположенной от входа в сквер стороне улицы шёл милиционер. Услышав крики о помощи, он мгновенно был на месте. Не раздумывая, молодой лейтенант, недавний выпускник училища, выстрелил в пса.

Хозяйка собаки упала на колени около умирающего любимца и умоляла не убивать его. На Севу она не разу не посмотрела. Вызвали «скорую», мама Севы почернела от горя. Но Сева поправился. Теперь в его душе больше нет ясных, хрустальных дней, хотя прошло уже два года.

Когда история стала известна в народе, нашлось немало защитников собак, требовавших наказать лейтенанта.

Виталий Севрюгин

Рыбалка в Пахта-Арале

Пахта-Арал - первое коллективное хозяйство созданное Советской властью на территории Средней Азии в 1929 году. Но еще в царское время, здесь жили люди и осваивали землю, за которой закрепилось название «Голодная степь». Еще в те времена по приказу Великого Князя Константина, здесь был прорыт огромный канал. Во времена Советской власти, он стал называться каналом имени Кирова. Вокруг него было создано ряд совхозов, по тем временам передовых, оборудованных самой современной техникой. Там впервые в Союзе была испытана немецкая дождевальная техника знаменитой фирмы «Сименс-Шукерт» и уже через два года создан первый Советский дождевальный аппарат «ВНИИГИМ-1». Под руководством отца Советской мелиоративной науки академика Костякова, там проектировалась оросительная сеть, разрабатывались научные методы исследований, проверялись дренажные системы для рассоления земель, пришедших в негодность во времена дикого освоения этих земель столыпинскими переселенцами из России.

К 1972 году это было самое передовое хозяйство в Средней Азии и одно из показательных в Союзе. Здесь проходили практику студенты института «Патриса Лумумбы», ВНИИГИМа, ТИИМСХа. Здесь работали коллективы многих Всесоюзных научно-исследовательских институтов, включая наш институт САНИИРИ.

Вот в этом хозяйстве мне предстояло показать новую дождевальную машину, впоследствии названную ДФД - 80.

Я прибыл туда со своей группой исследователей. На месте мне выделили сварщика, квалифицированного слесаря и известного в совхозе тракториста - немца по национальности. Надо сказать, что в совхозе было очень много немцев, и именно благодаря им совхоз стал кузницей механизаторов. Там был свой техникум, поставляющий кадры на всю Среднюю Азию.

Мы смонтировали машину за полдня и к вечеру успели опробовать ее работу на соседнем оросителе. Кроме нашей группы на опробовании никого вроде бы и не было, но весть о новой «дожде валке» быстро облетела весь Совхоз. К вечеру к нам в гостиницу приехал начальник отделения «Коминтерн» и сказал, чтобы я завтра к восьми часам утра был в приемной директора Совхоза.

Утром я уже сидел в приемной, и вскоре меня вызвали. Директор Хван был номенклатурным партийным работником сталинских времен. Весь его вид внушал какое-то непонятное тревожное чувство страха. Однако со мной он начал говорить довольно приветливо, и попросил подготовить машину к демонстрации на завтра, поскольку завтра в его совхозе намечалось совещание всех руководителей области.

Демонстрация прошла успешно. И хотя я успел предупредить руководство института по радию о предстоящей демонстрации, начальство опоздало, и приехало, когда все руководители совхозов уже разъехались. Тем не менее, они успели осведомиться о результатах демонстрации у местного руководства отделения, и я стал в их лице героем дня. Мой директор станции НИСТО Акыл Адылович Адылов и руководитель отдела орошения САНИИРИ Лактаев Николай Тимофеевич, как-то сразу перешли на дружелюбный тон. Сказав, что с них причитается, поскольку я «не ударил лицом в грязь» и показал институт с лучшей стороны, предложили отметить это дело. Около шести часов вечера мы выехали на Сыр-Дарью рыбачить

Пойма Сыр-Дарьи начиналась прямо от границы соседнего отделения Совхоза, и мы выехали туда на двух машинах: Адыловском «Бобике» и грузовом «ГАЗоне», на котором приехал заместитель НИСТО по научной работе Масленников Виктор Максимович. Среди этой солидной компании, я был самый молодой и чувствовал себя как-то скованно.

Подъезжая к Сырдарье в кузове «ГАЗика» мы заметили, что на противоположном берегу коллектора, вдоль которого мы ехали, в тине стоит баран. Он видимо спустился напиться и завяз. Выбившись из сил, он уже не двигался и мирно ожидал своей кончины. Виктор Максимович заметил, что надо бы спасти барана, но Адылов сказал: «Ничего с ним не случится, - пастух вытащит», - и мы поехали дальше.

У устья коллектора, съехав с дамбы, мы оказались на травянистой лужайке заросшей со всех сторон камышом. Место было видно обжитое, поскольку рядом был след от кострища и вырыт в земле котлован для очага. Водители поставили свои машины так, чтобы можно было ночью осветить фарами площадку пикника, и стали разматывать удочки. Адылов куда-то направился вдоль берега реки, а мы стали рыбачить. Но клева практически не было, да и крючки были под мелкую рыбу. Правда, трех сазанчиков грамм по 250-300 мы все же поймали. Но тут возвратился Адылов и привел какого-то бродягу с двумя огромными сомами каждый килограмма по два, три. Все сразу взбодрились, а Виктор Максимович тут же начал их разделявать. Ведро с водой уже кипело и он начал туда опускать увесистые куски сомятины. Через полчаса мы уже сидели за достарханом, так называется по-узбекски импровизированный стол, накрытый на земле подстеленной мешковиной. Адылов произнес короткий тост: «За тебя Виталий» и мы, звонко чокнувшись стаканами, начали опорожнять тару. Это был практически спирт, разбавленный градусов до шестидесяти и Адылов, выпив полстакана первым, внимательно наблюдал за тем, какое впечатление на нас произведет его напиток. Все, конечно, поняли, что это спирт, но вида не подали и, закусив свежими помидорами, быстро набросились на уху. Уха нас удивила не меньше. Виктор Максимович оказался прекрасным поваром и такой ухи я уже никогда и ни где не ел. Она была крепко перченной и извергала аромат каких-то необычных снадобий, что я, уроженец Ташкента, никогда и не нюхал. Белые, без единой косточки куски сомятины, пропитанные ароматом снадобий, буквально таяли во рту, оставляя чувство необыкновенного наслаждения. Компания погрузилась сразу в атмосферу дружеской эйфории, пошли шутки и анекдоты. Пили за науку, за институт и каждый должен был произнести тост по кругу. Водители включили фары своих автомобилей и вокруг нашего достархана закружили мириады комаров, москитов, жуков и огромных медведок, которые периодически падали прямо на достархан.

Пикник подходил к концу. Бродяга, принесший рыбу, лежал смертельно пьяный, а Адылов, опять отлучившись, вскоре вернулся с садком рыбы, волоча его по земле, где вяло, подергивались два огромных карпа. Один из которых, как выяснилось дома, весил около пяти килограммов. Возвращаясь назад, мы остановились у места, где застрял баран. Он был на том же месте, но увяз уже до половины туловища и был абсолютно неподвижен. «Издых» - сказал Виктор Максимович и постучал кулаком по кабине «ГАЗика» Водитель Адылова, сбросив одежду, залез в коллектор и поплыл на противоположный берег. Но вскоре встал и пошел бродом, так как воды там было чуть выше пояса. Оказавшегося живым барана он вытащил и успешно доставил к нашему берегу. Мы бросили его в кузов и поехали в гостиницу. Вымывшись в теплом душе, мы улеглись спать. Завтра предстояло возвращение в город. Мое научное крещение состоялось. А рыбалка с пяти килограммовым карпом и тридцати килограммовым бараном запомнилась на всю жизнь.

Киргизская МИС или механизированная рыбалка

Поселок Кант располагался в 20 километрах от города Фрунзе по дороге, ведущей к озеру Иссык-Куль. С левой стороны от дороги тянулась гряда невысоких гор. Рядом с ними протекала река, Чу, а справа проходил Большой Чуйский канал (БЧК). Примерно посередине располагалась центральная усадьба Совхоза и административный корпус Киргизской МИС. Центральная усадьба была знаменита тем, что находилась посередине искусственного леса, посаженного в царское время в период покорения Россией Туркестана. В Советское время, здесь была создана Машиноиспытательная станция, испытывающая всю сельскохозяйственную технику, предназначенную для данного региона. Хозяйство МИС славилось рекордными урожаями сахарной свеклы, овощных, зерновых, высокостебельных и плодово-ягодных культур. Именно для полива таких культур и была предназначена машина ДФД-80, которую мне пришлось испытывать здесь не один год, и где она получила «путевку в жизнь» на ранней стадии ее создания.

В 1974 году на предприятии ГСКБ по ирригации был изготовлен первый заводской образец машины, и я с группой конструкторов и сотрудников НИСТО приехал ее испытывать.

В гостинице МИС собралось человек 20 испытателей только из Ташкента. Но были конструкторы и с других городов: Херсона, Москвы, Волгограда, Коломны, Душанбе, Алма-Аты. Все приехали со своими тракторами, комбайнами, дождевальными машинами, фрукто-уборочными агрегатами, землеройной и другой, неведь какой, техникой. Со временем перезнакомились все, но мы, орошеницы, заняли самые лучшие номера на втором этаже гостиницы и держались обособленно, поскольку все друг друга знали еще по работе в Ташкенте. Собственно говоря, номерами их никак нельзя было назвать, поскольку комнаты были большие, и в каждой было по 6-10 человек. Но комнаты постоянно убирались, и два раза в неделю менялось постельное белье. На первом этаже была большая кухня, где можно было готовить обеды, а недалеко от гостиницы была неплохая столовая, где можно было неплохо поесть. Мы предпочитали готовить сами, поскольку овощно-фруктовая продукция нам доставалась бесплатно и в самом свежем виде прямо с полей, где работали наши машины. Я, например, очень часто приносил свежую картошку, причем настолько отмытую под струей воды моей машины, что ее не надо было чистить. Для этого я приспособил небольшую насадку прямо на струе формирующем стволе и на нее вешал ведро с картофелем. К концу смены молодая картошка становилась белой, начисто очищенной от кожуры. По возвращении в гостиницу, мы ее сразу бросали в кипящую воду. Испытатели насосных станций приносили ежедневно рыбу. Их передвижная насосная станция стояла на берегу реки, Чу, где они перекачивали воду из реки в реку, наработывая, таким образом, часы. Вдоль реки работали и экскаваторщики, которые рыли там котлованы с той же целью. На ночь они соединяли их с рекой каналом, и туда заплывало много любопытной рыбы. Утром приезжали наши испытатели с насосной станцией и откачивали из котлована воду, выбирая со дна рыбу нужных размеров и затем, снова напускали туда воду. И так каждый день. Так что недостатка в рыбе мы не испытывали, а процесс рыбалки, когда из мутной воды руками доставалась рыба, доставлял не малое удовольствие. Я и сам неоднократно участвовал в этом процессе и скажу вам, что он гораздо увлекательней, чем лов удочкой или даже сетью. Именно на Киргизской МИС, я познакомился со многими испытателями, с которыми потом не менее десятка лет периодически встречался и на других МИСах Союза. Это была хорошая научно-производственная школа. Это была настоящая школа жизни.

Иосиф Скарбовский

(Кармиэль, Израиль)

Кусочек хлеба

Жизнь представлялась мне рекой, бегущей в берегах и петляющей то вправо, то влево. Наполняясь водой от дождей, слёз и пота, глубина её всё время увеличивалась, пока не перевалила через дамбу с отметкой в семьдесят лет. Где-то впереди маячил новый рубеж с ещё более высокой отметкой в восемьдесят лет. Добежит ли река до этой плотины, перевалит ли через её высоту или остановится на полпути и застынет на водомерной рейке постоянной черточкой в нескольких годах от ординара? Никто этого не ведает. А пока, задержавшись на отметке в семьдесят лет, оглянулся назад и увидел реку своей жизни. А увидев, многое вспомнил.

Я родился в феврале 1938 года в селе Тарбагатай, в Бурятии. Это потом родители, шепотом разговаривая между собой, мучительно размышляли о том периоде жизни страны и характеризовали его не иначе, как кровавым.

Через много лет я узнал о трагедии 37-39 годов. Помню себя с 22 мая 1941 года. До войны оставался ровно месяц. В этот день мама родила дома младшую сестру, и в детской памяти отложились: приезд фельдшера на черной «Эмке», железная с грубой панцирной сеткой кровать, поверх которой лежал в два слоя картон от какой-то упаковки и ватный матрас с простыней, на которой лежала мама с крохотной сестрёнкой, которую называли Любой.

В 1939 году в Красную Армию ушел мой старший брат, и нигде в моей памяти не отложилось это важное для нашей семьи событие. Соломон ушел навсегда.

Лишь позднее, в 1960 году, когда я по собственной инициативе поехал на Украину и разыскал в Кировоградской области семью брата, я узнал о его судьбе. В 1941 году в хаосе стремительного наступления немецких армий часть, в которой служил брат, десантировали на головы немцев. Из трёхсот шестидесяти десантников уцелело только двенадцать человек, которые сумели оторваться от погони на территории, захваченной врагом. Через несколько дней, потеряв ещё семь человек, пятёрка молодых и неопытных ребят на некоторое время застряла в селе.

Там-то Соломон и познакомился с украинской дивчиной Филоненко Фросей. Прячась при каждой облаве, брат встретил рождение дочери, которую называли в честь моей мамы – Ганкой. Родители, мама Ханна и папа Павел, узнали об этом в конце пятидесятых годов из письма Фроси на старый адрес села, в котором ранее жила наша семья.

В одной из облав Соломон был схвачен и вместе с братом Фроси отправлен в лагерь под Карловы Вары. За три дня до освобождения лагеря за нарушение лагерного режима брат был избит и расстрелян. Немцы уже не проводили устрашающих и показательных акций. Брат Фроси вернулся из лагеря и лично мне поведал о последних днях жизни Соломона.

Запомнился 1941 год уходом на войну второго брата, Якова. Очень хорошо

помню его возвращение в 1944. Он еле вошел в солдатской полинявшей гимнастёрке на двух костылях во двор нашего маленького дома. Болью отзывались эти первые шаги после возвращения из ада. Позднее брат рассказывал, как при штурме Карпат был скошен пулемётной очередью. Ранение было тяжелым. Санитары положили его на носилки. А в это время - налет немецких «Юнкерсов». Санитары - в укрытие, а брат с простреленными ногами, мысленно попрощавшись с жизнью, беспомощно следил глазами за тем, как открывались бомболоуки и бомбы с воем падали на землю.

Но пронесло. Потом - госпиталь, и вот он дома. Мама кое-как сняла с него надрезанные сапоги и теплой водой размачивала присохшие, красные от крови бинты. Когда, наконец-то, бинты были сняты, я впервые увидел на ногах брата затянутые молодой и тонкой кожей дырки от пуль и синюшного цвета швы после операций. В ноге ещё оставался осколок гранаты, который врачи не могли извлечь. Он доставлял нестерпимую боль и позднее всё-таки был удалён.

Бинтов, как и многого другого, дома не было. Мама отрезала низ папиной нательной рубахи, накромила бинты и перевязала раны. Папа ещё долго ходил в укороченной рубахе. Но более всего запомнилось, как брат снял с плеча тощий вещмешок и вытащил из него подарки. Это были полбулки черного, засохшего хлеба и кусок, с мой детский кулачок, сахара. Вот и все его трофеи.

Жили мы впроголодь. Мама ранней весной сажала на огорожке семена красной свеклы и, если удавалось где-то купить семена репы или редиски, то торопилась посадить всё пораньше. Едва ботва свеклы вырастала до десяти-пятнадцати сантиметров, мама тут же варила подобие борща.

В дело шли лебеда и молодая крапива. Старшая сестра Фаина, которой едва минуло 17 лет, устроилась в какую-то контору, где работникам разрешали приобрести в счёт зарплаты списанную за непригодность солёную рыбу в бочках. Рыбёшку люди тут же окрестили «касаткой». Это была очень соленая ржавая рыбка длиной пятнадцать сантиметров, половину которой составляла непригодная для еды голова. Мама что-то мудрила и угощала нас ухой. «Касатка» составляла весь наш рацион.

Я до сих пор помню постоянно сосущее чувство голода.

Едва стали заживать раны на ногах, и Яков уже мог передвигаться с помощью самодельной тросточки, он устроился на железную дорогу - разгружать вагоны с рисом и чечевицей.

Денег не платили, но зато к концу дня выдавали по паре килограммов риса или чечевицы. Придя домой, он снимал обувь и показывал нам кровоточащие ноги.

Вскоре через наш город потянулись воинские составы, перебрасываемые с Запада на Восток. Мы с сестренкой висели на заборе и наблюдали, как идут войска. Много позднее я узнал, что это Советский Союз готовился к войне с Японией.

Однажды в наш дом вошел солдат. Яков и отец расцеловались с ним. Это был двоюродный брат Владимир, которого я увидел впервые. Он угостил нас банкой тушенки. Но больше я его так и не увидел. Владимир ушел на войну с Японией и там погиб.

В 45 году я пошел в школу. Букварей в классе было всего два. Но мы учились, борясь с постоянным чувством голода.

В школе давали небольшой кусочек хлеба, который, преодолевая соблазн, мы несли родителям.

Однажды, идя домой, я с одноклассниками оказался на берегу реки Бира. На

острове был лагерь немецких военнопленных, их вывели купаться. Мы стояли на берегу и смотрели на наших врагов, по вине которых лишились детства, ибо оно превратилось в пытку голодом. И вдруг одна малышка развернула бумагу, вынула кусочек хлеба и протянула его плывущему к нам немцу. Мы онемели. Этого не должно быть! А немец, видимо подозревая подвох, не доплыв до берега двадцати метров, схватил плывущую палку и швырнул её в нашу сторону. Мы очнулись от автоматной очереди охраны, а немец повернул назад и поплыл на остров.

Девочка плакала навзрыд и от осуждающих взглядов товарищей, и от обиды - ведь нам непонятен был тогда её порыв.

Мы жили слишком далеко от театра военных действий на западе нашей страны и совершенно не знали о зверствах фашистов над мирными людьми. Если бы девочка знала, как за колючей проволокой гетто и концлагерей умирали от голода сотни тысяч наших соотечественников, она бы так не смогла поступить. Всё ещё рыдая, девочка снова завернула кусочек чёрного хлеба в бумагу и понесла его домой.

Волею судьбы я тридцать лет прожил в Украине. Там родились младший сын и двое внуков. Много раз приходилось бывать в селе Веселый Кут под Кировоградом, куда война забросила брата Соломона. Разговаривая с Фросей, я узнавал новые подробности о его судьбе.

Оказывается, в лагере, чтобы спасти свою жизнь, он был под фамилией жены - Филоненко- и назвался Петром. Черты его лица не были ярко выраженного еврейского типа. Но то ли кто-то выдал его еврейское происхождение, то ли случайность сыграла свою роковую роль - он трагически погиб. Жена Соломона и мои племянники Ганка и Василь часто приезжали, когда мы жили в Кривом Роге. Глядя на щедро накрытый гостеприимный стол, мы вспоминали голодное детство. И я вновь и вновь рассказывал о кусочке хлеба, который маленькая девочка протянула немцу.

Отвлекающий огонь (рассказ миномётчика)

Командир батареи поставил задачу миномётному расчёту - выполнить стрельбы по пустым площадям с целью ввести немецких наблюдателей к ошибочному определению истинных позиций батареи. Такая задача у миномётчиков называлась «Блуждающий огонь».

Анисим Вайс и его второй номер Костя Лысый, получив для выполнения задачи шестьдесят мин, выбрали место в километре от батареи. Быстро обустроив временную позицию на склоне холма, в небольшой воронке, стали ждать открытия огня. Вдоль холма вилась сельская грунтовка, по которой, видимо, ездили крестьяне на ближайший рынок. За дорогой начинался глубокий обрыв. Зеленела трава, грело солнышко, и, казалось, ничего не напоминало о войне. Солдаты, чуть высунувшись из воронки, наблюдали сверху за этой идиллией.

Взяв бинокль, Анисим стал осматривать местность. Вдруг в окулярах закачалась фигура немецкого офицера, шагавшего впереди большой колонны автоматчиков. Минут через пятнадцать они могли оказаться напротив позиции своих. До открытия огня - ещё пять минут. Более удобного места для миномётного обстрела живой силы врага трудно найти. Анисим отправил Костю к командиру батареи, испрашивая

разрешения на отмену отвлекающей стрельбы. Костя, не выпуская автомата, запыхавшись, свалился в воронку через несколько минут.

- Ну что? – спросил Вайс.

- Подполковник не разрешает! - выпалил он.

Но у ребят уже созрело решение: надо уничтожить этих гадов даже ценой невыполнения приказа.

Рота фашистов была уже в трёхстах метрах от позиции. Костя открыл ящики с минами.

- Ну, с Богом! - И первая мина накрыла автоматчиков. Солдаты, мокрые от пота и напряжения, стреляли, матерясь, до тех пор, пока не кончились мины и внизу перестали двигаться серо-зелёные фигуры автоматчиков. К миномётчикам на помощь спешило отделение из взвода охранения.

Спустя час, командир устроил Анисиму и Косте разнос, грозя трибуналом. В этот момент в расположение батареи приехал командир дивизии полковник Хижняк.

- Кто это у тебя намолотил столько фрицев? - спросил он командира .

- Да вот они, - и он показал на друзей. - Думаю отправить их в штрафбат. Не выполнили мой приказ на отвлекающий огонь.

- Думать будешь потом, когда наградишь их за инициативу орденом Красной Звезды. Готовь документы. Я подпишу. А вы, хлопцы, приказ Родины на уничтожение врага выполняйте достойно, - и он, козырнув, вышел из палатки.

Так появился на груди Анисима Вайса первый орден Красной Звезды.

Борщ из топора

Шел январь сорок пятого года. Миномётчики шли по немецкой земле с тяжелыми и затяжными боями, уничтожая живую силу противника. Погода не благоприятствовала. Выпавший обильный снег затруднил подвоз боеприпасов, и батарея бездействовала, не имея возможности поддержать огнём пехоту.

Командир батареи капитан Ноздрин приказал занять позиции на опушке леса и выставил усиленное боевое охранение на случай прорыва немцев. Батарейцы оказались в сложной ситуации. Располагаясь по фронту в отдалении от пехоты, они могли рассчитывать только на стрелковое оружие. Успокаивало одно: немцы в такую погоду вряд ли пойдут на прорыв.

Старшина батареи Мищенко организовал обед по особому «рецепту». Чтобы не демаскировать себя, он развёл костерок в глубине леса, а двое миномётчиков раздували огонь и дым влажными гимнастерками. Через полчаса каждый получил в котелок тёплое варево, именуемое «борщ из топора». Было сыро и морозно - «борщ» был кстати. Хотя...

В животе заурчало, и, когда стало невтерпёж, Анисим Вайс легкой рысью побежал в лесок искать укрытие, за которым можно было отвести душу. Минута промедления - и не избежать катастрофы, но, слава Богу, пронесло. Да ещё с таким воем, что можно было подумать, будто рядом заговорил миномёт. Завершив своё дело, он решил обследовать соснячок и, едва сделав двадцать-тридцать шагов, обнаружил присыпанную снегом землянку. Зная, что немцы - великие мастера ставить смертельные ловушки, он разгрёб снег недалеко от входа, немецким

трофейным кинжалом пробил небольшое отверстие и заглянул внутрь. Было ещё светло: он разглядел немецкий склад с противопехотными минами, калибр которых подходил к советским миномётам.

Анисим бросился к своим с предложением использовать немецкие мины. Капитан Ноздрин одобрил его предложение и срочно отрядил к землянке сапёра и десяток миномётчиков с Вайсом во главе.

Землянка оказалась незаминированной, солдаты начали вытаскивать ящики и на плечах переносить в расположение батареи. Когда все мины были на месте, из боевого охранения капитану доложили о двигавшейся на их позиции большой немецкой колонне. По приказу командира батарея открыла огонь немецкими минами и уничтожила врага.

После боя капитан подошел к Вайсу и сказал:

- Благодаря «борщу» и, конечно, твоим находчивости и мужеству, мы остались живы, да еще и пехоту прикрыли. Завтра отправлю представление на орден Славы. Молодец!

И теперь каждый раз, когда бывший миномётчик Анисим Вайс надевает пиджак с наградами, в числе которых и орден Славы, вспоминает январь сорок пятого года, тот лесок, землянку с немецкими минами и, конечно, старшину Мищенко с его «борщом из топора».

Этот случай богатой биографии он начинает с пословицы: «Не было бы счастья, так несчастье помогло».

Галина Тарасова

Концерт Сергея Пенкина превратился в общенародный зрительский праздник

Человек-праздник, человек-душа, человек-музыка... Тонкость и изысканность исполнения, экстравагантность; пение – всегда в живую; открытое, чуткое общение со зрителем; великолепное, красочное шоу – его концерты вызывают бурю эмоций и надолго оставляют ощущение яркой радости. Весь вечер в зале аккумулируются великие силы – музыки и любви.

Несколько недель назад нашему прославленному земляку исполнилось 50 лет. 11 марта Сергей Пенкин дал концерт на сцене заново выстроенного драматического театра. Все билеты задолго были раскуплены. Среди зрителей были пришедшие в первый раз и не пропускающие ни одного концерта 15 лет подряд; были и те, кто «преодолев семь барьеров», через Министерство культуры в Пензе добились вожделенного билета. В восьмом ряду ведущий «обнаружил» мэра Пензы.

Овации начались еще до появления артиста на сцене, подтверждая любовь и признание пензенцев. Во время концерта Сергей много раз выходил к зрителям, обходя весь зал. И, что обычно вызывает беспредельный восторг и сердечную признательность у зрителей, не имеющих возможности сидеть в партере – Сергей каким-то образом, не прерывая песни, успевает добраться до балкона и поет там. Во время исполнения он часто убирает микрофон и восхищенная публика слышит его сильный, богатый голос вживую, убеждаясь, что фонограмма здесь абсолютно не приемлема.

Голос, мгновенно переходящий с низкого регистра на самый высокий и обратно,

полетность, тонкая и изящная музыкальность – доставляют высочайшее эстетическое наслаждение.

Его музыкальный поединок с саксофонистом, с соло-гитаристом – покоряет виртуозностью. Все музыканты его коллектива обладают высоким мастерством и талантом. И очень приятно, что среди них есть певица из Пензы Татьяна Пискунова и клавишник – зареченец Андрей Григорьев (сын известного зареченского музыканта и композитора Григорьева Валерия Константиновича).

На некоторых фразах песни Сергей замолчал, предлагая исполнять их залу. И все люди дружно пели. Такое бывает редко и случается только тогда, когда души и сердца открыты навстречу...

Желающим подарить цветы на сцене не возбранялось сказать слова признания в микрофон. На одно из пожеланий получить звание «Народного артиста России» Сергей ответил:

«Для меня самое главное – признание зрителей. Если бы не было вас в этом зале – не было бы меня на этой сцене... Дело в том, что я никогда ни перед кем не лебезил, я был свободным художником, музыкантом. Я всегда не зависел ни от каких примадонн, я все в жизни делал сам и достигал успехов сам. Все, что я делаю – я стараюсь делать от души».

Во время выступлений велись съемки, материал которых войдет в документальный фильм, в подробностях описывающий творческий путь и жизнь музыканта.

На протяжении всего концерта зрители слышали много добрых, теплых слов от артиста и, можно сказать, ушли домой обласканные, услажденные прекрасной искусством и прекрасной человеческой душой.

«Как земля родная принимает! Ради этого стоит жить и творить!» - эти слова артиста говорят сами за себя.

Нашему корреспонденту удалось задать несколько вопросов Сергею Пенкину:

- Где Вы берете столько сил?
- Энергетика от зрителей.
- Это бывает в каждом городе?
- В каждом.
- Иностранные зрители отличаются от российских?
- Везде все по-разному. В Белоруссии по-другому, на Украине по-другому...
- Ваши любимые места на нашей планете?
- Италия... Прибалтика.
- Кто делает Ваши потрясающие костюмы?
- Я придумываю, а мне их шьют уже профессионалы.
- Где Вы берете песни?
- У разных поэтов и музыкантов – и наши, и итальянские беру – переделываю.
- Сами ищите и подбираете?
- Да, у самых простых людей.

Зрительницы Галина и Любовь: «Мы почитатели Сергея Пенкина, мы его очень любим и очень гордимся, что он наш земляк. Мы открыли его для себя в Пензе, когда он еще не был известен. Никто больше не поет так, как он. Это – золотой соловей России. Мы были в Чехии, в Германии – и там его знают и любят».

Из газеты «Наш город Пенза»

Вера Соловьева

Святая сила матушки воды

Мифология, различные философские системы и простой житейский опыт сходятся на одном незыблемом принципе: без воды нет, и не может быть жизни. Жизнь славян с древнейших времен была связана с водой. Наши предки селились вдоль рек, по которым проходили торговые пути, совершали дальние плавания. Древнерусские язычники, а впоследствии и двоеверцы приносили жертвы воде или у воды, гадали о своем будущем, устраивали святилища на берегах рек, источников, водили к воде девушек при совершении свадебного обряда, верили в то, что в реках или у их берегов обитают мифические существа. К глубокой древности восходит, по-видимому, и обожествление больших рек, с которыми связана ранняя славянская история, Дуная, Днепра, Дона. Самим рекам или обитающим в них мифическим существам приносили жертвы, в том числе и человеческие.

Одной из главных рек России всегда была и есть Волга, с которой связаны различные сюжеты. Наблюдения над тем, что ее приток Вазуза вскрывается ото льда, т.е. «просыпается» после зимнего сна раньше Волги и своим ледоходом будит ее, нашли выражение в мифах о Волге и Вазузе. Реки представлялись двумя сестрами, которые постоянно спорили о главенстве. Устав, Волга и Вазуза решили лечь спать, а первенство отдать той, которая проснется раньше и добежит до Хвалынского моря. Вазуза проснулась первой и спешно потекла. Пробудившаяся вслед за ней Волга потекла степенно, но при этом догнала Вазузу. Та испугалась и согласилась стать младшей сестрой. Волга потребовала принять ее на руки и донести до Хвалынского моря.

В преданиях Волга выглядит непокорной рекой. Когда Иван Грозный вел свое войско через нее, на Волге поднялись высокие валы. Царь призвал палача, который трижды ударил по ней кнутом, *«чтобы не бунтовала против царской рати»*. От этого из нее брызнула кровь, и образовались три кровавых рубца, которые видно и по сей день, особенно летним вечером, если взглянуть против солнца, когда оно закатывается за горы.

Основное мистическое свойство воды – производить очищение, причем как физическое, так и духовное. Очищение дает любая вода. Существует традиция, как приходиться к водному потоку для прощения. На воду следует опустить кусочек хлеба с низким поклоном: *«Пришел я к тебе, Матушка-вода, с повислой и повинной головой – прости меня, простите и вы меня, водяные деды и прадеды»*. Но есть места, обычно это роднички, ручьи или колодцы, которые имеют общее название «прощи». Народ считает их святыми и поэтому сходится сюда в известные дни на богомолье. Действительно, здесь издревле искали прощения и отпущения, т.е. духовного и телесного освобождения от внутренней душевной тяготы и от внешних телесных повреждений. Именем «прощеника» зовется всякий, чудесно выздоровевший или исцеленный на святом месте. У славян есть понятие живой и мертвой воды. В обыденном смысле под мертвой водой понимается вода прудов и озер, т.к. она неподвижная, а живая вода течет из родников и криниц. Но было и сказочное понятие мертвой, останавливающей все жизненные процессы, и живой, то есть оживляющей, воды.

Вода – одна из основополагающих стихий мироздания, исходное состояние всего сущего, первоматерия, соответствующая первобытному хаосу. В этом значении она

противостоит организованному пространству – земле. Вода – это и граница между мирами: небом, землей, потусторонним миром. Очистительные омовения сопровождали рождение человека, его свадьбу и смерть. Преодоление водной стихии как границы между жизнью и смертью – традиционный мотив в обрядовом фольклоре. Ритуальное омовение было свидетельством «второго» рождения и в этом смысле перешло в христианскую символику крещения как духовного рождения человека. Ритуальное омовение считалось обязательным каждый второй день весенних и летних празднеств. Известно также купание в крещенских прорубях после ряженья на Святках. Особое значение купанию придавали накануне и в день Купалы. Люди спешили умыться в речной воде в то время, когда реки начинали очищаться ото льда. Но старались особенно не беспокоить воду, в нее не бросали камни, палки, мусор. Чтобы не заводилась нечистая сила, славяне не оставляли открытыми сосуды с водой, особенно на ночь, а пустые сосуды держали перевернутыми. Вода играла роль передатчика магической силы, а наговоренной водой лечились. Считали, что вода как стихия, обладающая особой чистотой, не принимает нечистые предметы и выталкивает их на свою поверхность.

К воде обращались при предсказаниях, причем символическое значение придавалось таким свойствам воды как ее зеркальность, связь с иным миром, а также с идеей времени, смерти и забвения. Языческие истоки имеет и представление о связи воды земной и воды небесной, впоследствии поддержанное Библией, и ритуалы, в которых, совершая действия у земных источников, люди пытались вызвать дождь, то есть воздействовать на небесную влагу. С магией земной и небесной воды связаны многие весенне-летние обряды: купание, обливание и умывание водой, топление чучел, пускание венков, молитвы и жертвоприношения у колодцев и источников. Специфическим свойством стихии воды является то, что человек может погрузиться в нее, и едва ли не в каждом жизненном опыте сохраняется воспоминание о пребывании под водой. В мифологических воззрениях некоторых народов существует параллелизм между жизнью плода в утробных водах и возникновением мира из вод мирового океана (иногда в форме мирового яйца).

Со стихией воды на Руси связано одно из самых важных исторических событий – уничтожение языческих идолов. Это было нелегким и небезопасным делом: нужно не только разрушить капища, где они стояли, сжечь или изрубить деревянные статуи, сбросить или утопить каменные, но и наказать, унижить и изгнать вселившихся в них бесов. Способы уничтожения идолов – сжигание, потопление, рассечение – имели не только прагматический, но и символический смысл. Прямая параллель к ним в позднем материале – ритуальное уничтожение обрядовых чучел типа Масленицы или Купалы: их тоже или сжигали, или топили, или же разрывали на части и разбрасывали по земле. За внешним сходством можно увидеть и различия: изгоняя языческих идолов, их стремились наказать и унижить; обряд же уничтожения чучел связан с сельскохозяйственной магией. По логике мифологического мышления, это должно способствовать плодородию земли, весенне-летнему оживлению и расцвету природы.

Особенно сложный, даже изощренный характер имело изгнание Перуна – верховного языческого бога. Как сообщает «Повесть временных лет», в 988 году князь Владимир, вернувшись из Корсуни, где он принял христианство, повелел уничтожить идолы – одни изрубить, а другие сжечь. Перуна же он приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву извозу к ручью, причем 12 мужей все это время колотили его жезлами. Притащив идола к Днепру, его кинули в воду. Владимир приказал своим людям следовать за идолом и отталкивать его от берега, если он где-нибудь к нему пристанет. Так идола «проводжали» до днепровских порогов и только за ними пустили плыть по воле

волн. Согласно «Повести временных лет» Перуна выбросило ветром на отмель, которая с тех пор и называется отмелью Перуна (Перуня Рень).

Перуна как бога, связанного с оружием и небесным огнем, по мифологической логике нельзя было ни рассечь, ни предать огню – только водной стихии. Нельзя и уничтожить – только выпроводить в море, водным путем.

Уже на следующий день киевляне приняли крещение в той же самой водной стихии, которой накануне предали Перуна! Все возвращается на круги свои: *«Пришел я к тебе, Матушка-вода, с повислой и повинной головой – прости меня».*

Гимн скульптора Фетисова

В 1959 году никому не известный студент Харьковского художественного института Виктор Фетисов оказался во время практики в Ленинграде. Город, словно один большой памятник монументального искусства, заморозил начинающего скульптора. Больше всего поразил Эрмитаж, залы Древней Греции. Мысль продолжить учебу в Ленинграде возникла сама собой. Виктор набрался смелости и обратился к скульптору М.К. Аникушину с просьбой помочь оформить перевод в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Когда комиссия ознакомилась с работами начинающего художника, то сомнений ни у кого не было – талант.

Виктор, сколько себя помнил, рисовал всегда, хотя детство было не из легких. Родился в Сталинграде в августе 1937 года, за 4 года до войны. Навсегда запомнились пропахшая потом гимнастерка и сильные руки отца, прижавшие сына к груди. Это было летом 1942 года. Больше они не увиделись – 26 марта 1945 года отец художника погиб в боях за освобождение Венгрии. Позже Виктор Фетисов воссоздаст образ отца в портрете защитника Сталинграда.

В детстве, в военное время не было большей радости у талантливого мальчика, чем выпросить у солдат клочок бумаги и огрызок карандаша. Бывалые военные угощали его сухарями и, разглядывая рисунки, напутствовали: «Рисуй, сынок, – Репиным будешь». Прошли годы, трудные годы возрождения страны, становления характера и таланта Виктора Георгиевича Фетисова, и неожиданно у него появился интерес к монументальному искусству. Когда Виктор стал студентом Института им. И.Е. Репина, то он вспомнил наставления солдат и дал себе клятву воплотить в своих работах человечность и героизм защитников родного города.

Попал Виктор в творческую мастерскую М.А. Керзина – известного педагога, воспитавшего плеяду замечательных советских скульпторов. В те годы еще живы были традиции старой Академии художеств, требовавшие от учеников умения доводить свои работы до совершенства. Дух классицизма витал в изречениях, примерах и образцах ваяния, которые выставлял перед студентами профессор М.А. Керзин.

В этот период Фетисов принимал участие в конкурсах, например памятника Гале Королевой, совершившей подвиг в поселке Панышино под Сталинградом. Выполненный художником бюст – пример классической скульптуры, до сих пор находится во дворе школы, носящей имя героини. В последующие годы Виктор еще раз вернется к этому духовно близкому с детских лет образу, когда воплотит его в мраморе для музея-панорамы «Сталинградская битва».

Годы учения в Ленинграде стали фундаментом для творчества народного художника России В.Г. Фетисова. За свою яркую, полную событий жизнь он создал

много разнообразных произведений. Это и монументальная скульптура, и станковые работы, и портреты, и садово-парковая скульптура, и малая пластика. Его работы – это скульптурная летопись истории нашей страны, где основным образ – человек, его величие и сила духа. Фетисов – личность незаурядная, открытая, сильная и поэтичная. Поэтому в его работах, выполненных в реалистической манере, чувствуется одухотворенность и внутренняя поэзия.

Монументальное искусство всегда считалось высшим мастерством скульптора, и Виктор Фетисов вошел отдельной страницей в историческую летопись родного для него города Волгограда (Сталинграда). Начав с работы на мемориальном комплексе Мамаева кургана еще в студенческие годы (выполнил фрагмент правой стены), он продолжает работать в этом жанре до сих пор. Фетисов проявил себя и как яркий мастер-портретист, для которого личность героя важнее внешней атрибутики: «Хочу воспеть мужество и красоту человека сильного».

Художника чрезвычайно привлекает концепция французского скульптора Бурделя: «Порыв – это высший закон». Поэтому одной из наиболее ярких и экспрессивных работ автора является памятник летчикам – «Испытателям, не вернувшимся из полета». Стальное стилизованное крыло сверкает в лучах солнца, устремляется ввысь как воплощение вечного полета. Экспрессия, стремительное движение присутствуют и в других работах автора.

Талант не мог остаться незамеченным. Фетисову поручили выполнить мемориальный памятник А. И. Микояну на Новодевичьем кладбище в Москве. После этого им было создано большое количество скульптур, лучшие из которых вошли в историю портретного искусства. Среди нет случайных людей, все они близки по мироощущению и осознанию долга перед Родиной самому скульптору. Это – летчик-космонавт СССР Ю.В. Малышев, офтальмолог С.Н. Федоров, генерал С.М. Самоделкин.

Одним из лучших образов, увековеченных в памятнике, является маршал Г.К. Жуков. Виктор Фетисов создал два варианта памятника, и оба установлены в Волгограде. Один – в Дзержинском районе, другой – в Центральном районе у Музея-панорамы «Сталинградская битва». Жуков показан личностью сильной, неординарной, без страха и сомнений. Его волевое лицо, с портретной точностью воссозданное скульптором, впечатляет той редкой красотой, когда яркая внешность усиливается внутренней духовностью. Мы видим личность гармоничную, исполненную благородством и мужеством. Материал, в котором выполнена фигура первого памятника – бронза, позволяет автору добиться филигранной проработки деталей. Второй памятник – из белого мрамора, дает обобщенно-идеализированный образ. Здесь скульптор словно отдает дань памяти личности, ставшей ключевой фигурой в истории Сталинградской битвы, рисуя его образ в духе реалистического искусства.

Одной из последних, крупных работ Виктора Георгиевича является памятник детям, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Он установлен на станции Лычково Новгородской области. Здесь в августе 1941 года подвергся массовой бомбежке эшелон с ленинградскими детьми, погибло более 2 тысяч человек. Скульптор в памятнике использовал контраст необработанного красного гранита, напоминающего языки пламени, и фигуры девочки, отлитой из бронзы. Задуманный образ выглядит очень цельным, создается сильное впечатление единства природной стихии и человеческой жизни. Фетисов сохранил огромную гранитную плиту практически нетронутой для достижения эффекта грубой материальности, стихийной мощи и безжалостной силы. Острые углы сколов – огненные всполохи, асимметрия – порыв ветра. По диагонали – тонкая, хрупкая

фигурка ребенка. Такое направление усиливает движение и дает эмоциональный накал – растерянная поза девочки, застывшие на лице вопрос и удивление. Страха нет, только удивление. Многие, пришедшие к памятнику, плачут – не безразлична людям эта тема, не забыта боль прошлого. Специальная правительственная комиссия признала эту композицию лучшим памятником России за 2007 год.

У Фетисова много монументальных портретов: воинам–сибирякам, тракторостроителям («Семитысячники»), «Петр I на берегу Волги»... В самом центре города Волгограда, у реки Царицы установлен памятник Александру Сергеевичу Пушкину, который Виктор Фетисов подарил родному городу. Художник еще со времен учебы в Ленинграде мечтал о воплощении своего видения личности Пушкина. Из цельной глыбы гранита, словно из веков, проступают знакомые, родные всем черты любимого поэта. За эту работу Виктор Георгиевич стал лауреатом государственной премии им. А.С.Пушкина. У этого мемориального памятника регулярно собираются любители поэзия и творческого наследия Александра Сергеевича. Эти встречи уже стали традицией.

Творчество Виктора Фетисова разнообразно, но во все годы он не оставлял жанр портрета. Еще в детстве, играя с глиной, он стремился лепить фигурки «как настоящие», добиваясь максимального сходства с натурой. Проходя обучение в Ленинграде, он усовершенствовал мастерство реалистической манеры. Во всех работах просматривается помимо уверенной лепки и фотографического сходства еще и личность, живая душа портретируемого. «Чтобы создать образ, я должен понять этого человека», – говорит Виктор Георгиевич.

Особое место в его творчестве занимает серия портретов космонавтов и летчиков – И.П.Волк, В.В.Горбатко, А.В.Федоров, А.С. Бежевец, В.Е. Меницкий и другие. Целая галерея работ, лаконичных, сдержанных, выполненных в классических традициях социалистического реализма. Они невольно вызывают чувство гордости и восхищения не только мастерством художника, но и характерами героев. Интересны Виктору Фетисову и представители творческих профессий. Например, Аркадий Райкин. После долгих часов общения с великим артистом образ у скульптора получился ярким, интеллектуальным, эмоционально насыщенным, чувствуется порыв, стремление вперед. Также интересны портреты оперных певцов Бориса Штоколова, Леонида Сметанникова, дирижера симфонического оркестра Эдуарда Серова, писателя Юрия Бондарева, поэтессы Маргариты Агашиной.

Фетисов – признанный мастер мужских образов, но немногочисленные женские портреты также самобытны, их невозможно забыть. Они отмечены особой теплотой и лиризмом. Портрет олимпийской чемпионки Е. Слесаренко, как дань древнегреческим залам Эрмитажа, выполнен в античных традициях и с лавровым венком, как символом победы в Афинах. Словно боги очередной раз пленились женской красотой – так восхитителен этот образ. Женский портрет «Элегия» выполнен в белом мраморе, своими плавными линиями, мягкими чертами лица, филигранной обработкой поверхности материала рисует образ классического понятия женственности, как основы всего сущего. Скульптуры для концертного зала города Волгограда – «Маша», «Музыка», «Утро» – выполнены в традициях французской пластики, необычайно гармоничны. Они как застывшие мелодии Чайковского или Шопена. Ландшафтная группа «У реки» – две белоснежные, обнаженные фигуры девушек интимно камерны, озарены светом вечной юности. Они словно нежатся в романтическом соединении природных стихий воды и воздуха. Совершенно забываешь, что автор скульптуры – яркий выразитель героического реализма!

При всей широте творческого диапазона для мастера существует прямая взаимосвязь правды в искусстве и правды в самой жизни. Живые черты современников, воплощенные в классической гармонии форм, являются гимном жизни, радости. У Виктора Георгиевича все работы озарены любовью к человеку, а именно при этом условии ремесло всегда превращается в искусство.

Поэтому закономерно, что премия правительства Российской Федерации за достижения в области искусства за 2007 год была присуждена Виктору Георгиевичу Фетисову. Более того, народному художнику 8 сентября 2008 года присвоено звание Почетный гражданин города Волгограда.

Творческая личность всегда в движении, в работе. Виктор Георгиевич закончил памятник «Всем репрессированным». Он установлен на набережной родного художнику города, перед музеем-панорамой «Сталинградская битва». Сейчас скульптор находится в процессе создания мемориала «Русская Хатынь» под Петербургом в Волосовском районе в деревне Большое Заречье. За совокупный вклад в культуру и сохранение традиций в монументальном искусстве Виктор Георгиевич Фетисов отмечен рядом правительственных наград. В 2011 году он избран действительным членом Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р.Державина.

О книге Юрия Пейсаховича «Глубоким смыслом жизни дни наполнив»

Каждый человек проживает одну жизнь, имеет свою судьбу, но она всегда связана и с судьбой страны, в которой он живет, своей Родины. Случается событие, на первый взгляд – ординарное, но оно точно проверяет на прочность характер человека. И тогда – каждый день, час, минута жизни этого человека решают судьбу не только лично его, но и многих других людей, страны, иногда и всего мира.

Таким событием стал Чернобыль. О «небольших» сбоях в работе атомной станции мельком упомянули в газетных новостях – советские политики замалчивали масштабы трагедии, но с каждой минутой часовой механизм под названием «Чернобыль» все громче и громче стал бить в колокола.

Время расколосилось на ДО и ПОСЛЕ.

В книге Юрия Пейсаховича «Глубоким смыслом жизни дни наполнив...» читателю предлагаются воспоминания очевидца и непосредственного участника драматических событий аварии на ЧАЭС. «Мгновения моей жизни, как песок, утекают сквозь пальцы, песчинка за песчинкой. Я хочу сохранить их, хочу остановить время, но в моих силах лишь ценить каждый прожитый мною миг».

Воспоминания Юрия Иосифовича, прозаика, поэта, публициста, включают в себя две части: непосредственно биографические описания жизни, событий, связанных с работой в МВД, на ликвидации чернобыльской катастрофы и стихи, гражданские, патриотические и нежные лирические. Обе части, при всей их самостоятельности и даже самодостаточности, прекрасно вписываются в общий контекст книги.

Юрий, выпускник Горного института, призывается на службу в армию, затем по

спецнабору попадает на работу в уголовный розыск, в МВД, где и проработал более четверти века. И параллельно – творчество, литература, поэзия. Открывая книгу Пейсаховича, попадаешь в яркую, полную событий жизнь. Воспоминания автора – субъективный (что очень ценно) и оригинальный взгляд на непростой и противоречивый период существования страны, которой уже не существует, это своеобразная составляющая жизни целого поколения, родившегося в послевоенные годы.

«Родился я в победном 1945, в мае месяце, в Ленинграде».

Книга затрагивает конкретные проблемы, даёт ответы на вопросы, волнующие наших современников, и, прежде всего, наших соотечественников. Через факты своей биографии, учебы, работы, детальное описание подробностей быта и службы автор поднимается до глубокого философского обобщения событий, которые запали в душу и не дают спокойно жить. «Память моя листает страницы прошлого – сам не думал, что сохранил столько, да и в каждом очерке, рассказе о милиции, всегда частица себя самого».

В сборнике также можно прочитать выдержки из публикаций Юрия в советских, российских, украинских средствах массовой информации, очерки, поэтические произведения. Автор описывает свои школьные годы, учёбу в институте, участие в IX Всемирном Фестивале в Софии в 1968 году, службу в армии, работу в Туркмении, Украине, учёбу в школе милиции, работу опером; интересно написано о литературной деятельности. Заинтересуют читателя и размышления о дружбе, любви, героизме, поэзии – о разнообразнейших сторонах жизни творческого человека.

“Велика честь и ответственность быть солдатом правопорядка. Еще выше они, если находишься на самом переднем крае борьбы с преступностью и имя тебе – следователь”. “Профессия человека отражается на его характере, вкусах, привычках, а тут ещё и имеешь дело с отбросами общества – ворами, хулиганами, убийцами. Познаёшь неприглядную изнанку жизни. Суметь остаться чистым внешне и внутренне – это очень важно”.

Юрий с теплотой и большим уважением рассказывает о друзьях и наставниках, сослуживцах, даже о своей служебно-розыскной собаке, спасшей его от пуль бандитов и похороненной с воинскими почестями. Эти эпизоды из жизни автора не оставят равнодушными читателя.

“Прости меня, читатель, что так много места в воспоминаниях отвел “милицейским рассказам” – все-таки рассказ о друзьях моих, это и обо мне, чья большая часть жизни в погонах прошла среди этих людей. Они оставили след в моей жизни и в чем-то сформировали меня, мысли и взгляды мои, характер и привязанности”.

Апрель 1986 года – Чернобыльская катастрофа.

“Я чувствовал себя необходимым поехать туда и написал рапорт начальству”. Скупые строки, но стоят они многого.

Достоверность социального процесса или явления складывается из множества частных фактов, и книга – ещё одна возможность понять и осознать жизненные коллизии тех далеких и в то же время близких нашему народу и стране лет. Впервые простым, “бытовым”, но хорошим литературным языком описываются буквально почасовые события непосредственного участника – ликвидатора последствий аварии, его действия.

“Всего 98 суток был я там по велению сердца и совести сначала в должности оперативного дежурного, а потом Начальником Штаба Припятского ГОВД (ГУВД Киевской области). Приходилось заниматься непосредственно расстановкой нарядов и собственно патрулированием в оперативной зоне по вопросам предупреждения преступных проявлений, борьбы с нарушением административного законодательства,

сохранностью собственности. Я принимал участие в оказании помощи пострадавшим людям, в дезактивации помещений и территорий, санобработкой одежды личного состава, графиками патрулирования и личной проверкой домов, улиц, кварталов, а также новым строительством зданий и помещений ГОВД по передислокации милицейский подразделений и постов”.

Воспоминания Юрия Пейсаховича впечатляют своим реализмом и самопожертвованием автора, содержат ряд малоизвестных фактов. Книга отличается документальностью событий и смелостью в постановке многих вопросов, связанных с аварией и её последствиями, некоторые из которых не имеют ответа и сегодня. Автор рассказывает о последствиях аварии ЧАЭС в Украине, Белоруссии и о России. “В результате катастрофы с учетом радиоактивной обстановки на Южном Урале, в Алтайском крае, вблизи Новой Земли мы получили самое большое излучение в мире – радиация оставила свой след в 19 областях, в том числе самые “грязные” из них – Брянская, Орловская, Тульская, Калужская... В регистр включено 435 тыс. россиян, что в 4 раза больше, чем облученных при бомбардировке Хиросимы и Нагасаки”.

Каждое явление, событие, факты подчёркивают стойкость жизненной позиции автора, его профессионализм и осознанное чувство долга. Подробное описание – не нагнетание страсти и страхов, не живописание ужасов катастрофы, а попытка дать читателю дополнительную информацию, причём (это поразительно), с жизнеутверждающей эмоциональной окраской.

“Никогда не делили мы, чернобыльцы, кто больше делал работы в зоне – у каждого была своя доля ответственности, и все работы были на общую пользу ликвидации последствий аварии, а работы этой хватало на всех, и ещё надолго хватит”.

Скупые строки о себе: “1987: После возвращения из зоны ЧАЭС я первое время сильно болел. Дежурить сутками сил уже не было, и я согласился на перевод в ЛОВД аэропорта Кривого Рога, где в милиции занимался охраной общественного порядка”.

“Я запрещаю себе думать. У меня одна цель: прожить час, и так, час за часом”.

И снова – о друзьях, сослуживцах, рассказы об интересных случаях – все это читается на одном дыхании, как хороший детектив.

Не всегда литературный дар Юрия принимался окружающими людьми с одобрением, бывали и оппоненты. Это – нормальное явление в жизни талантливого человека. “Я вот что думаю, писатель – это нарушитель нормы, хотя бы потому, что создаёт особую реальность, которой стать нормой не будет дано никогда. А, значит, мешает жить нормально”. И другое: “Я – военный человек, всю жизнь. Могут у меня быть предрассудки? А, может, их надо называть убеждениями?”

“Заканчивается моя служба в 1995 году – в феврале вышел на пенсию (все-таки Чернобыль “догнал” меня, и ушёл я в отставку по инвалидности). Думал, что с милицией закончил, ан – нет... Я всегда завидовал экспертной службе милиции, где работали, на мой взгляд, лучшие из лучших, те, кто видит там, где мы не замечаем, где отыскивают то, без чего мы не можем закрепить доказательства преступлений, а их заключения несут в себе неукоснительную логику и вердикт: виновен! Они, эксперты, знают больше, чем мы”.

О значении криминалистики, подделке документов, об основах судебной баллистики, организации осмотра места происшествия и о многом другом Пейсахович написал учебник и читал курс в Институте Делового Администрирования в городе Кривой Рог. Уже вышли сборники стихов “Раздумья на пути”, “Рассказать бы тебе”, “В природе свой круговорот”, рассказ “Редкое имя”, поэмы “Памятник ЧАЭС”, “Змей и дева” и многие

другие прозаические и поэтические произведения.

И все-таки из милиции Юрий ушёл, окончательно сняв форму, оставив её только на памятные даты: 9 мая – День Победы, 26 апреля – день аварии на ЧАЭС, День памяти жертв радиационных катастроф, 10 ноября – День милиции, 30 ноября – День саркофага (объект “Укрытие” на ЧАЭС).

Талантливый человек талантлив во всем – Юрий стал работать администратором театра в г. Кривой Рог, организовывать творческие встречи, фестивали и писать стихи.

“Снять форму и уйти в отставку после почти 30 лет службы непросто. Не каждый, давайте говорить откровенно, находит своё место в жизни. Если человек не знает, к какой пристани он держит путь, ни один ветер не станет ему попутным. Как мучительно чувство не востребованности. Мне повезло – я встретил людей, которые помогли резко сменить образ жизни. В детском театре, где своя театральная мастерская, студия, мастер-класс, я получил возможность приобщиться к высокому Искусству, общаться с Мастером, чей авторитет необычайно высок, а работа безумно интересна”.

С нежным чувством и теплотой написаны в книге главы о родных и близких: о матери и отце, брате, детях, о жене, близких друзьях. Главной нитью через всю книгу проходит чувство любви, любви бескорыстной, безусловной, Любви к Жизни, Родине, Отечеству, Женщине. “Мой вам совет: влюбляйтесь безрассудно, любите безнадежно. И весной, и осенью. И знайте: за все это придется платить. Ведь любить – значит соглашаться вместе стариться”.

“Всех обычно волнует вопрос – почему Валентина стала моей избранницей? Мы вместе с 2000 года. Уверен, что влюбиться можно в любом возрасте и, сколько бы вам ни было лет, надо радоваться любви, именно она уберезет от разочарований. Нам с женой до сих пор есть, о чем поговорить, более того, нам есть, о чем помолчать. Я за то, чтобы смотреть на мир широко раскрытыми глазами и любить его целиком. Когда за окном плохая погода, любовь – единственное, что согревает”.

Добавим, согревает Юрия не только любовь, но и стихи. “Поэзия – это великое дело и великий дар, ниспосланный человеку свыше, поэтому будем искать в ней не утехи, а лишь спасения собственной души”. Читатель получит большое удовольствие от прикосновения к любовной лирике и гражданской поэзии Юрия Иосифовича.

*Открой, мужчина, женщину свою.
Как для открытий ни тесна Планета,
Ты, даже стоя на её краю,
Как подвиг соверши открытье это!
Ты столько лет бродил среди огней,
Но жизнь, как бредень порванный сшивая,
Вдруг ощутил себя, связуя с ней:
Та женщина – твоя вода живая!...*

В его стихах есть мудрость, жизненный опыт и доброе свечение, они рождаются из воспоминаний, желаний, осознанных понятий, светлых эмоций. Юрий – солнечный человек.

*Сжигаем корабли, уходим в вечность,
И сыплет снег несбывшихся надежд
На холм земли, возникший скоротечно,
На головы поэтов и невежд...
Но в недрах остывающей пустыни
Сумей найти разумное зерно,*

И всё вокруг изменится отныне,

И будет всё для жизни спасено.

Книга Юрия Пейсаховича «Глубоким смыслом жизни дни наполнив...», воспоминания и описываемые события, их осмысление подчинено точно охарактеризованной автором позиции:

“На большом отрезке жизненного пути я понял, что жизнь нельзя изменить, но можно изменить отношение к ней. Моя жизнь состоялась так. У каждого из нас свои встречи, оставшиеся в памяти, свой домашний фотоархив, а завтра все это будет уже Историей”.

Александр Темников

Попутчица

Ночная субботняя электричка приближалась из тьмы октябрьской осени к платформе «67км» Приозерского направления. Две тусклые фары под широким стеклом кабины и огромный яркий фонарь во лбу головного вагона осветили одинокий островок ожидания. Из полупустых, уставших держаться друг за друга трудяг-вагонов выходили припозднившиеся пассажиры. Многие из них были налегке и, кажется, ехали попрощаться до нового сезона с садом-огородом или навести последние штрихи в приготовлении к зиме на своей даче, чтобы новым летом снова отдохнуть здесь от шумного мегаполиса.

Среди ночных странников оказался и я, надеясь побыть в одиночестве и заново пережить отрезок времени, который нёс как драгоценный труд в виде тонких, но увесистых томиков в полиэтиленовом пакете с надписью «Максидом».

Прощаясь с перроном, довольная совсем похудевшим нутром электричка пронзила тишину коротким гудком, оставляя вышедших пассажиров в крошечной темноте. Редкие разговоры разбрелись в разных направлениях и стихли. Только один приятный женский голос, прозвучал рядом. Хоть я и спешил в одиночество, но сейчас попутчик или попутчица были бы мне кстати. Расположенность к разговору в форме диалога, который мог бы пригодиться для занятия на курсе литературного мастерства, возникла из очередного задания строгого, не терпящего ничего, кроме фантастики, уважаемого преподавателя с нефантастической фамилией Балабуха.

Догоняющие шаги в ночи, и, словно читая мою мысль, она заговорила первой.

– Как же темно сегодня, словно в комнате без окон!

– Да, как в подложке аварийной без света.

– Мне повезло, иду с защитником родины. Давно служили?

– Давно, а помнится, как сейчас. Вам не страшно идти со мной?

– Нисколечко! С невидимым, но с живым человеком всё же лучше, да ещё с мужчиной.

– Пока живой и мужчина, да вот надолго ли?

– Вы меня пугаете тёмными мыслями в тёмное время.

– Вы ещё бы сильнее напугались, увидев при свете.

Сказал и тут же пожалел женщину, почувствовав некоторое отставание её шагов. Действительно, она, не поддержав моей последней фразы, но явно почувствовав

напряжение, заговорила о своём, отвлекающем и уводящем в сторону от прежнего развития диалога.

– Вот я – непомня такая! Как приехала в город и вспомнила, что не отключила электричество – на доме, снаружи – вернулась сразу. Всё побросала, ничего не взяла, только билет выходного дня с последней поездкой – и всё.

– Не бойтесь, я просто не брился несколько дней, в приметы верю.

– Помогло?

– Узнаю лет через пятьдесят, а то и больше.

– Значит при жизни.

– Наверно, только загробной.

– Опять вы на ночь глядя не то говорите.

– Не то говорим, а дорогу укорачиваем.

– Верно. Мне повезло. Через лесок и днём-то жутко бывает идти молодой да красивой.

– А вы себя такой считаете?

– А что, интересно?

– Да не очень, но темно же.

– На моё счастье.

– Понимаю, или на горе.

Женщина-невидимка ответила паузой, а я снова спохватился, да слово обратно не загонишь. Она всё же продолжила, перейдя на менее острую тему.

– А у меня урожай нынче отменный.

– Цветов или крапивы?

– Бабочек. Давно мечтала. Выйду на пенсию, буду только бабочек на даче ловить.

– Лучше бы их выращивать, разводить да выпускать. Красоты бы в природе прибавилось, и ночью бы от неё светлее было.

– Согласна с вами, да жизнь не растянешь, как экспандер, сожмётся до врождённого размера.

– А по голосу вам ещё бы ласточкой порхать по школьным коридорам в чёрном платье с белым воротничком...

Наступившая длинная пауза, думаю, уже никак была не связана с её опасением. Скорее светлые раздумья осветили дорогу, вырвав на время из октябрьской темноты. Я тоже молчал, соблюдая очерёдность разговора, и тоже изрядно провалился в прошлое – годов так десятка на четыре. Заданный мною темп ходьбы прервал наши погружения в ту безвозвратно-счастливую жизнь.

– Вы быстро идёте. Как там у вас, моряков, в узлах-то считается?

– Полмили прошли, ещё одна – не меньше – осталась.

– Какие они коротенькие, ваши мили!

Эти слова меня согрели, но я ответил серьёзно, как бы не принимая её внутреннего приглашения.

– Если в глубину, то в самый раз.

Сказанные слова, сопровождаемые глубоким вздохом, снова прервали беседу метров на десять.

– А я Грина недавно перечитывала. Романтика! Так и сама уплыла бы, или ждала всю жизнь. Люблю я его. Праздник «Алые паруса», даже когда болею, не пропускаю, помогает выздороветь.

– Жаль, как Александр Грин не умею.

- А как вы можете?
- По-своему, в столбик.
- Как интересно! А что-нибудь прочтёте?
- Попробую.

*Я к ней вошёл в полночный час.
Она спала, – луна сияла
В её окне, – и одеяла
Светился спущенный атлас.
Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди,–
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь её во сне.*

- Это же Иван Алексеевич Бунин!

Видно, на ночь глядя затронутая мной тема её нисколько не смутила. И правильно. Высокая поэзия призвана возвышать и светить, даже в такой темноте. Я отметил, что пауза на этот раз не наступила.

- А вы любите стихи?
- Обожаю бабочек, цветы и поэзию.

– Тогда я с вами поделюсь экземпляром. Только что из типографии. Будто ребёнка, оставлял соседям, а сам уехал в командировку и тревожился о малыше: как он там, в чужом доме. Теперь несуч прочесть в одиночестве и решить, оставить тираж или уничтожить, как Некрасов.

- А как ваша фамилия?
- Очень тёмная, если сейчас скажу, точно не понравится.
- А книжки ваши где купить можно?

– Можно, если хорошо поискать при ярком свете, или вот так получить от души – как спутнице в ночи.

- Вы подпишете?.. Ах, да! Темно же.

- Вот и одним ребёнком меньше стало. Отдаю в детдом, но в хорошие руки.

– Спасибо вам, а мне будет кого воспитывать хотя бы эту ночь... Вот и мой отворот – за водокачкой угадывается. Удачи вам!

- Надеюсь, не последняя тёмная осень. Передавайте привет бабочкам.

– Обязательно передам, – донёсся звонкий светлый голос, удаляющийся в темноту...

Вот такой разговор получился у меня в тёмной октябрьской ночи с невидимкой-попутчицей.

И пусть простит меня незнакомая женщина со светлым голосом и глубокими познаниями в русской поэзии, любительница бабочек и цветов, за странность этого диалога, возникшего по заданию фантастического преподавателя с нефантастической фамилией...

Валентина Федорова

Капучино на ветру

Поездка в Италию у меня оставалась только в мечтах. И вот, неожиданно мне довелось отдохнуть в местечке Версилия, а точнее, в небольшом городке Форте Деи Марми. Остановились мы в семейном комфортабельном Отеле Тарабелла.

Вздохнув морского воздуха, отправились на пляж, вспоминая знаменитостей, отдыхающих в Италии.

Мелкий чистый песок блестел на солнце. Уход за пляжем был идеальный. Песок просеивали через специальное сито, затем разравнивали граблями. Везде стояли урны для мусора. Мусор убирался вручную, причём, захватывая его щипцами, клали сразу в урну. Ни единой соринки вокруг.

Море своей голубизной на солнце сливалось с горизонтом. Вдоволь накупавшись в солёной воде, загорая, наблюдали за окрестностями.

Природа создала так, что море, горы, холмы, бесконечные песчаные пляжи и богатейшая средиземноморская растительность придавали ей очарование. С благоустроенных пляжей можно было любоваться красотой природных заповедников Апуанских Альп с их сосновыми борами.

Чистое, бледно-голубое, с изредка пролетающими над нами самолётами, небо напоминало купол Вселенной.

Над горами Апуанских Альп, расположенных за селением Версилии, висели облака. Причудливые, замысловатые отдельные фигуры, созданные природой, долго не расплывались, создавая живописные картины на небе. Невольно думалось: так вот почему среди итальянцев много талантливых людей - Микеланджело, Леонардо да Винчи, Джованнино де Дольчи, Бандини, Пуччини и т.д. Всех перечислить невозможно. Это отдельная история. Небеса своими облаками подсказывали плеяду мифологических тем: что надо рисовать, ваять, о чём петь и указывали на изысканность архитектурных форм. Смотришь на них и получаешь огромное удовольствие от творения человеческих рук: памятников, имеющих прекрасное обрамление, словно охраняемых природой.

Было безветренно, тихо и солнечно. И всё прекрасно. Дело не только в загаре, который ласково ложится на кожу, но и после купания в солёной воде чувствуешь себя омоложенным. Да, да! Помолодевшим. А как нравится Версилия! Особенно ранним летом здесь просто чудесно. Разноцветные кусты азалии, жасмина издают пьянящий аромат. Даже кактусы в полном цветении. Красные, жёлтые цветы прячутся среди колючек. В самом деле - место очень чудесное: просто Рай на земле.

Ничто не предвещало изменений. Но через какое-то время, ближе к обеду, всё изменилось. Начал подниматься ветер. Дул он с моря, поднимая волны. Они - высокие, седые, пенистые - с шумом выбрасывались на берег, ударяясь и рассыпаясь вновь и вновь, уползали в море.

Ветер всё усиливался, превращаясь в шторм. Заштормило по-настоящему. Отдыхающие пустились бежать с пляжа чуть ли не с энергией взрыва ядерного реактора, сея панику и ища убежища в ближайших кафе, расположенных поблизости от берега. Казалось, стоило помедлить пару минут, как мир бы полетел в тартарары.

Сначала все собрались в кафе с лёгкой крышей, пластиковыми столами и стульями. Вместо стен служили высаженные в горшках, поддонах дерева, кактусы и цветы. Но это не могло никого спасти. Хозяин попросил всех перейти для большей безопасности и для укрытия подальше - в кафе с более надёжной крышей, с массивными деревянными столами и стульями.

В страхе люди, напуганные торнадо, цунами, землетрясением, прятались за дверями маленькой комнатки, часто высовывая головы, напряжённо вглядываясь, вслушиваясь, наблюдая за погодой.

Разноцветные деревья азалии, высотой более пяти метров, от ветра клонились до самой земли, ударяясь гроздьями цветов. Они не осыпались, очевидно, окрепшие и привыкшие к такой погоде.

Этот случай превратил жизнь отдыхающих в череду невероятных событий. Две женщины, мать и дочь, сидели за столиком. Их часто приглашали в ту комнатку, но там было много народа и душно. Они вежливо отказывались и благодарили за внимание, продолжали сидеть. На их лицах не было ни страха, ни боязни. Они сидели, спокойно пережидая непогоду, и наблюдали за происходящим, изредка переговариваясь о консолидации отдыхающих. И о хозяине, беспокоившимся о безопасности людей и о людях, старавшихся помочь друг другу. Вместе с ними переживали о нарушенном спокойствии отдыха.

Погода не унималась. Ветер по-прежнему трепал деревья, цветы. Они покорялись ему, сгибались по направлению ветра до самой земли.

Высоту волн трудно было измерить. Это были глыбы воды высотой с пятиэтажный дом, с грохотом падавшие на берег и рассыпавшиеся, а потом уходившие снова в море.

Только две женщины, стойкие непоколебимые, продолжали сидеть за столиком, изредка переговариваясь по-русски. Становилось холодно. Затем дочь встала из-за стола и ушла в буфет купить кофе с булочкой. Когда она возвращалась с чашечками на подносе, аромат кофе разносился ветром по всей террасе и просачивался через дверь маленькой комнаты.

Устроившись поудобнее за столиками, женщины с наслаждением под вой ветра стали пить кофе.

Такой поворот событий превратился в закрученную морским узлом бязь диалогов на разных языках отдыхающих. Они говорили на итальянском, немецком, английском языках. Все поочередно проворно просовывали голову в приоткрытую дверь, окидывали их взором, давая оценку происходящему:

- Кафе, кафе.

- Запах кофе.

-О, бесстрашные русские.

Другие туристы-отдыхающие изумлялись стойкости женщин и любопытствовали, наблюдая за ними, забывая о возможном появлении торнадо или землетрясения.

Для успокоения многих капучино на ветру, оказался кстати.

Алексей Воронов

Рассказы кошки Матрешки

Есть у меня приятельница по имени кошка Матрёшка. Полосатая, с пушистым хвостищем и большими гвардейскими усами. Она очень любит путешествовать и каждый раз по возвращению рассказывает удивительные истории о тех местах, в которых побывала. Недавно она вернулась из путешествия по древним ярославским городам Тутаеву и Переславлю-Залесскому. Вернулась не с пустыми лапами, а с целой охапкой душистых полевых цветов, с пакетом свежей рыбы, выловленной в Плещеевом озере – и, конечно, с новыми историями.

История первая

О том, как улица в городе Тутаеве четыре названия поменяла

Когда-то на двух берегах Волги – правом и левом – стояли два тихих, зелёных городка, Романов и Борисоглебск. В 1822 году «для удобства управления» их объединили в один город, получивший название Романов-Борисоглебск (правда, моста через Волгу между двумя берегами в нём как не было, так и сейчас нет).

Пролетели ещё почти сто лет – и пришлось городу расстаться со своим прежним именем. После того, как вместо царя к власти пришли большевики, они сразу же начали давать русским городам новые имена – разумеется, в честь самих себя и своих товарищей по оружию. Так, город Гатчина, стоящий в окрестностях Питера, был переименован в Троцк, Павловск – в Слуцк, а город Богородицк, что неподалёку от Москвы – в Ногинск. Такая же участь постигла и бывший Романов-Борисоглебск, в 1918 году названный Тутаевым – в честь молодого красноармейца Ильи Тутаева, погибшего в Ярославле при перестрелке с белогвардейцами.

Чтобы попасть в этот славный городок с левого берега Волги на правый, есть два варианта. Если никуда не торопиться – можно переправиться на пароме, который ходит каждые полчаса. А если ждать некогда – моторная лодка домчит всего за полминуты. Это, конечно, влетит в лишнюю копеечку, зато и удовольствия намного больше. Скользит моторная лодка по воде – только брызги от встречных волн навстречу летят. Хорошо!

Те, кто подплывают на катере к левому берегу Волги, чаще всего поворачивают направо, по широкой улице, поднимающейся в гору мимо земляного вала и старинного каменного моста через овраг. Улица как улица, вот только на некоторых домах почему-то сразу четыре таблички висят:

улица ПАНИНА

бывшая КОМСОМОЛЬСКАЯ

бывшая ТРОЦКОГО

бывшая ДАНИЛОВСКАЯ

Те, кто в город впервые попадают – диву даются. Не понимают, зачем нужно было одну и ту же улицу четыре раза переименовывать.

А на самом деле всё очень просто. В царские времена эта улица называлась Даниловской, потому что у восточной окраины Романова, как раз там, где она заканчивалась, начиналась дорога на город Данилов. Потом наступила эпоха военного коммунизма - и бывшая Даниловская улица получила имя Льва Троцкого, в ту пору исполнявшего обязанности председателя Реввоенсовета.

Помимо своих прочих «достоинств», Троцкий прославился на всю страну как неисправимый краснобай. Про таких в народе говорят, что их хлебом не корми, дай только языком почесать. Бывало, залезет Троцкий на трибуну да как начнёт речь говорить – хоть стой, хоть падай. И два, и три часа мог верещать без умолку, как сорока. Его уже товарищи по партии за кожаную тужурку хватают и прочь со сцены волокут – а он всё равно народу лапшу на уши вешает про мировую революцию. А ещё был этот Троцкий настолько самолюбив и заносчив, что, в конце концов, всех своих друзей растерял – одни враги остались. Они-то и решили привести в чувство неугомонного оратора. Сначала освободили беднягу от всех его нелёгких забот и дел, а затем решили под суд отдать и в тюрьму посадить – да не тут-то было. Как узнал Троцкий, что над ним готовится судилище-рядилище – в тот же миг такого стрекача за границу дал, что только пятки засверкали. Даже речь на прощание произнести забыл.

Как прослышали в Тутаеве, что Троцкий из бывшего товарища сделался злейшим врагом Советской России – решили срочно улицу переименовать. Назвали её в честь Ленинского Комсомола – молодёжной организации, у которой за плечами действительно было немало славных дел. Комсомольцы и с фашистами в годы войны храбро воевали, и страну в годы разрухи день и ночь из пепла и руин поднимали, и хлеб целинный растили. Одним словом, настоящие боевые хлопцы. Одна беда – Комсомольских улиц, площадей, бульваров и проспектов по всей стране вскоре оказалось больше, чем звёзд на небе. Поэтому прошло время – и улицу снова переименовали, на этот раз в честь Николая Панина, известного большевика, который ещё до революции отбывал наказание в ссылке вместе с Лениным, а затем стал первым в Тутаеве председателем Совета.

Мораль сей истории такова – конечно, улицы можно и нужно называть именами заслуженных людей, немало потрудившихся для пользы Отечества. Только делать это надо не торопясь, с умом, а не с бухты-барухты. Иначе может получиться как, например, на Украине. Там бывший город Луганск сначала называли Ворошиловградом, потом переименовали обратно в Луганск, затем снова сделали Ворошиловградом – и, наконец, город вновь стал Луганском. Курам на смех, да и только!

История вторая

О том, как товарищ Кувшинов-Рыльский восстановительными работами руководил

Переславль-Залесский – город очень древний, ему от роду уже восемь с половиной веков. Как и Москва, он был основан князем Юрием Долгоруким, только на пять лет позже – в 1152 году. Тогда же был заложен первый камень в основание самого первого городского храма – Спасо-Преображенского собора, величественный купол которого и поныне возвышается над земляными валами. Словно былинный добрый молодец, стоит белокаменный собор – и, кажется, что от его древних стен исходит поистине богатырская мощь и сила. А рядом, почти у самой паперти – памятник князю Александру Невскому,

одержавшему в тринадцатом веке великие победы над немцами и шведами, пытавшимися захватить Русь с Запада. Были у князя «мудрые» советчики, пытавшиеся отговорить его от сражений с противниками, превосходившими по силе его войско. На это Александр Невский ответил: «Бог не в силе, а в правде!» - и победил.

Тех, кто въезжает в город со стороны Ярославля, справа от шоссе встречает белокаменный Никитский монастырь. Появился он в шестнадцатом веке, когда Русью правил царь Иван Чётвёртый, прозванный Грозным. В молодости он был большим непоседой, и всё время уезжал куда-то из Москвы вместе с войском – то Казань брать, то Астрахань. А так как нрав у царя был решительный, крутой, то и врагов у него хватало. И вышло такое дело – поссорился царь со всей столичной знатью. Решил тогда Иван Грозный перенести столицу из Москвы в Вологду, подальше от бояр и дворян, надоевших ему хуже горькой редьки. Несколько лет шли в Вологде работы по строительству нового кремля – и всё это время царь постоянно ездил туда через Переславль-Залесский, по самому короткому пути. Вот тогда-то, всего за каких-нибудь три года (с 1561 по 1564-й) и был по повелению грозного царя построен у столбовой дороги Никитский монастырь-крепость.

Потом царь передумал, забросил строительство нового кремля, и в Вологде вовсе бывать перестал. А Никитский монастырь и поныне, точно каменный страж, возвышается над древним городом. Существует легенда, что монастырский собор помогали воздвигать строители с Кавказа, приехавшие в Москву в свите жена Ивана Грозного – Марии Темрюковны. Оттого-то Никитский собор – единственный древнерусский храм, своды которого держатся на стрельчатых арках (именно так строили тогда церкви на Кавказе). Вот только увидеть эти арки сейчас невозможно – и всё потому, что совсем недавно случилась с собором большая беда.

Дело было так: в советское время монастырь долгое время был закрыт и обветшал. Потом власти спохватились и пригласили мастеров, начавших его потихоньку восстанавливать. И всё было бы ничего – но проезжал как-то по дороге из Москвы в Ярославль главный управдел товарищ Кувшинов-Рыльский. Увидел он у самой дороги монастырь, окружённый строительными лесами, рассердился и заорал на мастеров что есть мочи:

- Это что ещё за безобр-р-разие! У нас скоро Московская Олимпиада начнётся, иностранцы понаедут со всего света, а вы устроили на видном месте настоящий бедлам! Не позволю срамить державу перед заморскими гостями!.. Приказываю: как можно быстрее закончить все работы! Чтобы монастырь сверкал и блестел как новенький!

Мастера стали было возражать уважаемому товарищу, что такую сложную работу нужно делать долго и кропотливо, а не сгоряча да впопыхах. Но Кувшинов-Рыльский был суров и неумолим:

- Или вы мне наводите шик и блеск в два счёта – или прогоню вас вон, а всю эту старорежимную рухлядь заровняю бульдозером, чтобы глаза не мозолила! Посмотрим тогда, как вы запоёте, лодыри-бездельники!

Погоревали мастера, покручинились – а деваться некуда. Не зря говорил премудрый дед Щукарь: выше кой-чего не прыгнешь. Выполнили они приказ товарища Кувшинова-Рыльского и закончили работы в монастыре ударными темпами, как раз к назначенному сроку. Только не пришлось людям на эту красоту долго радоваться. Прошло всего пять лет – и весной 1985 года главный купол Никитского собора рухнул вместе со сводами.

Человеческих жертв, к счастью, не было – но восстанавливать собор заново товарищ Кувшинов-Рыльский категорически отказался:

- Объект сдан, работа считается выполненной, а значит – государственных средств из казны на его восстановление уже не полагается. Иначе это будет похоже на расточительство.

И никто не знает, что случилось бы дальше с Никитским собором – но наступили иные времена, и монастырь был возвращён церкви. Сегодня некоторые храмы в обители уже восстановлены и освящены; в них можно поклониться и мощам Никиты Столпника, и другим монастырским святыням. Потихоньку восстанавливается и Никитский собор. И хотя работы впереди ещё непочатый край – есть надежда, что скоро заблестит многострадальный храм на радость людям в своей первозданной красе.

История третья О том, как царь Петр в Переславле-Залесском начало русскому флоту положил

Самый грандиозный и величественный из всех архитектурных шедевров Переславля-Залесского – это Успенский Горицкий монастырь, названный так потому, что стоит на горе с крутым спуском к Плещееву озеру. Основанный в четырнадцатом веке, монастырь повидал в своих стенах немало великих подвижников. Здесь «имел жительство» святой Дмитрий Прилуцкий – знаменитый миссионер Северной Руси, основавший Никольский «что на болоте» монастырь в Переславле и Прилуцкий монастырь под Вологдой. В 1354 году епископом Афанасием в Горицах был «поставлен во игумены» преподобный Сергей Радонежский, основатель Троице-Сергиевой лавры. Именно он в 1380 году благословил князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Все русские города прислали тогда своих воинов на битву с полчищами хана Мамаю. Были среди них и переславские полки, храбро сражавшиеся на Куликовом поле.

А в 1382 году татарская орда, не желая смириться с поражением в Куликовской битве, вновь нахлынула на Русь, неся с собой неисчислимы бедствия. Горицкий монастырь тогда был полностью разрушен, а его монахи убиты. Чудом спаслись лишь несколько человек, среди которых была великая княгиня Евдокия – жена Дмитрия Донского, приехавшая в монастырь на богомолье. Они успели вовремя уплыть на плоту на середину озера. «Бусурманы» попытались было настичь беглецов – но их защитил густой туман, внезапно окутавший все окрестности. Горицкий монастырь вскоре был восстановлен, а жители Переславля с тех пор каждый год в шестое воскресенье после Пасхи устраивали крестный ход на плотях по реке Трубеж к середине озера.

В 1608 году, в самый разгар «смутного времени» город был вновь захвачен и разгромлен – на этот раз поляками и «русскими ворами». Только в 1609 году интервенты были выбиты из города войсками молодого полководца Скопина-Шуйского. Вскоре после этого Переславль-Залесский не только был полностью отстроен, но и стал одним из самых богатых городов на Руси. Ведь располагался он на дороге из Москвы в Архангельск, по которой в то время проходил главный торговый путь, связывавший Московию с Европой. От того времени сохранились в Горицком монастыре восточные ворота и надвратная церковь с палатой привратника, сплошь покрытые резными каменными украшениями, точно искусной ювелирной оправой.

А в восемнадцатом веке в Горицком монастыре почти на десять лет поселилась

великая княжна Елизавета – любимая дочь царя-реформатора Петра Первого. Была она очень умна, образованна, говорила на многих иностранных языках, и вдобавок необыкновенно хороша собой. За это её невзлюбила императрица Анна Иоанновна, никогда не блиставшая ни красотой, ни умом. И выслала она ненавистную ей родственницу подальше от блистательного Санкт-Петербурга, в далёкий Переславль. Думала – не выдержит Елизавета Петровна расставания с императорским двором, затоскует да и зачахнет с горя.

Но получилось всё не так. И насельники монастыря, и горожане очень полюбили Елизавету Петровну, заботились о ней и никому не давали в обиду. Прожила она в Горицком монастыре десять лет, в почёте и уважении – до тех пор, пока в 1742 году русский народ не призвал Елизавету Петровну в Петербург, на царство. Двадцать лет правила Россией императрица Елизавета, и немало хорошего сделала для своего Отечества. Открыла университет в Москве, академию художеств в Петербурге, издала указ об учреждении первого «русского драматического общедоступного, для представления трагедий и комедий театра». В Петербурге и его пригородах Елизавета Петровна возвела великолепные дворцы, и сегодня поражающие нас своей красотой, а в Киеве восстановила после пожара Киево-Печерскую лавру и возвела Андреевскую церковь на том самом холме, где по преданию проповедовал когда-то один из учеников Христа, святой апостол Андрей Первозванный.

Не забыла императрица и про Горицкий монастырь, приютивший её в годы ссылки и опалы. В 1744 году по её монаршей воле Священный Синод учредил в Переславле-Залеском новую епархию, куда входили древние города Можайск, Волоколамск, Дмитров, Александров, более шестисот церквей и двадцати монастырей. В стенах Горицкого монастыря тогда разместилась резиденция епископа, а вскоре был построен величественный Успенский собор – один из самых грандиозных храмов, возведённых на Руси в восемнадцатом веке. Он и сегодня поражает изумительной резьбой многоярусного иконостаса, богатой лепниной, а также изумительной акустикой. К работам в соборе были привлечены самые известные мастера того времени. Над иконостасом трудился московский резчик по дереву Яков Жуков, а лепные украшения, сверху донизу покрывающие стены храма – работа лепщиков и штукатуров под руководством Алексея Петрова. Именно они в те же годы отделывали собор Ново-Иерусалимского монастыря под Истрой, сильно пострадавший во время Великой Отечественной войны и до сих пор не восстановленный до конца. Что поделаешь – на восстановление того, что было разрушено в один миг, порой не хватает и целой жизни.

В Горицком монастыре сейчас открыт музей, один из самых богатых в России по своей коллекции. В нём находится и собрание икон, среди которых немало подлинных шедевров, и картинная галерея, созданная академиком живописи Дмитрием Николаевичем Кардовским, и произведения древнерусского шитья, и коллекция деревянной скульптуры. О том, сколь искусны были переславские мастера, свидетельствуют выполненные местными резчиками царские врата из церкви Введения в Рыбной слободе. Сотворённые неизвестными умельцами ещё в семнадцатом веке, они в 1867 году были показаны на Всемирной выставке в Париже, где получили диплом и большую золотую медаль.

А если, выйдя из Горицкого монастыря, отправиться к западу вдоль берега Плещеева озера, то дорога вскоре приведёт в музей-усадьбу Петра Первого «Ботик». Экспонаты этого музея напоминают посетителям о том, что именно Переславль-

Залесской является родиной русского флота. Здесь, на Плещеевом озере, юный царь в 1688 году начал строить свои «потешные» корабли и галеры. Со всей Руси съезжались по зову царя лесорубы, плотники, кузнецы и резчики по дереву, щедро украшавшие корабли искусно выточенными изображениями львов, русалок и диковинных птиц. В музее и поныне можно увидеть ботик «Фортуна», входивший в состав той самой «потешной» флотилии. Здесь же хранится первый законодательный акт об охране памятников истории в России:

«УКАЗ ВОЕВОДАМ ПЕРЕСЛАВЛЬСКИМ

Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегших сей указ.

Петр

В Переславле, в 7 день февраля 1722 года».

Указ этот появился уже после того, как Россия победоносно завершила Северную войну и вышла к берегам Балтийского моря. Из Московии, отброшенной от морей и устьев рек, она, к изумлению всей Европы, в мгновение ока обратилась в Российскую Империю – грозную и могущественную морскую державу. А помог ей в этом волшебном превращении собственный военный флот, начало которому положила та самая «потешная флотилия» на Плещеевом озере.

- Складно сказываешь, Матрёша, - похвалил я рассказчицу. – Только, похоже, ты кое-что присочинила. Признавайся-ка, голубушка, небось про товарища Кувшинова-Рыльского сама придумала, когда пила чай в гостях у тёти Моти из третьего подъезда?

В ответ рассказчица только обиженно фыркнула:

- Хотите верьте, хотите нет. Мне-то что? У меня и без вас забот хватает – в новое путешествие давно пора отправляться. Чао-какао, умники!

Подняла свой хвост и исчезла, будто её и не было.

Так и не узнал я, всю правду рассказала нам кошка Матрёшка или нет. Да это и не важно. Важно другое – и Тутаев, и Переславль-Залесский, и другие старинные русские города сберегли до наших дней свою дивную красоту, невзирая на все революционные бури и потрясения «века минувшего». Не сумели недруги нашего Отечества уничтожить эту красоту – как не сумели они уничтожить и Великую Русь, в которой нам выпало счастье родиться и жить. Только мы так привыкли к этому счастью, что порой бываем слишком легкомысленны и беспечны. А ведь у нас в руках сегодня не только настоящее, но и будущее нашего многострадального Отечества. И что достанется в наследство нашим потомкам - дивный цветущий сад или обгорелое пепелище? – зависит только от нас.

Наталья Веселова

Умереть трижды

Повесть

... скажи ми, Господи кончину мою и число дней моих, кое есть? Да разумею, что лишаюся аз?

Пс.38, ст.5

Глава 1

Она не знала, от чего проснулась – но сразу подумала, что это беда ее разбудила. Обе сложенные ладони оказались зажаты между колен – так она спала в детстве, с тех пор, как мама вышла замуж за Вадима Федоровича. Глаза открывать не стала – да и бесполезно это было: Женя знала, что, лежа, как обычно, на правом боку, не увидит ничего, кроме смутных узоров старенького стенного ковра прямо перед носом – родного, правда, коврика, единственной вещи, унесенной двадцать пять лет назад из материнского дома – дома, который у нее отняли...украли...

Господи, до чего же больно.

Знаешь, те люди, в общем, правы, заподозрив в тебе воровку, - правы по сути, а не по существу. То есть, хоть телефон ты, конечно, не крала – но ты украла много чего другого. Например, мою совесть. И жизнь моей дочери.

Проклятый телефон лежал прямо у выхода из метро, в грязной кашнице снега, и, наверное, лежал всего несколько секунд, потому что пусть и в полупрозрачных пока сумерках, но не заметить его было невозможно – так ярко выделялся блестящий красный с золотом брелок в виде удивленного котенка. И, главное, телефон был жив и здоров, поэтому, стоило только Жене откинуть крышку, и он сразу приветливо, как окошко в ночи, зажег свой пестрый экранчик с большими глазами мультяшками. «Девчонка, скорей всего, потеряла, - жалостливо рассудила Женя. – И сейчас, наверное, рыдает где-нибудь, ищет... Да и от родителей влетит: игрушка-то не из дешевеньких...»

Если бы тебя не было – она бы не умерла сейчас. Она не могла бы умереть, потому что любовь исцеляет все, даже рак. И этой любовью я ее держал – и удержал бы. А ты вмешалась – и разорвалась эта наша с ней нить. Тогда уже и оборвалось - все.

Она быстро добежала до подъезда, взлетела в лифте к своему гнезду (шестой этаж направо, комната, кухня и совмещенный санузел, зато хозяйка невредная и с инспекцией появляется не чаще раза в квартал – да и та сводится к чаепитию) – и, аккуратно поставив аппаратуру прямо у двери, достала найденный телефончик из кармана. Н-да, креативная штучка, нечего сказать; богатые, наверное, родители, раз ребенку такой купили... Женя тайком от себя самой вздохнула: если б он уже умер, то можно было бы со спокойной совестью оставить его себе, не имея ровно никакой возможности отыскать хозяев. Год назад она бы поступила так и будь он живой, но теперь... Теперь она все время словно предстала перед Игнатом, как он сам – перед Богом. Возможно, потому Церковь и вменяет женщине в обязанность носить платок – и не только в храме, как теперь считается – а вообще всегда: платок олицетворяет собой мужчину, всегда стоящего между женщиной и Богом, к Которому жена смеет обращаться только опосредованно... Подумала, что окажется просто недостойной любимого человека, если присвоит чужую вещь, как бы временно ей доверенную...

Твое появление – и ее рецидив, разве это могло быть случайностью? А я, дурак, подумал: что я, монах, что ли? Столько лет... Должно же и у меня что-то быть, хоть вскользь, для себя лично...

Впрочем, у нее самой телефон, его подарок, лишь чуть-чуть рангом пониже, а видом, пожалуй, и покрасивее, потому что не обклеен пестрыми детскими наклейками и не увешан брелками... Выйдя в список контактов, Женя сразу вызвала «М». Ну, так и есть: совсем, наверное, маленькая девочка, потому что у нее не «мама», а «мамулёнок». Она усмехнулась – надо же... Интересно, а папа у нее кто? Телефон выдал: «папулька». Она произвольно пробежалась по списку – и промелькнули Ленюк, Шурченок, Манюся, Юрасик, Лизунчик – и во рту у Жени произвольно выделилась слюна, словно туда сунули большой кусок чистого сахара. Но вдруг высветилось сухое и деловитое «Деканат» - и дикостью своего несоответствия всему предшествующему даже испугало. А вот еще: «Кафедра английского». Господи, это что, студентка, что ли?! Не может быть – инфантильность какая-то уж запредельная... В любом случае, это приключение с телефоном, раз уж совесть не позволяет его умыкнуть, надо заканчивать, потому что на полу в коридоре полная камера срочных заказов... Женя решительно вызвала «мамулёнка» - и почти сразу услышала в трубке голос настолько не похожий на внутренний образ, возникший перед мысленным взором ранее, что пришлось испытать еще одно маленькое потрясение. Голос прозвучал холодно и настороженно – вероятно, женщина уже знала, что телефон потеряна, и ничего хорошего не ждала.

- Видите ли, - заторопилась Женя, стремясь скорей разделаться с неприятной миссией. – Телефон

этот я нашла у метро, и теперь хочу вернуть его законному владельцу, а это ваша дочь, как мне кажется. Поэтому не могла бы она позвонить на свой номер – и мы тогда договоримся, где нам встретиться...

Удивительно, но голос «мамулёнка», вернее, целой «мамуленции», как теперь была уверена Женя, ничуть не потеплел от ее приветливости:

- Ждите, - высокомерно бросила та. – Вам позвонят, - и дала отбой.

Позвонили действительно скоро, но только не восторженно лепечущим девичьим голоском, а твердым мужским баритоном, за которым сразу же встало твердое лицо в дымчатых очках, а под ним – строгий галстук на белоснежной рубашке, а на заднем плане мелькнул открытый ноутбук с бесконечными столбцами скучных параграфов.

- Это у вас, как я понимаю, находится телефон Юлии? – голос прозвучал, как у прокурора, толкающего обвинительную речь.

Подсудимая Женя сжалась в комок и залепетала:

- Да, понимаете, я нашла его у метро, и подумала что...

- Поговорим после. У какого метро вы сказали? Отлично... Вы не очень далеко от него сейчас, надеюсь? Так вот, будьте там через четверть часа, а мы с Юлией подождем у касс.

Женя попыталась собрать остатки своего растоптанного достоинства:

- Послушайте, вы как-то странно разговариваете – и вообще, я ждала не вашего звонка, а... - но подозрительная тишина на другом конце провода заставила ее взглянуть на экран – и убедиться, что на нем уже снова глупо таранились розовые покемончики.

«Ну и хамство... - она едва перевела дыхание. – Им же делают любезность – и хоть бы одно слово благодарности, не говоря уже о том, что время и место встречи выбирать должна была я!» Было очевидно, что через четверть часа ей предстоит приятно пообщаться с высокомерной сволочью, которая примет все как должное и спасибо не скажет! Надо, полагать, это и есть «папулька» из дочкиного списочка... Наказать его и не придти, пусть попрыгает? А с другой стороны, лучше уж сразу свалить все это с плеч и забыть... Пусть подавятся своей драгоценностью, подумаешь... Тем более, что на душе и так гнуснее некуда... Женя снова влезла в скинутую было куртку и сунула ноги в ботинки.

А оказалось, что Господь только потому и позволял мне удерживать Машу, из последних сил здесь держать, что у меня никого больше не было, я в кулаке себя зажал – и как личность, и как мужчину - и остался только отцом. Но ведь и Он – Отец, вот и принял жертву.

У касс, как всегда, толкалась куча народу, но **их** она сразу узнала – вернее, его. Никакой это был не «папулька», а парень едва-едва за двадцать, но уже выработавший нестандартный личный стиль, сознательно вросший в него и, по всему виду, решивший твердо его придерживаться всю жизнь. Его ровесники зимой – поголовно в шнурованных ботинках или теплых кроссовках, спортивных куртках и без шапок (у некоторых они в кармане, сразу сдернутые с головы, как только упомянутая голова исчезла из виду беспокойной бабушки). Этот носил строгое длинное пальто и утепленную модную кепку для старшего возраста – очки, правда, стекла имели прозрачные, зато глаза сквозь них смотрели такие, что лучше б их прятать – сверлили как два алмазных буравчика, так и казалось, что взгляд уже выходит из твоего затылка. Девушка, неуверенно жавшаяся к молодому человеку, была отчетливо похожа на овцу – прямо даже неудобно делалось. Говорят, каждый похож на какое-то животное – но не да такой же степени: тут хоть в детском спектакле играй без грима. Широко расставленные золотистые испуганные глаза, бледные кудряшки, неправильный длинный, но тупой носик... И носила она дубленку цвета овечьей шерсти – с кудрявыми отворотами. Интересно, это она специально или по глупости, пронеслось в голове у Жени, когда она, не отдавая себе отчета в своем выборе, уверенно направлялась именно к этой паре. В конце концов, чего она так боится? Телефон принадлежит не парню, она просто сейчас отдаст его этой девушке, развернется и уйдет, а с ним даже разговаривать не станет...

- Здравствуйте, это ведь вы – Юлия? И это ваш у меня, наверное... - но договорить ей не дали.

Строгий парнишка вдруг вцепился ей в плечо такой акульской хваткой, что Жене показалось, что на ее теле сомкнулись не пальцы, а челюсти. С довольным и даже торжествующим видом парень обернулся к своей по-прежнему безучастной овце (во всяком случае, ее лицо до сих пор не продемонстрировало никакой мимики):

- Я же говорил – а ты не верила! Она тебя якобы никогда не видела – а сразу узнала! С чего бы это? А? – и к Жене: - Ну что, попалась, деловая ты наша?

- Да вы что... - забормотала, тщетно пытаясь вырваться, обескураженная Женя. – Пустите сейчас же... С ума вы, что ли, сошли...

Она вообще перестала понимать происходящее – и ей вдруг очень захотелось позвать на помощь, но она как-то постеснялась, и решила пока выпутываться своими силами:

- Молодой человек, вы что, спятили? – осмелев, продолжала биться она.

Но, ничуть не ослабляя хватки, он одним толчком бросил Женю к стене и прижал там – да так, что сопротивляться оказалось бесполезно: при каждой попытке вырваться, он несильно, но ощутимо ударял ее спиной и затылком о мраморную стенку. А девушка все стояла молча, и выражение ее лица, про которое

уже хотелось сказать «морда», оставалось парадоксально бесстрастным.

А ты вторглась – жестко так, напористо - и я сломался. Сломался и Машку погубил. Ты не думай, я тебя не так уж и виню: человек ты... извини... дремучий... живешь инстинктом. Надо – берешь...

- Быстро давай телефон, - прошипел парень Жене в лицо. – И только попробуй мне что-нибудь... пожалеешь...

Готовая отделаться от него хоть на каких условиях, Женя шустро вытащила мобильник из кармана, а мучитель сразу его выхватил и сунул девушке:

- Твой?

Та кивнула и спрятала вещь в карман. Казалось, инцидент был исчерпан, но очкарик все еще не отпускал жертву.

- Да уймите же вы его, наконец! – сдавленно пискнула пытаемая, еще не сообразив, нужно ли привлекать внимание общественности к своему явно незавидному положению.

Девица коснулась рукава садиста, и Женя впервые услышала ее тихое блеяние:

- Пойдем, Юрасик... - овца оставалась овцой до конца.

«Не фигу себе Юрасик...» - промелькнуло в голове у по-прежнему прижатой к стене Жени, которую Юрасик выпускать и не думал.

- У тебя вообще есть какое-нибудь правовое сознание? – вдруг сердито спросил он девушку. – Ты понимаешь, что ты предлагаешь? Вот сейчас я ее отпущу, а она отряхнется и снова пойдет воровать у людей телефоны, а потом вымогать у них деньги. Она же этим живет, пойми! Да если бы не я, ты бы ей уже все содержимое кошелька отдала!

В глазах у Жени потемнело, она задохнулась, внезапно прозрев: ах, вот оно что! Эта гнида еще смеет... Она собрала все свои силы и толкнула его в грудь с криком:

- Да ты ненормальный! Урод! Придурок! Да пусти ты, черт!

Но «черт» держал ее крепко, и от толчка не пошатнулся, а неожиданно пришел в полный восторг:

- А вот к нам и лексикон наш родной вернулся... Ничего, у нас свой есть... Юля, мы сейчас ее сдаем в милицию, и ты пишешь заявление, что она выкрала сотовый из твоей сумки, а я подтвержу. Пусть посидит годик-другой, может, потом nepовaдно будет... Эй, товарищ милиционер! Или, гм, как там сейчас положено... Господин полицейский!

От контрольного пункта лениво отделилось маленькое чернявое существо с темными щелками инородческих глаз, но в серой форме и при дубинке, которой оно сразу же начало недвусмысленно поигрывать, приближаясь к месту разборки.

Жизнь начала превращаться в отчетливый и уродливый кошмар:

- Да вы обалдели все!! – уже со слезами вскричала Женя. – Что я у вас украла?! Я вам, наоборот, принесла!! Что, вообще, здесь происходит?!

Гастрабайтер в сержантских погонах приблизился; его плоское коричневое лицо, тоже ассоциировавшееся только с мордой, осталось каменным, как у хакасской «бабы», но в глубине мутных черных глазок вдруг сверкнула звериная, азиатская свирепость – и что-то вроде порочного предвкушения... Он козырнул:

- В чем дело, гражданин? – гнусный акцент, резанувший слух, не оставлял никакой надежды, кроме отчаянья обреченных.

- Этот парень на меня напал! – первая выкрикнула Женя, стремясь перехватить инициативу.

- Да, напал, - как ни в чем не бывало, согласился молодой человек. – Я был вынужден это сделать, чтобы задержать воровку.

- Я ничего у вас не украла! – завопила Женя так, что все прохожие оглянулись. – Девушка, да скажите же правду!!

Овечьи глаза остались невозмутимо золотистыми. Юля прошептала:

- Не знаю...

- Да чего ты не знаешь! Чего тут не понять?! – возмутился ее парень. – Она, товарищ милиционер... полицейский... Вытянула у моей девушки из сумки дорогой телефон, а потом позвонила и стала вымогать деньги, чтоб его вернуть.

- Да ты псих!!! – сорвалась в рыдания и визг Женя. – Я ничего такого не делала! Не слушайте его, он же просто сумасшедший!!!

- Я – юрист... Студент юридического факультета, - веско сказал юноша. – Меня этим не проведешь, я такие вещи с ходу просекаю. Прошу вас ее задержать, а мы сейчас напишем заявление. Да, Юля?

- Да нельзя же быть такой идиоткой! Вы у кого на поводу идете!! – переключилась на девицу Женя, смутно чувствуя, что в этой ситуации Игнат вел бы себя как-то по-другому, да и вообще не оказался бы в такой ситуации. - Как вы можете ни в чем не виновного человека оговаривать по указке этого подлеца!

- Я не знаю... - с прежней твердостью повторила девица; похоже, это был девиз ее жизни, где все знать полагалось кому угодно, кроме нее.

- Ах, ты еще выражаться! Ну, ты у меня по полной огребешь, тварь! – обиделся юрист.

- Господи, да что же это творится! – беспомощно всхлипнула Женя, полностью потерявшая точку

опоры.

А я оказался слабаком. Может, оттого, что превознесся, иногда в душе начинал себя аскетом считать. Досчитался. Кругом виноват и дочь упустил.

- Так, граждане, в комнату милиции... полиции... - запуталось и само существо с блестящими пуговицами и акцентом, - пройдемте для разбирательства.

Разбирательство оказалось недолгим.

- А ну выворачивай карманы! Салман, давай, помоги ей! – коротко приказал другой полицейский, по наружности славянин, но заплывший салом так, что на задворках сознания у Жени проплыло «Пацук».

И тут же бесцеремонные коричневые руки, поросшие колючим, как проволока, черным ворсом, уверенно зашныряли по карманам ее расстегнутой куртки, а потом, без всякого смущения пройдясь спереди и сзади по джинсам, деловито нырнули и под свитер, жестко шуранув по голому телу. Женя вдруг вспомнила, что где-то слышала, будто личный досмотр имеет право производить только лицо одного пола с досматриваемым. Она гадливо рванулась прочь:

- Меня имеет право обыскивать только женщина!

- А это и есть женщина. Проверь, разрешаю, - хмыкнул Пацук, и ответом ему стал дружный регот, донесшийся из «обезьянника», где один до бесчувствия надравшийся обитатель размеренно блевал, лежа на полу лицом вниз, а два других повисли на прутьях клетки, с интересом наблюдая бесплатный спектакль; их хари (уже не морды, морда ведь и у льва – исполненная благородства) выражали живейший интерес и одобрение.

Добычей Салмана стал второй телефон – Женин собственный, подарок Игната, и оттого бесценный. Он просто отдал его Жене, когда ее старенький черно-белый «Сименс» скончался от старости. Ему самому коллеги преподнесли это роскошное коричнево-золотое чудо ко дню рождения – но, так как в их учительском коллективе вторым мужчиной был только физрук, то и вещь, как ни крути, а выглядела более дамской игрушкой, чем надежным мужским телефоном. Для Жени он был почти живым существом, хранившим на диктофоне любимый голос, любимую музыку, любимые фотографии, краткие, но драгоценные эсэмэски... Даже прикосновение к нему чужих рук казалось чем-то оскверняющим – и Женя попыталась выхватить его обратно:

- Это мой, не трогайте!

- Ее, как же! – вскипел Юрасик. – Чтоб у такой прошмандовки такой сотовый! Два как минимум сегодня хапнула! Так, давайте бумагу, товарищ дежурный! Юля, вот бери ручку, пиши...

Юля вяло опустила на стул, придвинула лист бумаги и явно в ожидании диктовки подняла свое неподвижное лицо на Юрасика.

Жене стало вдруг все безразлично, потому что в какой-то отдельный очень ясный момент, она поняла, что неожиданно попала в безвыходную ситуацию, как в петлю, где ей уготована пассивная роль жертвы, и любая попытка бороться лишь ту же затянет веревку. Например, вот возьмут они сейчас, запрут ее за непослушание в обезьянник к этим двоим, а сами выйдут... Ничего невозможного... Со дна ее души поднялась густая тягучая муть, обволокла сознание, притупила чувства. Сейчас эта тупая овца (а как иначе ее назвать) напишет все, что велит ей ретивый охранитель законности и правопорядка – и тогда... Нет, не может быть, это же просто бред какой-то, спит она, что ли?

- ...обнаружила, что моя сумка расстегнута, и в ней отсутствует принадлежащий мне телефон марки... Юля, какая у него марка? – уже бойко диктовал молодой человек.

- А ничего, тетка, губа у тебя не дура, - между тем вертел Пацук собственный Женин телефон. – У кого, интересно, вытянула?

- Я могу доказать, что он мой, - неожиданно спокойно произнесла Женя. - Я все знаю, что в нем есть, и могу рассказать.

- Н-да? Ну, рассказывай, послушаем, - сальный старшина открыл стол, небрежно швырнул туда телефон и шумно задвинул ящик.

Подпершись кулаком, он с насмешливой внимательностью уставился задержанной в переносицу наглыми бесцветными глазками, утонувшими глубоко в пухлом, как пуховая подушка, лице.

- Ну... - растерялась Женя. - Вы его достаньте и смотрите на экран, а я буду говорить, что там...

- Что достать, не понял? - весело поглядел ей в глаза старшина.

- Мой телефон... - и Женя снова начала терять ощущение реальности.

- Какой телефон? Салман, ты видел здесь какой-нибудь телефон?

- Моя не видела. Вот только рабочий наш всегда здесь стояла, - невозмутимо отозвался его напарник, глумливо постукивая себя дубинкой по ладони.

- ...и моя мать сообщила, что мой мобильный телефон находится у неизвестной, которая готова вернуть его на определенных условиях и предлагает встретиться в метро. На месте встречи незнакомая женщина начала вымогать у меня деньги за возвращение телефона, и была задержана моим другом... - упоенно продолжал вещать юный правовед.

- Да вы что... - задрожала с ног до головы Женя. – Да вы... какая же вы милиция... Вы и сами воры похлеще... Вы не полицейские! Вы – полицаи! Я жаловаться буду... - и она попятилась прямо в сторону

«обезьянника».

- Никшни, дура, - вдруг раздался оттуда хриплый жесткий шепот. – Уроют ведь...

Женя осеклась, но в ее голове билась единственная отчаянная мысль: ограбили! Просто и цинично ограбили! И телефона – единственной своей настоящей ценности – она больше никогда не увидит...

Лицо ее задергалось: так всегда происходило при сильном волнении, что тик волнами проходил по лицу, и унять его не было никакой возможности...

- Ну вот, теперь здесь подписывай! – удовлетворенно выпрямился Юрасик, но возникшую паузу вдруг заполнило короткое, как вздох «Не знаю...»

- Не валяй дурака, - забеспокоился он. – Ты, главное, подписывай, а все остальное я беру на себя.

- Я не знаю... - еще решительнее выдохнула девушка. – Пойдем, Юрасик...

Молодой юрист смущенно кашлянул, оглянувшись на совсем другим занятых милиционеров, пробормотал:

- Секундочку... Я сейчас улажу... Юля, на минуточку, - и схватив «овечку» за руку, мгновенно выскользнул с нею за дверь.

На него никто даже не обернулся – «полицай» с непонимающим видом переглядывались, притворно обеспокоено шаря по столу и издевательски повторяя: «Какой телефон? Откуда телефон?» Любительский спектакль доставлял участникам явное удовольствие и при этом они демонстративно не смотрели в сторону задержанной.

- Каселёк, каселёк, какой каселёк! – заголосил вдруг один из трезвых обитателей клетки, заглушая другого, быстро и грубо шепнувшего:

- Вали быстрее... Вали, пока они не передумали... Пропадешь, дура, плюнь на трубу... Беги...

И Женя подхватила и побежала – вон из комнаты, мимо спиной стоявшего Юрасика, припершего Юлю к стенке, и что-то горячо ей втолковывавшего, вверх по ступенькам, бегом по подземному переходу, по мартовской слякоти среди еще не начавших серьезно таять, но почерневших и пожухлых сугробов в человеческий рост, по узкой мокрой тропинке к зеленой точечной «хрущевке», без лифта, на шестой этаж – и только захлопнув за собой тяжелую стальную дверь, сползла по ней и беззвучно заколотилась на полу.

Теперь уже исправлять поздно, но и к тебе, сама, понимаешь, я больше ничего не чувствую... В смысле – ничего хорошего. Убил бы, если б это помогло поднять Машку. Да не поможет, поэтому живи. Но только уж, пожалуйста, без меня...

Когда немного отпустило, она словно представила себя со стороны: немолодая и немолодящаяся (не на что), в джинсах, ботах и пуховике, добытых на Троицком рынке, с отросшими темно-серыми корнями давно не подкрашиваемых (некогда) волос, с руками без маникюра (это можно бы, да Игнат не одобрит), с неприятно подмалеванным лицом... Конечно, почему бы не обратиться к ней на само собой разумеющееся «ты», безошибочным чутьем определив, что по статусу она их неизмеримо ниже, не обшарить мерзкими лапами, не обвинить в воровстве, не ограбить безнаказанно и самоуверенно... Такие – всегда жертвы, потому что они и есть – «народ». Масса. Население. Вот Ариадна, сестра Игната – разве не вернула бы она найденный телефон? Конечно, вернула бы, и таким же способом, что и она, Женя. Только этот гнусный Юрасик вежливо бы благодарил ее, толкал бы в бок свою странную Юлю – мол, скажи спасибо – а, прощаясь, еще бы и ручку, может, порывался поцеловать... А она бы с неподражаемым своим простым достоинством милостиво кивнула – и ушла королевой. А вроде бы внешне – ничего особенного... И одета далеко не из бутика – но носит все так, будто на ней мехов и бриллиантов на миллион долларов... И полицаи бы, если б до них дошло, конечно, перед ней бы оробели, с мест повскакали и долго извинялись, называя по имени-отчеству... Говорят, с этим нужно родиться, а научиться нельзя. Неправда это! Просто надо изначально оказаться в нужном кругу, среди такой простой и непонятной интеллигенции, – и постепенно впитаешь их манеру держаться... Даже в том жалком состоянии, в котором они сейчас – при нищенских зарплатах, подневольные, лишённые естественных своих привилегий – эти люди как-то ухитряются внушать к себе уважение. Вот и она, Женя, перед ними трепещет и все время боится ляпнуть не то или сесть не так... Им-то хорошо, они свои университеты закончили, за таких же замуж повыходили, а ей не дали... Не дали стать учителем, как мечталось, читать не дали, сколько хотелось – потому что оказалась она тогда лишней... Нет, только не сейчас об этом вспоминать... «Не делай добра – не получишь зла» - классная поговорка, ничего не скажешь. Выбросила бы она из Юлиного телефона сим-карту в помойку, наклейки бы дурацкие соскоблила, память стерла – и вот бы готовый запасной крутой сотовый, а то и продать в тяжелую минутку... А теперь лишилась и драгоценного подарка, и в материальном убытке осталась – хорошо цепочки золотой на шее не было – как пить дать бы тоже отобрали, ублюдки узкоглазые... Под горячую руку она и «Пацука» к ним причислила – да и то сказать, его щелки мало чем отличались... Сволочи, сволочи, сволочи! Думают, если простой человек, так можно ему в душу плевать... Ничего, найдется и на них управа...

Вечером ждал Женю еще один удар, последний. Без звонка – а как теперь дозвониться-то, когда городского в помине нет, а мобильный отняли – пришел к ней Игнат, уже четвертый день не появлявшийся, а в трубку холодно обрывавший. Он едва порог переступил, а она ему на грудь – и жаловаться: на ретивого Юрасика, на тупоголовую овцу, на наглых полицаев, на страшных мужиков из клетки – и он вдруг жестко

отстранил ее, и в кресло, как обычно, не сел – обреченно прислонился к шкафу и прикрыл глаза:

- Да провались он, твой телефон. Все. Маша умирает. Забрали наверх, в реанимацию, говорят – агония. И меня выгнали. Черт бы тебя побрал, Женя. Черт бы тебя побрал.

И ей стало страшно, потому что именно от него, именно таких слов услышать не мог никто и никогда – в смысле, услышать всуе, в переносном, то есть, смысле. Потому что раб Божий Игнатий был человеком верующим не напоказ, а взаправду, и за словами следил, любя повторять: «От слов своих оправдаетесь, и от слов своих осудитесь» - и раз уж произнес что-нибудь, значит, знал, что говорит, и желал – именно этого. И именно ей, его единственного в жизни любившей...

Сидеть на месте. Я знаю, где выход.

Неужели это были последние слова, которые она от него в жизни услышала?!

К ночи Женя ослепла от слез, отупела от разламывающей головной боли – и сама не помнила, как повалилась, оглушенная, в холодную постель, как постепенно забылась в слезах – и вот, среди ночи мощным толчком разбудило ее горе, чтоб ей не спать, терзаясь, до рассвета... Женя открыла глаза и увидела, что ожидала, что всю жизнь, просыпаясь, видела: белый на бордовом (теперь, в темноте, черном) узор еще бабушкиного ковра. Она тупо уставилась на него, стараясь сообразить, что это за странный, будто знакомый запах в комнате – и вдруг ее стукнуло: это же «Карбофос» - средство против тараканов, такое же точно, каким мама боролась с ними в их квартире – там, в Веселом Поселке! Игнат уверял, что обонятельная память – самая сильная из всех, что знакомый, но забытый запах, внезапно вернувшийся, может воссоздать в памяти человека целые картины прошлого, даже заставить услышать звуки! Это, определенно, был именно тот запах. Но откуда ему взяться? В их доме нет тараканов, да если б и появились – кому бы пришлось в голову морить их допотопным средством, имея широкий выбор современных и действенных? Да и откуда бы его взять? Значит, это просто похожий запах – но прав был Игнат – вот уже, как живое, встает перед ней мамино молодое лицо – она навсегда осталась молодой, умерев в тридцать три года не так, как в церкви просят – «безболезненно, непостыдно, мирно», - а прямо наоборот – мучительно, срамно и скандально... Мама на кухне раскатывает тесто и улыбается, тыльной стороной белой от муки кисти пытаясь согнать со лба прилипшую светлую прядь, и говорит, как всегда, смущенной скороговоркой: «Самый плохой брак – это лучше, чем «разведенка», поняла? Самый плохой – а нам с тобой еще повезло, поняла?» Ой... Давно это было... Двадцать пять... Сколько ей сейчас, ровно сорок? А тогда было лет тринадцать... Двадцать семь, значит... И маме оставался еще целый год... Тот день... Косхалва, шампанское... Если б тогда знать...

Вдруг Женю словно обдало морозом изнутри – и она замерла, как подстреленная: прямо за стеной, в коридоре ее съемной квартиры будто бы стукнула не входная, а какая-то другая, внутренняя, дверь (которой не было вообще!), и мимо Жениной двери прошлепали громкие ленивые шаги, будто кто-то, не таясь, шел в кожаных тапках. Отчетливо щелкнул выключатель, и в кромешной тишине звонко зажурчало – а потом грянул водопад из туалетного бачка! Снова щелчок – и вот уже шаги лениво направляются обратно, минуя ее комнату, и повторился стук второй – отсутствующей! – двери. Выпучив глаза, не моргая и не дыша, Женя пялилась в ковер. «У соседей... - пронеслось в голове. - Просто тихо, как в могиле, и от этого все кажется ближе...» Но сердце, подпрыгнувшее к горлу и затрепетавшее было там, вдруг оборвалось и рухнуло вниз. Сквозь вязкую, почти парализующую дурноту, сразу навалившуюся, как тяжелая засаленная перина, она вновь слышала шаги – легкие, женские – и не у каких не у соседей, потому что она уже готова была их узнать...

Глава 2

Ему вдруг пришло в голову: каждому обреченному или, что хуже, тому, у кого обречен близкий человек, кажется, что все остальные – остающиеся – бессмертны. Еще до того, как бурный рецидив подкосил и в неделю свалил Машу, уже уверенно казавшуюся ему вопреки всем научным прогнозам спасенной, он все чаще ловил себя на незаконных мыслях. Например, когда его девятиклассники решали очередной тест, а он вынужденно бездельничал за столом, для порядка оглядывая склоненные головы (правильно ли склонены, не под стол ли глядят на шпаргалку с датами), его взгляд вдруг замирал на какой-нибудь отдельной девичьей голове. Вот взять, например, Колоскову эту. Троечница по всем предметам, что свидетельствует о тотальной неодаренности, личико обыденное до тошноты, папа – водитель маршрутки, мама – швея в мелкой фирме, сама – сонная, мутноглазая... Пятнадцать лет девчонке, а фигурой – табуретка табуреткой, волосы выкрашены полосато, как это теперь у них принято, да неухожены, давно не стрижены, прыщи подростковые выдавлены и замазаны дешевым гримом, отчего просвечивают зловеще-фиолетово... Сейчас в контрольной опять все перепутает – да ей и плевать на это, родителям тоже...

Но! Есть огромное жирное «но». Он у них классный руководитель с пятого класса (такое уж у него правило: взял класс, так веди до выпускного, какой Бог дал, на других не спихивай) – так вот, Настя Колоскова с тех пор ни разу ничем не болела. Прогуливала – это да, а вот по болезни никогда не отсутствовала. Иммунитет несокрушимый, никакой грипп ее не брал, ни свиной, ни обычный, кишечная палочка, раз отравившая в походе весь класс (после утомительного перехода под палящим солнцем воды из чистого на вид ручья напились, дуралеи), перед организмом Колосковой оказалась бессильна. Зубы – как у негритоски, ни одного кариеса за всю жизнь (и это он досконально знал: к зубному ведь тоже ему с ними

раз в год таскаться полагалось), и первый нескоро случится... Все это – наследственность, обеспеченная многими десятками крепких поколений крестьян, на воздухе трудившихся и потреблявших экологически чистую пищу, возвращенную на пахучем навозе. Словом, здоровая свиноматка, предназначенная быть родильной машиной, раз в год давать приплод в виде таких же здоровых детенышей – будущих солдат, рабочих, обслугу – и воспроизводительниц.

Но эту задачу свою, милостивым Богом перед ней поставленную, выполнять она, конечно, не станет: она же не деревенская клуша, как ее прабабка из деревни Большие Говны, родившая четырнадцать, из которых одиннадцать похоронила в младенчестве (все правильно: то знаменитая «глотошная», выкашивавшая враз все детское население волости, то коллективизация с раскулачиванием), а современная городская девушка, которой счастье привалило оказаться в стольном Петербурге. Не четырнадцать она, конечно, родит (здесь же русской печи нет, чтоб туда детей вповалку складывать, а в малогабаритной квартире куда ты их денешь, да без огорода и коровы – чем накормишь), а максимум двоих от мужа-трудяги, автослесаря, например. Вон, за Вовку Малова через три года выскочит. Тот фамилию свою до сих пор через «о» пишет, раз и навсегда усвоив, что русский язык – таинственный и недоступный, и если «а» слышится, то пиши «о» – не ошибешься. Зато машину – любую, от «Мерседеса» до «Запорожца» может голыми руками разобрать-собрать, играючи устранив любую неурядицу, да еще и приладив попутно изобретенное мелкое новшество, до которого иноземные инженеры еще лет десять всем концерном не додумаются... Он Малов, и сейчас со своей «Камчатки» на Настю слишком пристально поглядывает – о женитьбе не думает, конечно, куда ему, когда гормоны бурлят, как вода в чайнике, и ему бы сейчас Колоскову эту просто завалить на диванчик. Но дремучий инстинкт подсказывает его взгляду верное направление: туда, где в перспективе – продолжение здорового сильного рода... Ведь не смотрит же на хрупкую болезненную Лизу Сокольскую, красавицу с глазами-блюдами, что после девятого в музучилище при Консерватории уйдет: тот же инстинкт давно шепнул: не по Сеньке шапка! И вот, найдется в свой срок подходящий диванчик, да «по залету» распишутся, родят бутуза и заживут не хуже других. Пока до второго дозреют – аборт пять-семь Настя сделает, но ведь без этого как? Сначала же надо честь по чести обустроиться, киноцентр купить приличный, с колонками такими, «чтоб соседи умерли», да чтоб плоский экран в полстены, компьютер со всеми прибамбасами, технику, какую положено, да машину покруче, чтоб за продуктами по субботам выезжать не стыдно, да мебель, чтоб как в любимом Настькином сериале, да еще ковры и хрусталь – это уж само собой... А там можно подумать и о втором, если Настьке от работы отдохнуть охота придет... Ну, Сам-то, конечно, автомехаником, она где-нибудь кассиром в супермаркете – ну, может, курсы закончит какие-нибудь, в ЖЭКе сядет бухгалтером... Любовь? А чо, он же все в дом несет – значит, любит; хороший мужик, работающий, чего еще желать? Вечера – перед телевизором, дети – на компьютере играют, как положено. А чо? Пускай развиваются. В выходные летом – на шашлыки, зимой – в торговый комплекс всей семьей, там и затариться как следует, и для детей аттракционы... Третьего родить? Да они чо – кролики? Куда нищету-то плодить? Аборты дешевые, чик – и готово. Словом, укрепитя типичная российская семья, образцовая, даже, можно сказать. Оба с генами своими неперешибаемыми доживут лет до девяноста пяти. Она превратится в жирную сварливую жабу, мучение детей и внуков, он в морщинистого истукана, с утра до ночи пялящегося в какой-нибудь экран... Потом их без всяких долгих слез и отпеваний кремируют, замуруют в стенку – и отправятся они в давно им уготованный уютный уголок ада, где еще страшно удивятся – а чо они такого сделали-то, ведь жили же как все, никого не трогали...

Самое страшное, что Колосову эту с Маловым он так, наугад из своего мутного пруда под названием «9-В» выгасил, для примера... А ведь таких – большинство подавляющее, даже за-давливающее, и в принципе, хоть он и дара прозорливости не имеет, а примерную судьбу почти каждой посредственности из своего класса не хуже любого пророка предскажет. Это, конечно, без учета возможных форс-мажорных обстоятельств в судьбе каждого – ну, так на то он и не пророк.

Знал учитель истории раб Божий Игнатий, что мысли такие – настолько от христианских далеки, что заслуживает за них он сам не уголка адского, а мрачного Тартара, а через него – транзитом – прямо в геенну огненную на веки вечные. Но думать себе не запретишь, и, кроме того, почему Достоевскому можно, а ему – нельзя? Ведь и тот, когда думал, еще не знал, что он Достоевский, то есть, в том смысле, какой мы теперь в эту фамилию вкладываем. Думал, думал, додумался и не постеснялся увековечить: «Без Православия русский человек – дрянь». Сказал, как припечатал, и если в сторону отбросить всяческий гуманизм (который всегда сатанизм на поверку), то, самому подумав, приходилось соглашаться.

Спорить на эту тему было опасно – да и не с кем спорить. Близкие друзья под благовидными предложениями бросили его, еще когда пятилетней Маше был поставлен невероятный и неправдоподобный диагноз «острый лейкоз». Рассосались, как рубцы. Потому что когда случается то-то плохое, но поправимое, тут можно проявить умеренное сочувствие и поддержку, и, когда поправимое само поправится, вернуть все на круги своя. Но когда в перспективе – смерть чужого ребенка, то тут лучше особо со своим состраданием не соваться, потому что лечение заоблачно дорогое, и как бы не пришлось иномарку или даже покрупнее что продавать, чтобы за сохранение своего человеческого лица расплатиться: ведь друг должен быть другом до конца... Так друзья Игната мужского пола самоликвидировались еще десять лет назад, и поговорил он на волновавшую тему раз с директрисой-литераторшей, казалось, мировой бабой, его ровесницей. А она

ему вдруг чуть глаза не выцарапала: оказалось, ее бабушку, подпольщицу на оккупированной территории, немцы, допытывав до бессознательного состояния, повесили. Никого она врагу не выдала, чем спасла целый огромный партизанский отряд, да еще и в морду главному гестаповцу плюнула кровью, хотя ее, можно сказать, разделали живьем. Да только писатель Фадеев в их село не приехал, геройский бабушкин подвиг не описал, поэтому посмертно ей не то что Звезды Героя, но и скромной медальки не дали. Да, так вот, и была та бабушка воинствующей атеисткой-комсомолкой, до войны создала и возглавила в районе комитет «Безбожник», лично срывала по домам со стен иконы и устраивала им красивые ночные аутодафе... Так, что, мол, она, по-вашему, Игнат Андреевич, «дрянь», так сказать, по Достоевскому? Ответить утвердительно означало сегодня же начать искать другое место работы, да хорошо бы еще без статьи в трудовой книжке, поэтому он ответил осторожно и, как потом, поразмыслив, решил, правильно:

- Нет, конечно, просто она, хоть уже и успела родить вашего отца, Марина Петровна, но была еще молодой, горячий, одурманенной пропагандой максималисткой. Но, конечно, крещеной, раз семнадцатого года рождения. Как, например, Зоя Космодемьянская, внучка священника. А родилась ваша бабушка в семье верующих хлебопашцев, причащавшихся, конечно, и ее, маленькую, в церковь водивших – пока та стояла, разумеется. А благодать Божья – она не разовое понятие, а постоянное. Род праведника – а в том роду, может, все такие были – благословляется, уж не помню до какого колена, так что, может, и вы под это благословение попадаете. И что она, простите, просто по дурости под чье-то влияние девчонкой попала – то Господь прекрасно знал, потому что видел ее хорошее чистое сердце. Потому и укрепил при пытках, послал мученическую смерть за други своя, и – там – я уверен, эта ваша «безбожница» венец носит... Вообще, думаю, если кто-то из нас вдруг, что маловероятно, правда, в Раю окажется, то очень удивится, встретив там некоторых лиц, по которым, как нам кажется, ад плачет. А может, и не найдет в райских куцах тех, кому, думалось, туда прямая дорога....

- Надо же, говорит, как пишет... - криво усмехнулась директриса. – В церкви, что ль, научили?

- Не только... - склонился Игнат, не желая распространяться на тему Великой Отечественной, которая его самого ставила в тупик.

На самом деле, невозможная, как ни посмотри, Победа, вопреки всему свершившаяся, в духовном смысле вполне оправдывалась. Красивую легенду о Митрополите Гор Ливанских Илии, якобы, прорвавшемся в начале войны к самому Сталину и научившего его, как выстоять, Игнат отвергал (с сожалением, правда) – именно за красоту – а рассуждал просто. Ведь те сражавшиеся против врага молодые люди, думал он, наследники не успевшей еще рассеяться благодати, лежащей на многих русских родах, были в подавляющем большинстве *девственниками и девственницами*. Повальные безобразия тому поколению были еще несвойственны, они начались со следующего. Чего, не скажешь, кстати, о немецкой молодежи. А ведь кровь мученически убитых за правду девственников и девственниц – *вопиет к Небу об отмщении*. И отмщение не замедлило, только и всего... Про тех, даже выживших, еще нельзя было сказать «дрянь», хоть и Православия они уж не признавали: они еще по инерции хранили христианские обычаи и традиции – а вот когда выросли их дети, знаменитые «шестидесятники» - вот тогда и пошло-поехало...

В церкви Игнат тоже понимания не нашел. Их приход считался «правым», то есть, антисемитски-монархическим, где соответственно настроенные прихожане группировались вокруг молодого и страстного батюшки Сергия, целибата-женоненавистника, непримиримого врага демократии и евреев. Демократию, евреев и женщин он каждое воскресенье громил с амвона; случайно забредшие крещеные евреи исчезали из храма, прослушав первую же проповедь, а из женщин прижились только убежденные старые девы в полуботинках, да измотанные нуждой и рабским трудом многолетние матери – единственные две категории слабого пола, которые, по мнению, о.Сергия, с некоторой натяжкой и оговорками, могли быть когда-то в дальней перспективе допущены в Рай. Попытки женской самореализации в какой-либо другой области, кроме семейной, вызывали у священника глухую ярость, а психическим пунктиком был женский платок – до такой степени, что необходимости вечно, даже в супружеской спальне, покрывать голову платком и только платком (потому что шляпок, шарфиков и беретов Богородица не носила) он целиком посвятил не одну проповедь. Вторым пунктиком его была богоносность русского народа, а третьим – неизбежность восстановления Православного Царства с укладом жизни, законами и традициями образца не позднее шестнадцатого века. Вот ему-то Игнат однажды возьми да брякни за трапезой:

- Сдается мне, что-то, батюшка, что мы замысел Божий насчет богоизбранных народов неправильно понимаем. Впадаем в тот же грех гордости, что иудеи в свое время. Думаем, что Господь *лучший* народ под Свою руку берет – а ведь это совсем не так, хоть на тех же евреев глянуть. А что, батюшка, если не лучший, а - *худший*? Чтоб его выправить, пока таких дел не наворотил, что и не поправишь? Про евреев и в Библии сказано – «народ жестоковыйный», потом Рим с Византией – так содрогнуться можно! Так может, и мы, русичи, богоносность не «хорошестью», а мерзостью своей заслужили? Вы в окно посмотрите – вон, он, богоносец без креста, прошел... А нам подавай Царя Православного – не так же ли евреи Мессию ждали? Дождались – и что? А может, и наш будущий Царь – не из дольного мира, а из горнего, и все предсказания о нем мы по-земному, по-скотски, трактуем? Так же, как и евреи своего Освободителя ждали, думали, от Рима спасет... А мы ждем, пока спасет от евреев... Так чем же мы лучше, батюшка? Они – «богоизбранники», мы – «богоносцы» - а на деле-то, может, хрен редьки и не слаще?

После беседы с директрисой она Игната за бабушку с работы не уволила – зато после той трапезы пришлось искать новый приход, куда он пришел уже с вошедшей в сознательный семилетний возраст болящей дочерью Машей.

К тому времени жены у него не было уже шесть лет, по собственной его вине: просто в свое время сердцем принять надо было, что тридцатидвухлетнему увлеченному своим делом учителю, преступно «запавшему» на собственную выпускницу, следовало не скоропалительно жениться на девчужке семнадцати лет, а зубы сжав, чувство свое перебороть. Он же, умом прекрасно понимая, что радостно вступает на широкую дорогу к трагедии, послушался глупого сердца, будто было ему и самому лопушистых семнадцать. Расплата наступила даже раньше, чем он сам ожидал: через полтора года восемнадцатилетняя свежеиспеченная мама, сама, по большому счету, еще на долгие годы подлежащая заботливому воспитанию и возвращению, спохватилась о своей «недогулянности» и, очертя голову, кинулась наверстывать упущенное. Очень скоро с новым избранником она оказалась в еще благополучной Европе, клятвенно пообещав забрать дочь, как только «устроится». Игнат возмечтал, чтоб она не устроилась никогда. Подлая мечта, правда, не сбылась, но и устроившись вполне респектабельно, бывшая жена ребенка забирать не торопилась: видно не очень мечтал ее второй муж арийских кровей воспитывать чужую чисто русскую девочку. Последовало несколько резких телефонных разговоров, после чего счастливый отец почувствовал Машу своей неотъемлемой собственностью, позабыв на короткое время о том, что никому из смертных на этой земле никогда ничего не принадлежало...

Помогала ему сестра-двойняшка – единственная родная душа после смерти матери, воспитавшей их в одиночку. Она была уникальна, эта, наверное, последняя в России старая дева: в их поколении они еще попадались как исключение, в следующем же вымерли, как класс. Совершенно не будучи поначалу религиозной, внешне симпатичная, светлоглазая шатенка Ариадна, тем не менее, отвергала возможность физической близости с мужчиной вне брака (скорей всего, попросту испытывая брезгливый страх, унаследованный от матери). Абсолютно естественно, что в конце двадцатого века жениться на ней на таких условиях никто не рискнул – и правильно, скорей всего, сделал: все эти нерешившиеся женихи потеряли, конечно, исключительного, преданного и надежного друга, но ведь не за тем же мужчины женятся! – и в этом смысле избежали они, конечно, ранней и обильной седины. Слово «любовь» для Ариадны с раннего девичества парадоксально являлось ругательным, невинный поцелуй на советском телеэкране с юности заставлял передернуться, а уж целомудренная постельная сцена в темноте и под одеялом вызывала припадок пуританского гнева и поток обвинений всего съёмочного коллектива в «гнусности». Немудрено, что, на исходе третьего десятка уверовав в Бога и придя в Церковь, она стала одной из наиболее приближенных прихожанок о. Сергия. Имея высшее филологическое образование и владея двумя европейскими языками свободно и одним на уровне «читаю и перевожу со словарем», она презрительно отвернулась от всех широко распахнувшихся перед ней в перестройку дверей, решив протискиваться в пресловутые «игольные уши». Она предпочла участь домашней прислуги и кухарки у обожаемого батюшки, гордо называя себя его «хожалкой», в церкви исполняла послушание уборщицы и свечницы, а иногда, почитая это за особое счастье и доверие, читала, стоя на солее, благодарственные молитвы по Святом Причащении. Прописанная в одной квартире с братом и племянницей, она почти постоянно жила в «кеleyке» в доме священника достаточно далеко за городом, причем Игнат, после памятного обеда с о. Сергием навсегда разругавшийся, случайно с изумлением узнал, что батюшка (не иначе, во избежание плотского соблазна для обоих) хожалку свою к месту работы в собственной иномарке не возит, предоставляя ей все прелести мотания в электричках, метро и автобусе, считая даже передвижение на относительно комфортной, но дорогой маршрутке для нее недопустимым баловством («смиряет» - была твердо уверена она).

Каменно надежная Ариадна, узнав о беде, постигшей их семью, примеру друзей не последовала. Это именно она в свои дневные свободные часы, пока Игнат учил истории нелюбознательных учащихся простой средней школы в спальном районе, а неизменный кумир ездил по требам и политическим сходам, возила Машу по врачам, процедурам и бесконечным анализам – и тут уж не таскала больную племянницу в общественном транспорте, а тайком от священника, подобной эмансипации не потерпевшего бы, садилась за руль братниного немолодого «Фольксвагена». Это она окончила краткосрочные курсы домашних медсестер и умела теперь делать любые самые сложные инъекции, овладела всеми приемами опытной сиделки. Это она с требовательным видом присутствовала на всех Машиных уроках, потому что та была, естественно, на домашнем обучении. Учителя, вынужденные практически бесплатно в таких случаях давать частные уроки, всегда норовят с надомниками «халявить» - но под суровым оком Ариадны халтура исключалась в принципе! Она сама занималась с Машей английским, выбрав его из трех языков, как самый необходимый, и однажды бурно разрыдалась перед Игнатом на кухне, передавая ему суровое мнение о.Сергия: детям, больным неизлечимыми болезнями, следует давать только обезболивающее, если нужно; для них лучше умереть до семи лет, чтобы получить возможность стать ангелами, а тяжелое лечение, способное лишь продлить их безрадостную жизнь на несколько лет, нужно не им, а эгоистичным родителям; в младенчестве, еще на задумавшись над понятиями жизни и смерти, умереть и морально легче, чем в юношеском возрасте, до которого только мучительными процедурами можно ребенка дотянуть; в шестнадцать он уже будет задумываться о своей незавидной судьбе, сравнивать себя со сверстниками – и может умереть в гибельном

отчаянье и ропоте на Бога; кроме того, больной раком ребенок оттягивает на себя излишнее внимание, которое лучше бы распределить между здоровыми и перспективными детьми, а иногда родители вообще отказываются от рождения других детей, потому что уход за безнадежным требует слишком много сил и денег... «Сразу видно, что у него нет своих детей... или любимых племянников, - смущенно сморкалась она в салфетку, сама испуганная той крамоллой на идола, которую произносила. – Своего бы, небось, лечил до последнего, а под смерть чужого легко, конечно, теоретическую базу подводить...» «А вот и не факт, - содрогнувшись, подумал, но не сказал Игнат. – Он не из того теста, чтобы двуличничать. Он бы и своего без колебаний отправил – того... к ангелам, особенно, если б девочка... Интересно, это особая стойкость в вере или черствость фанатика? Хотелось бы знать, чем одно от другого отличается...»

О. Сергей вышел из простецов, и при любом упоминании о нем, Игнат вдруг вспоминал большую статью в журнале. Статья касалась зверств фашизма, и повествовала о том, как за связь с партизанами немцы уничтожили целиком большую деревню, а жителей кого расстреляли, а кого сожгли в здании сельсовета. В статье приводились и воспоминания выживших очевидцев – тех, кому удалось незамеченными убежать в отряд. И вдруг за картиной запредельного садизма врагов встала и другая, не менее страшная, поразившая Игната картина. Воспоминания всех уцелевших женщин были замечательно похожи и, в общем, выглядели, с вариациями, примерно так: «Та ж выбихгаю з хаты - а на хгряде уси семеро моих хлопцев вбиты лежат... Та ж и мамка з ними... Я как захголошу-захголошу, та вдруг и думаю: тикаць пора – та и побихгла, побихгла до партизанив...» То есть, женщина, выбежавшая среди ада стрельбы и огня из дома, видит на огороде семь своих застреленных детей-мальчиков и собственную мертвую мать. И самое страшное, что с ней произошло – это она «заголосила», причем делала это недолго и неубедительно, потому что тотчас же спохватилась и, как ни в чем ни бывало, побежала, спасая свою жизнь, к партизанам... У кого-то на «хгряде» лежали «дывчины и батько» - но суть от этого не менялась: женщины оказались в партизанском отряде, где до прихода Красной Армии героически стирали и кашеварили, а после войны все повторно повыходили замуж и родили еще не одного и не двух «хлопцев и дывчин» каждая... «Это вот что – нормально? – терзался Игнат. – Есть же в психиатрии термин «эмоционально тупой»! А может, именно это и есть – нормально? Ведь родились же потом новые дети, значит, все в порядке, род продолжен? Теперь можно с эпическим спокойствием рассказать об этом заезжему журналисту... А рефлектирующая интеллигентка, оказавшаяся волею судьбы в подобной ситуации и немедленно умершая без пули фашиста от разрыва сердца на той же грядке или просто сошедшая с ума – она в каком-то смысле была бы неправа перед Богом, слишком сильно любя тех, которые лишь временно ей доверены и кого в любой момент может призвать к себе настоящий Отец? Это же они, простецы придумали: Бог дал – Бог взял...»

Может, и ему, Игнату, пора перестать рвать на себе волосы и стоит взглянуть на дело с другой стороны, стороны Вечности и бессмертия? – больше не биться с заведомо непобедимой болезнью, тем более, Маша все равно «бросовый материал»: ведь род продолжить ей заказано, а иначе – для чего женщине и жить-то? Может, не будь он маловеком, с невозмутимо-мудрым прищуром смотрел бы, как под наркотиками умирает ясноглазая девушка, в пятнадцать лет пишущая такие, например, стихи:

*У воды дождевой, у сирени,
У земли сорока островов
Попроси молодого горенья
Крепкой крови, серебряных слов.
Попроси о великой победе,
верной азбуке с буквою «ять»,
долгом вдохе, божественном бреде.
Попроси дотерпеть, достоять.
Но проходит пустая забота,
Тень струится над левым плечом.
Отражается в зеркале кто-то
И не просит уже ни о чем.*

О, Господи, не мог он на это пойти – и Ариадна не могла, в этом единственном пункте утвержденного о. Сергием списка ясных взглядов на жизнь с ним не соглашаясь... Десять лет они вдвоем бились за то угасающую, то неярко вспыхивающую жизнь девочки, не допуская и мысли, что свободное владение английским ей вовек не пригодится, что аттестат зрелости со сплошными пятерками никогда не придется отнести в Университет... Но вдруг за это время ученые найдут способ лечения рака – хотя бы именно этого рака! «Не найдут», - подсказывал из глубины души кто-то, осведомленный обо всем. «Пошел ты», - невежливо отвечал ему Игнат – и вот уже четыре года отвечал все увереннее и увереннее, потому что после трех (последняя – по лезвию бритвы) химиотерапий все держалась и держалась стойкая и крепкая ремиссия. «Ну, еще годик! Хочешь, я буду причащать ее не раз, а два в неделю? – умолял он, не слушая, что поют на Литургии, а видя только словно светящееся лицо дочери, устремившей свои ланьи очи куда-то выше Царских Врат. – Еще годик – и можно будет сказать: пятилетняя выживаемость – а это уже кое-что!» Он жил совершенным монахом, положив себе в виде искупительной жертвы не касаться женщин до выздоровления дочери, – и первые страшные шесть лет даже избежал мучительной борьбы с непокорной

плотью. Неотступный, выматывающий душу и тело страх за дитя заглушил все возможные позывы, а постоянный тяжелый труд ради денег на лечение (после полномасштабной нагрузки в школе он еще до ночи мотался по частным урокам) довершил дело, превратив его физически в измученное животное, засыпавшее раньше, чем голова касалась подушки.

Но потом, когда непосредственная угроза миновала, и полностью лысая головка дочери покрылась неожиданными пшеничными локонами, когда в темных ее глазах заиграла почти прежняя живость, и она начала выражать желания (самые простенькие: завести щенка, поплавать в заливе, купить лакированные туфельки) – тогда и он почувствовал, что в глубине его существа словно разжалось что-то, до того скрученное и придавленное. Он сам стал замечать, что вокруг цветет – Жизнь. Вот уже крутится у ног юный черно-белый сеттер, страстно полюбленный тринадцатилетней Машей с первого дня, когда Игнат принес его домой в шапке – только что вынутого из-под теплого материнского брюха и трогательно пищавшего, да и сама Маша звонко хохочет в своей комнате над похождениями доброго диснеевского персонажа, коллеги на глазах преображаются из неинтересных бесполок теней в ухоженных привлекательных женщин, а ученики незаметно перестают быть в его глазах счастливыми и бессмертными, а превращаются в обычных мальчишек и девчонок, которым предстоит жить и умереть, как все, – еще очень-очень нескоро, может быть, даже в двадцать втором веке, примерно тогда же, когда умрет и Маша...

Четыре года он с изумлением присматривался к этой вновь обретенной жизни, как с трудом выплывший на зеленый берег утопающий вдруг обнаруживает ранее незамеченных божьих коровок в траве, удивляется незнакомой синеве неба и человеческим голосам, так же радостно звучащим, оказывается, и в его отсутствие, пока он из последних сил боролся с жестокой черной водой...

Но любое переходное состояние не может длиться вечно – и всегда ждет разрешения, толчком к которому может послужить и незначительное, на поверку рядовое событие. А в жизни Игната событие оказалось немелкое, испугавшее его до мозга костей – уже только из-за одного этого, следовало бы задуматься покрепче. Но... Задним умом-то, как тот же народ и подметил, все крепки!

Это началось в тот день, когда пропал Рики.

Глава 3

Если бы задним числом что-то можно было изменить в своей жизни, то она прежде всего спасла бы свою мать. Спасла бы и ради матери, и ради себя самой, потому что именно после этой смерти Женина жизнь подломилась под корень и так никогда и не выправилась.

Мама была худенькой, трепетной, как бы раз и навсегда чем-то испуганной женщиной, всегда немного съезжившейся, словно в ожидании неминуемой пощечины. Может, она просто не сумела оправиться от первого подлого удара, когда на ней, восемнадцатилетней выпускнице финансового техникума, скоропалительно женился юный курсант в замечательной синей форме, и целый год, до того, как превратился в лейтенанта, все увольнение проводил у нее. А через год, когда каждый получил то, о чем мечтал (она – девятимесячную беременность, а он – великолепный кортик и золотые погоны), молодой муж вдруг совершенно спокойно и без тени раскаяния на лице сообщил супруге, что регистрация брака ему нужна была лишь для того, чтобы в чужом Ленинграде иметь, кроме надоевшей казармы, еще какое-то постоянное место дислокации, куда можно приходиться за гарантированной вкусной едой и женскими ласками. А с ней это оказалось удобнее, чем с другими, потому что вон какая отдельная квартира ей от бабки досталась! Жаль, не догадался прописаться – сейчас бы через суд квартиру разменял и комнату в Ленинграде имел, так что пусть она еще спасибо скажет. Ребенок вообще не его – и быть такого не может, он это легко докажет: во-первых, потому что всегда был осторожен, а во-вторых, все увольнения свои записывал, и точно знает, что в пору зачатия их не имел – да и вообще, они виделись раз в неделю, а то и реже, каждый жил, как хотел, он на верность и не рассчитывал...

В маминой семье, как назло, разведенная женщина приравнивалась чуть ли не к убийце: «В нашем роду разводов не водилось, так и знай! – сурово сказал ей отец, тоже морской волк, с основной женой принципиально не разводившийся, но по запасной имевший в каждом крупном советском порту, чего и скрывать не пытался. – Кому ты теперь нужна, с прицепом-то, кроме как в любовницы?» Считалось, что страшной участи на свете не существует, и поэтому, когда порядочный человек, заместитель директора ПТУ, предложил вдруг самый что ни на есть законный брак, не посмотрев ни на упомянутый «прицеп» в виде трехлетней крепенькой девчушки, ни на общую «подпорченность» невесты, семья восприняла его как благодетеля и избавителя и буквально выпихнула свою «паршивую овцу» замуж, невзирая на то, что особой влюбленности в нового жениха та не испытывала. Какое там! – лишь бы затереть наспех случайное грязное пятно на безупречной семейной репутации!

Но брак, в общем, сложился удовлетворительно – возможно, благодаря тому, что теперь, панически боясь даже тени недовольства мужа – с возможным вторым разводом в перспективе, мама полностью отказалась от своей личности, каких-либо мнений, вкусов и потребностей. Родив через год от мужа здорового сына Эдика, мгновенно превратившегося в центр вселенной для родителей (в то время как старшая всего лишь вечно нехстати путалась под ногами), она с тех пор покорно делала по несколько аборт в год, так как, оказалось, наделена была необыкновенной плодовитостью, а об увеличении числа «захребетников»

муж и думать ей запретил, ничуть при этом, правда свою супружескую активность не сократив, а в способы ограничения рождаемости не вдаваясь: дело, мол, бабье, ему вникать недосуг.

И поздней осенью Женя случайно подслушала роковой телефонный разговор матери с многоопытной коллегой-бухгалтером. Мама не знала, что в ту субботу в школе у дочери заболела учительница, и детей распустили на час раньше – поэтому тихо вошедшая в прихожую четырнадцатилетняя Женя услышала вполне громкий, без оглядки на дверь, голос матери:

- ...осточертело, понимаешь? Уже со счета сбилась – то ли девятый, то ли десятый, а может, и больше... Самой противно, как сучка, какая-то, честное слово! Ведь есть же женщины, которые только два-три сделали – и все, не беременеют больше! И, главное, как ни крути – а все равно всегда в больничку приходится: и со шкафа сто раз прыгала, и хину глотала, и в парилке раз чуть не сдохла – сидит намертво, хоть ты что поделаешь... А там – сама знаешь: все потроха выворотят без наркоза, и еще на тебя же наорут, как на последнюю... Будто я виновата... Нет, такого не пробовала... А что, помогает? Думаю, не больше четырех недель... А ты сама делала это? И чего – вот прямо сразу? Здорово. Конечно попытаюсь, хуже не будет... Подожди, я запишу лучше... Сколько ложек тертого мыла, говоришь? Хозяйственного обязательно? Вода теплая должна быть? Какое количество? Ага, ну, спасибо тебе! Так завтра прямо и организую, пока мой с Эдькой в цирк пойдет, а старшая, как всегда, к подружке... Да чего там, терять-то все равно нечего...

Вот в этом последнем мама принципиально ошиблась: она потеряла именно все – вообще все, что бывает у человека. В середине восьмидесятых годов двадцатого столетия ученицы восьмого класса уже давно не походили на розовые бутончики, и все проблемы женского бытия широко и откровенно обсуждались в отсутствие взрослых. Поэтому Женя прекрасно сообразила, что мать собирается устроить себе выкидыш, и даже про себя по-взрослому посочувствовала ей и мысленно пожелала успеха. Потому она и убежала к Светке на четвертый этаж сразу после того, как за отчимом и братишкой захлопнулась дверь – чтобы мать не нервничала излишне, ожидая, пока дочь оставит ее одну в квартире. Она специально постаралась отсутствовать подольше, для чего, уговорив с подружкой бутылку сладкого розового шампанского «Помпадур Розé», как раз вошедшего тогда в моду, и заев ее вязким белым кирпичиком косхалвы с фундуком, подбила сговорчивую Светку идти в кино на фильм «до шестнадцати»: обе они выглядели уже вполне взрослыми девицами, да и накрашились по полной программе, так что в кинотеатр их пропустили беспрепятственно... А когда, беззаботно возвращаясь, подошли к своему подъезду, оттуда как раз отъехала зловещая машина «скорой помощи» - переглянувшись, они обе инстинктивно ускорили шаг...

Всю неприглядную правду девочка узнала только на поминках, когда две пьяные мамини сослуживицы обсуждали случившееся, перекуривая на кухне, а она, сжавшись в комок в уголке, никому не интересная и в расчет не принимаемая, напряженно слушала. Впрочем, женщины, скорей всего, наивно, как все взрослые, полагали, что ребенок думает о куклах и совершенно не понимает, о чем идет речь.

Оказалось, вернувшийся муж, к счастью, раньше сына зашедший в ванную помыть с улицы руки, обнаружил там уже давно мертвое голое тело жены – причем оно сидело на дне сухой ванны поперек, выложив раскинутые ноги на бортик. Глубоко во влагище вставлена была зеленая резиновая трубка, поднимающаяся к пустой кружке Эсмарха, подвешенной на крючок для душа. Судебно-медицинская экспертиза установила, что несчастная погибла практически мгновенно от мозговой воздушной эмболии, потому что перед этим ввела себе в прямо матку не менее полулитра пузырившегося концентрированного мыльного раствора – по всей видимости, с целью прервать беременность раннего срока...

Что началось с того момента для ее мамы – над этим четырнадцатилетняя Женя еще не задумывалась, а вот она сама нежданно-негаданно, но очень быстро оказалась в крошечном аду.

Женя привыкла доверять взрослым. Нет, она, конечно, знала, что не следует идти к незнакомому дяде в квартиру посмотреть на новорожденных котят или отпрапляться с незнакомой тетей на поиски ее потерянных в темном подъезде очков. Она также прекрасно отдавала себе отчет, что дядя Вадик ее не любит, а только терпит, как неизбежность, сводя любое общение с ней до самого допустимого минимума – но ведь и она сама вряд ли полюбила бы чужого ребенка, как своего; достаточно того, что не обижает – и на том спасибо. Она была уверена, что удобная чистая комната с бабушкиным плюшевым ковриком на стене – ее неотъемлемая собственность в мире, а пока она учится, все необходимое для ее жизни будет доставляться взрослыми, потому что так бывает у всех. Взрослые сами разберутся, как это лучше устроить, но обязательно устроят, потому что не может же быть иначе... Она окончит школу, потом – педагогический институт, станет учителем, получит распределение, начнет работать и обеспечивать себя, будет, конечно, помогать старенькому отчиму и брату – как же иначе? А потом выйдет замуж соответственно статусу – за инженера или доктора, родит детишек и будут они жить не хуже других. Где именно – в этой ее комнате или на его площади – это уж как придется... В общем, когда первое острое горе схлынуло, Женя начала понемногу приспосабливаться к жизни без мамы, которая все равно ласкала ее только мимолетно и украдкой, чтоб, на дай Бог, не взревновал Эдик или не обиделся муж. Ей было главное, чтобы ее не трогали, и все свободное время она теперь проводила либо в горячо сочувствовавшей семье Светки, либо в своей комнате за чтением.

Мать с отчимом собрали за эти одиннадцать лет неплохую, как искренне думала Женя, библиотеку,

причем мама именно коллекционировала книги, практически никогда их не читая, как некоторые собирают коробки от спичек. «Приходит к нам в бухгалтерию Юрка – ну, пьяница этот, который вечно мелочи из дома тянет, чтоб на опохмелку собрать, – рассказывала она вечером мужу, хвляясь новым приобретением. – И говорит он: купите, бабоньки, книжку, душа горит – мочи нет... Всего тридцать копеек просит, глупый. Я смотрю на книжку, вижу – желтенькая такая, хорошенькая, такой у нас точно нету. Ну и купила, смотри, какая красивая...» Макулатуру мама тоже прилежно собирала, маниакально добываясь талончиков на книги – и так в доме появились «Три мушкетера» и все их продолжения, «Графиня де Монсоро», «Королева Марго», «Граф Монте-Кристо», тетралогия «Проклятые короли», «Лунный камень», «Женщина в белом», «Записки о Шерлоке Холмсе», перетряхнувшая сознание «Жизнь» Мопассана и его же «Милый Друг»... Мама открывала книгу, лежа в постели, честно пытаясь начать с первой страницы, кое-как осиливала ее, надолго застревала на второй и почти всегда засыпала на третьей – смущенно мотивируя это своей вечной усталостью. Следующим вечером, полностью забыв прочитанное, мама вновь одолевала его, но продираться сквозь сложный сюжет далее опять не хватало сил. Тогда она мужественно брала другую книгу, с тою же принципиальностью готовясь штурмовать ее до победы – но и тут терпела очередное фиаско. Зато названия однажды взятых в руки книг застревали в памяти матери надолго, давая ей возможность небрежно бросать «А, знаю, конечно...» – когда в разговоре с кем-то вдруг мелькало знакомое слово или словосочетание. Ну, а отчим демонстративно читал только газеты, снисходительно относясь ко всяческой «бабской блажи».

Совсем не то Женя: она впивалась в книгу с упорством энцефалитного клеща и высасывала их одну за другой, всегда жадно кося глазом в сторону ожидавшей своей очереди следующей... Сопоставляя их семейную жизнь с жизнью вымышленных персонажей, а также милой семьи с четвертого этажа, Женя начинала смутно догадываться о том, что жизнь ее чем-то жестоко обделена, но, казалось, обделена поправимо. Однажды она мимоходом спросила Светку, в какое училище та собирается после восьмого класса (это казалось чем-то само собой разумеющимся и подлежало только уточнению) – и вдруг столкнулась с полным непониманием взглядом подруги: «Ты что, какое училище? Зачем? Я пойду в девятый и десятый, а потом поступлю в мединститут». И действительно, вспомнила Женя, у нее ведь папа – зубной врач, а мама – руководитель самодеятельного театра, значит, и сама Светка должна стать кем-то вроде этого... Все правильно. А ей, Жене, значит, нужно поступить в какое-нибудь интересное училище, например, где учат на продавца или кондитера – не в институт же идти... И она вдруг застыла на месте: а почему нет?! Кто ей запретит, ведь у нас все пути для молодежи открыты! Жене всегда нравилась профессия учителя литературы – она ведь много читает, и не только по программе – но почему-то никогда даже в мыслях на это не замахивалась, считая, что это для нее как-то слишком... высоко, что ли... Да и в доме все твердят – выбирай училище, выбирай училище, узнавай, какие вступительные экзамены, и готовься... А вот не будет она готовиться! Учится без троек, так что в девятый с радостью переведут, а она пойдет на подготовительные курсы в институт Герцена и прекрасно потом выучится на учителя – назло всем, вот так! Но, когда девочка в подходящую минутку заявила о своем решении матери – вдруг увидела в ее глазах тот же вопросительный знак, что и у Светки. «Так долго учиться? Зачем? – удивилась она. – Ведь учителям же копейки платят. Нашла бы приличную профессию, в торговле, например, чтоб гарантированный кусок хлеба с маслом – мало ли, как жизнь обернется... Хотя сыта будешь... А учитель... Хм... Странно, что это на тебя вдруг нашло? Нет, если ты так уж хочешь, я, конечно, возражать не буду, а все-таки подумай – еще семь лет за партой! А так бы три года – и самостоятельная. Да ладно, время еще есть, ты только с решением не затягивай: если передумаешь, то готовиться к экзаменам надо начинать...» Но Женя не собиралась передумывать. Она порой ощущала на спине некий бодрящий холодок задора – а ну, как сбудется!

И после смерти матери она еще долго утешала себя мыслью, что вот хоть и стала сиротой, а в жизни все равно своего добьется и, став учителем, шагнет куда-то в другой... класс? Нет, в школе давно объяснили, что классов существует только два – рабочие и крестьяне, а еще есть социальная прослойка – интеллигенция. Это раньше, при царизме, были классы, а теперь все равны, но ведь как-то назвать это нужно? Может, другой... мир? Да все равно, как это называется, главное, что жизнь в любом случае пойдет иначе, чем у мамы, еще непонятно, как – но мечтать об этом перед сном в постели – такое утешение!

А весной отчим женился. Он без всякого предупреждения привел в дом бойкую молодую женщину и объявил изумленным детям, что это теперь их новая мама. Испуганный Эдька ударился было в рев, но быстро успокоился, когда в руках его оказалась великолепная импортная модель самолета, которая сразу замигала красными и зелеными огнями – и он поднял на гостью уже счастливое лицо... А Женя даже и довольна была: ведь тяготившее ее хозяйство теперь везти на себе предстояло не ей, а симпатичной мачехе – лишь бы к ней, Жене, не цеплялась. Мачеха и не цеплялась, быстро поняв, что девочка в ее близкой дружбе не нуждается, и ограничилась ровным, приветливым и спокойным обращением – спокойней даже, чем у вечно нервозной мамы. А десятилетний Эдик – так и вовсе был от нее без ума, обидно скоро забыв родную мать и запросто перенеся на пришелицу естественное обращение «мама».

Да, Женя абсолютно доверяла взрослым, и ничуть не удивилась, когда однажды отчим вскользь спросил у нее, где мама хранила ее свидетельство о рождении. Не отрываясь от книги, Женя махнула рукой в сторону своего секретера, и отчим невозмутимо вышел из комнаты, а девчонка вновь нырнула прямо в водопад вместе с непотопляемым Шерлоком Холмсом...

Вечером мачеха ласково позвала ее на кухню, сказав, что «папа» хочет с ней поговорить. Отчим держался непривычно добродушно, что Женя списала на счет его жалости к ней, сиротке, и сказал, что по советским законам ее теперь могут отправить в детский дом, как не имеющую живых родителей. Но не успела она испугаться, как ее тотчас успокоили, сообщив, что такого злодейства ни в коем случае не допустят, потому что немедленно ее официально удочерят, то есть станут ей как бы законными родителями. Поскольку ей больше десяти лет, то для этого нужно ее добровольное согласие, которое она должна подтвердить в РОНО и Загсе – и, как умная девочка, она его, конечно же, подтвердит, потому что иначе ее могут сразу же забрать в детдом насильно. Какими хорошими людьми они все-таки оказались! – растроганно думала в тот вечер, лежа в кровати, Женя. Ведь могли бы просто сдать ее в детдом и так избавиться от лишней проблемы, а вот позаботились, в беде не бросают... Конечно, она выразила полное и восторженное согласие два раза подряд перед двумя разными строгими тетками с высокими прическами и при очках – и вскоре ей показали новое свидетельство о рождении, где графа «родители» была заполнена новыми именами, а ее настоящая мама как бы вообще перестала существовать документально.

Дело шло к весне, к экзаменам за восьмой класс, которых Женя не боялась, хорошо успевая по всем предметам и предвкушая лишь летний отдых в пионерлагере, который всегда любила и где уже должна была оказаться в старшем отряде. Теперь-то не будет более взрослых ребят, чтоб издеваться над маленькими и ими помыкать! Весело, наверное, пройдет лето – жаль, только мама больше никогда не придет на родительский день... Ладно. Надо жить дальше и добиться многого – хотя бы в честь ее памяти...

Настал еще один вечер, когда ее снова, не так, правда, ласково, как раньше, позвали на кухню для разговора – и Женя доверчиво побежала, не чуя подвоха. Взрослые подробно разъяснили ей ситуацию: им, оказывается, опять пришлось ее спасать в обход жестоких законов! Вот ведь в чем дело: ребенок должен быть прописан по месту жительства матери. Так и было, пока бывшая мама была жива, но с ее смертью Женя лишилась права на прописку в этой квартире, и быть бы ей вообще нигде не прописанной – то есть, ни работать, ни учиться никогда – если бы новая мама не согласилась прописать ее к себе в дом, в Ленинградскую область. Да нет, это совсем недалеко, рукой подать на электричке, рядом с Сосновым Бором, большой деревянный дом... Нет, Жениного согласия в этом деле не требовалось, они уже это сделали, просто ее ставят в известность – для того, чтобы она, когда будет подавать документы в училище, указывала правильный адрес... Да, кстати, она понимает, как ей повезло? Теперь, как прописанная в области, она будет иметь право на место в общежитии училища, так что пусть выбирает из тех, где оно есть... Нет, насчет института теперь не получится, может быть, потом когда-нибудь... Просто изменились обстоятельства. Они, конечно, не обязаны перед ней отчитываться, но если уж так просит – пожалуйста: через четыре месяца у них родится общий ребенок, это потребует и денег, и места – так что еще семь лет содержать ее – это извините. Она – пока – поживет в общежитии, потому что в ее комнату теперь поселят Эдика, он ведь уже большой мальчик и ему неудобно спать за шкафом в их спальне, тем более что скоро появится малыш... Она ведь не эгоистка и понимает, что нельзя же, чтоб они – вчетвером в одной комнате, а она в отдельной... В общежитии ее сверстницы, она привыкла к пионерлагерям, коллективу, поэтому ничего страшного не случится – обомнется... Опять она про этот институт? Да пусть поступает на здоровье после училища – на заочное там, или еще как. В любом случае, до совершеннолетия она ничего не имеет права сделать без согласия родителей, а они не могут сейчас дать ей такое согласие. И вообще, вот он, Вадим Федорович, с четырнадцати лет встал к станку, чтобы помочь семье – и ведь выучился, человеком стал, должность имеет порядочную. А она что хочет – на все готовенькое? Нет, так не бывает. Нужно всего добиваться своим трудом. Они, конечно, ей помогут, пока она учится – не звери же... По десять рублей в месяц будут выдавать, да пусть без троек учится, тогда стипендию тридцать рублей получит. Если пойдет в ПТУ на рабочую специальность – то это ей большая экономия: там без экзаменов берут, да плюс двухразовое бесплатное питание, да плюс форма – на одежду тратиться не надо. На остальное ей сорока рублей с избытком хватит – даже многовато, пожалуй, будет, как бы шикавать не начала (ха-ха, шутка). А реветь нечего: слезами горю не поможешь, надо дело делать.

Но ревела Женя целый месяц неостановимо: она пока оплакивала только крушение (или, в лучшем случае, перенесение в очень далекую перспективу) своей выпестованной, холеной здоровой мечты, не пожелавшей взять и умереть на ровном месте. Девочке никто не мешал – и так она встретила свой пятнадцатый день рождения, никем на этот раз не отмеченный – но надрываться еще и по этому поводу уже не оставалось сил. Неразлучная подружка Светка, с которой горем можно было бы поделиться, в городе летом отсутствовала, находясь в Крыму вне зоны досягаемости, и поэтому Жене волей-неволей пришлось брать себя в руки и самостоятельно приходить к какому-то судьбоносному решению. Проревевшись, она вспомнила, что учителем, пусть не литературы, а начальных классов, стать можно и после педагогического училища, бросилась туда – и была окачена холодной водой: все сроки приема документов вышли, пока она предавалась горю... Она бросалась из училища в училище, из техникума в техникум – но везде, где можно было получить хоть какую-то приемлемую, терпимую специальность, уже шли вступительные экзамены. Однажды Женя поймала себя на ясном желании броситься с крыши небоскреба на площади Победы – но вдруг представила себе, как станет *лететь*, и интуитивно догадалась, что во время полета успеет передумать – да будет поздно...

Оставались именно ПТУ, где, как всегда, ощущался значительный недобор и не требовалось экзаменов – и такие перспективы, как дежурная в метрополитене, электрогазосварщица, прядильщица... При одной мысли об этом Женю охватывал ужас, а в душе вставала тошнота... А между тем дома уже строго спрашивали, когда она намерена переезжать в общежитие: ведь в ее бывшей комнате еще надо успеть сделать ремонт до возвращения Эдика из лагеря... Борьба Женя не умела, что такое отстаивание своих прав, не знала, потому что с примерами жизнь ее никогда не знакомила; разве что рабочий класс, как твердо она усвоила в школе, свои права давно отстоял и теперь является правящим классом... Вот Жене и предстояло вступить в его ряды и начать править страной – но отчего-то делать это совершенно не хотелось... Нужно было решаться на отчаянный шаг – и вдруг блуждающий взгляд ее наткнулся на объявление в забытой на балконе газете месячной давности: сообщалось о том, что в Ленинграде есть, оказывается, училище, где учат на фотографа-профессионала, сдавать экзамены не нужно, общежитием обеспечивают, а записываться можно аж до двадцатого августа... Она вспомнила веселую тетеньку-пышку в светлой комнате, заваленной плюшевыми мишками, деревянными лошадками и мягкими стульями, свою юную смущенную маму в шелковой розовой блузке с брошкой, себя-первоклассницу в коричневом платье с кружевным воротничком и белым крахмальным фартуком... «Так, мамочка, сюда головку, подбородочек вот так... Спасибо, не двигаемся... А ты, деточка, мамочку обними, ручку сюда... Прекрасненько... Так, смотрим в этот объективчик... Еще разок...» Карточки не сохранились... Но это оказалось самым лучшим из того, что жизнь могла предложить в текущий момент.

Четыре года из жизни пропали, практически не оставив воспоминаний. Было не хорошо и не плохо, а – никак. С отчимом и мачехой видеться Женя не хотела, как и они с ней, и обещанный лишний червонец в месяц так и остался обещанием. Ждала, пока младший брат вырастет, чтоб только с ним повидаться и обсудить все по-родственному... Получила распределение в фотоателье на окраине, сняла пополам с подругой и коллегой дешевую комнату у черты города, где прямо под окнами грохотала товарная железная дорога, а за ней туманными утрами просматривалась ровная нетронутая пустошь... Перед распределением подруга надоумила съездить в Сосновый Бор и лично глянуть на место прописки – вдруг можно там поселиться, попросившись в училище, чтоб пристроили на работу поблизости? Выехали в шесть утра, а вернулись на последней электричке. Дом они нашли – утонувшую с головой в кустах королевской сирени развалюху, черную от времени и тухлявую до мягкости вследствие неустанных усилий жучка-древоточца, полулежавшую в нескольких километрах от атомной станции – и даже сподобились чаепития у словоохотливой соседки, обладательницы точно такого же, но выкрашенного в ядовито-зеленый цвет особняка. Да, она помнила Люську из Нижнего Тагила, унаследовавшую этот дом у деда и немедленно по приезде в нем прописавшуюся. Шутка ли – сразу прописка в Ленинградской области! Здесь она, конечно, ни дня не жила, да и где тут жить-то! – только некоторые вещички забросила – а так все мыкалась в Питере по съемным комнатам. Правда, несколько лет назад с каким-то мужичком из города расписалась, на сносях приезжала, хвалилась, что он ей после рождения дитя прописку в своей квартире обещал – да только месяца через три объявилась черная вся и мрачней тучи: дите мертвое родилось, перегородки там какой-то в сердце у него не хватало, что ли, да мужик ее из дому и попер, благо не прописана была. Получила развод и уехала на родину к себе – такие вот дела...

Предательство мачехи оказалось удачно отомщенным, но порадоваться чужому наказанию у Жени не получилось, так как собственная жизнь в перспективе выглядела не менее безрадостной: у нее тоже оставалась только надежда на удачное замужество. Среди клиентов попадалось много симпатичных парнишек – да вот разговориться с ними времени не хватало: все общение заканчивалось максимум за пять минут, пока они причесывались у зеркала и садились на стул спиной к белому экрану. «Голову выше... Смотрим сюда... Снимаю» - вот и вся ее ежедневная роль, многократно повторяемая. Потому что работала поначалу Женя, будучи новенькой и неопытной, исключительно на съемке для документов, а художественной занималась умудренная женщина средних лет по имени Зоя. Даже кассирша, выдававшая квитанции, дольше с общалась с клиентами! Представить, что Женя кому-то так понравится, что он сам заведет непринужденный разговор о писателе Дрюоне, например, и пригласит вечером в кино, казалось сложновато, потому что внешность ее к совершеннолетию сформировалась совсем уж неказисто. Была она коротенькая и плотная, но без приятных выпуклостей, изгибов и округлостей, а ровная, как оструганное бревно: ни бюста, ни талии, ни бедер, да еще две толстенькие, низенькие, как у тумбочки, ножки. Личико тоже не поражало необычностью: оно не было лицом дурнушки в прямом смысле слова, но не обладало ни одной чертой, за которую можно было бы зацепиться взглядом. Про некоторых говорят и пишут: «Она была собой некрасива, но ее огромные, чудные карие очи...» - и так далее. Женины небольшие блестящие глазки неопределенного цвета с жирно накрашенными ресницами не вызывали у приличных молодых людей ровно никаких эмоций. Если б еще имела она деньги на то, чтоб одеваться у фарцовщиков, или связи в промтоварных магазинах – может, и могла бы как-то изменить свой неприятный образ, но надежды на это не существовало и в обозримом будущем – тем более что непоколебимая до того страна начала вдруг неотвратимо рассыпаться, как тот женин дом, где она до сих пор была законно прописана...

Однажды, когда, как водится, отмечали скромным своим коллективом 72-ю и, как оказалось, последнюю годовщину Октября, подвыпившая Женя неожиданно для себя разоткровенничалась и,

обливаясь нетрезвыми слезами, поведала Зое историю своей так неудачно начавшейся жизни. По мере выслушивания, у Зои все шире раскрывались и без того большие и добрые выпуклые глаза.

- Ты чего, с ума, что ли, сошла? – всплеснула она руками, когда грустный рассказ был окончен. – Ты же дала себя обобрать, как последнюю дуру! Они же, сволочи эти, отчим твой с мачехой, на понт тебя взяли и ограбили, а ты сидишь, как тетеря! Во-первых, в детдом тебя никто не мог забрать в той ситуации – только если б они тебя сами сдали. Во-вторых, это им было все равно невыгодно, потому что тогда за тобой бы сохранилась прописка, и в восемнадцать лет ты бы преспокойно квартиру разменяла и получила себе целую комнату! Вот они и решили устроить... комбинацию из трех пальцев... Эту комбинацию тебе прямо под нос и сунули, воспользовавшись тем, что ты дитё неразумное, законов никаких не знаешь и еще по матери горюешь... Облапошили по всем статьям, выкинули из собственного дома – а ты проглотила, ничего, и сейчас глотаешь... Отчим, твой, наверное, мерзавец отпетый и всегда таким был, а вот баба его, скорей всего, ради себя старалась. Пообещал ей, конечно, прописку, если поможет – после твоего совершеннолетия, чтоб ты навсегда осталась прописанной в ее хибаре. Потом кинул – и поделом; ее-то Бог наказал, но тебе-то от этого не легче... - Она помолчала, прикидывая, видно, в уме. – Слушай, сикуха, и мотай на ус... Сейчас у нас в стране, чую, такая каша заварится, что ввек не расхлебаем. Так вот, пока не заварилась и черт-те что не приготовилось, подавай-ка ты в суд на своего сволочугу-отчима. Адвоката найми и расскажи, как все было... Кто знает, может, и выйдет чего путное. А нет – так хоть знать будешь, что все возможное сделала, не сидела с намытой шеей...

Бесплатный адвокат, как оказалось, полагался людям только для защиты при уголовном преследовании, а при гражданском иске требовалось приглашать его через юридическую консультацию. Поскольку платить Женя могла только по таксе – да и то, отказав себе при этом в сахаре, масле, яйцах, сыре и колбасе, – то он особого рвения не проявлял, но, рассеянно выслушав, пообещал посмотреть, «что можно сделать»...

Утром в день заседания Женя нервничала так, что начала заикаться и роняла все, что брала в руки, а когда вошла в здание суда, то и ноги почти отказали – особенно после того, как углядела на скамейке в коридоре Вадима Федоровича – сытого, загорелого и крупного – презрительно на ее робкое «здрасьте» рожу отворотившего. Она надеялась, что говорить ей в зале суда много не придется, и она лишь будет кивать в такт словам своего расторопного адвоката – как выглядело это в красивых французских фильмах. Предыдущее заседание тянулось, как удав, и Жене начало казаться, что ее сейчас вытошнит от страха прямо на пол. Вдруг она столкнулась взглядом с приятным на вид парнем, подпиравшим стенку напротив, очевидно, в ожидании кого-то. Парень смотрел на нее с участием и дружелюбно, открыто улыбался. Потом вдруг еле заметно кивнул в сторону двери на лестницу, словно приглашал на долгожданное свидание... И Женя неожиданно почувствовала прилив сил – да такой ощутимый, что даже смогла сделать несколько шагов и не подломиться в коленях...

На лестнице он приветливо спросил ее, как старую знакомую:

- Что, мандражируешь? – и ободряюще прикоснулся к ее локтю: - За что тебя притянули? Продавала что-нибудь на улице?

- Да нет... Я по г-гражданскому делу... И-и-стица... - выдавила девушка.

- Да? – удивился парень. – Ну, не дрейфь. А то, слушай, ты уж прямо совсем с лица спала, аж зеленая вся... Того и гляди в обморок хлопнешься, откачивай тут тебя... - от смотрел ей в глаза спокойно и весело, а потом быстро оглянулся по сторонам; из кармана его появилась плоская серебристая бутылочка, которую он мгновенно сунул Жене в руки: – Давай скорей. Два глоточка – и все, будешь, как новенькая. В таких случаях, как твой, – первое лекарство. Никто и не заметит, а ты в себя придешь – проверено. Скоренько, скоренько, глотай, пока никого нет. Я вот уже принял и – видишь – как огурчик. Зелененький и в пупырышках.

Женя недоверчиво взяла в руки бутылочку и понюхала: пахло приятно. Осторожно пригубила – и вдруг оказалось так вкусно, как, наверное, в этих иностранных фильмах, где нарядные герои сидят в красивых кожаных креслах и нежно держат в руках пузатые бокалы с чем-то янтарным... Она сделала два решительных глотка. Подумала и сделала еще два: паренек не обидится, он хороший, на глаз видно... Напиток оказался крепче, чем сначала думалось, но зато вкуснее с каждым глотком. Она бы и до дна выпила, да нельзя, это же чужое, ей два глотка сделать дали...

- Да пей, пей на здоровье, мне уже хватило, - подбодрил паренек – и через минуту она протянула ему совсем пустую бутылочку.

В первый миг стало легко, тепло и приятно, страх испарился. Исполненная благодарности, она подняла глаза, чтобы сказать искреннее спасибо – но доброго юноши на лестнице уже не было, только тяжелая дверь чуть-чуть покачивалась от сквозняка.

Остальное Женя всю жизнь припоминала, как скверный сон, и происходило это одновременно как бы и с ней – во всяком случае, она это точно знала – но как бы и с кем-то другим, потому что воспринималось, словно сквозь пелену дурноты и недоумения. Очень скоро отчего-то распух и отнялся язык. Ей казалось, что он вдруг перестал помещаться во рту – так что пришлось его вывалить наружу, как собаке, - а он все продолжал расти и расти. Как раз в эту минуту из коридора громко прозвучала ее фамилия, что

означало необходимость идти в зал суда – она хотела рвануться по ступенькам, но вдруг обнаружила, что не чувствует ног и повисла на перилах. Цепляясь руками, она все же кое-как доползла до двери, у которой столкнулась непосредственно с отчимом, сразу торопливо отвернувшись. Адвокат уже зазывно махал ей из зала, и Женя каким-то непостижимым образом собрала всю силу воли, какую имела про запас от рождения и, никогда ранее не растрчивая, сохранила до сего дня в неприкосновенности. Она вошла в зал, ничего не слыша, кроме странного мелодичного потрескивания издаека, и почему-то подумала, что это приемник у них испортился, и надо бы его выключить, чтоб не мешал. «Спрятать язык. Нужно спрятать язык, а то подумают, что дебилка», – вдруг пришла законченная мысль, и Женя с силой втянула его в рот, проверив рукой, весь ли он туда запихнулся: языка снаружи не было, но вся ладонь оказалась в густой противной слюне. Девушку охватил ужас, она вспомнила про носовой платочек, но ослабевшие холодные руки лишь бестолково лапали сумку на боку – и не справлялись ни с кнопочкой, ни с молнией. Тогда пришлось утереться просто рукавом – и на лицах строгой тощей судьи и двух смутных заседателей (один, как врезалось в сознание, сидел в спортивном костюме) отразилась абсолютно тождественная брезгливость. «Что с вами? Возьмите себя в руки!» – злобно прошипел сбоку адвокат.

Говорить действительно много не пришлось: она стояла, ухватившись за гладкий деревянный барьер и тупо наклоняла голову сначала, когда судья вопросительно обращалась к ней, потом, когда адвокат зачитывал исковое заявление. Она все время судорожно приседала, и с трудом выправлялась, каждый раз отчаянно думая, что из следующего приседания уже не выберется, а так и останется на полу, голова к коленям... «Что это... Что это такое... Неужели так напилась... Не может быть, там же мало было... И не крепче, чем ликер... Не может быть... Не может быть такого...» Через несколько минут ей вдруг почудилось, что ее со всех сторон обложило полупрозрачной ватой, и она начала терять контроль над сознанием, плохо понимать, где находится и что происходит... Но вдруг в зале раздался хорошо знакомый, уверенный и спокойный голос ее отчима, Вадима Федоровича.

- Да, признаю, – спокойно вещал он. – Совершенно так все и было, как только что изложил товарищ адвокат. Но разрешите мне пояснить вам, уважаемый товарищ судья, и вам, уважаемые народные заседатели, причину, по которой мы с моей бывшей женой были вынуждены поступить так, как поступили. Все дело в том, что после смерти матери моя приемная дочь начала вести совершенно аморальный образ жизни. Трезвой мы ее с тех пор никогда не видели. Она нецензурно выражалась, буянила, крала ценные вещи из дома и продавала их, ломала мебель, била посуду, глубокой ночью приводила в дом собутыльников и распивала спиртные напитки в своей комнате, превратив нашу квартиру в притон. Никакие уговоры на нее не действовали, но мы жалели девочку, недавно потерявшую мать, и не обращались в милицию, чтобы не наносить ей дополнительной травмы. Потом стало ясно, что мы ошибались, потому что положение все усугублялось. Евгения начала регулярно избивать младшего брата, моего малолетнего сына Эдуарда, отнимая у него карманные деньги, чтобы потратить их на выпивку. У ребенка появилось заикание, он боялся приходить домой, все время был в синяках и ссадинах... Поверьте, товарищи судьи, мы терпели столько, сколько могли, и даже больше. Но через некоторое время нахождение в одной квартире с Евгенией стало опасным – и, прежде всего, для ребенка. Мы ни минуту не могли быть спокойны за его жизнь и здоровье. Кроме того, жена была в положении, и всякое волнение могло обернуться несчастьем. Собственно, так и произошло впоследствии: наш ребенок, к сожалению, родился мертвым, после чего жена оставила меня и уехала в родной город... Но это уже не относится к делу... Да, я понимаю, что мой поступок относительно выписки Евгении можно с какой-то стороны считать и безнравственным. Признаю это, ничего не поделаешь. Но... когда на кону стоит жизнь и здоровье десятилетнего беспомощного мальчика и любимой женщины, ожидающей ребенка... Тут думаешь уже только о том, чтобы из нескольких зол выбрать меньшее. Я знаю, что понять меня может только тот, кто подобное пережил – но я никому не пожелаю пережить такое... Доказательства? Я не знаю, какие еще нужны доказательства – достаточно просто взглянуть на... так сказать, на истицу... Если уж и в зал судебного разбирательства по собственному иску она является в состоянии сильнейшего опьянения, то можно безошибочно определить, какой именно образ жизни она ведет. Да, конечно, суд может восстановить попорченную мной справедливость и принудить меня вновь прописать эту девушку в моей квартире. Но будет ли это справедливостью в высшем смысле, в том смысле, в котором всегда действовал советский суд? Товарищи судьи, я происхожу из семьи потомственных рабочих-механизаторов. В данный момент я возглавляю крупное профессионально-техническое училище. Я представил вам все свои характеристики – как руководителя, члена социалистического общества и просто человека. Вам решать. Надеюсь на ваш здравый смысл. У меня все. Спасибо за внимание.

Речь прозвучала в полной тишине – и смысл ее туго доходил до Жени, озабоченной в те минуты лишь тем, чтобы удержаться на отнимающихся ногах. Она смутно соображала, что происходит нечто возмутительное, ни в какие ворота не лезущее, подлежащее немедленному пресечению – и в какой-то момент резко дернулась вбок и натужно замычала, намереваясь немедленно исправить положение – но тут на ее голову словно упала огромная войлочная кувалда. Перед тем как сознание полностью спуталось, оно на секунду озарилось как бы грозовой вспышкой, осветившей для Жени весь простенький спектакль, гениально срежиссированный Вадимом Федоровичем. Симпатичный участливый паренек именно по его указке опоил ее заморским ликером, предварительно подмешав в него умеренную дозу клофелина, чтобы

она не сразу отключилась совсем, а какое-то время выглядела банально пьяной – только и всего... Она уже не слышала, как адвокат тряс ее собственной характеристикой, любовно составленной на работе при помощи всего искренне болевшего за нее коллектива, не видела презрительных физиономий судей, едва терпевших ее присутствие в зале, плохо поняла, что значит «в удовлетворении иска отказать» - и очнулась только поздно вечером.

Она лежала на метлахских плитках пола в полутемной каморке с единственным окошком под потолком, а вокруг живописно расположились разномастные швабры, громоздились жестяные ведра, болтались серые тряпки с характерным запахом нечистой влажной уборки... Женя каким-то образом попала после заседания в чулан здания суда, где сознание ее погасло окончательно – и только молодость с сопутствующей крепостью тела и духа спасла ее от близко подступившей смерти, заменив ее долгим тяжелым сном без дна и просвета...

В течение ближайших двадцати с малым хвостиком лет жизнь Жени оставалась все той же, то есть глубоко ей чуждой. Она иногда останавливалась и мимолетно остро удивлялась, что проживает именно эту жизнь – годы исчезают один за другим, словно в пропасть срываются – а она все фотограф в той же самой фотографической дыре, уцелевшей в свихнувшейся стране по малопонятной, но на поверку железной причине: при любом строе каждый день сотням людей необходимо фотографироваться на самые различные документы. И, как двадцать лет назад, они суетливо причесываются перед зеркалом и деловито садятся спиной к белому экрану, попутно пытаясь придать своему лицу значительное выражение, тянут шею в напрасных потугах замаскировать вторые и третьи подбородки, и все, все слышат одно и то же: «Так, голову выше. Смотрим сюда. Не шевелимся. Снимаю. Можете вставать»... Художественная съемка в салоне отмерла сама собой с развитием любительской фототехники, зато расцвела выездная – для детсадовских, школьных и институтских прощальных альбомов, увековечивания официальных мероприятий и детских дней рождения в ресторанах. Это и стало основным источником дохода для Жени, оказавшись пусть не золотым и не серебряным, но приятно твердым и безопасным дном. Многие ее коллеги работали теперь на гляцевые журналы или просто на более или менее раскупаемые газеты, но для того не было у Жени ни человеческих связей, ни Божьего дара. Она умела снимать только в строгом, раз и навсегда усвоенном порядке рассаженную натуру, при определенном, заученно выставляемом освещении, делала это механически качественно, но не была одарена способностью оценить и поймать внезапную неповторимую сценку, индивидуальное выражение чьего-то некрасивого, но прелестного лица, не видела чарующей игры света после грозы, не пленялась неуклюжей грацией тяжелого зверя... Женя навсегда осталась добротным ремесленником, не имея свежего и яркого художественного таланта – и это тоже отразилось на всей ее нежизни, не пуская в иной, жадно наблюдаемый со стороны круг таких же, как она – но неуловимо других людей.

Теперь она не жила, конечно, вдвоем с подругой в дешево снятой на окраине города комнате, а снимала себе отдельную квартиру у метро – однокомнатную, но опрятную, хорошо обставленную и оснащенную, с глухим чуланчиком для работы, что было великим преимуществом, потому что позволяло ванной оставаться тем, чем она была – то есть, помещением для мытья и удовольствия – а не превращаться в фотолабораторию. С неожиданной ловкостью Женя получила водительские права и вскоре осилила покупку скромной пожилой «четверки», про которую сама, смеясь, говорила: «На лицо ужасная, добрая внутри», - что являлось сущей правдой, потому что хитрую железную начинку предыдущий хозяин заботливо сменил, а перекрасить мятый, ржавый и царапанный кузов так и не собрался. Женя лихо рулила в своей горбатой машинке по заказам, втайне от нее (чтоб не обиделась и не встала раньше времени) еженедельно откладывая небольшую денежку на покупку «ладушки» поновее и лицом поприятнее. Вечером, после возни с печатью – большей частью с пленки, по-старинке, что долго почиталось профессионалами более надежным и правильным, чем сомнительная «цифра» она, как и в юности, читала романы. Библиотекой, собственноручно собранной, Женя гордилась всерьез, покупая по книжке почти каждый день – прямо в супермаркете, где затаривалась продуктами. Очень удобно: придешь домой, с дневными заказами развяжешься – и сразу читать, хоть до ночи! Ведь единственным преимуществом когда-то случайно приклеившейся к ней профессии было то, что в семь часов она подниматься не заставляла. Фотоателье – и то всегда работало с одиннадцати, ну, а к заказчикам она раньше полудня и не совалась...

Когда с приятельницами – близких подруг у Жени не водилось – заходил разговор о любви, она бросала равнодушно: «Было у меня несколько романов...» - это когда они спрашивали: «Ты со сколькими жила?» Потому и не становились подругами эти приятельницы, что для них всегда, в конечном счете, непонятна оказывалась Женя, вечно «что-то из себя строившая», дельных мужиков, которых все они периодически пытались ей подсунуть на ее жалкое одиночество, – с руками, порядочных, почти что непьющих – оценить упорно не желавшая.

Да, «романами» назвать те несколько отчаянных сожительства, которые пришлось Жене претерпеть, можно было только в пустом разговоре. Ну разве это роман – когда к тебе, еще толком не познакомившись, обращаются на свойское «ты», когда при всем честном народе хватают за грудь или ягодицы, почитая это за лестную ласку; когда в постель твою заваливаются, воняя козлом и немьглыми ногами – и удивляются, что тебе не по душе этот суровый мужской запах; когда в твой дом, как ни в чем ни бывало, являются

в морозную полночь с гостями – такими же бесхитростными трудягами, просто решившими отдохнуть после тяжелого дня и, невзирая на твой халат и мокрую голову, замотанную полотенцем, распоряжаются: «Давай-ка, стоняй за закуской, мухой!»; когда, услышав о твоей беременности, радостно подносят к твоему лицу огромный мозолистый кулак и требуют: «Смотри мне, чтоб пацан был, с вот таким . . . , поняла?» Роман – это когда тебе дарят цветы на всех романтических свиданиях, приглашают в театр, музей и ресторан, а потом долго не решаются перейти на «ты» - даже после твоего милостивого разрешения; это когда робко целуют руку, смиренно провожают до дома, звонят среди дня и волнуются о твоих успехах, а вечером сидят в полумраке в разных концах длинного стола на стульях с резными высокими спинками – и горят две свечи перед сверкающими приборами, и томная роза дышит в тонкой и хрупкой вазе. . . Роман это то, чего у нее никогда не было и не будет. . .

Одну из школ по соседству Женя считала почти что своей законной вотчиной, потому что регулярно окучивала ее по нескольку раз в год и урожай снимала приличный: каждый класс ежегодно в начале зимы фотографируется вместе, по отдельности и маленькими группками, да четыре девятых и, соответственно, четыре одиннадцатых ежегодно заказывают по шикарному выпускному альбому: консервативная директриса работала только с Женей уже второе десятилетие.

Как получилось, что она обратила внимание на Игната только теперь? Ведь он вел этот девятый с самого пятого, и, стало быть, каждый год стоял в центре на ею же сделанных общих фотографиях – а она не разглядела, не подумала! Правда, теперь девятый класс, считавшийся выпускным, подлежал съемке более тщательной, и учителю приходилось присутствовать не однократно, а с каждой группой детей, явно педагога своего любивших, что явствовало из маленьких потасовок за место рядом с ним перед камерой. Внешне это был простой русский человек без выкрутасов: в спокойном свитере и джинсах, с русыми волосами и короткой аккуратной бородкой, умным и внимательным взглядом, несколько раз смущающее задержавшимся на суеющейся Жене. . . Она внутренне очаровалась его тихим низким голосом, звучащим неожиданно мягко, словно он боялся невзначай обидеть или испугать кого-то слишком громким словом. . . Что сразу подкупило ее – так это его общение с ней, как с равной, и в данный момент даже главной, владеющей ценным и нужным умением. . . Не было в нем ничего повелительно-капризного, как у фотографирующихся девочек и женщин, усвоивших себе взгляд на фотографа, как на обслугу, а не мастера. . .

Так получилось, что из школы выходили вместе, и Игнат помог Жене погрузить тяжелое оборудование в горбик ее четверки – и тут вдруг к нему на грудь с разлету бросился веселый черно-белый сеттер, и послышался девичий смех. Светясь ясным лицом под пронзительно голубым зимним небом, к машине приближалась долгоногая девочка лет четырнадцати в яркой куртке и со светлыми волнистыми волосами из-под пушистой шапочки. Уже сидевшая в машине Женя невольно залюбовалась сквозь стекло: уж очень по-доброму, тепло и семейно выглядела эта сценка на морозе в школьном дворе: визжащая и скачущая от радости собака, девчонка, звонко и счастливо повторяющая то «Папа!», то «Рики!», раздумавшийся мужчина без шапки, в расстегнутой куртке, одновременно целующий дочь и укрощающий бурное веселье молодого пса. . . У нее никогда не будет такого мужа и такой дочери, как после единственного аборта – детей и вообще семьи – и счастливица, наверное, та обязательно красивая интеллигентная женщина, которая сейчас ждет их обоих к обеду за круглым столом с белой скатертью – и они скоро сядут вокруг него все втроем (а может быть, есть еще и младший мальчонка), станут шутить, передавая друг другу сверкающие тарелки, и совать собаке жирные вкусные кусочки. . .

- Может, подвезти вас? – чужим голосом спросила вдруг Женя, интуитивно желая продлить иллюзию своей причастности к их доброму миру.

Он повернулся, не смахнув мальчишеской улыбки:

- Да нет, спасибо, мы во-он в том доме живем – видите, розовенький? Ну, до свидания, будем с нетерпением ждать фотографий!

Розовенький, значит. . . Теперь, каждый раз проходя мимо, она вспомнит, что здесь живет этот славный мужчина со своей дружной семьей – живет той самой жизнью, которой она всегда так ждала, и которой жить ей заказано. А готовые фотографии полагается отдавать секретарю директора – значит, они в следующий раз свидятся не раньше, чем в мае, когда будут готовиться выпускные альбомы. . .

Ей очень захотелось поздно вечером прогуляться вдоль их дома. Что гнало ее? Не могла же она рассчитывать познакомиться с ним ближе и влюбить его в себя? Смешно было бы и предполагать такое! Но вот просто пройти мимо и знать, что он там. . . Что в этом такого страшного. . . У одного из подъездов сидела одинокая собака, черная с белым, охотничья. . . Рики? Дальше Женя не думала. Уже потом она осознала, зачем сделала это, а в тот странный момент ее вело ранее неизвестное, смутное чувство, заставлявшее мучительно пульсировать кровь в затылке. Она храбро шагнула к псу и твердой рукой взяла его за ошейник. Он ничуть не испугался и не пытался огрызнуться – видно, был любим, как человек, и от людей не ждал несправедливости. Он только посмотрел с безграничным удивлением – и покорно поднялся. «Рики, Рики. . . Хороший пес. . .» - успокаивающе прошептала над ним Женя, а потом тихонько потянула в сторону угла: - Пошли, Рики, пошли. . .» Пес упирался молча и ехал за ней на хвосте, а Женя так же тихо и упорно волокла его за собой по припорошенной тропинке, а когда завернули за угол, чувствительно пнула под шерстистое брюхо: «А ну, пошел!» - к тому моменту она уже поняла, для чего он ей был нужен.

Глава 4

Как часто Игнат впоследствии думал: не надень он тогда теплого пуховика... Всего лишь отправься он гулять с собакой в обычной куртке, в которой всегда ходил... И не было бы всего этого... Может, и Маша осталась бы жива... Страшное дело. Просто куртка. Куртка, в которой остались сигареты. Но ведь у нас и волосы на голове все сочтены...

Игнат сбился со счета – сколько раз пытался бросить курить, понимая, что и противно, и нездорово, и грешно – а как только поднималась у Маши температура на четыре деления больше, чем нужно – от чего угодно, хоть от насморка – и рука сама тянулась к карману. Дома он, конечно, себе такого бесчинства не позволял, даже когда Маша была в больнице на лечении или обследовании – всегда выскакивал в подъезд, никакого мороза не страшась. И еще была у него отрада – ночные прогулки с Рики по пустынному бульвару, когда пес ошалело нарезал круги по белой целине, а хозяин задумчиво брел с сигаретой по дорожке, подняв капюшон и время от времени запуская в ночь длинную палку – собачье счастье. Без сигареты такой прогулки Игнат не мыслил и поэтому, уже выйдя из подъезда с собакой в тот проклятый во всех отношениях вечер и обнаружив, что заветная пачка осталась в дневной, не такой теплой куртке, он привычно бросил Рики «Сидеть!», а сам поскакал по лестнице на четвертый этаж. Думал просто засунуть руку в карман висящей куртки – и тут же сорваться обратно, как вдруг услышал полусонный Машин голос из ее комнаты. Пришлось снять ботинки – иначе Ариадна бы не простила – и отправляться на зов. Таких ночных зовов он всегда инстинктивно боялся, да и какой родитель на его месте не холодел бы каждый раз, слыша, как в ночи кричит его больной раком ребенок. Но оказалось, что у Маши просто сбился пододеяльник, и, со сна неумело поправляя, она его только больше запутала, поэтому минуты четыре, все время помня о замерзающем внизу Рики, Игнат посвятил перетряхиванию одеяла – а потом, естественно, зашнуровывал ботинки, чтоб им провалиться... Когда, наконец, спустился, собаки у подъезда не было...

Маша любила Рики болезненно, гораздо больше, чем самые ласковые дети обычно любят своих питомцев – она, относилась к нему, наверное, примерно так, как фанатичная мать к единственному ребенку. Этого, конечно, тоже нельзя было допускать. Это, конечно, тоже была его очередная педагогическая и духовная ошибка. Ариадна – та вообще пса лишь терпела и все время твердила – со слов о.Сергия, конечно, – что собака животное нечистое, в помещение с иконами допускаться не должна, а уж привязываться к ней, как к человеку – грех чуть ли не смертный. «Здесь укусит маленькая собачка, а там – большая», – с удовольствием цитировала она кого-то из блаженных стариц, но, скорей всего, просто с самого детства боялась зубов собак и когтей кошек. Но что они на деле могли предложить совершенно одинокой девочке, кроме своего занудливого общества? Подруг у нее не могло быть в принципе: где бы их взять, находясь на домашнем обучении, а за пределы дома выходя только в медицинские учреждения за руку с любящей, но строгой тетей? Книжки? Это, конечно, прекрасно, но долго читать Маша не могла – серьезно уставала, поэтому едва-едва осиливала школьную программу, а сверх нее воспринимала только стихи и слушала читаемое тетей вслух Евангелие. Телевизор, компьютер? Ну, это уж извините, считала Ариадна и контролировала общение племянницы с дьявольскими изобретениями лично и безжалостно. Церковные службы, после которых, чтобы восстановить силы, ребенок спал сутки напролет? Это необходимо, понимал Игнат, но душевного общения не заменит. Ариадна пыталась неуклюже утешать взрослеющую девочку, не замечая, что ранит этим ее еще глубже: «Ты никогда не бываешь одна. Верующий человек не знает, что такое одиночество, потому что он всегда пребывает в общении с Богом». Ага, только еще бы научила ее этому последнему, а раньше сама бы научилась... Вот и осталась Маше для души только ее заповедная тетрадка с собственными стихами, в которую однажды, без разрешения, естественно, невинно сунулась тетя – после чего ночью с перекошенным лицом примчалась в комнату брата и прыгающими губами зачитала:

*Любое дерево милее Петербурга.
Я вижу сон, и этот сон глубок:
Шоссе на Лугу, средь березок дурка,
Где простыни грубее, чем сапог,
Где люди умирают без причастья,
Где женщины кричат не о своем,
Где очень мало надобно для счастья –
Сирень в окне, да русский окоем;
Где глинистое дно сильнее света,
Где бабочки смешны и тяжелы...
А за окошком медленное лето,
И викинги садятся за столы.*

– Нет, ты понимаешь, кто это ей нашептал?! – шепотом визжала она. – Тебе ясно, что надо везти ее на отчитку?! Потому что *такое* ребенку может надиктовать только... *сам знаешь кто!* Что ты сидишь, как истукан?! Ты отец или кто?! Ты помнишь, что случилось с Никой Турбиной?! Ты того же хочешь для своей дочери?! Нет, ты мне ответь – того же, да?!

Он медленно и грозно поднялся, шагнул к сестре и одним движением выхватил у нее из рук общую

тетрадку:

- Если ты – хоть раз еще – скажешь что-то подобное про мою дочь, то имей в виду: я найду способ оградить ее от общения с тобой. Что же касается этих стихов – и других, которых, кстати, тебе никто не показывал – то мне понятно только одно: моя дочь – большой поэт. Беса в ней нет, так как она регулярно принимает причастие, а судьба Ники Турбиной ей не грозит хотя бы потому, что у нее лейкоз, как ты помнишь. Как отец своей дочери я запрещаю тебе когда-либо без разрешения рыться в ее столе – ты ведь не потерпела бы, чтобы рылись в твоём. А в качестве главы этой семьи ставлю тебя в известность, что в самое ближайшее время у нас в доме появится собака – и можешь отнестись к этому, как тебе угодно.

Забрав с собой тетрадь, он обогнул обомлевшую от его небывалого хамства сестру и вышел из комнаты, намереваясь незаметно вернуть украденное обратно дочери в стол, когда, как обычно, перед тем, как лечь в кровать, придет поправить на ней одеяло...

Рики появился в квартире, как солнечный зайчик в тюремной камере. Резвый, сообразительный и прожорливый, песик с первого месяца стал объектом не только бурной страсти Маши, теплой привязанности Игната, но и даже некоторого снисхождения со стороны железобетонной Ариадны. Центр притяжения в семье как бы немного сместился в его сторону, облегчив эту чрезмерно тяжелую ношу девочке, переставшей быть самой маленькой и беспомощной и вечно уворачиваться от пристальной взрослой опеки. Теперь всей семьей опекали Рики. Это к нему приглашали щенячьего врача для прививок и консультаций, его сложный рацион пунктуально соблюдали в граммах и калориях, его беспрерывно ласкали и тискали, про его грамотное взращивание читали бесконечные книжки. Особую радость доставляли дневные прогулки, на которые Машу раньше приходилось выгонять едва ли не палкой – и действительно, какому подростку понравится чинно ходить рядом с тетей по опостылевшим аллеям? Теперь она выбегала с Рики на час утром, днем и вечером – и скоро обрела неожиданный персиковый румянец, на который давно никто из взрослых не надеялся. За одно это Игнат готов был ежедневно целовать умную духовитую морду и скользкий прохладный нос. Считается, что собака сама выбирает себе хозяина, самого сильного человека в семье – Рики же без колебаний выбрал себе не жоака стаи, как можно было предположить, а тщедушную девчонку с тонким голоском – и два года спал исключительно на ее прикроватном коврикe, а заболев однажды, принимать пищу с любых рук, кроме ее, драматически отказывался...

Его исчезновение стало катастрофой – и другого слова подобрать было нельзя. Маша слегла в то же утро с температурой под сорок и в полубреду порывалась встать и бежать на поиски любимца прямо в пижаме – Ариадна несколько раз ловила ее, босую и с остановившимся взглядом, уже на площадке лестницы. Игнат, сказавшись на работе больным, три дня без сна и еды носился по всем ближним и дальним дворам, непоправимо зная при этом, что собаку не найдет: не мог Рики убежать вот так сам, даже последовав за непреодолимо соблазнительным запахом течки, а если б и случился с ним такой конфуз, то давно бы уж вернулся к подъезду... Его, конечно, украли, обреченно понимал он, украли и увезли на машине... Зачем? Пора «шапок из Дружка» давно миновала, для перепродажи «некондиционный» пес без клейма и документов не годится... Попался садистам-подросткам и теперь висит где-нибудь вниз головой истерзанный, перламутрово закатив мертвые глаза? Допуская и такой вариант, Игнат вламывался в подвалы и на чердаки – и однажды лишь чудом сам не стал жертвой вдруг тихо и угрожающе окруживших его целеустремленно-мрачных людей, похожих на героев талантливого фильма ужасов... А дома то билась в истерике, то лежала в изнеможении пятнадцатилетняя дочь, еще не перешагнувшая знаменитого порога «пятилетней выживаемости», и примчавшийся знакомый врач на прямой вопрос Игната, может ли такое потрясение привести к рецидиву, только глянул на него чересчур внимательно и сказал: «Да ты же и сам все понимаешь – зачем спрашиваешь?»

Он знал, что кошмар тех трех дней ни при каких обстоятельствах не изгладится из его памяти никогда – да еще Ариадна неотступно зудела о том, что нельзя было покупать ребенку потенциальное горе в виде неразумного существа, которое может в любой момент убежать от самых лучших хозяев, ведомое грязным инстинктом...

Звонок мобильного вывел измотанного Игната из ступора, в котором он пребывал, сидя поздно вечером на кухне после очередной бессмысленной пробежки по окрестностям. Высветился неизвестный номер, и он услышал незнакомый женский голос:

- Простите, это вы повесили объявление о пропаже собаки? Вы знаете, я нашла похожего сеттера – может, ваш? Когда? Прямо сейчас? Ну хорошо, хорошо... Записывайте адрес...

Он бежал так, как спасаются от смертельной погони. Он бежал так, как бегут на помощь погибающим. Дом оказался в том же микрорайоне – зеленая точечная «хрущевка» – и когда он ворвался в подъезд и вызвал лифт, тот тронулся откуда-то с самого верха. Тогда Игнат помчался вверх через три ступеньки и всем телом, как на амбразуру, кинулся на дверь, остервенело вдавив звонок...

Он узнал собачий голос еще до того, как дверь открылась. И сразу из золотого проема, мимо неясного и неинтересного женского силуэта, сбивая с ног, захлебываясь, метнулась, завывая, родная лохматая тень. Игнат готов был поклясться, что пес рыдает от счастья – и сам вдруг повалился на колени, обхватил его теплую пахучую шею и, враз обессилев, заплакал... Он не плакал на похоронах матери. Он не плакал, когда

узнал, что любимая женщина ему изменяет. Он не плакал, когда выслушал страшный диагноз пятилетней дочери. Он не плакал даже когда видел ее во время последней химиотерапии – не похожую ни на ребенка, ни на старуху. И вот, в сорок восемь лет, на чужом пороге, в присутствии постороннего человека и собаки, что-то злокачественное лопнуло в нем – и хлестало теперь наружу, и остановиться было нельзя...

Игнат не осознавал, что до полусмерти испугал женщину, которая, ничего не понимая, пытается то поднять его, то оттащить собаку, то уговаривает скороговоркой и уже сама чуть не плачет... Даже представить потом невозможно было, как та сценка выглядела со стороны! Когда источник иссяк – а произошло это не так уж скоро – он остался сидеть на полу, поникнув и прижав к себе притихшего, словно что-то в толк взявшего Рики, и никак не мог догадаться, что нужно вставать, благодарить – и ведь действительно он был по гроб жизни теперь ей обязан! Он поднял глаза на женщину в джинсах и свитерке, все еще растерянно стоявшую над ними обоими, и что-то знакомое почудилось в ее лице сквозь рассеивающийся туман слез. Конечно, он видел ее когда-то... Совсем недавно видел... То есть давно, до всего этого ужаса... Мозги отказывались соображать, он отупел от пережитого потрясения и вообще устал... Господи, ты один знаешь, как он устал за эти дни... и эти годы...

- А ведь я вас узнала! – звонко прозвучало вдруг над ним. – Точно! Надо же! Вы – учитель из той школы в соседнем дворе! Я теперь вспоминаю, что и собаку эту видела из машины с вами! И еще дочка ваша была, помните? Я – Женя, Женя – фотограф – ну теперь вспомнили?!

Игнат неясно припомнил что-то, но было ему все равно – первый раз в жизни у него вдруг заболело сердце. Заломило, как пульпитный зуб. Вот сейчас умрет тут у входа в чужую квартиру... Очень просто. Есть же какой-то предел у человека...

- Слушайте, да что это с вами? Все ведь хорошо, вот ваша собака, успокойтесь... Нельзя же так – это ж не ребенок, в конце-то концов... Нашелся – и слава Богу... Давайте-ка поднимайтесь. Не годится так на пороге сидеть и плакать – еще соседи услышат, подумают чего не то... - Женя-фотограф уже с силой тянула его вверх и вбок – к себе в квартиру, и он подчинился, как дитя и мужчина подчиняются матери и женщине, когда чувствуют боль и беспомощность.

- Что, сердце у вас? – забеспокоилась она, видя, что Игнат висит на ней, как мешок с травой. – Сейчас, подождите, капли тут где-то у меня были...

С ним случилось странное и давно забытое: он отпустил себя на свободу. Он мог просто ничего не делать и ни о ком не заботиться – вот чудеса. Это его осторожно вели чьи-то ласковые руки, укладывали на мягкое, приподнимали голову и поили остро пахнувшей, но, в общем, не противной жидкостью, ему шептали: «Отдохните и ни о чем не беспокойтесь», с него стаскивали куртку и ботинки, накрывали ноги чем-то легким и теплым... Он только руку не снимал с шерстяной спины Рики, которого теперь от хозяина было и на секунду не оторвать. Эта спина рядом значила, что завтра выздоровеет Маша – завтра, а сейчас она все равно спит... Ему надо просто лежать не шевелясь и приходить в себя, иначе он рискует не дойти до дома – а ведь он нужен еще – и теперь, как никогда...

- Я накрою лампу... - услышал он тихий и приятный голос у своего лица. – Постарайтесь поспать немножко... - и, как бы в сторону: – Надо же, какие чувствительные мужчины пошли...

Ненадолго – это оказалось часов до четырех утра, когда он увидел тревожный спутанный сон, в котором опять бежал, бежал – и замирал от страха. Наконец, упал, вздрогнул и проснулся – с собачьей башкой на плече и в совершенно незнакомом месте. Зато голова была ясная и легкая, как в молодости, и, повернув ее, Игнат увидел женщину, дремавшую в кресле под торшером, завешенном темной тканью. Теперь он вспомнил ее отчетливо: это действительно оказалась Женя-фотограф, смешная маленькая бочечка, натужно таскавшая на себе какие-то сумки, треноги и лампы, бестолково командовавшая его расфуфыренными по случаю торжественной съемки девчонками и откровенно грубившими ей парнями... Он еще потом в ее кособокую ободранную машинку какое-то убогое барахлишко под гордым названием «аппаратура» помогал запихивать... Все-таки, какой этот наш земной шарик маленький! Надо же было, чтоб именно она нашла Рики и теперь вот уложила Игната на свою постель, а самой даже голову приклонить негде: квартира, видно, однокомнатная... Бедная женщина, работа у нее тяжелая, сама, похоже, одинокая... Интересно, как это Рики у нее оказался? Его-то не расспросишь... Да проще некуда, наверное: учуял течку, сорвался – ведь молодой же кобелек, да и сидел непривязанный – а потом отправился искать дорогу к дому... Женя его увидела, приняла за потеряшку, пожалела и взяла к себе – а потом, увидев одно из десятков его объявлений, позвонила по указанному телефону. Спасибо ей. Она ведь не могла знать, что Рики настолько умный, что без нее домой бы попал гораздо скорее, и решила сделать доброе дело... Женщина пошевелилась.

- Женя... - осторожно, чтобы она не испугалась спросонья, позвал он. – Женя, я даже не знаю, как вас и благодарить. Вы не представляете, что вы для меня – для нас – сделали...

Она проснулась мгновенно и отозвалась с преувеличенной бодростью: так говорят с больными, каким, она его, вероятно, после его неопишемого припадка посчитала:

- Ну что вы! Я ж понимаю, что у вас, ребенок, наверное, страдал. Теперь я вспомнила – девочка такая, подросток... А я просто иду ночью, вижу, собака одна бежит, породистая. Я туда-сюда посмотрела – нет хозяев. Жалко стало, да и говорю ей – мол, пойдем со мной, потом найдем твоего хозяина... На следующий день несколько объявлений напечатала, повесила. А он все грустил, песик-то ваш, есть не хотел, лежал

только и смотрел, как человек... А раз вечером, это, вывела его погулять – вдруг смотрю, прямо на дереве объявление: пропал шотландский сеттер. Ну, дальше вы знаете... - она немного смутилась. – А когда вы прибежали, как сумасшедший... Да стали пса своего обнимать-целовать... И потом как зарыдаете... Тут уж я не знала, что и думать... А у вас еще и с сердцем плохо... Ну, думаю, здравствуйте-приехали... Ничего, обошлось, кажется... Вы уж держитесь... В первый раз вижу, чтоб мужчина из-за собаки чуть в ящик не сыграл. Нет, я понимаю – друг человека и все такое... Но не до инфаркта же...

По ее манере говорить, по самому подбору слов, по неуловимым интонациям, Игнат сразу нутром определил, что она совсем простой человек, скромная труженица, а не художник своего дела; такими были, в большинстве своем, родители его учеников – участники народных гуляний по праздникам, поедатели сахарной ваты и шавермы, обширная зрительская аудитория бесконечных «реалити-шоу», поглотители непритязательных серийных книжек... Он давно выработал определенный стиль общения с этими людьми – такой, чтоб и растолковать им необходимое в доступной форме, и одновременно не обидеть высокомерностью – и теперь механически переключился на него:

- Да вы же не знаете. Там у нас дома... Такое, что сразу и не расскажешь...

Он поначалу и не собирался рассказывать – думал, так, в общих чертах описать ей, чтоб не думала, что он истерик какой-нибудь слаонервный. Но, оказалось, стоило только начать... Он ведь никогда ни с кем не говорил об этом подробно, потому что чувствовал, что после такого рассказа общение с человеком должно выходить на другой уровень, на котором не каждый удержится, вернее, редко, кто удержится... Но ведь сущая правда, что случайному попутчику в поезде легче выложить подноготную и подлинную (из-под лinya, то есть) правду – потому что никогда больше с ним не встретишься, и на мнение его, в сущности, наплевать. Такой «случайный попутчик» сейчас и сидел перед Игнатом – и слушал вполне сочувственно, кажется, даже глаза имея «на мокром месте». Так он все на нее, бедную, и вывалил – и позднюю дурацкую женитьбу свою, и горькую судьбу отца-одиночки при больном лейкозом ребенке, который почти – но только почти! – перешагнул порог пятилетней выживаемости, а ведь это лишь условный термин, означающий что, возможно – но только возможно! – произошло чудо полного излечения. И тут вдруг пропадает любимый дочкин пес, над которым она трясется, как мать над ребенком, потому что никого у нее больше нет – никогошеньки... Так что обрести его вновь значило не просто найти потерянную собаку, а, может быть, спасти человеческую жизнь... И пора ему уже домой собираться, чтоб Маша, проснувшись, и лишней минуты не горевала...

Женя провожала их до выхода из подъезда – такая вдруг ненадолго близкая... Игнат обернулся (как он корил себя потом за это, кто бы знал), и у него вырвалось:

- Женя, может быть, Маша вам захочет сама спасибо сказать. Можно мы с ней зайдем как-нибудь ненадолго?

- Буду ждать! – простенькое, отекающее от недосыпа личико осветилось неожиданно искренней радостью.

... С Машей ему идти к ней не пришлось: девочка со свойственным детству забавным эгоизмом, предаваясь буйному восторгу по поводу явления несколько потрепанного, но виновато целовавшегося Рики, даже и в мыслях не держала никакой благодарности его спасительнице, а напротив, раздраженно пробормотала:

- Нечего ей было чужую собаку на улице хватать. Без нее Рики бы еще до утра домой вернулся. Только хуже мне сделала. Дура какая...

Про себя признавая, что девочка бесповоротно права, он все же счел своим родительским долгом сделать ей ласковое внушение о том, что она ни в коем случае не должна так говорить о человеке, сохранившем для нее дорогое существо – ведь неизвестно, что могло бы случиться с Рики, если б не та женщина, действовавшая из самых добрых побуждений.

- Ну и пусть, все равно она дура, - со свойственной ей, в общем, всегда прозорливостью невозмутимо отозвалась дочь.

Дальше перечить ей Игнат не посмел, и на том вопрос о Жене был, как казалось, навсегда исчерпан. Скоро забыть пережитое Игнат все равно бы не смог, но оно сразу было отодвинуто на задний план новой, куда более ощутимой тревогой: температура у Маши, поднявшись еще три дня назад, после возвращения блудного песика снизилась лишь на полтора градуса и стойко держалась, а еще через день прибавились уже было забытые изнуряющие боли в ногах... Не на шутку встревоженная Ариадна вновь с раннего утра повезла ее на консультацию в детский гематологический центр, где давно уж был у них гематоонколог почти что друг. Сестра твердо обещала позвонить, как только он скажет что-то определенное...

В тот день Игнат вел уроки, как в тумане, весь нацеленный на каменно молчавший мобильник. Собственно это не уроки были, а незапланированные самостоятельные во всех классах, что для учеников было чем-то вроде удара в спину – а ведь они любили своего доброго учителя и подвоха не ждали... Пока писали, предоставлял им полную возможность скатывать прямо с учебников, а сам сидел за столом, не шевелясь, закрыв лоб щитком ладоней, – и думал черную думу. Эту особенность он и раньше за собой замечал: полную запертость на молитву в кризисные минуты. Он вычислил, что это от маловерия: ведь тут исполнение – или неисполнение – просимого может произойти тотчас же, и в случае второго, страшного,

неминуемо пошатнется вера... А так с него как бы и взятки гладки: не молился, вот и не получил... Игнат сидел, будто замороженный, почти до конца пятого урока, а потом вдруг, ни слова ни говоря удивленным шестиклассникам, вылетел за дверь, на ходу нажимая «горячую кнопку»... Ариадна ответила после первого же гудка:

- А я, ты знаешь, как раз телефон открыла, чтоб звонить тебе... - она замолчала, и из этого молчания вмиг стало все ясней ясного.

- Говори сразу, - простонал он. – Не мучь...

- Результатов ждали... Потому так долго... - тянула она.

- Убью, - серьезно предупредил Игнат.

- Положили сразу в палату. Острый рецидив. Я не знала, как сказать тебе.

В этот момент грянул звонок.

Он вернулся в класс, молча собрал свою сумку, сунул журнал в расторопные руки дежурного, натянул и забыл застегнуть куртку... Побрел, как приговоренный, по коридору, и теперь-то молитва пошла, когда от нее уже ничего не зависело: «Зачем Ты казнишь меня – так? Если моя дочь обречена, почему не забрал ее еще тогда – сразу, когда она ничего не понимала? Заем дал ложную надежду? Зачем заставил почти поверить в чудо – и в нем разочароваться? Не терзай больше, прошу! Если Тебе обязательно нужна жертва – забери меня! Вот пусть сейчас собьет меня фура – а Маша выздоровеет! Сделай так! Не все ли Тебе равно?»

Прямо на ступеньках школьного крыльца стояла Женя. Давно привыкший в школе к разномастным женщинам вокруг и научившийся более или менее понимать эту странную породу, Игнат автоматически отметил, что его «случайная попутчица» вычурно накрашена, ее непокрытая, несмотря на декабрьский крутой мороз, голова выглядит и пахнет словно только что из дешевой парикмахерской, ноготки сверкают отталкивающее ярким маникюром... Эта немолодая и несимпатичная женщина изображала безвкусно намазанным ртом соблазнительную улыбку. «Караулит меня, бедняга одинокая... - так же машинально подумал он. – Думает, раз я разведенный, то прямо готовый ей жених... Вот уж действительно дурища, прости, Господи...» Он стал было равнодушно оглядывать ее, но она вдруг уцепилась за его рукав и затараторила о том, что вот принесла секретарю фотографии, они такие прикольные вышли, и так ждала, что он зайдет в гости с Рики и с девочкой, да все ли у него в порядке, и почему он такой бледненький, не шалит ли сердце...

- Женя... - Игнат вдруг обернулся и встал прямо перед ней, тяжело глянув в глаза. – Женя, у вас дома... водка... есть?

* * *

...Млечный мартовский рассвет бесцеремонно заглядывал в окно, прикрытое только прозрачным тюлем. «Шторы ей, наконец, подарить, что ли? - в который раз раздраженно подумал Игнат, просыпаясь в этой комнате. – Нет уж, хватит подарков, пожалуй. Довольно ей будет и телефона того нелепого...» Он вздохнул и повернул голову, чтобы глянуть на Женю – и тут же с досадой отвернулся к окну. «Ну можно ли спать так некрасиво! Впервые в жизни вижу женщину, которая во сне выглядит настолько безобразно... Впрочем, кажется, дело просто в том, что я ее не люблю. И даже никогда не был ею увлечен...» Теперь ему претило в Жене буквально все – до такой степени она не соответствовала тому женскому типу, который гипотетически мог бы привлечь Игната. Внешнее несоответствие могла бы в какой-то степени компенсировать красота внутренняя, живость ума, талант сердца – но ничего этого он никогда не наблюдал в своей любовнице. Она была в самом худшем смысле душевно неразвита, культурно невежественна, этически примитивна. О религии имела понятия вообще какие-то доисторические, валя в одну кучу дурные приметы, церковные свечи, карточные гадания и рекламу чернокнижников в желтой прессе. Читала ужасающую псевдоромантическую стряпню – и сотнями хранила в книжном шкафу разномастные мягкие издания с пронзенными сердцами и обнаженными торсами обоего пола на обложках, на полном серьезе хвастаясь собранной «библиотекой»... В постели оказалась безнадежно фригидной – но при этом, твердо помня рецепты из той же литературы, каждый раз с грацией поскользнувшейся коровы тщила изобразить на грешном ложе роковую страсть... Но эта простая пещерная душа искренне привязалась к нему с того горького дня, уже отдалившегося во времени на три месяца, когда, безобразно надравшись с ней дешевой вонючей водкой, он снова заплакал – на этот раз у нее на груди – и мысленно послал подальше все свои не принятые на Небесах обеты... «Я только человек!! Человек я только!! Где мне сил взять?! Где?!» - остервенело повторял он тогда, и со всей силы, рискуя угробить насмерть, вдавливал ее в жалко пицавший диван.

Думал, что встанет и уйдет – не получилось. На следующий день Игнат вышел с лечащим врачом из Машиной палаты, оставив ее там бледную, но повеселевшую по поводу недавно упавшей температуры, и спросил, действительно ли это рецидив и потребуется «химия», или, может, все-таки... В глазах врача появилось привычное профессиональное сочувствие, и он завел разговор о несостоявшейся когда-то пересадке костного мозга, на которую никогда не было шансов собрать деньги, о рекордной продолжительности Машиной жизни и феноменально длительном ее безрецидивном существовании. Обычно агональная стадия, при которой химиотерапия уже неэффективна, а применяется, в основном,

симптоматическое лечение, сказал доктор, начинается раньше, гораздо раньше, чем у нее... «Она у нас, можно сказать, долгожительница», - счел он необходимым обрадовать отца уникальной пациентки, так ни слова и не переспросившего.

Игнат не помнил, как оказался в машине, промчался через весь город к зеленой точечной «Хрущевке» - и опять вливал в себя услужливо подливаемую Женей водку, рыча от нечеловеческой боли - а потом заснул на чужой и чуждой голой груди. Такое стало повторяться два, три раза в неделю, потом он привык к этому непривлекательному женскому телу, дававшему временное, но бесценное облегчение - и со спиртным завязал, обходясь только Жениными нехитрыми ласками. А она серьезно считала, что у них настоящий «роман, как в кино», ждала каких-то непонятных цветов, театров - да что бы она там делать стала, бедная жертва телевидения, после вечерних новостей замиравшая на сорок минут перед двести тридцать шестой серией заплесневелой мыльной оперы... Через месяц, видя, как пугающе меняется Маша от посещения к посещению, как лицо ее выцветает почти на глазах, он понял, что с собственным симптоматическим лечением пора завязывать. Еще два месяца он не знал, как с этой прилипчивой бабой развязаться. Человек мягкий и порядочный, сам переживший нешуточную личную трагедию - он все не мог решиться сказать ничтожной, но преданно смотревшей в глаза и кивавшей на каждое слово женщине, что их отношения ему больше не нужны, что он сам себе из-за них противен - поэтому каждый раз откладывал объяснение до следующей встречи, которой, может, и не будет... Просто по-человечески жалко было ее - все представлял, как она завоет, уцепится, начнет умолять - а то еще и на колени рухнет, как в любимом сериале... Он не звонил ей неделю - она являлась непосредственно в школу и клялась устроить публичный скандал, разражаясь рыданиями прямо посреди коридора. Он не торопился идти к ней в назначенное время - и она, как часовой, появлялась у его подъезда, тоскливо глядя на окна снизу вверх - в квартиру, правда, подниматься больше не рисковала, однажды столкнувшись на пороге с внушительно-строгой Ариадной и до икоты ее убоявшись - настолько, что даже попыталась вдруг сделать неуклюжий реверанс... Посоветоваться было не с кем. Нового духовника после размолвки с о. Сергием Игнат себе так и не нашел, будучи просто более или менее регулярным прихожанином близлежащего храма, где исповедовался сухо и четко, односложно перечисляя то, что тяготило совесть... Ему нужно было подойти к священнику и говорить, как минимум, час - это на словах легко, а как практически осуществляется? Ариадна моталась между Машиной клиникой и далеким пригородом (там-то находила себе утешение!), дома объявляясь редко - да и какой она была на эти темы собеседник...

В марте пришла ему другая мысль, убийственная: если б в тот страшный день Рождественского поста он не к тетке этой пустопорожней водку пить и блудить отправился, а рванул бы к Маше, за руку ее взял и не отпускал больше никогда - она бы опять встала. Почти пять лет держал, все рекорды побил - неужели сейчас бы не вытянул? Вытянул бы, уверял он себя. Бог просто на стойкость и верность проверял его, а он пошел - к чужой бабе. Выпустил Машу. Сыграла, выходит, женщина, в очередной раз свою Евину роль, протянула яблоко...

В клинке они с Ариадной дежурили неотлучно: она с утра до тихого часа, он после работы до отбоя. Самое невыносимым казалось, что девочка, похудевшая так, что на руках просвечивало разделение локтевой и лучевой кости, лежала без почти движения, ни о чем не спрашивала и домой не просилась. Только однажды показалось Игнату, что она слишком беспокойно и будто испытующе смотрит на него, словно решая, сказать ли... «Что, дочка, что?» - подхватился Игнат, мимолетно счастливый от мысли, что может хоть чем-то, хоть на секунду облегчить ей мучения, и Маша без выражения проговорила: «Можешь записать?» С бурной готовностью он засуетился над своим портфелем и через минуту уже сидел с карандашом наизготовку, приготовив наскоро выдранный из чьей-то тетради листок. Ребенок продиктовал размеренным и тусклым шепотом:

*Стало быть, умирать
и котам, и собакам;
а последнее трать
на веселье гулякам,
имярекам в помин...
Мертв ходивший с постелью.
И - один на один -
дождь вливается в землю.*

Игнат обмер и вдруг пронзительно вспомнил: *Я и в последней икоте останусь поэтом...* В этот трагический до абсолюта миг он некстати побочно подумал, что как-то уж чересчур все красиво, будто в сентиментальной пьесе: сцена такая, что режиссеру делать нечего. И почему-то очень важным показалось именно сейчас вспомнить, кто автор этой странной строки. Вспомнил и содрогнулся: своего пророчества поэт совершенно точно оправдать не сумел, потому что навряд ли можно было поэтически икать, болтаясь в петле в то последнее утро давнего лета... А вот Маша - сумела. Ничего не пророчила, а уходила, себе не изменив, и в окно колотил еще зимний, городской не освежающий дождь. И - поди ж ты! - получалось, что не только на Небе, но и на земле есть нечто сильнее смерти.

Следующий день оказался последним - Маши он уже не увидел. Когда приехал в больницу, серая от

платка до полуботинок Ариадна стояла неподвижно, как колонна, в вестибюле у гардероба и сказала брату без всякого выражения – просто сообщила и замолчала:

- Все. Забрали наверх. Я с ней тоже не успела проститься.

«Наверх» означало, что началась агония, и девочку перевели в палату смертников, куда никому из родственников прорваться никогда не удавалось – после такого сообщения они в следующий раз видели своих детей уже в гробу, в предбаннике морга. Не удалось и Игнату – напрасно он, расшвыряв каких-то баб в зеленых штанах и рубахах, ломился в запертую дверь с издевательской надписью «Реанимация» и орал чудовищные слова в адрес всех, кто пытался его унять – он был достаточно быстро нейтрализован двумя ухватистыми медбратьями, напоен имевшейся наготове дрянью, от которой ослабели ноги, а в глазах потемнело – и отдан на расправу лечащему врачу. Приговор выслушивал сидя. Он был таков: «Не более суток». Ему сообщили, что девочка не страдает, а спит – и так умрет во сне, без мучений, что вела она себя до последней минуты с большим достоинством и, пока была в сознании, не выпускала из рук фотографию отца, тети и собаки – потом эту карточку тихонько изъяли – вот она, извольте получить... Он сунул карточку в карман и вышел, не сказав ни слова.

На обратном пути он в последний раз завернул к Жене. Никакой жалости он к ней больше не испытывал – не она ведь лежала в палате смертников за белой ширмой, и последнюю драгоценность вытащили не из ее ослабшей руки. Не слушая, что она ему там начала лепетать про какую-то очередную свою жестокую драму – мобильник у нее кто-то отобрал, что ли – он остановился в коридоре и произнес:

- *Да провались он, твой телефон. Все. Маша умирает. Забрали наверх, в реанимацию, говорят – агония. И меня выгнали. Черт бы тебя побрал, Женя. Черт бы тебя побрал.*

Вечером он забыл вывести Рики – и умный пес не стал помогать хозяина, давно сидевшего за чистым столом в темноте, уронив на него неподвижные руки – поэтому очнулся Игнат только от мощного раската грома, прозвучавшего в ночи так отчетливо, что покачнулись розовые стены его ненадежного дома и зазеленело все стеклянное, что было в квартире. Он вздрогнул и обвел глазами комнату, столкнулся с трагическим взглядом лежащей собаки, и в нем проснулось человеческое:

- Господи, Рики... Я и забыл про тебя... Что это было такое, а? Гроза?

Он накинул куртку, взял собачью сбрую и вышел, а мимо него, визжа от нетерпения, стрелой рванул вниз ошалелый сеттер. На улице было еще по-зимнему морозно – но вдруг повеяло характерным запахом пожара, и за домами встало малиновое зарево. Невдалеке раздались невнятные крики, и мимо Игната табунком пробежали серьезные люди. «Что за хрень...» - на минуту позабыв о своем, он нерешительно двинулся за ними.

Верхняя половина точечного дома была снесена, словно по нему прошел тайфун. Здание вяло горело, и языки неяркого пламени выглядели, как живая корона. Из подъезда и нижних зияющих окон в странном молчании выскакивали босые, полуодетые, совершенно безумные на вид люди, кого-то и что-то прижимавшие и тащившие... Но потрясенный Игнат не мог их разглядывать и на помощь им не кидался – потому что в первую же минуту прямо в сердцевину мозга ему впилося непоправимое понимание: это именно тот дом, где на шестом этаже, которого больше нет, несколько часов назад находилась квартира, откуда он вышел широким свободным шагом, перед этим рывкнув испуганной женщине с дрожащим лицом:

- *Сидеть на месте. Я знаю, где выход.*

Глава 5

Женя никогда не думала, что сердце может стучать так громко. Оно работало, как взбесившаяся кувалда, бешено молотило изнутри по ребрам, так что казалось, еще немного – и разломает, разобьет в щепу хрупкую грудную клетку. «Вот как умирают... Все... конец мне...» - но конец упорно не наступал, хотя и виделся в этот момент почти желанным исходом. Женя не предпринимала никаких попыток осмыслить происходящее – да, собственно, оно осмыслению и не подлежало, потому что ничего особенного не происходило: просто люди собирались на работу и буднично, по-утреннему переговаривались: «Дверь в комнату прикрой, ребенок спит» - «Чего спит? Буди его давай. И свою тоже» - «Забыл? Каникулы у них начались, пусть выспятся» - «А-а, точно. Ну ладно, хорошо, что не мельтешат» - «Рубашку вот возьми, я ту замочила» - «Угу. Подсуетись давай, полвосьмого уже, а ты копаешься» - «Иди, готово» - «Щас, только рожу ополосну». В кухне засвистел-забулькал было чайник, но сразу захлебнулся – зато грохнула передвигаемая табуретка. По коридору озабоченно стучали и шаркали деловитые шаги, звонко щелкала дамская сумочка, противно визжала дверца старого шкафа. И тянуло, тянуло во все щели навечно ввевшимся в эти стены, невыветриваемым запахом «Карбофоса»... Два человека готовились выходить из дома – и, по крайней мере, один из них уже двадцать шесть лет, как умер...

Такое не могло присниться – это стало понятно еще до обдумывания. Не бывает также и таких снов, от какого она только что проснулась. Мозг все-таки включился – ему ничего не оставалось после того, как сердце непостижимым образом не разорвалось. *Ни то, ни другое не сон* – это единственное, что сразу стало непоправимо ясно, но дальше дело фатально не продвигалось. «А ведь мама-то жива!» - вдруг плеснулась первая разумная мысль – и Женю подбросила на постели внезапная душевная буря. Но до той

секунды она созерцала только свой родной стенной коврик, пронесенный сквозь все жизненные торнадо, и оказалась совершенно не готовой к представшему зрелищу. Стол с компьютерно-электронным царством, всегда стоявший у окна, глубокое кресло с пятью зелеными подушечками, высокий стеллаж с любимыми книгами, журнальный столик с глиняным набором для глинтвейна – все это самым невероятным образом исчезло. Женя увидела в тусклом утреннем свете прямо напротив себя секретер с откинутой крышкой и кучей наваленными на ней книгами под горбатой настольной лампой. Окно оказалось почему-то слева от секретера, и под ним одиноко стоял венский стул, на котором торжественно восседал коричневый медведь со свалявшейся шерстью и укоризненными глазами. Интересно, много ли наберется детей, у которых такого питомца – не было? У противоположной стены белел двусторчатый шкаф, плохо умевший хранить интимные тайны, потому что из полуоткрытой дверцы торчало нечто розово-кружевастое. Ну, конечно, первая Женина «взрослая» комбинация, купленная самостоятельно, на утаенные от матери деньги, периодически выдававшиеся тою строго на «канцелярские принадлежности и никакой косметики»... Под шкафом на полу валялась красная сумка из кожаменителя на молнии и с тремя броскими лжепряжками – школьная сумка на зависть всему классу, привезенная мамой с редкого отдыха в бело-синей Юрмале... На дверце шкафа, аккуратно приключенный, светлел календарик, и уже можно было разобрать в сумерках четыре крупные тяжелые цифры: 1984, а под ними помельче – «ноябрь»... Этот не-сон происходил в ее прежней комнате, настоящей, давней, единственной комнате, которую злые люди вероломно отняли – и вот она вернулась сама, готовая к услугам и дружелюбная, как и положено быть торжествующей справедливости... Пока Женя привыкала к окружающему и решала, как к нему относиться, отчетливо хлопнула входная дверь, и сердце у Жени оборвалось: мама ушла, пока она предавалась своему удивлению – и Бог весть, придется ли ее увидеть еще, до того, как эта новая явь прекратится, и она снова окажется в своей квартире на шестом этаже точечной многоэтажки. Женя метнулась вбок, чтобы вскочить с дивана – и едва не оказалась на полу! Ведь двухспальный диван, свидетель ее слез и любви, тоже претерпел метаморфозу, обернувшись теперь узкой девичьей кроваткой. Боже мой, а вот и тапочки, милые красные тапочки без задников! Это, пожалуй, хорошо, что мама с... этим своим... успела уйти, а то что бы она испытала, когда из дочкиной комнаты выскочила и бросилась на нее незнакомая баба, старше ее почти на десять лет! Разве узнала бы она в ней свою маленькую Женюшу? Как-то придется обдумать все сначала, обустроить... Господи, надо посмотреть, что осталось, и осталось ли вообще, в сорокалетней измученной тетке от той девчушки с острыми локотками и ключицами... И дверца шкафа была немедленно распахнута. Осталось ли что-нибудь от Женюши? О, несомненно. Собственно, осталось все. Из шифоньерного зеркала на Женю дико глянул незнакомый растрепанный подросток, у которого под ее неумолимым взглядом начал медленно и широко раскрываться свежий розовый рот...

Никакая застопорившая не в том месте машина времени, объяснительно мелькавшая все это время на задворках Жениного сознания, в этом уже не занимательном приключении участия не принимала. Произошло нечто гораздо более трудно объяснимое, но принявшее все черты и формы непреложного факта: четырнадцатилетняя девочка, проснувшаяся в тихой комнатке в первый день осенних каникул, не только знала наперед, но и помнила всю свою будущую жизнь по сорок лет и восемь месяцев включительно... Со всего размаху Женя ударила головой о странно крепкое, даже не треснувшее после этого зеркало. Боли не было. «Я что, умерла?!» - без звука возопила она, боясь услышать собственный голос. Но полновесная, наливающаяся прямо на глазах шишка немедленно убедила ее в обратном, да и боль появилась – правда, с некоторым запозданием, невнятная, но вполне ощутимая и покойницам никак не свойственная. «Спокойно, спокойно, спокойно», - шепотом просвистела Женя, вознамерившись сжать отяжелевшие виски пальцами – но вдруг замерла, наконец, разглядев свои приближающиеся к лицу руки. Вовсе не были это женские ухоженные руки – а куриные лапки школьницы – с до мяса подстриженными ноготками, заросшими лунками, недосмытыми пятнышками чернил, покрытые мелкой красноватой сыпью... Почему-то это потрясло Женю больше всего предыдущего. С минуту она тупо пялилась на две свои растопыренные ладони и глубоко дышала, словно борясь с подступающей рвотой, но потом изнутри прорвалось – не рвота, а тихий, но идущий по нарастающей рев: «Выпустите меня... Выпустите меня отсюда! Выпустите же меня отсюда, придурки!!!»

Дверь в комнату без стука отворилась и в нее просунулась белобрысая мальчишеская голова.

- Ты чего орешь? Сдурела? – деловито осведомился хилый паренек лет десяти. – Тебя заперли, что ли? Откуда выпустить-то?

Женя уставилась на него, как на привидение, но опознала быстро, потому что последний раз видела брата Эдьку почти таким же, не встретив после выдворения из родного дома больше ни разу и наглухо позабыв.

- Уйди, уйди... - замахала она руками, не надеясь на непослушный язык.

- Вот дура, - констатировал он и исчез.

Жене показалось, что голова у нее сейчас лопнет: не то слишком много в нее сегодня пришлось запихнуть, не то сама по себе была она у Жени не слишком вместительная. «Надо лечь, - билось в ней только одна спасительная идея. – Надо лечь и подумать...» До узкой кроватки удалось добраться без происшествий – разве что, случайно глянув вниз, Женя обнаружила еще и пышный волан на подоле

батистовой ночной рубашки (школьное рукоделье), а из-под волана – босые худые ступни, маленькие и без педикюра. Тоже оказалось ужасное зрелище.

Она легла навзничь и закрыла глаза локтем, загораживаясь от навязчивого мира, – сработал инстинкт общей спальни пионерского лагеря. «Спокойно, – повторила про себя, стараясь выровнять дыхание. – Спокойно. Я не умерла, и это главное. Теперь надо решить – кто же я? Четырнадцатилетняя восьмиклассница или взрослая женщина... с не очень, прямо скажем, удачной жизнью. Похоже, что и то, и другое. Ведь не приснилась же мне вся моя жизнь с такими подробностями... Да! Самое главное! Советской власти скоро конец! Вот обрадуется наш партиец Вадим Федорович! Не могло же это все мне привидеться... А вдруг я засну вот сейчас и опять проснусь – там, и все будет, как раньше... Нет, не очень хочется, как раньше – Игнат ведь меня, похоже, бросил... Да и вообще жизнь у меня там самая дрянская, да никаких перспектив... А так глядишь – и сначала начать... А вдруг? С ума можно свихнуться...» Сердце снова ускорило свой поредевший было стук – будто именно там, а не в растерянной голове, зрело судьбоносное решение – и оно разом выплеснулось в сознание: «Мама теперь не умрет! Я не позволю ей умереть! Она останется жива, и вся жизнь пойдет иначе! Она не даст мне пропасть – пусть только этот гад попробует меня тронуть! Уж не знаю, что это такое со мной случилось – но превратить меня в бездомную неудачницу никто не сумеет...»

Через полчаса Женя уже сидела на своей кровати, твердо глядя прямо перед собой и соображая вполне сносно. Что произошло – ей все равно не догадаться: то ли действительно приснился странный сон о будущем, то ли некая высшая сила с неизвестной, но, кажется, благой целью сделала ее снова девчонкой-подростком. Во всяком случае, ей дан великолепный шанс прожить почти две трети жизни набело, уверенно перечеркнув все ошибки в неожиданно выданном для исправления черновике. Что она, в сущности, потеряла? Сомнительную и печальную жизнь потасканной полубомжихи с относительной сытостью, возможной лишь пока не иссякнут силы тянуть трудовую лямку? А в перспективе – захолустный дом престарелых и смерть от пролежней на сгнившем от давней своей и чужой мочи матрасе? Горькая потеря, нечего сказать. В четырнадцатилетнем возрасте какие недостатки? Только один: необходимость находиться в зависимости от взрослых еще минимум четыре года. Четыре года?! Да это же – тьфу, пролетят, как четыре дня – теперь-то она это куда как хорошо знает! Зато за это время она выйдет на совершенно другие рубежи – на те, о которых и мечтать всегда было заказано. Например, золотая медаль в школе ей обеспечена, потому что среднее образование она уже получила – там, в *той* жизни. После этого в любой институт можно поступать с одним экзаменом... В институт? Нет, теперь она закончит Университет, и учиться будет старательно, потому что парни, танцы и посиделки для нее ничего в *этой* жизни не значат. Какие парни? У нее есть Игнат – который теперь-то ее не бросит, потому что она станет ему равной – а может, еще и переплюнет... Надо его немедленно разыскать, ему сейчас примерно двадцать два-двадцать три года, и он молодой учитель в одной из петербургских... Батюшки – ленинградских! Ленинград ведь еще за окном, а до Петербурга жить и жить... За окном? Женя подскочила и кинулась к окну. Утро уже вполне оформилось, и с высоты восьмого этажа панельной девятиэтажки Веселый Поселок предстал во всей своей неприглядности. Совершенно одинаковые серо-белые ящики домов хмурым каре окружали низкую стеклянную постройку, венчаемую грязно-зеленой буквой «У». Да, да, все правильно! Это тот самый, один из первых в городе, универсам, прямо напротив которого им выпало несказанное счастье жить после того, как переехали в новый перспективный район с Выборгской стороны, где мама в свое время унаследовала чуть более просторную, но катастрофическими темпами ветшавшую квартиру. Женя еще помнила времена, когда универсам только строился, как и метро «Проспект Большевиков», а улицы в демисезонье утопали в жидкой грязи до такой степени, что некоторые совсем уж сумасшедшие модницы до единственного автобуса, идущего «в город» добирались в резиновых сапогах, таща модельные в полиэтиленовом пакете и переобуваясь на только им ведомым перевалочных пунктах. К середине восьмидесятых грязи немного поубавилось, а продуктов в универсаме прибыло к несказанной радости Жениной мамы, избавленной от ежевечерней повинности по добыче неуловимого съестного. Странно было вместо буйства рекламы видеть редкие скромные вывески чисто информативного характера: вечером эти неприятельные буквы ненадолго зажгутся голубым, зеленым и изредка красным неонам, сообщая гражданам, где можно поставить набойки, положить рублевый излишек на книжку, а также книжку – купить: развлекательное чтение о решениях очередного Пленума ЦК, многотомный производственный роман для души или пособие по эксплуатации автомобиля «Москвич-412» ради самообразования.

У Жени ненадолго захватило дух: да это же лучше всякой машины времени! Прямо сейчас – туда, своими глазами увидеть еще непоколебимый на вид мир, в прах рассыпавшийся при ней, разрушенный в очередной раз «до основанья», но так и оставшийся лежать беспомощной кучей, которую лишь начали разгребать, чтобы построить неведомо какой – новый, ожидающий своего собственного разрушителя.

На сборы ушло непредвиденно много времени. За пределами собственной комнаты, из памяти сердца никогда по-настоящему не уходившей и оттого принявшей блудную дочь с само собой разумеющимся радушием, каждый шаг означал вздрог от очередной вспыхивающей, как светляк в темном саду, подробности. Высокое овальное зеркало в коридоре, вдруг отразившее не только настороженное лицо, но и всю тщедушную, странно низенькую фигурку... Самая простая в мире вещь – сиреневая зубная

щетка – вдруг вызвала припадок тошнотворного сердцебиения, потому что щетина на ней оказалась самая что ни на есть натуральная, какой не росло на этой породе домашних шуток уже десятилетия два! Чудом показалось, что рука уверенно включила сначала левый кран – оказавшийся холодным – хотя еще вчера в однокомнатной квартире «хрущевки» с той же уверенностью поворачивала сначала правый, тоже выдававший упругую ледяную струю. Позже разные недоумения начались у шкафа с одеждой: она что, должна натянуть вот эти смешные вельветовые брючки – такие узенькие, неужели застегнутся?! Не только застегнулись, но и мешковато повисли на тощих бедрышках. Так. Она в жизни не станет больше есть хлеба, пельменей и макарон, благодаря чему сама не превратится в сардельку. А это что за кофточка на пуговичках? Нет, это же невозможно надеть, такого даже не китайских рынках не продавали... Не будут продавать... Сам черт ногу сломит... Вот свитерок попрличней, из той же Прибалтики, наверное... точно... Рига... Она только раз туда выбралась – еле денег на визу и путевку накопила. А ведь еще шесть лет – пожалуйста, езжай не хочу... Ладно, пусть свитерок... Взгляд упал на полку, где разложена была удивительная косметика! Да это же из «Ванды»! Нет, кроме шуток, коробочка теней и две помады – польские, да плюс целый косметический набор новой советско-французской фирмы «Елена»! Голубой тюбик туши «Луи Филипп» - липучей комковатой дряни, купленной мамой с рук для себя, но быстро передаренной дочери ввиду абсолютной непригодности для пользования... И что – вот это свежее бархатное личико с нежнейшим, как заря, румянцем сейчас опохабить грубой краской, предназначенной для вышедших в тираж кобыл?! Не бывать такому, в помойку эту пакость... Боже мой, Боже! Как легко двигается тело, нигде никакой скованности и тяжести, желудок не болит натошак, а как гибка шея, понятия не имеющая ни о каком остеохондрозе, а в правой пятке и в помине нет никакой мучительной «шпоры», и можно хоть сейчас нагнуться, не сгибая колен, и обе ладони без напряжения лягут на пол... И будет так еще долго, волшебное долго, самое меньшее – лет пятнадцать...

Смятенные мысли прервал требовательный дверной звонок самого отвратительного тембра, тотчас узанного. «Светка», - четко и ясно прозвучало в голове. Женя почувствовала, как быстро слабеют легкие ноги, и сделала, пятясь, несколько неуверенных шагов к венскому стулу... Открыть дверь – означало впустить в нее очередного ожившего мертвеца, потому что ее подружка детства уже пятнадцать лет как лежала в песчаной земле Южного кладбища – под розовой гранитной плитой с золотой шестиконечной звездочкой...

После своего четвертьвекового юбилея Женя решила позвонить ей – по старому номеру. До того – невозможным казалось: уж очень явственно ощущалась где-то за кадром непрменная Светкина удачливость. Но когда в суровой жизни немного пообвыкалась, сама оперилась, получила основание надеяться, что жалости больше не вызывает, то и позволила себе набрать прочно застрявший в памяти без всяких записных книжек номер. Трубку взял Светин папа, Борис Иосифович, - Женя сразу узнала его по характерному, ничем не вытравливаемому «Алё, кто гово'ит?» - только прозвучало оно не жизнерадостно, как девять лет назад, а словно смазано, тускло и неприветливо. Женя представилась, и голос ненадолго ожил:

- Боже мой, Женечка, девочка, тебе-то кто рассказал? Неужели Эдик?

- Что рассказал? – спросила она, и запомнила этот момент своей жизни навсегда, потому что именно тогда впервые познакомилась со щемящим ощущением страшного даже не предчувствия, а полновесного знания.

- Ну, про Светочку... Что она... Она... - и в трубке раздался как бы частый мелкий кашель.

Женя не сразу поняла, что Борис Иосифович плачет.

Света Бирбиллер, молодой, но уже очень успешный абортмахер, приобрела себе нетронутую, белую, как лебедь, «десятку», в придачу к ней прикупила водительские права – сущую безделицу и, наспех обученная своим интимным другом-коллегой в условиях пустынной сельской дороги, уверенно села за кожей обтянутый руль, для начала скучно поехала по узким дворам, но и еврейская душа, видать, запросила скорости и простора. Госпожа Бирбиллер начала аккуратно вырывать на оживленную улицу Коллонтай, уделив все внимание тому, чтоб не разбить пышный зад невежливо припаркованному «Мерседесу», загромоздившему чуть ли не четверть выезда – и посмотреть перед этим налево попросту позабыла. Не было у нее еще такой привычки... От «десятки» после встречи с фурой, полноправно летевшей на зеленый свет, не осталось практически ничего, и Женю угораздило попасть непосредственно на похороны, проходившие ради папы по-еврейски – с лупоглазым раввином в черном лапсердаке и нудным кантором, вымотавшим всю душу, а после них – на русские поминки в угоду неподвижной и бессловесной маме – и тут уж был черничный кисель и неудавшаяся медовая кутья...

«Светку тоже надо спасать!» - галопом пронеслось еще одно благое намерение, меж тем как из прихожей доносился искусственно хриплый голос брата. Тот никак не мог дожидаться, пока голос огрубеет сам собой, то есть, «сломается» - и изо всех сил старался придать ему мужской, взрослый тембр. Получалось, как у юного гундосого петушка:

- Да дома она, дома, только дурит. Может, бухнула уже на радостях, что каникулы – откуда я знаю? Сама посмотри – возись тут с вами... Всё, скажи ей – я к Генке пошел.

Пока Светка закрывала за Эдкой, да сама стаскивала в прихожей одежду и обувь, Женя наскоро

успела внутренне подготовиться к неминуемой встрече – и потому, когда подруга привычно распахнула ее дверь настежь, ей удалось не вскрикнуть и не зажмуриться. Да, она такой именно ее и помнила: крупной девочкой в джинсе от «Монтаны», с великолепными вьющимися волосами до талии и незначительной крысиной мордочкой. Светка загадочно улыбалась, и, не обращая никакого внимания на Женино подавленное молчание, немедленно картаво зазвенела:

- Твои свинтили? Везет же людям! Моя мать в свой театр раньше вечера не свалит, дни напролет дома торчит – хоть бы в магазин сходила. Так ведь нет, продукты отец вечером сам привезет. А она с книжкой лежит. Как уйдет – так сразу папаша: здравствуй, жопа Новый год! Круглосуточно под контролем, хоть вешайся! Но ничего! – она заговорщицки подмигнула. – Вчера большие отцу очередную бутылку подарили, и предки ее вдвоем вечером на кухне начали. Там она и стоит, родненькая, а я сегодня оттуда в баночку и отлила... Хоп! Фокус-покус! – в руках у Светки, откуда ни возьмись, появилась майонезная банка, до половины наполненная коричневым. – Думаешь, коньяк? Ха! Старка! Слушай, ты чего кислая такая? Правда, что ли, квакнула уже с утра пораньше?

Так это все было убийственно знакомо, словно и не проходило никаких двадцати шести лет и не стигнуло все давным-давно в черном колодце забвения...

- Свет, сядь сюда... - попросила сорокалетняя Женья четырнадцатилетнюю девчонку. – Сядь, разговор есть.

Она смутно понимала, что говорить надо на том, прежнем, языке детства.

- Может, квакнем сначала, а? - с надеждой спросила Света. – Черт, знала бы, что ты сегодня смурная – к Вичке бы пошла со старкой...

- Подожди ты... Мне сказать тебе надо... Да не рыпайся ты, вот дурная... Сон я видела сегодня... Ужасный...

- Ужасный? – заинтересовалась Света. – Про привидения? И скелеты были?

«Эх, фильмов ужасов ты не видела, девочка. Привидения бы тебе сказкой про Белоснежку показали... - мимоходом подумала Женья. – А что касается скелетов – то да, был один. Твой. В разобранном виде и в закрытом гробу».

- Гораздо хуже, - призналась она. – Гораздо. Господи, ты можешь хоть секунду не вскакивать, а тихо послушать и не возникать?

- Надо же – прям как мать моя заговорила! – обиделась Света. – Еще скажи, чтоб я руки вымыла и на стол их положила – одну на другую!

Она уже снова прыгала по комнате, беззаботно хватая и ставя на место разные вещички, тетрадки, ручки – мысль ее блуждала, не задерживаясь на одном и том же дольше, чем на минуту...

- Дура! – рявкнула вдруг Женья. – Я похороны твои видела! Я родителей твоих видела – на твоих похоронах! А ты тут трещишь, как... я не знаю... Слова не даешь сказать!

Вот тут-то Света трещать перестала. Она и двигаться перестала и, кажется, дышать тоже. Силилась сказать что-то, но не так-то скоро с этой задачей справилась, а, когда, наконец, речь к ней вернулась, то хлынула уже неостановимо:

- Ты чего – ваще, да?! Совсем с катушек съехала, да?! Ты чо каркаешь?! Ты чо каркаешь, я спрашиваю? Кто тебя за язык тянет? Ты вообще думаешь, что говоришь? Тебе голова для чего дана? Чтобы жрать, что ли?! Похороны она мои видела, скажите! Ах, ты, сучка... А я-то ее за подругу держала! И еще родителей моих трогает! Дура, дура, дура ненормальная!! – из глаз ее сразу же брызнули испуганные и злые слезы, девчонка сорвалась с места и метнулась в коридор, где сразу стала истерически хватать с вешалки свои вещи, все повторяя: - Я с ней, как с человеком... А она... Шутки у нее... Да чтоб тебе самой сдохнуть с твоими шутками...

Жене удалось силой задержать подругу у входной двери лишь на несколько секунд и скороговоркой проговорить:

- Ты разобьешься в двадцать пять лет в машине – в белой «десятке» - здесь, рядом, выезжая на Коллонтай, – угодишь под фуру – просто не садись в такую машину и будешь жить до ста лет... Запомни, дура, от этого жизнь твоя зависит...

- Идиотка... Какая еще десятка... Точно, нажралась с утра... - остервенело вырвалась Света. – А ну, пусти! - и совсем не по-девичьи замысловато ругнулась, невольно скопировав, вероятно, родителей, которые считали особым богемным шиком изящно пересыпать свою повседневную речь неологизмами собственного изобретения от всем известных восьми корней...

Только после шумного отбытия подруги детства Женья начала осознавать еще одну невыгодную сторону своей осведомленности: ей вдруг припомнился собственный класс – вернее, единственную годовую давности встречу одноклассников, организованную одной вполне успешной девочкой, стремившейся во что бы то ни стало обнародовать свою небывалую удачливость. Тогда и узнала Женья о судьбе почти всех своих соучеников и учителей – о ком-то вскользь пожалела, кому-то так же мимолетно позавидовала... Но теперь-то это было личным будущим каждого из них! И что прикажете делать с этим своим знанием? Уже по тому, как ловко она предупредила о грядущей трагедии Свету, можно было догадаться, что миссия по спасению остальных утопающих легкой не окажется... А теперь у нее на очереди оказывалась собственная

мать, которой иначе предстояло не дожить и до конца месяца...

...Сказать, что это поразило Женю – означает ничего не сказать. По улицам ее города шли другие люди, четверть века спустя полностью и без возврата исчезнувшие с лица земли. Это, конечно, были именно ленинградцы. Не лучше и не хуже петербуржцев – просто другие. Сначала показалось, что дело в одежде: еще бы – все женщины в похожих серых и бежевых пальто со скромными песчовыми или нутриевыми воротниками и в шерстяных шапочках, а мужчины и даже мальчики – тоже в пальто, только квадратного фасона и каких-то асфальтовых тонов. На некоторых существах обоего пола – толстые короткие или длинные шубы коричневого искусственного меха, на многих – бесформенные кроличьи ушанки. Редкие уродливые куртки из темной плащевки с грубыми заклепками кажутся по сравнению с убогим драпом почти нарядными... Яркое пятно в этом буром потоке выглядит чем-то исключительным, на что хочется немедленно обернуться и долго провожать взглядом, причем сразу невесть почему приходит на ум, что женщина, сшившая себе в ателье ярко-красное пальто с перелинкой, бросает обществу своеобразный вызов: на лицах обернувшихся одобрение читается далеко не всегда. Лица – все дело, конечно, в них. Предположим, большинство из этих прохожих уже состарились, а то и вовсе умерли (хотя... хм... как это – состарились или умерли? Вот идут же себе преспокойно – кому сорок, кому пятьдесят...) а их ровесники через четверть века будут носить совсем другое выражение, как и одежду... Что все-таки с их лицами? Они какие-то... непроницаемые, что ли? Некоторые улыбаются и даже тихо смеются, беседуя со спутником, но при этом все глаза остаются – не то что серьезными, нет – настороженными. Боятся? Вроде, в ту пору Большой Страх уже в основном отступил, люди начали все уверенней распоясываться, анекдоты про власть уже в открытую травили в курилках... Общая мрачность, неуверенность в себе, ежедневная забитость? Но ведь не пройдет и десяти лет, как им вообще небо с овчинку покажется – а вот это стадное выражение с лица уйдет... Каждый будет страдать собственным, единственным страданием, исчезнет баранья обезличенность... Женя порой забывала, что имеет внешность незаметной школьницы из трудовой семьи, и ей чудилось, что на нее оборачиваются, как на инопланетянку, прилетевшую на экскурсию – да она и чувствовала себя по сути таковой...

После неудачного общения с подружкой встреча с матерью сошла парадоксально легче. Женя готовилась к ней с таким трепетом и ужасом, что снова повалилась на свою девичью постель в полном душевном смятении – и вдруг была поражена простой и правильной мыслью: да ведь мама-то ни о чем таком и не подозревает! Она просто придет домой рядовым вечером после очередного неинтересного рабочего дня, отстояв очередь в кассу в низком стеклянном строении с зеленой буквой «У» на крыше... Ребята на каникулах – значит, хоть уроки не проверять – и то слава Богу... Ни в какие душевные коллизии детей она не вдавалась, почему-то раз и навсегда решив для себя, что «это все в десятом классе, а сейчас они еще дурачки» – поэтому навряд ли заметит на лице дочери... что дочь эта почти на восемь лет старше ее самой... Если вдруг увидит, что «глаза какие-то грустные» – так решит, что съела что-то не то – и все дела...

Так и вышло. Дверь матери открыл давно вернувшийся и плюхнувшийся с закадычным дружком перед телевизором Эдька (по случаю каникул с обеда крутили подряд все три части «Неуловимых») – и голос ее из прихожей звучал глухо и устало: «Пообедали?.. Папа звонил?.. Почему руки грязные?.. Женя что – у Светы?..» Братишка, оторванный от экрана, на этот раз забыл похрипеть «под Высоцкого» и торопливо пищал в ответ: «Да... Нет... Я мыл... Не знаю...» – и вот мамини шаги послышались уже у самой Жениной двери... Она торопливо отвернулась к стене и укусила подушку.

- Ты чего это в темноте? – совсем рядом раздался неожиданно неприятный женский голос. – Почему лежишь? Месячные?

Достаточно было лишь пробормотать «Угу», чтобы считать первый контакт с еще одним пришельцем с того света законченным и вполне удачным.

- Ну, лежи. Только укройся, дует, – бросила мать, и дверь немедленно закрылась.

Женя перевернулась на спину и уставилась в темный потолок, по которому тихо перекатывались широкие оранжевые полосы: это шли далеко внизу редкие машины... «И что я должна была ей сейчас сказать? "Мама, я знаю, что у тебя беременность раннего срока. Так вот, скоро одна тупая тетка посоветует тебе ввести в матку мыльный раствор, чтобы вызвать выкидыш. Но ты ни в коем случае этого не делай, потому что сразу же после этого умрешь от эмболии – я это точно знаю, и могу даже показать тебе пустую нишку в стене крематория, в которую через две недели поставят урну с тем, что от тебя останется". Круто. Интересно, как бы я на ее месте на такое отреагировала...»

Подступиться к матери до конца каникул так и не удалось: то Женя щадила ее за усталую озабоченность, то никак не могла застать одну, потому что под ногами путался непоседливый Эдька или вдруг угрюмо являлся отчим и располагался надолго пить свой горький черный чай. Вадима Федоровича Женя решила принципиально игнорировать, чтобы заранее продемонстрировать ему все презрение, которого он был достоин – но старания ее пропали втуне, потому что их чувства друг к другу были абсолютно взаимны, и его тоже не тянуло к долгим разговорам по душам с падчерицей, когда-то навязанной в придачу к отдельной квартире и необременительной жене.

А начало второй учебной четверти все приближалось, вызывая в Жене инстинктивный страх,

причудливо сочетавшийся с болезненным любопытством...

Первой тенью прошлого, уверенно шагающей во плоти и в синем пальто с серым каракулем вверх по школьному крыльцу, оказалась Лилия Марковна Цедельбаум, непробиваемая учительница истории, ухитрявшаяся ввинтить небольшой отрывок лекции по научному атеизму или марксистско-ленинской философии даже ведя в четвертом классе урок, посвященный первобытно-общинному строю. По прошествии пятнадцати лет она пострижется в монахини с именем Евлалия, еще через пять станет игуменьей дальнего разрушенного женского монастыря на берегу овеянного легендами озера, а в течение следующих десяти, имея в своем распоряжении только шесть насельниц, своими руками отстроит его заново, превратив в центр духовной жизни целой немаленькой области... Во время каждой Литургии в монастыре из озера будет отчетливо доноситься колокольный звон – и старожилы расскажут, что где-то на дне лежит древний колокол, спрятанный туда верующими во избежание надругательства... Но пока что будущая мать Евлалия уверенно, как корабль революции, плыла по шумному морю школьного вестибюля, презрительно рассекая внушительным килем волны еготившей вокруг недостойной внимания мелюзги...

Кто-то робко тронул Женю за рукав, и, обернувшись, она увидела ходячее недоразумение их 8 «Б» - Снежану Иванову. Создавалось впечатление, что, давая имя новорожденной дочери, ее родители с неизвестной целью жестоко подшутили над ней, потому что была она черноволосой и черноглазой смуглянкой. Вдобавок ко всему, Снежана росла гораздо медленнее акселераток-сверстниц и всегда достигала лишь плеча тем из них, которые считались девочками среднего роста. С мозгами у нее дело обстояло почти на грани вспомогательной школы – собственно, она и была ее явной клиенткой, да помешали родители-кандидаты наук, с таким конфузом смириться не пожелавшие. Ей бесполезно было даже давать списывать, потому что и в этом нехитром деле она допускала не менее десяти собственных ошибок в дополнение к уже имевшимся в тетради чужим. Вот и сейчас несчастный ребенок тихо спросил Женю:

- Слушай, ты уравнения, которые на каникулы задали... Ну, с этим, как его... Дис... Дикре...тьфу ты... - Разумеется, слово «дискриминант» она бы не смогла никогда повторить даже по слогам. – Короче, если решила, дай списать, а?

Никаких уравнений Женя в каникулы, конечно, не решала, будучи занятой несравненно более важными делами, но вполне могла бы поделиться с ней другими, архиинтересными сведениями... Спустя четверть века через зал довольно затрапезного ресторанчика, где соберутся двадцать восемь из тридцати шести одноклассников, почтительно сопутствуемая парой двухметровых охранников, оставляя за собой шлейф небывалого коллекционного аромата, усыпанная бриллиантами, как августовское небо созвездиями, стремительно пройдет миниатюрная черноглазая дама в шиншилловом палантине... В ресторане воцарится достаточно длительная тишина, потому что Снежану не сразу опознают – лишь по лилипутовости, которую не скроют даже невероятной высоты каблук. Весь вечер она многозначительно промолчит – потому что ума, как и росту, ей за двадцать пять лет не прибавит. Но расторопные девчонки сумеют все-таки вырвать у нее страшную тайну: выяснится, что к их бывшей товарке по несчастью (по школе, то бишь) теперь следует обращаться не иначе, как Ваше Величество, ибо она – старшая жена короля одного из столь же миниатюрных, как и она сама, африканских государств, где вместо воды из сливных бачков обрушивается нефть, потому что ее там гораздо больше... Его черное, как хромовый сапог, Величество (тогда – Высочество), имевший росту вместе с ритуальной прической полтора метра, учился в Ленинграде в институте, куда ее, восемнадцатилетнюю полукарлицу, после отбывания в школе восьми классов долго проболтавшуюся без дела, однажды смеха ради затащили на дискотеку подружки по двору...

Жестоко толкнув обеих, по лестнице мимо них промчался Веня Заяц. Недолго ему осталось куролесить: уже в девяносто втором он совершит свой геройский подвиг: как капитан тонущего корабля, откажется покидать собственный бесценный вещевой ларек, который вечером придут сжигать рэкетеры; на это препятствие они никакого внимания не обратят – спялят имущество вместе с хозяином. Еще более жуткой участи подвергнется его ничем не примечательный дружок Котька – вон он, как раз изготовился плюнуть жеваной промокашкой через трубочку от механического карандаша в пышную красную щеку ничего не подозревающей Лили Коренблюм. Его, беспечного владельца крупного ресторанного бизнеса, конкуренты расстреляют на даче из автоматов – вместе с женой, двумя детьми, тещей и собакой. А Лилия в девяносто первом облегченно уедет со всей многоколенчатой семьей в Израиль, где уже в новом веке встретит ее будущий врач-педиатр Оля Торопова, отправившись туда с православной паломнической группой. Она приветливо окликнет Лилию, отделившись от маленького табунка русских, возглавляемого священником, но та вдруг шарахнется от нее, как от зачумленной, и бросится прочь наискосок, через оживленную иерусалимскую улицу Hillel...

Учительница математики, миловидная мышка Вера Георгиевна, напрасно сидит за своим столом такая грустная, задумавшись, верно, о своей незавидной стародевичьей судьбе. Уже после следующих каникул появится в старших классах новый молодой учитель химии, очкастый вольнодумец без пиджака и галстука, в художественно-небрежном свитере, и спустя буквально две недели вся школа станет со всевозрастающим интересом наблюдать за их бурным романом, который одуревшие от любви молодые люди будут не в силах – или просто не захотят – скрывать... Ничего, что после весенних каникул химик таинственным образом исчезнет навсегда, а Вера Георгиевна коротко подстрижет свои пышные светлые

волосы и перестанет пользоваться косметикой насовсем, а также ни разу больше не улыбнется, чем заработает пожизненную кличку «Несмеяна»: если такая невероятная любовь хоть раз случилась в этой паршивой жизни, то ее уже можно считать ненапрасной.

Именно на математике Жене стало окончательно ясно, что разговор с мамой не получится: мама к нему категорически не готова. Значит, поняла Женя, придется срочно написать матери письмо, причем, очень лаконичное – ведь длинный текст для нее по определению непреодолим. Оно должно уместиться на одном листке из школьной тетради и быть отдано не позже сегодняшнего вечера, потому что маме следует отвести достаточно времени, чтобы подумать и придти к правильному решению – ведь другого шанса спастись ей судьба уже не предоставит...

Письмо она написала еще днем – до маминого прихода с неизбежной тяжелой авоськой – аккуратно сложила в восемь раз и, дождавшись ночи, в темноте прокралась в коридор, стянула с комода мамину сумочку, вытащила из нее косметичку, сунула послание в старенькую, почти пустую пудреницу вместо бархотки и с опустошенным сердцем проскакала в свою кровать. Завтра на работе мама станет краситься – это уж заведено раз и навсегда на всех женских рабочих местах, где имеется хоть подобие стола – и неизбежно найдет записку. Неважно, что она подумает после этого о своей дочери – имеет значение лишь то, что через неделю, предупрежденная так прямолинейно, она уже не посмеет, попросту побоится учинить над собой ту смертельную экзекуцию...

Женя написала: *«Дорогая мама! Мне очень неприятно писать об этом, но тебе грозит большая беда. Сказать прямо я не решилась – да ты бы все равно не послушала. Дело в том, что мне недавно приснился ужасный сон. Не смейся, пожалуйста – там все было как настоящее. В этом сне я видела, что ты умерла. Не думай, это не обычные детские страхи. Произошло вот что: ты ввела себе в матку мыльный раствор, чтобы сделать выкидыш. Прodelала это прямо в ванне – и умерла сразу же, прямо там, от закупорки сосудов мозга. Это случилось в день, который еще не наступил: будущее воскресенье, когда Вадим Федорович и Эдик ушли в цирк. А накануне, в субботу, тебе по телефону подсказала такое средство какая-то тетка из бухгалтерии. Сейчас ты этого еще не знаешь. Но не торопись меня ругать и наказывать, а дождись хотя бы пятницы и субботы: ведь сегодня, в среду, я еще не могу знать, что Вадим Федорович принесет в пятницу с работы билеты в цирк, а в субботу знакомая порекомендует тебе способ, о котором ты сама еще никогда ничего не слышала. Если то и другое произойдет – знай: твоя смерть в воскресенье тоже неизбежна. Только после этого ругай меня и спрашивай, откуда я все это знаю – я расскажу и многое другое. А сейчас просто прошу, умоляю тебя: не делай ничего для прерывания беременности – лучше обратись, как всегда, в больницу. Кстати, откуда я знаю, что ты уже обращалась туда около десяти раз? Не ты же это мне говорила, правда? Пожалуйста, мамочка, не сердись и послушайся меня! Твоя любящая дочь Женя».*

На следующий день она не могла ни есть, ни пить, ни разговаривать, а школу прогуляла, решив в понедельник, когда все окажется позади, написать своим теперь вполне взрослым почерком извинительную записку от имени мамы: раньше такое действие казалось уголовным преступлением, и если уж решалась на него маленькая Женя, то считала, что попадает едва ли не под расстрельную статью; теперь это был не заслуживающий внимания пустяк...

Вечером мама выглядела плохо. Женя отчаянно ловила ее ускользающий взгляд, но тщетно: она сидела понурая, двигалась вяло, за ужином почти не ела и ушла в большую комнату (так называлась их с Вадимом Федоровичем и Эдкой за шкафом спальня, выполнявшая в праздничные дни по совместительству еще роли гостиной и столовой), оставив в раковине гору грязной посуды, которую Женя немедленно услужливо перемыла. «Переживает прочитанное, – рассудила она. – А на меня не смотрит, потому что стыдно ей: думает ведь, что я ребенок – и вдруг... Да и вообще страшно такое письмо получить, наверное...»

В четверг, пятницу и субботу все повторилось с аптекарской точностью – и Женя почти успокоилась: конечно, мама была потрясена тем, что теперь узнала и, может быть, даже не хотела какое-то время видеть свою дочь – во всяком случае, до минования рокового дня... В ночь на воскресенье Женя легла в постель лишь для виду – но едва маленькая, пропахшая «Карбофосом» квартирка затихла, вскочила, гонимая и терзаемая неотступным беспокойством. До позднего утра ходила она босиком по ковру взад-вперед, уже не в силах думать, а лишь мечась, как несчастный зоопарковый волк в своем непригодном для жизни вольере... Поздним утром она слышала, как собирались в цирк отчим и братик, и готова была от нетерпения молотить кулаками по подоконнику, провожая невидящим взглядом машины, деловито сновавшие под окнами в обе стороны... Как только входная дверь хлопнула, Женя со стоном метнулась в коридор. Мать, запиравшая дверь, обернулась на нее с непонятным выражением в потемневших за последние три дня глазах. Впервые за эти бесконечные дни оказались они наедине, и молчать было нельзя. Женя решила – как в черную далекую воду с обрыва прыгнула:

- Мама! – выкрикнула она. – Скажи – ты ведь не сделаешь этого, правда?!

- Нет... - помедлив, ответила та. – Не сделаю, раз ты так уж против – до какого-то безумия прямо... Странно это все, вот что. Но поговорим об этом потом. Сегодня у меня другие дела есть, поважнее. Ладно. Ты к Свете сейчас?

От облегчения у Жени вдруг явственно задрожали ноги и руки.

- Мамочка! – и она даже не кинулась, а почти упала к ней на шею. – Конечно, об остальном после поговорим... Господи, какое счастье, что ты все поняла и не сердись... Прости, если я что-нибудь не так...

Мать твердо отстранила ее:

- Ну хватит, хватит... Ты уже большая для таких нежностей... Давай быстро умывайся и завтракай... Считай, мы обо всем договорились...

Мама хотела остаться дома одна – это вполне было понятно, а может, ждала близкую свою подругу Валентину, желая по-взрослому обсудить с ней происшедшее. Это Жене понравилось – она помнила тетю Валю как женщину здравомыслящую и всегда в критические моменты трезвой рукой направлявшую ее нерешительную мать на нужный путь. Она собралась и выскочила за пятнадцать минут, хотя путь к Светке был пока заказан: та не объявлялась уже две недели, не избыв еще, должно быть, страха и обиды... Поговорить с ней еще раз все равно придется – когда страсти поулягутся: у нее еще, как ни крути, а девять лет в запасе – неужели не подоспеет подходящий денек?

Ноябрь в том году завернул снежный – и Женино подростковое мышинное в черную клеточку пальтецо, из тех, что четверть века спустя будут донашивать постперестроечные старушки, мгновенно прохватило промозглым холодом насквозь. Уютные пуховики с капюшонами, единственно пригодные на такие случаи, до ватиново-драповой России еще не добрались, поэтому и уши под вязаной шапочкой немедленно заболели от ветра. Она быстрым шагом шла к метро «Проспект Большевиков», намереваясь отправиться на Невский проспект и отпраздновать первую маленькую победу в любимой «Сифонной» – так не избалованные роскошью ленинградцы называли в восьмидесятых полуподвальное кафе-мороженое неподалеку от Садовой, где не нужно было стоять за ста граммами пломбира в длинной раздраженной очереди, а лакомство приносили в вазочках элегантные официантки, и заказ почти всегда включал в себя важный пузатый сифон с вкусной шипучкой... Демократы то кафе истребили, как и многое другое из того, что было дорого не ей одной – и это тоже ставила Женя им в строку... Но что-то не позволяло сердцу уняться до нормального здорового ритма, зудело в нем назойливым вопросом... «Почему она так спокойно со мной говорила? После такого письма – почему так спокойно?!» Только тут она впервые в восьмидесятых годах ощутила острую нехватку мобильного телефона в кармане...

Оставшиеся сто метров до метро она пробежала бегом, на лету вспоминая, как в эти годы платили в телефонах-автоматах: кажется, еще «двушками»... Или уже можно было две отдельные копейки кидать? Когда подбежала к кабинке, обнаружила в кармане и то, и другое – а номер, как оказалось, исчез из памяти намертво. Светкин помнила, а свой – хоть убей... Зажурила глаза, руками стиснула виски, прошептала первые три цифры, такие же, как во всем доме: «588...» - а четыре остальные вдруг выпрыгнули сами, словно сидели где-то наготове и только ждали сигнала. Гудки тянулись с мучительно редкими интервалами... «Скорей, скорей... Возьми трубку... Ну возьми же... Я должна знать точно... Должна... Бери!» - заклинала она, и в трубке шелкнуло.

- Алё, - мамин голос был олимпийски спокоен.

- Мама, пожалуйста... - горячечно забормотала Женя, косясь на любопытную тетку, назойливо переминавшуюся возле будки и бесцеремонно слушающую чужой разговор. – Ты действительно все правильно поняла в этом письме?

- В каком еще письме? Говори внятно, мне некогда, - нетерпеливо отозвалась мать.

- В том, из пудреницы! – холодея, выкрикнула дочь, уже понимая, что катастрофа вот-вот свершится. – Ты что, пудреницу свою со среды не открывала?! Красную, фирмы «Дзинтарс»?!

- Что ты мелешь? Пудреница и письмо – что тут общего? Вы что там у Светки делаете? Выпиваете, что ли? Женя, я тебе много раз говорила, что...

Женя обомлела только на секунду и заревела так, что тетка у будки вздрогнула и отскочила:

- Открой пудреницу!! Открой сейчас же!!! Там письмо, прочти его!!! Немедленно!!

- Да выбросила я ее... Как раз в среду прямо с утра. У нас на работе новую пудру «Ланком» с запасным блоком одна принесла продавать... Всего пятнадцать просила, а в магазине двенадцать стоит, да ведь не достать же... Я чуть не с руками оторвала, мне случайно первой предложили... А старую выбросила сразу же, так что новой уже пудрилась... Да чего ты там вопишь-то? В лагерь, что ли, все-таки надумала ехать? Не понимаю ничего...

- В какой лагерь? – в свою очередь сипло удивилась Женя.

-Здрасьте! А утром ты мне истерику из-за чего закатила? Чего упрашивала не делать? Ты что там, вообще спятила, что ли, со своей Светкой? Смотри, добьешься, что я тебе запрещу к ней таскаться! Знаем мы всех этих докторов-артистов: сами спиваются и детей спаивают... А ну говори, чем вы там занимаетесь с этой потаскушкой малолетней?!

Женя молчала, дрожа с головы до ног. Она вдруг вспомнила краткий эпизод в *той* еще жизни, действительно имевший место где-то перед теми самыми каникулами. Мать собралась отправить ее на следующие – новогодние – в детский спортивный лагерь, ужасно не понравившийся Жене прошлогоднему заезду вонючим постельным бельем в огромной холодной спальне и буквально помоечной кормежкой. Она настойчиво умоляла мать не посылать ее туда больше, но вмешался отчим, разгудавший

жену за потакание детским капризам и грубо настаивавший на том, чтобы падчерица ехала «без фокусов». Когда он вышел, маленькая Женя с рыданиями уговаривала мать не слушать мужа и вырвала обещание «подумать и решить недели через две». Эти несчастные недели, кажется, как раз и истекли сегодня, и мать закономерно подумала, что девчонка, выждав положенный срок, опять принялась за свои нудные упрасивания... А мамино невеселое настроение последние три дня объяснялось, наверное, проще некуда: четыре недели беременности принесли с собой закономерный токсикоз...

- Чего молчишь? – раздалось в ухе. – Язык проглотила? Ладно, вечером разберемся... - и мамина трубка была яростно брошена, а Женя тупо стояла, пляясь на свою, исходившую короткими издевательскими гудками...

В дверь сразу заколотили:

- Сколько можно, девочка? Ты не одна здесь – очередь, между прочим, ждет!

Слышать «ты» по отношению к себе было не привыкать, но вот обращение «девочка» вместо «тетка»... Широко распахнув тяжеленную дверь, Женя выбросилась из телефонной кабинки, как прыгают с парашютом из кабины горящего самолета... Она добежала за семь минут и не стала ждать лифта. Дыхание почти не сбилось, хотя задумываться над этим не было времени. У двери она с минуту припадочно шарила по карманам, трясла подкладку пальтишка – и не находила ключей... Конечно. Они остались в кармашке школьной сумки, где она всегда их в детстве носила, а заперла за ней мама – полчаса назад, – но как ни билась Женя всем телом в дверь, почти что вынеся ее вместе с коробкой, как ни терзала воздух сумасшедшим рычанием советского звонка, как ни захлебывалась небывалыми, сокрушительными рыданиями – ей уже никто не открыл.

* * *

Победительного шествия по жизни не получилось. Правда, удалось отстоять две вещи – зато самые важные: профессию и комнату. Это у Жени вышло одним ударом, через несколько месяцев после похорон, когда, по ее расчетам, мачеха уже должна была появиться в квартире со дня на день. Церемониться с негодяем она с самого начала не собиралась, поэтому, войдя утром в соседнюю комнату, произнесла краткую, но внушительную речь, наполовину заимствованную из прочитанного здесь и там, но должное впечатление произведшую:

- Вот что, уважаемый. Выслушать вам меня придется, как ни крутите. Планы ваши по вышвыриванию меня из собственной квартиры мне известны досконально. Так вот, учтите, прописать меня в развалинах вы со своей сожительницей не сумеете – никакого согласия ни на какие удочерения я не дам. Будете угрожать – заявлю в РОНО и в милицию: права свои я прекрасно знаю. Детским домом мне не тоже грозите: в этом случае ленинградская прописка все равно остается за мной, что вы и без меня знаете. Метрику мою не ищите, она спрятана так, что не достанете. Вы такая сволочь, что можете попытаться устроить мне несчастный случай. Воля ваша, но знайте, что я оставила в надежном месте письмо, которое вскроют после моей смерти – и вы рискуете сменить освободившуюся комнату на камеру. На дура из Нижнего Тагила с пропиской в Сосновом Бору женитесь, если охота есть, но знайте, что вдвоем околпачить меня не получится – я никогда не поверю ни одному вашему слову, потому что знаю, что вы мерзавец, и цель у вас одна. Комнатой моей пользуйтесь, что делать, – но только до моих восемнадцати, то есть чуть больше трех лет, понятно? Как только закончу восемь классов и получу свидетельство, поступлю в училище, а в общежитие уж пристроюсь как-нибудь. На следующий день после своего совершеннолетия я подам в суд на раздел лицевого счета и размен. Права свои я знаю, так что рыпаться не пытайтесь, со мной вам все равно не тягаться – руки коротки...

Не успевший опомниться отчим, в начале Жениного сольного выступления еще пытавшийся вставить петушистое «Но-но! Ты с кем говоришь, соплюха?!», к концу совершенно увял и явно растерялся, вовсе не грозно бубня что-то на тему «И не на таких управу находили» и «Ты еще у меня узнаешь, что почем» – но в целом наглядно продемонстрировал верность старой русской поговорки: «Молодец – на овец, а на молодца – и сам овца»... Молодую супругу он, к счастью, в дом так и не привел: отпала необходимость в новой ласковой маме для несчастных сироток...

Летом Женя поступила в педагогическое училище по специальности «Учитель начальных классов», и через четыре года, свободная и совершеннолетняя, девственная в ожидании встречи с любимым, худая, благодаря постоянному недоеданию (нерабочее училище питомцев бесплатно не кормило), и вся обносившаяся до дыр, уже имела красный диплом со свободным распределением, большую комнату с высоким окном на Канал Грибоедова и зачетную книжку заочного отделения филологического факультета ЛГУ. Только за эти четыре года найти Игната в пятимиллионном еще-Ленинграде ей так и не удалось...

Справочные столы не принимали запроса без фамилии, которую в две тысячи одиннадцатом она спросить не догадалась, а ненадолго сгонять в двадцать первый век, чтобы ее наскоро выяснить и вернуться назад, мечталось иногда – но не представлялось возможности. В той жизни он сказал Жене, что живет в розовом доме только пятый год и тогда же пришел работать в ту школу, где они познакомились, а до того жил с семьей «далеко отсюда» в большой квартире, которую пришлось обменять на убогую, чтобы лечить Машу импортными препаратами по триста долларов ампула... Там она не поинтересовалась этим «далеко» - без надобности было – а теперь вот без усталости слонялась вечерами по огромному, зимой

и летом сырому городу, пристально вглядываясь в мужские лица... А если он тогда не носил бороду? Натолкнуться случайно практически не было шанса. Женя обошла множество школ, спрашивая везде учителя истории Игната Андреевича, но нигде ей не ответили хотя бы что слышали о нем... Выходило, что придется ждать его еще семнадцать лет – до того дня, как в шестом году грядущего века он поступит на работу в ту единственную школу, которая стояла пока еще новенькая, едва построенная, и ждала, когда Женя придет туда работать учительницей не каких-то полудетсадовцев, а преподавателем литературы для старшекласников... Для этого предстояло получить еще один диплом – университетский...

Вот в те-то годы и выяснилось, что раньше ей лишь казалось, что она читает; что тот увлекательный процесс, которому она предавалась по вечерам в обеих своих жизнях, ничего общего с чтением не имел. Осознав это, она ужаснулась, и только в Университете начала учиться читать с азав. Третьейским судьей оказалась гетера Габрогонон, выяснилось, что царь Эдип – не психический комплекс, а боярыню Морозову звали Феодосия, и она вовсе не походила на ворону... Данте до конца жизни ходил с опаленной адским пламенем щекой, царь Алексей Тишайший организовал на Руси первый театр, а «Собака на сене» – не только фильм с Боярским и Тереховой, а далеко не самая выдающаяся пьеса Лопе де Вега... Старославянский язык учили по Евангелию и Псалтири, и странная «миса», на которой непутевая Саломея принесла матери голову Предтечи, после долгих мытарств всей их первой группы русистов оказалась банальным блюдом. Старше других в этой довольно бестолковой группе Женя себя уж совсем не чувствовала, а порой и вновь, как встарь, ощущала превосходство какой-нибудь уверенной в себе голенастой девочки, имевшей за спиной пять читающих поколений и оттого не приходящей в священный трепет над зеленым томиком Торкватто Тассо: «А, да-а, читала в восьмом классе – скуотища...» Той же мудреной породы девочки, как ни в чем ни бывало, приносили в аудиторию, тайком передавая из рук в руки, и другие, гораздо более интересные книги, в программе не значившиеся, но почти утратившие к концу восьмидесятых золотой ореол запрещенности: был тут и неизменный Солженицын в виде бледных ксерокопий, переплетенных чьей-то умелой и заботливой рукой, и надменный гений стилистики Набоков, добротнo изданный за далеким океаном и провезенный на возлюбленную Родину пока что контрабандой, и жесткая эмигрантская проза робко и жидко издаваемой в доживающем последние годы СССР Цветаевой, и грозно восставшая из пепла поэзия умученного Мандельштама, еще официально числящаяся упаднической, и даже, отпечатанная в один интервал на обеих сторонах листов папиросной бумаги, глубокая и тяжелая скороговорка «царства монпарнасского царевича»... Вот, оказывается, что на самом деле означало «много читать» – а она и не знала... Иногда по ночам охватывал ужас и стыд – при воспоминании о том, как на полном серьезе хвасталась перед Игнатом своей начитанностью и собранной библиотекой – теперь-то Женя хорошо представляла себе, что именно он думал о ней тогда...

Шесть университетских лет она одновременно работала учителем начальных классов, работу свою в целом любя, но чувствуя, что новая планка – существенно выше. Прописи и буквари не увлекали ее надолго, а совсем детский возраст учащихся заведомо не позволял раскрыться и выплеснуться тому драгоценному, что скопилось в душе – для того нужны были восприимчивые подростки... Кроме того, Женя все эти годы несла в себе странную, но неизбежную «идею фикс»: ее побочной мечтой стала отдельная квартира – да не абы какая! Возмечталось вселиться в *ту же самую*, только не съемную, а свою собственную. Комната в спокойной коммуналке, доставшаяся после скандального размена с отчимом и братом, находилась в престижном центре теперь уже четвертый раз крестившегося города, и поменять ее, такую высокую и большую, в перспективной квартире, на хилую однокомнатную «хрущевку» большого труда не представляло – но сколько ни развешивала Женя объявлений на дверях вожделенного подъезда – долгие годы на ее отчаянные просьбы не откликнулся никто. Помощь пришла неожиданно и легко – в тот благословенный день, когда весь этаж, где располагалась их коммунальная квартира, приглянулся богатому человеку, возжелавшему свить там большое и комфортабельное гнездо. Женя набралась храбрости и заявила шустрому агенту, что выедет хоть завтра – но в конкретную квартиру. Богатый человек, по всей видимости, желал выполнить свой маленький каприз любой ценой – и буквально через неделю с Женей строго поговорили, предложив ей на выбор два адреса: первый находился почти в заказанном месте – в том же подъезде, но этажом выше, а в качестве второго без лишних церемоний указали крематорий. В серьезности намерений она даже не усомнилась: в десятые годы двадцать первого века о девяностых двадцатого без содрогания не вспоминали – и Женя вскоре праздновала с коллегами и сокурсницами новоселье...

Полученный еще через год диплом вышел обыкновенным, ненавязчивого синего цвета, но в простой десятилетней школе самого обшарпанного вида, что вот уже десять лет ждала в соседнем дворе, ни о каких красных дипломах никто не мечтал: вечные учительские вакансии заполняли недоучками с незаконченным высшим и переучками из инженеров – так что Женю приняли за литератора-энтузиаста и немедленно повесили на нее максимальную трудовую нагрузку, не считая обязательной проверки тетрадей и добровольно-принудительного классного руководства... Это было даже увлекательно, только вот спать приходилось не более пяти-шести часов... Неважно. Главное, что они шли, эти часы, и их оставалось все меньше и меньше до первого сентября две тысячи шестого года...

Света Бирбиллер осталась жива и здорова, хоть дельного разговора с ней за все годы так и не

получилось, потому что нежная дружба разладилась еще с первого памятного дня Жениного возвращения – но к водительскому месту какой-либо машины – не только белой «десятки» – она даже не мыслила приближаться менее чем на метр: стало быть, суровое предупреждение отнюдь не благосклонно принятое пятнадцатилетней девчонкой, в сердце все-таки застряло на правах ржавого гвоздя – а больше ничего и не требовалось...

Женю любили теперь все, если игнорировать маленькие исключения, и она вскоре даже стала своего рода местной достопримечательностью – потому что, как в старой школе спасла многих коллег и родителей учеников от последствий первого «черного вторника», так и в новой успешно помогла желающим слегка нажиться на начальных этапах соблазнительных «пирамид» – а потом грамотно унести ноги и деньги незадолго до серии красивых крушений с последующими самоубийствами излишне пожадничавших вкладчиков. В девяносто восьмом, на первом же послеотпускном педсовете, Женя, потупив глаза, предсказала грядущий обвал рубля – и ей, считавшейся экономико-политическим гением, поверили не сходя с места, что тоже подняло ее акции на небывалую высоту... Кроме того, теперь была она милой, образованной, маленькой и тонкой женщиной без всякой косметики, с гладкой прической и сдержанными манерами – первой любовью половины старшеклассников и объектом обожания девчонок всех возрастов. Женя ни у кого не вызывала зависти и неприязни, потому что дорогих вещей и украшений никогда не носила, держалась всегда доброжелательно и скромно, не служила разносчицей сплетен, сторонилась скользких интриг, не проявляла любопытства к чужим секретам и в жизни ни про кого не сказала за глаза дурного слова... Женя не догадывалась и сама, что, стоило ей войти в учительскую – как там сразу прекращалось злословие, потому что одним своим, незаметным, казалось бы, присутствием, она словно повышала общий градус нравственности – и не то чтобы боялись *ее лично* – а как бы вдруг вспоминали про страх Божий... Мужчин для Жени не существовало, а кружили в ближнем пространстве просто бесполое люди в брюках – в основном, несчастные, загнанные в пятый угол и терзаемые там своими страхами, комплексами, неразделенными любовями... И относиться она к ним могла только по-матерински. Один был мужчина – учитель истории и отец маленькой больной девочки, – который сейчас тоже крепко страдал где-то в недрах прекрасного и страшного города-титана – и, страдая, все же шел к ней, сам не зная того, – шел, чтобы полюбить и навсегда остаться. Женя даже не спрашивала себя, почему так уверена в этом – просто *знала*. Иначе зачем ей было дано родиться вновь?

Она думала встретить его в сентябре, но это непредсказуемо произошло в июне, как раз перед выпускным, когда ей предстояло вновь распрощаться с очередным навеки полюбленным 11 «Б»... Рассчитывала старательно проготовиться к судьбоносной встрече весь отпуск, продумать каждое слово, проговорить каждую интонацию, а вот заскочила в приемную к секретарю за ничтожной надобностью – аттестаты на подпись оставить – и тут вольно распахнулась дверь директорского кабинета. Директриса – мировая тетка, внучка повешенной партизанки и маньячка своего дела – выходила, сопровождаемая мужчиной, продолжавшим начатый в кабинете разговор, – и, только услышав низкий и спокойный его голос, Женя уронила тяжелую пачку только что собственноручно заполненных аттестатов...

Пока он старательно подбирал их, она стояла молча и механически кивала на слова не заметившей ее растерянности директрисы о том, что Бог, кажется, послал их школе третьего учителя истории, и поэтому другие два, может, и не уволятся со своей каторги, если новичок подставит им надежное плечо... Кивнув подчиненным, добрая начальница вышла, а Игнат как раз поднялся, протягивая Жене все, собранное с пола. Внезапно ослабев с ног до головы, она тяжело привалилась к дверному косяку. Их взгляды встретились.

Так вот, как этому предстояло произойти... Лицо моложе, борода короче, глаза гораздо веселей, чем... раньше... Конечно, ведь он же еще не знает, чем все это кончится...

- Вот, пожалуйста, - и он шуточно сдунул с верхней коричневой корочки воображаемую пыль. – На самом деле, я еще не решил, где останусь – у вас или у соседей.

- Оставайтесь у нас! – хрипло вырвалось у нее.

Игнат серьезно, почти неоправданно серьезно, взглянул ей в глаза. «Вдруг – узнает?!» - пронеслась у Жени безумная мысль.

- Что ж... Весьма вероятно, что так и сделаю... - медленно ответил он.

Глава 6

Толпа зевак росла ежеминутно, несмотря на глухой час еще длинной мартовской ночи.

Несколько раз прозвучало слово «теракт», но как-то неуверительно, а спустя четверть часа к уцелевшей половине дома, похожей не на дом, а на раненого богатыря – ослепленного, непоправимо искалеченного, но последним усилием воли не рухнувшего вниз лицом – подъехали-таки три пожарные машины, несколько крытых фургонов, из которых сразу сосредоточенно посыпали парни в бронежилетах и с автоматами наперевес, и кавалькада скромно остановившихся в сторонке «скорых». Все это время Игнат стоял чуть в стороне, как пораженный молнией. Себя за это краткое время он успел прочно и с полным основанием возненавидеть, потому что еще в самую первую минуту, когда только понял, что Женя – живая или мертвая – лежит где-то под обломками, непосредственная внутренняя реакция его была такой: «Только бы ее сразу насмерть. Можно было бы хоть одну проблему отсечь». Словами он этого не сказал – иначе

пришлось бы язык свой немедленно откусить и выплюнуть – а как прикажете расправиться с невидимым и бесплотным органом, беспощадно демонстрирующим тебе, кто ты есть на самом деле?! До этой минуты он думал, что просто оступился в жизни, слабинку дал – с кем не бывает, а он еще и держался дольше многих... И часа не прошло, как в темноте своего осиротевшего дома он смел молить Бога о чуде – и почти уверовал в то, что Бог совершит его для него, и завтра Маша еще будет жить... Теперь иллюзии как отрезало, потому что стоять перед обломками дома, под которыми находится женщина, с которой еще четыре дня назад был физически близок – да, хладнокровно подсчитал он, именно четыре дня, – определенно знать про ее безудержную любовь к себе – и при этом деловито желать ей смерти, чтоб самому избавиться от ее возможных дальнейших домогательств – такое мог только подонок законченный и совершенный... Нужно было уходить и вешаться, потому что получалось, что Бога нет, и поэтому жить в ожидании дальней, но гарантированной встречи с дочерью не имеет никакого смысла. Но сдвинуться с места Игнат не мог, хотя возбужденный всей непонятной ситуацией Рики уже не раз и не два обиженно тыкался шелковым лбом в обвисшую руку хозяина. Из окаменения вывел грубый голос – мужчина в серой форме, тянувший желтую ленту оцепления, бесцеремонно толкнул его и рывкнул: «Оглох? Проваливай – не в кино!» Игнат впервые за это время глянул на мир осмысленно:

- У меня там моя... моя... девушка, - кое-как справившись с парализованными губами, выдавил он.

- Отлично, опознаешь, - и его пихнули в спину, уже внутрь заколдованного круга.

- Теракт? – осмелился шепотом спросить он.

- Да не, похоже, газ рванул, - спокойно пояснил собеседник. – А жаль, - и в ответ на дикий взгляд растолковал: - Был бы теракт – так родственникам бы компенсация, пострадавших лечили бы по высшему разряду на казенный счет... А если газ – так, типа, бытовуха, сами виноваты. Сейчас покойников по моргам, калеченых – в истребительные, и все дела... Кто собственники квартир – тем, может, другие дадут... А скорей всего – только пообещают... В общем, тухло... Ты, слышь, вон там встань пока... Только пса на короткий поводок возьми...

Послушно перебирая деревянными ногами, Игнат добрался до фонаря, попавшего в зону оцепления, и припал к нему головой. «Я говно, - громко сказал он. – Я говно. Я говно, и у меня умирает дочь».

Женю нашли только вечером. Уже после того, как позвонили из больницы насчет Маши – поздним утром, когда он зашел домой с единственной целью: привести туда покрывшегося густым инеем пса. Уже после того, как Ариадна, отнеся в больничный морг свадебное платье и фату их матери, вернулась и надавала брату, обнаруженному при помощи Рики у чужого рухнувшего дома, множество тяжелых справедливых пощечин, принятых им с полной покорностью... Просто крикнули в молчаливую группу подтянувшихся днем родных и близких: «Еще одна женщина!» - и это оказалась она... Живая...

Игнат и без того знал, что жизнь его не похожа на среднюю человеческую – и благодаря выпавшим испытаниям, и из-за общей несуразности – так что, в общем, удивляться он разучился давно. Но вот представить себе, что день смерти своей девочки он проведет не в рыданиях у тела (заплатив кому следует, Ариадна читала ночью в морге Псалтирь, и перед похоронами даже помогала одевать Машу для венчания с Небесным Женихом), а в коридоре совсем другой больницы, не только живучим народом, но и медиками прозванной «истребительной», у двери в очередную реанимацию, где лежала случайная, но, как теперь оказывалось, роковая женщина его жизни – представить *такое* даже изощренная фантазия не могла.

- Ну что вам сказать? – тяжело ворочавший языком от усталости врач в мятом хирургическом белье неторопливо опустил на подбородок маску – одноразовую, но служившую, вероятно, долго и преданно. - Зафиксировали, интубировали, все, как обычно... Дышать-то скоро будет сама, но... Вы ведь ей не близкий родственник?

Игнат неопределенно промычал: легенда про «мою девушку» здесь не проходила – какая, к чертям, девушка, если он даже фамилии и отчества не знает? Впрочем, директриса должна знать, ведь она же с ней договор какой-то заключала...

- Вот то-то и оно... Раз просто знакомая – то не будете же вы лечение оплачивать. А тут, по-хорошему, ВМА или Вредена нужно, нейрохирургия... Нет, в смысле – кости – это мы собрали, срastутся, ей же не восемьдесят лет. Позвоночник цел – ушиблен, правда, но даже без компрессионного обошлось... Селезенку удалили – так и без нее люди живут, а другие органы не пострадали почти... Сердце здоровое. А вот с головой – беда: перелом основания черепа, обширная внутренняя гематома... - и доктор почти слово в слово повторил слова давешнего спасателя: - Будь то теракт – показательно бы лечили на госсредства. А так, в рамках полиса – сами понимаете. Высокотехнологичные операции в полис не входят – да и личность даже не установлена еще...

- Сегодня же... - пообещал Игнат.

- Да чего там полис. Вы родственников ищите и пусть деньги дают! Тут ведь каждый час на счету – завтра уже, может, поздно будет.

- По-моему... Кажется... В общем, она одинокая совсем... Родители умерли, а с братом никаких отношений... - обреченно припомнил Игнат, а про себя добавил: «Один я у нее – такие вот дела».

- Хреново, - врач откинулся на колениковую спинку. – Вы все же, может, этого брата поищите? Не

зверь же он – самому помирать когда-нибудь. Потому что, если без операции – то это... Хм...

- А именно? – тихо спросил Игнат, и прямо в этот момент вспомнил, что Маша сейчас лежит в темном холодильнике, туго замотанная белой простыней.

Он застонал.

- А именно – ничего хорошего, - врач неправильно понял его стон, и голос его немного помягчел. – Раны заживут, а вот способность мыслить не вернется. Двигательные функции восстановятся только те, за которые отвечают непораженные участки мозга. Какие точно – пока неизвестно, томография нужна – у нас томографа нет, конечно – да и вообще это темное дело...

- И что... - голос Игната даже сел, потому что появилось странное ощущение надвигающегося цунами, от которого уже не убежишь. – Она так навсегда и останется в больнице?

- Кабы так... - доктор вздохнул. – Все равно выписать придется – у нас же койко-места и прочее... Вечно держать не сможем. Если родственники не объявятся и не заберут, то в интернат для инвалидов. Про это местечко врать не буду: коли на земле действительно бывают, так сказать... филиалы ада, что ли... то это один из них... Как наше государство к бесхозным инвалидам относится – это, надеюсь, объяснять не надо. Впрочем, долго они там не заживаются...

- Я найду ее брата, - не своим, но поразительно твердым голосом ответил теряющий чувство реальности Игнат.

Вся его жизнь до того дня была полна горечи, но понятна: даже для горя существуют, как ни странно, какие-то свои, веками сформировавшиеся правила. Уходит любимая жена – страдаешь и терзаешься; заболевает раком единственная дочь – молишься и титанически бьешься за ее жизнь до последней минуты; умирает она – рвешь волосы на себе дома и за гранью собственных сил сдерживаешь звериный вой на похоронах, а потом учишься жить заново, как учатся потерявшие обе ноги ходить на двух протезах, потому что прежней жизни, знаешь, не вернуть...

Первый день после Машиной смерти Игнат провел у остатков взорвавшегося дома, второй – в ободранном коридоре районной больницы, на третий, узнав у потрясенной всем совокупно случившимся директрисы данные Жениного паспорта, отправился на медленной электричке (машину забрала вынужденная в одиночку мотаться по скорбным организациям сестра, демонстративно прекратившая общение с братом), в Сосновый Бор, в паспортный стол, где, быстро и равнодушно дав привычную взятку, за полчаса узнал адрес предыдущей прописки Жени, а наутро четвертого отправился уже на метро в Веселый Поселок на поиски брата-Эдика... Плакать он снова разучился.

За те годы, что Женя не видала его – а она рассказывала, что это было аж в восьмом классе, пред тем, как ее хитроумно выставили из родного дома, брат мог сменить местожительство уже неоднократно – и в этом случае Игнат даже не представлял себе, что делать дальше. Но на его вопрос «Не здесь ли проживает Эдуард Вадимович Зимин?», обращенный к представительной двери, из-за которой только что прозвучало достаточно дружелюбное «Кто?», дверь простодушно распахнулась, явив в проеме молодую женщину настолько красивую собой, что даже у смертельно раненного в душу Игната в этой самой душе что-то перевернулось: бывает же все-таки в мире совершенство!

- Так он на работе всегда в это время, - да, Игнат напрочь позабыл за эти дни, что все люди запросто ходят еще на какую-то работу и вообще живут, как будто ничего не случилось. – Может, передать ему что-нибудь?

- Да, если можно... - пробормотал он, инстинктивно смущенный перед сиянием *такой* красоты.

А она как будто и не подозревала о своем сокрушительном воздействии на мужчин: привычно откинула со лба меднокудрую прядь, ласково глянула глазами цвета чистейшего изумруда из каких-нибудь индийских копеек, плавно отвела молочного цвета руку идеальной формы:

- Так заходите, холодно же... - и он пошел за ней, как загипнотизированный.

Люди в этой двухкомнатной квартире жили в явном и стабильном достатке. Интерьер разрабатывал хотя и не нанятый дизайнер, но человек с незаурядным и развитым в нужном направлении вкусом. Все для отделки этого дома приобретено было в ближайшем строительном супермаркете, но выбрано с нестандартным подходом, в результате чего квартира резко отличалась от других подобных, обычно выдержанных в традиционно светло-бежевых безликих тонах. Кухня, в которую женщина привела Игната, напоминала весело раскрашенное пасхальное яичко («Господи, Великий же Пост идет!!!» - вломило ему в голову при этой ассоциации). Желтый и синий причудливым узором выложенный кафель дополняли изящные шторы с рисунком из переплетенных золотистых тюльпанов и лиловых ирисов. Почему-то Игнат понял, что никогда этого не забудет.

- Я пришел сказать, что родная сестра Эдуарда умирает, - сообщил он сразу же, чтобы исключить любое недопонимание с самого начала. – А моя собственная дочь только что умерла.

Женщина ахнула и перекрестилась на тот угол, где во всех таких кухоньках обычно находится телевизор – у нее там висела небольшая современная икона Божьей Матери «Владимирская». И Оля стала вторым человеком после Жени, которому он тоже все рассказал – на этот раз и про нечеловеческие отношения с Женей тоже. Утаил только первую свою мысль после осознания катастрофы – тут уж язык сам к небу прирос. Интересно, в каких выражениях это на исповеди придется оформить... Простенько так

назвать: «зложелательство» - и далее, по списочку: «курение, просмотр телевизора»... Ах, мило... Нет, действительно надо вешаться...

- И вы... Накануне похорон дочки... девочки... Нашли нас, чтобы спасти почти что чужую вам женщину... Игнат Андреевич, вы... вы... - Оля не отрываясь смотрела ему в глаза и не находила слов.

- ...скотина, - честно подсказал ей Игнат.

Она разрыдалась, как взорвалась – без всякой подготовки в виде дрожаний и всхлипываний. Просто закричала, закрыв мгновенно ставшее мокрым лицо руками, и кинулась к окну. Сквозь рыдания прорывалось:

- Я бы сказала... сказала... Если б не знала, что этого нельзя... говорить живому человеку, пока, пока... пока он не умер... Сказала бы... святой, сказала бы... А нельзя, нельзя...

«Сама ты святая – так из-за чужого горя плакать, да и вообще постороннего мужика в дом пускать», - тяжело подумал Игнат, а вслух вдруг сказал:

- Хотите, я вам считалочку скажу, ее Маша сочинила? – и, закрыв глаза, прочел:

*Человечек шел домой,
Но упала тень.
И душа пришла домой
На четвертый день.*

Пояснил:

- Это как раз сегодня, - а потом коротко и страшно хохотнул.

Оля оказалась рядом с ним в тот же миг – он только потом понял, что упала перед его табуреткой на колени:

- Игнат Андреевич, Игнат Андреевич! Вы только с ума сейчас не сойдите! – забормотала она, тормоша его без всякого стеснения. – Я понимаю, что это сейчас *очень* просто, и может быть даже – *нужно*... То есть, *легче*... Но только не сходите... Потому что это нужно – вам... И легче – тоже вам... А нельзя – как вам, надо – как другим... А другим – не надо... Другим нужны – вы... Игнат Андреевич, не сходите сейчас с ума, слышите?!

Он слышал, но остановиться не мог – и так бы, наверно, и скатился куда-нибудь в притягательную бездну, ускоряясь с каждой секундой, если бы им обоим на голову не обрушился гром дверного звонка.

Оля вздрогнула:

- Это Эдик. Он на обед пришел, - и стремглав кинулась в прихожую, не забыв, однако, плотно прикрыть за собой дверь.

Впрочем, Игнат и не вслушивался особо в ее быстрый-быстрый тихий говорок и ответное бурчание мужского голоса. Он знал, что Оля дает ему время придти в себя и, кроме того, избавляет от необходимости мучительного повторного рассказа. В конце концов, это ведь ее муж, и она, конечно, имеет к нему какие-то свои безошибочные подходы. Дверь открылась нескоро, минут через пять – и выпустила в кухню ухоженного, благоухающего недешевым парфюмом мужчину в безупречно сидевшем костюме дивного серо-переливчатого материала. Он скупко поздоровался, но руки не протянул – вероятно, блюда в этом отношении какой-то личный строгий отбор, – и безгалстучный Игнат, сторонник удобных свитеров, не попадал в разряд счастливых, достаиваемых Эдуардова рукопожатия. Как ни притупило горе общее восприятие мира у Игната – но он не мог не заметить необычайной неподвижности лица этого человека – это была просто маска какая-то – и полной непроницаемости неопределенно-темных глаз. Эдуард Вадимович неторопливо, по-хозяйски уселся напротив гостя и выложил на стол крупные уверенные кисти – одна на другую. Случайно глянув на них, Игнат вдруг понял безоговорочно: денег не даст, все хлопоты были напрасны, и мордобой, учиненный ему Ариадной – справедлив вдвойне. Потому что этот мужчина делал себе маникюр – элегантный мужской маникюр с идеально удаленной кутикулой и бесцветным лаком. Он, несомненно, был дельным человеком – но рассчитывать хотя бы на минимальное сочувствие в таких случаях не приходится... Оля садиться не стала – а прислонилась к раковине, беспокойно перебегая глазами с одного мужского лица на другое.

- В целом все понятно, - без обиняков приступил к делу Женин брат. – Про дом этот в новостях говорили, так что мне известно – как и всей стране, полагаю. Теперь что касается моей сестры. Сам я ее практически не помню – так, обрывками, смутное что-то – но отец мой рассказывал кое-что. Прямо скажем, впечатление по его рассказам у меня сложилось неважное. Личность, судя по всему, асоциальная, можно, даже сказать, криминальная. Поэтому, согласитесь, когда ко мне приходят через двадцать пять лет от ее имени – то я даже не знаю, что и думать. Прямо скажем, не знаю даже, и верить ли...

- Я не от ее имени: она в коме. Я от своего, - без всякого энтузиазма ответил Игнат – просто нужно же было что-то отвечать.

- А вы ей кем, простите, приходиться? – прозвучал неизбежный вопрос.

- Никем. Просто знакомый.

- Отлично. Знакомый. Понятно, - и в глазах Эдуарда впервые появилось определенное выражение – точно такое же, впрочем, появляется в глазах девяноста процентов населения, когда этим словом мужчина определяет свои отношения с женщиной, будто само по себе оно уже является не совсем приличным. – А

документы у вас имеются?

Игнат молча достал и протянул паспорт, думая, что лучше было бы сразу встать и уйти: с таким дундуком все равно любые разговоры бессмысленны. А ему завтра утром на похороны. И еще сил надо найти для них – и этого никому не понять.

- Так. Но это, собственно, мне ни о чем не говорит, – Эдуард вернул тщательно изученный паспорт.

Игнат поднялся:

- А что вы надеялись там узнать? Впрочем, ладно, извините...

Взять бы, да и сказать ему сейчас: «Ваш отец вам все это время врал, как сивый мерин. А сам он гад такой, каких еще поискать». И чего бы он добился? Еще одной оплеухи? Это бы ничего – только прок во всем этом – какой?

- Извините, Оля, - повторил он уже для нее одной и отвернулся.

Она кинулась к мужу:

- Эдик, как ты можешь? На него только посмотреть – и сразу ясно, что все правда! Давай поможем им! Ведь у людей такое горе!

- Да я что – против? – вдруг покладисто отозвался ее муж. – Господин...э-э... как вас там... Я же не изверг. Но хочу, чтобы все было, так сказать, прозрачно... Вы же и сами, наверное, не отдали бы такую уйму денег первому встречному? Это вот только Оля может, но я же не Оля...

Удивление прорвалось, как зеленый росток сквозь растрескавшийся асфальт: неужели бывает еще на земле такое? Он задержался, пристально глядя мужчине в лицо – но оно по-прежнему выглядело деревянным.

- Давайте по порядку, - веско начал Эдуард. – Я не отказываюсь помочь сестре, если она в такой ужасной ситуации – сестра есть сестра, какой бы она ни была. Но я хочу быть уверен, что даю деньги именно ей и именно на конкретные нужды. Все нужно подтвердить документально – вы же не можете с этим не согласиться. Я ведь не обязан верить вам на слово. А документам – поверю. Ну, во-первых, два уважаемых человека должны удостоверить личность больной женщины и все это нотариально заверить. Во-вторых, лечебное учреждение должно предоставить выписку из решения консилиума о необходимости именно такой операции. Потом надо получить справку из страховой компании, что они такие операции не оплачивают. Выяснить, где можно прооперировать, и предоставить заверенную выписку из прайс-листа. Кроме того, не может быть и речи, чтобы я выдал вам наличные на руки – откуда я знаю, что вы с ними сделаете. Я должен знать счет, на который моя фирма переведет средства – в том случае, разумеется, если нас удовлетворят все представленные документы... По ходу дела могут понадобиться и другие – но это уже мы отдельно обговорим...

- Эдик, ты что, с ума сошел?! – зажимая себе уши ладонями и зажмурившись, выкрикнула Оля. – Тебе же сказали – каждый час на счету! А тут неделю надо бегать – и то неизвестно! А у человека завтра похороны! Дочь свою он хоронит – можешь ты это понять или нет?!

Ее муж вскинул обе руки в обманчиво успокоительном жесте:

- Могу, Оля, все могу понять. Кроме одного: как можно вот так вот взять и выложить чертову прорву бабок парню маргинального вида, которого видишь впервые в жизни. Этого никто бы не сделал – ни один человек на свете. Ни один, понимаешь?

- А я бы сделала! Я! – со слезами выкрикнула она.

- Это – точно... Но ты, слава Богу, лишена такой возможности...

Супружескую сцену Игнат слушал уже из коридора – опять шнуря треклятые ботинки. Кроме того, вешалки с его курткой нигде не оказалось – он застыл на месте, беспомощно озираясь на зеркальные шкафы, обступившие кругом и отражавшие друг друга и его самого в разных ракурсах, в том числе и уродливых. Из кухни буквально вырвалась Оля и распахнула для него шкаф:

- Игнат Андреевич, хоть оставьте ваш телефон! Если вдруг все-таки что-нибудь...

Он вытащил из кармашка сумки визитную карточку и протяжно произнес:

- О-оля... Вы такая красивая, что даже страшно. Как вы с такой красотой живете – это же уму непостижимо...

- Кто – я? – совершенно искренне удивилась Оля. – Я же рыжая!

За ее спиной самодовольно хмыкнул Эдик.

Из-за двери, закрывшейся позади, Игнат услышал:

- Если бы отец не умер так рано, то он бы сейчас...

Что сделал бы отец – Игнат знал почти в подробностях, поэтому не стал дослушивать – устало зашагал вниз, забыв о существовании лифта...

Пятнадцатилетнюю девочку, знавшую в жизни только отца, тетку и собаку, хоронило не менее семидесяти человек. В школе, где работал Игнат, отменили уроки – и на кладбище приехал весь без исключения учительский коллектив, 9 «В» в полном составе и – отдельными кучками – ученики других старших классов – те из них, которые любили своего историка. «Надо же... - смутно подумал он. – Надо

же... А я и не предполагал...» Песчаную яму, на дне которой стояла вода, выстелили белыми розами, как брачное ложе, а продолговатый холмик завалили черными и алыми до верхних перекладинок временного креста. Женщины и девчонки рыдали в голос, глядя на каменно молчавшую Ариадну в абсолютно черных очках, про которую не все дети знали, что она – тетка, и многие считали матерью. Очков она так ни разу и не сняла, с братом не заговорила. С похорон уехала без него, неизвестно когда и с кем – он не исключал, что одна – но, во всяком случае, знал, куда, и за нее не волновался. Самое тяжелое парадоксально началось после всего, когда растроганные и заплаканные учителя и ученики порывались вести его восвояси под руки, предлагали машины и звали помянуть – он был глубоко им признателен, но в эти минуты мечтал, чтобы они провалились – и очень жалел, что не мог сказать этого прямо... Неизвестно, кто из них первым додумался, что Игнат хочет остаться один, у могилы между ними произошла мелкая толкотня, и, наконец, многократно оглядываясь на него в надежде, что ему все-таки понадобится помощь, последние сочувствующие удалились по центральной аллее. Он еще постоял у могилы – не для себя и не для Маши, потому что никакой Маши там не было, и он это твердо знал – а чтобы наверняка быть уверенным, что никто не дожидается его у ворот кладбища и не накинется, как волк, со своим голодным состраданием...

Когда он сел за руль своего выносливого «Фольксвагена» и убедился, что руки не дрожат, было позднее великопостное утро. Еще накануне он решил, что заедет домой только выпить крепкого кофе, чтоб ноги не подкосило где-нибудь на людях, и после отправится в коммерческий банк за срочной ссудой. О том, как он будет возвращать ее, обросшую разбойными процентами, подумать предстояло потом – когда Женина судьба, какой бы она теперь ни оказалась, не будет зависеть от его жалкого интеллигентского великодушья. Машина летела по КАДу, далеко превысив предельно разрешенную скорость...

Он даже не глянул в сторону скамейки у подъезда, традиционно пенсионерской летом и молодежно-тусовочной в остальные времена года – и, когда оттуда навстречу ему поднялась женская тень в темном непромокаемом пальто, просто посторонился, давая ей дорогу – но женщина вдруг откинула капюшон, и в глаза ему хлынуло солнце. Оля...

- Игнат Андреевич, здравствуйте. Вот деньги, скорее отнесите их, куда нужно, - в ее руках белел почтовый конверт, очень толстый.

Он запутался в словах:

- Как это вы ухитрились... у него вырвать... вытянуть... Это же это... Вот это да...

Оля махнула рукой:

- Вырвешь, у него, как же. Это я свою «Приору» заложила с утра – она у меня новая совсем.

Протянутая было за конвертом, рука Игната упала:

- Не могу. Не возьму. У вас будут крупные неприятности.

- Игнат Андреевич, - ее низкий женственный голос стал жестким, а глаза потемнели. – Если вы сейчас же не возьмете конверт, то я... Я у вас на глазах брошу все купюры в эту урну и... И подожгу ее... Мои неприятности – это мои проблемы... Не думаю, чтоб очень крупные. Ну! Берете или нет? – ее рука в перчатке, сжимающая конверт, недвусмысленно зависла над урной, а в другой невесть откуда возникла золоченая зажигалка.

- Беру, - ошеломленный таким напором, выдохнул Игнат.

Он подумал, что, принимая деньги, нужно отогнуть верх перчатки и поцеловать ей руку – да что там руку, по-хорошему, ей надо целовать ноги – или лучше – следы ее ног – или нет, оклад иконы с ее небесным ликом. Подумал – и не решился сделать ни того, ни другого, ни третьего. А четвертое, наверное, будут делать их далекие потомки...

* * *

За Ариадной беда тоже ходила по пятам – и вновь ожгла жгучим, как удар кнута, несчастьем. Ее личный мир, казавшийся незыблемым и безопасным, в котором она могла одновременно укрыться и уповать на спасение, после смерти племянницы стал крошиться подобно трухлявому бревну под тяжелой ногой. Возвращаясь поздно вечером – почти ночью – со срочной требы, о.Сергий не сбросил скорость до шестидесяти на мокрой трассе у белой таблички с названием захудалой деревни. Да и кто вообще эту скорость сбрасывает, кроме вчерашних учеников автошколы? Ведь сама машина всем железным нутром своим бунтует против такой тихоходности! Кроме того, проезжая той дорогой по два (а, случалось, и по четыре) раза в сутки, никогда не видел он в этой деревне, выглядевшей давно покинутой, ни одного живого существа. Даже собака там по трассе ни разу не пробежала, и на нелепый знак водители вообще не реагировали, тем более что и расторопных гаишников в кустах там никто отродясь не выдвигал... Так и несся о.Сергий в своем джипе на ста двадцати, сросшись с ним в те минуты почти до полной кентавровости – и удивиться не успел, когда прямо перед капотом в радостном свете фар возникло человеческое лицо. Мощный железный намордник почти не дал водителю ощутить удар – и сбитый человек безмолвно улетел в ночь... Им оказалась старушка девяноста четырех лет, прожившая в этой деревне всю жизнь и спать ложившаяся с закатом, но последнее время что-то вдруг сон терявшая... Вместо этого она бесстрашно гуляла теперь зимой и летом вдоль трассы как минимум до полуночи. И вот догулялась до смерти – не виноват же в этом был, искренне считала Ариадна, ничего не подозревавший священник, которого, как пролившего человеческую кровь, немедленно запретили в служении и сняли с прихода...

- И хоть бы человек! Мужчина и отец! Так ведь нет – женщина! Полупокойница! Должны же делать в таких случаях какие-то различия! – на полном серьезе стонала она, ломая руки перед своим задумчивым братом.

Сразу после похорон дочери он плюнул на все условности и стал курить не то что в квартире, а прямо в комнатах, и делал это с мстительным удовольствием. Кому он мстит, Ариадна специально не задумывалась, считая, как само собой разумеется, что ей – чтоб хуже сделать. Или чтобы выжить ее из квартиры и привести сюда «эту свою», когда она поправится. Младший брат (девочку в свое время действительно достали из материнской утробы на восемь минут раньше мальчика) – а никакого уважения...

А Игнат смотрел на нее сквозь замысловатые бублики дыма и отстраненно рассуждал про себя, действительно ли она так думает – в смысле, что жизнь почти столетней бабушки, пережившей четыре революции и одну самую страшную войну, стоит дешевле по сравнению с жизнью пропойцы-мужика из той же деревни, настругавшего троих человек детей, которым не хватает на сахар, потому что он пьет водку. Вот сбили бы такого – и это законно – священника за него наказать, а за бабу – подумаешь, она и сама бы через неделю загнулась... А что – вполне возможно, равнодушно рассуждал он. Ведь есть же у них в школе учительница французского, работающая на две с половиной ставки, плюс ведущая дополнительные занятия, а после всего этого бегающая по частным урокам – и все для того, чтобы по-королевски содержать молодого здорового мужа, который не работает нигде и принципиально не хочет этого делать – зато иногда пишет стихи; жена считает, что он непризнанный гений, и она его недостойна. Ариадна из той же породы, но она убежденная девственница – и со слезами раскаивается на исповеди (а до нее – перед Игнатом, но без слез) в том, что в десятом классе, когда кто-то из одноклассниц нафарцевал в нагрузку к джинсам «Wrangler» еще и порножурнал, она тоже туда в туалете заглянула – всего лишь, чтобы убедиться в мерзости – но ведь все равно застрянет за это на мытарстве блуда! Зато она, ничуть не тяготясь совестью и не стесняясь брата, ищет по телефону второго лжесвидетеля (первым сразу же вызвалась лично), согласного подписаться в том, что своими глазами видел, как старушка сама бросилась под священников джип – и, стало быть, он невинен так же, как и его достойная хожалка. Она негодуяще обличает Игната в том, что он очертя голову бросился помогать «своей блуднице» прямо в день смерти дочери – потому что «домá никому на голову просто так на падают» - но неколебимо убеждена, что старушки на капоты иерейских машин падают без всякого Божьего вмешательства – а из-за одних только дьявольских козней...

Петербургского прихода о.Сергий лишился при любом, даже самом благоприятном исходе – и светила ему тогда какая-нибудь полуразрушенная церковь на краю богатой, но очень уж обширной епархии. «В изгнание поеду за ним», - без колебаний решила Ариадна, и, услышав это, Игнат впервые за истекший месяц улыбнулся – до этого даже на Пасху не получилось. Раньше он глухо раздражался на узколобую ограниченность сестры, иногда вспыхивая, пытался обратиться – а теперь вдруг спокойно и ясно подумал: «Господи, просто у нее тоже есть своя сказка, чтобы выжить». Не выпало героической по сути Ариадне строгого жребия духовной дочери седого исповедника-старца, гонимого безбожной властью в беспросветные снега Заполярья или в жгучие голодные пески Средней Азии, где можно было бы бесстрашно и самоотверженно служить при нем тайной связной, развозящей по осиротевшим чадам пламенные призывы к стойкости в вере и пророчества о скором антихристе – и, схваченной врагами, принять мученическую смерть за Христа, в последней молитве призывая, правда, не Его, а любимого «Батюшку»... Не сподобил Господь – не беда, она взяла и бесхитростно сочинила духоносного учителя-провидца, и развенчивать ее простодушную мечту о самой себе как о верной и незаменимой его ученице было бы бессмысленной и подлой жестокостью. Бог примет и эту ее, совсем никому на Земле ненужную жертву, потому что сердце Ариадны – именно из того материала, из которого куются непобедимые сердца подвижниц, угодных Ему несравненно больше, чем даже кроткие, которые всего лишь наследуют Землю. Ведь нищих духом ждет Царствие Небесное, и дорога в ссылку за неудачливым пророком, походя убившим маленького человека – это тоже один из многочисленных путей туда...

Своя сказка для выживания была ведь теперь и у Игната, и называлась она «История болезни». Месяц назад в Военно-медицинской академии Жене была сделана сложнейшая нейрохирургическая операция, продолжавшаяся девять с половиной часов. Череп собрали из нескольких зубчатых осколков, мозг очистили от свернувшихся черными слизняками сгустков крови, и вообще привели в более или менее жизнеспособное состояние, внутричерепное давление понемногу приходило в норму. Он поначалу видел ее только с порога палаты, в которую не пускали, потому что с самого начала Игнат опрометчиво брякнул, что он пациентке никакой не муж. Из-за бинтов и трубок он мог разглядеть только заострившееся, желто-белое лицо и худые, как у мумии, руки, изуродованные сверху донизу фиолетовыми кровоподтеками – результатом постоянных внутривенных вливаний. Подумать только – месяц назад это была упитанная, толстобокая и короткошеяя женщина, уплетательница готовой пиццы и украинских борщей с салом... «Нужно будет дать ей читать другие книги. Она ведь просто не знает, что умные книги тоже могут быть интересными», - вдруг подумал он, стоя у приоткрытой двери в палату интенсивной терапии. Он так думал, но понимал, что этого недостаточно. Можно еще объяснить ей, что ярко краситься – попросту некрасиво, что покупать вещи на рынке нельзя, что нужно ходить в церковь, соблюдать посты, да и без них не трескать кастрюлями макароны по-флотски и сладкие булочки с кремом – и даже достичь того, что со временем она

так и станет жить. И остаться для нее при всем этом лишь недоступным объектом обожания, которому она станет по ночам жертвенно отдаваться, как жрица Изида шедшему к ней звероголовому богу. И втайне все равно будет удивляться – зачем есть мясо с помощью вилки и ножа, когда гораздо удобнее просто обкусать крепкими зубами сочный бифштекс со всех сторон, и никогда не поймет, как можно подарить жене на день рождения строгий двухтомник Цветаевой-младшей – ведь на те же деньги можно купить маленький флакон вполне приличных духов! Он знал, что связан теперь с Женей пожизненно – и не только потому, что после такой травмы полного здоровья и самостоятельности ей никогда не обрести, и, следовательно, он навеки повесил себе на шею еще одну, новую обузу... А ведь мог бы удачно жениться на здравомыслящей женщине детородного возраста, и не горевать вечно на могиле ушедшей единственной дочери, а еще пару раз стать счастливым отцом и в старости, седым долгобородым сибаритом, благодушно греться у изразцового камина в благопристойной качалке, рассказывая многочисленным правнукам о своей достойной подражания молодости... Но Женя пришла в его жизнь в такой момент, когда не приходят случайные люди. Он понимал это отчетливо, но ключа к ней у него не было...

Однажды ему разрешили приблизиться к ее постели и, робко наклонившись, он прикоснулся кончиками пальцев к тонкой прозрачной коже прохладного лба у самой повязки. Красноватые веки дрогнули, но глаза остались закрытыми.

- Женя... - позвал он. – Женя, ты меня слышишь?

- Возможно, - ответил сзади голос лечащего врача. – Только прореагировать она сможет еще очень нескоро. Реабилитация займет не один месяц, так что набирайтесь терпения...

- Я могу чем-то помочь? – спросил, выпрямляясь, Игнат.

- Вообще-то... Если бы были, например, мужем, могли бы... - неожиданно усмехнулся врач. – А ну-ка, пойдемте-ка... - и он, обхватив за плечи, вывел озадаченного Игната из палаты.

- Я знаю, что вы ей не муж, но... Как мужчина мужчине – вы с ней спали или нет? – напрямик спросил он его в коридоре.

Прекрасно понимая, что вопрос задается не из любопытства, Игнат ответил без колебаний:

- Спал. А что?

- А и сам не знаю что, - здоровый плечистый мужик в чине полковника немного смущенно отвернулся к окну. – Но некоторый личный опыт имею. Немедицинского, так сказать, свойства. Короче, ладно, вы поймете. Был как-то в гостях, там женщина. Тоже одна пришла, подруга хозяйки. То да сё, выпили, поговорили, проводил. Поднялся к ней и остался на ночь – дело житейское. Утром ушел, не разбудив – продолжения никакого ни мне, ни ей не хотелось. Да вы, небось, сами знаете, как это бывает. Проходит дня четыре – вдруг звонит хозяйка той квартиры, где мы встретились – рыдает-захлебывается: ее подруга, знакомая моя, под машину попала прямо у нее на глазах. «Скорая» только подъехала, спрашивает, можно ли к нам отвезти... Я согласился – те муж с женой друзья мои, все-таки. Спускаюсь в приемное, ее как раз привозят, подхожу – а там уже, в общем, труп. Ясно, что и до операционной не довезем. И вдруг нашло на меня что-то, я ее за руку взял и говорю ей: держись, не уходи! Смотрю – живет! Везем – а я за руку держу. Чуть отпущу – помирает. Опять возьмусь – жива. Я сам не оперировал, не ассистировал даже; я – рядом стоял и держал. Две клинические смерти на столе – а я держу. И ничего, вы знаете, – сшили, и выжила. На своих ногах ушла. Подумал: может, экстрасенс я или что? Но с другими пробовал – никакого эффекта. И пришла мне в голову теория – может, дурацкая, а может, и нет... В общем, так. Физическая близость между мужчиной и женщиной, даже разовая – она связывает их как-то особо, чему научного названия нет. Если это и можно с чем-то сравнить, то только с материнской пуповиной. Потому что поднять тяжелого больного может либо мать – и не только любовью, иначе и у отца бы получалось – либо тот, кто с ним был в близости. Даже и без любви. С тех пор проверял многократно – работает, хоть ты что! Подумал даже, что эти всякие там религиозные запреты на сокоупления вне брака связаны не с какой-то там рождаемостью или вырождением. А именно с этой драгоценной нитью, которую мы теперь так бездумно протягиваем между собой и случайными людьми. Эта нить дает какую-то необъяснимую власть, которая нам, смертным, непостижима. Вы понимаете, о чем я говорю?

- И понимаю, и попробую... - удивленно ответил Игнат. - Что я должен делать?

- Да ровно ничего. Просто как можно больше времени сидите рядом, держа ее за руку или просто касаясь. И при этом искренне желайте, чтобы она встала.

Вот и началась с того дня личная Игнатова сказка. С тех пор второй рабочий день его проходил рядом с кроватью Жени. Тут уж, конечно, держанием руки не обошлось: его мгновенно приставили к обслуживанию судна, переворачиванию, обмыванию и прочим прелестям неромантического ухода за тяжелобольным, а когда пациентка смогла впервые самостоятельно глотнуть – то и к кормлению. Она даже стала вскоре открывать глаза – но смотрели они пока тускло и бессмысленно, обращенные словно внутрь. Но он все равно упорно заглядывал в них и настойчиво звал: «Женя! Это я! Это я, твой Игнат!» Он уже почти понял, чего не хватает всему тому соблазнительному и правильному, что он сможет предложить ей, когда она выйдет отсюда – и сам старался дотянуться до того, чего, он чувствовал, недостает, прежде всего, ему. Не в ней, оказывается, заключалась главная тайна – а в нем самом...

Раньше он всегда отключал телефон во время церковной службы – но теперь лишь убирал звонок,

оставляя вибрацию, которую напряженно ловил. И вот настало такое воскресенье, когда как раз во время пения блаженств его карман зажужжал весенним шмелем – да и стоял уж бледно-зеленый май, в очередной раз обнадеживая еще живущих. Игнат вылетел на паперть.

- Игнат Андреевич, Женя пришла в себя, - сдержанно-спокойно сообщил ему врач-полковник. – Она спросила у сестры: «Что со мной?»

Дома он тщательно подстриг кудлатую свою бороду, помыл голову, принял душ и надел ярко-синий свитер с белым рисунком, который она как-то на нем похвалила. Прежде, чем выйти, несколько минут разглядывал себя в зеркало. Сам он не видел никаких внешних перемен, кроме некоторой освеженности и полузабытой надежды в глазах. «Поймет ли она, что я теперь другой? Да и другой ли я на самом деле?» - вслух спросил Игнат давно знакомого, но с каждым годом все менее симпатичного двойника.

Глава 7

Александр Второй поторопился с освобождением крестьян из крепостной неволи, а масоны в лице Авраама Линкольна в то же самое время совсем некстати вызволили негров из рабства. Так считал любимый человек – а Женя удивлялась, что во второй своей жизни всем этим интересуется. «Что он Гекубе, что ему Гекуба?» - что ей тогда, до первой смерти (а теперь она была самым глубоким образом убеждена, что умерла тогда, в самый отвратительный день марта, умерла одна в своей, но чужой квартире, никому не нужная и самой себе противная), - до той смерти – что был для нее Царь-Освободитель или вождь непонятной гражданской войны в Северо-Американских Штатах? А теперь, идя теплым дождливым днем по Фонтанке к Аничкову мосту, где предполагалось сесть на плоский речной трамвайчик, под руку с человеком, на пять лет моложе того, которого она знала и полюбила лет двадцать лет назад, Женя слушала его с неослабным вниманием, и было это, оказывается, важным не только в его научных изысканиях, но и в ее, Жениной, частной жизни.

- Представьте себе, что в клетке в зоопарке сидит опасный хищник – тигр, например, или медведь гризли. Жалко вам его? Ведь его заперли в отвратительной дыре самым жестоким и безобразным образом, лишив естественных прав на вольную жизнь в дикой природе. А если жалко – почему не отпираете клетку? Да потому что он вырвется на свободу и устроит кровавую баню прямо в зоопарке – перекалечит кучу народу и сожрет еще парочку детей. А негры, между прочим, в Америку не с неба упали – их привозили из Африки работорговцы. Этот бизнес начался в восемнадцатом веке, а к середине девятнадцатого достиг полного расцвета. А что такое была Африка в девятнадцатом веке? Ее населяли разрозненные, вечно воевавшие друг с другом племена, где людоедство считалось делом достаточно обыкновенным, а кровавые жестокости казались вообще в порядке вещей. И вот те самые освобожденные черные рабы были, в лучшем случае, родными внуками тех людоедов, а в худшем – и сами в молодости отведали человеческого мяса – перед тем, как были так неудачно отловлены охотниками за рабами. Вы же читали «Унесенные ветром» - не верю, что есть хоть одна интеллигентная женщина, которая бы не читала. А я, хоть и мужчина, но тоже читал. И волосы у меня стояли дыбом. И поверьте, белые младенцы, вздетые на штыки северян, – это далеко не самое ужасное, из того, что их гражданская война принесла с собой. Новые свободные чернокожие граждане тех самых снятых со штыков грудничков охотно кушали. И очень скоро эти черные мужчины получили равные гражданские права с белыми – мужчинами, я имею в виду, потому что поправка о женском равноправии в конституцию самой свободной страны мира была внесена лишь в шестидесятых годах двадцатого века. А до того белая женщина-христианка юридически имела меньше прав, чем черный вчерашний людоед. К чему все эти свободы привели Америку сегодня, мы с вами и обсуждать не будем, мы же культурные люди, имеющие глаза и уши.

Не считайте только, ради Бога, меня сторонником рабства или там какого-нибудь насилия. Как нормальный человек и христианин я, естественно, против того, чтобы одна тварь, созданная по Образу и Подобию, продавала за деньги, как лошадь, другую, сотворенную точно так же. Но только черного раба следовало сначала... очеловечить, что ли... Ведь на самом деле хозяева не так уж и терзали своих невольников. Да, конечно, гоняли на хлопковые плантации – а что, их надо было в Палату Представителей сразу сажать? Зато всех поголовно крестили, способных обучали грамоте, ремеслам, потом многие откупались на волю. Белые выходцы из христианских стран, ставшие плантаторами, редко прямо уж голодом морили своих рабов – а как бы те иначе работать могли так производительно? А вот что заботились не только о телах, но и о душах – это исторически доказанный факт. Еще лет сорок – и негры безболезненно влились бы в американскую христианскую культуру – и вся история Америки пошла бы по другому пути. Но там Гражданскую войну вдохновили масоны – им, понятно, мирно и гармонично развивающаяся христианская страна стала бы, как кость в горле. Поэтому, с умыслом включив механизм освобождения несвоевременно, они превратили Америку в агрессивного монстра... Но Александр-то Второй на самом деле желал своей стране счастья и процветания! И свободы для подданных. Взял и освободил крестьян – такой вот широкий жест. И тоже лет на сорок раньше, чем требовалось. В девятисотом это и так сделал бы гуманный Николай Второй. И царствовал бы всем на радость до глубокой старости, потому что никакая революция при этих обстоятельствах в России была бы невозможна. Темного, практически дремучего человека, в массе своей неграмотного, освобождать было категорически рано! Есть среди современных

христиан, знаете ли, благостная сказка про идеального, христоролюбивого русского мужика-хлебопашца, насмерть преданного своему Царю-батюшке, любовно возделывающего землю и строго соблюдающего посты. Дескать, на мужике как на фундаменте, Россия и стояла – а вот загнила проклятая интеллигенция, и все рухнуло, как старый дом. Ничего подобного – был бы у дома прочный фундамент – не рухнул бы. Интеллигенция, как рыба голова, загнила, конечно, первая – но не стряслось бы никакой беды в России, если б мужик не пошел за очкастым совратителем. Хранитель христианства, последний его оплот, в то время, как высоколобые интеллигенты играли в теософию и развлекались мистицизмом... Как же! Где вы видели христианина, топчущего иконы, сверзающего с колокольни колокола и убивающего все живое вокруг в радиусе десяти километров от родной деревни? Так вот, не было бы ничего этого, если бы Александр Второй те же средства, что потребовались на исполнение его нелепого указа, бросил на создание государственной системы всеобщего среднего образования в своей стране. И мужик, принудительно, как раб, приведенный в среднюю школу, знал бы Евангелие не по косноязычному чтению в редко посещаемой им церкви, а прочел бы на церковнославянском – хорошо, пусть хоть на русском! – языке; выучил бы основы истории, культуры, получил бы представления об аналогичных процессах в других странах... И через пятьдесят лет никто и подумать бы не мог, чтобы его распропагандировать. Мужик – да и не мужик уже, а свободный, самостоятельно мыслящий крестьянин – в лицо пейсатому пропагандисту расхохотался бы – да и коленом его под зад без всякой жестокости...

Игнат горячился, иногда останавливаясь и для пущей убедительности заходя вперед собеседницы и поворачиваясь к ней лицом – а она думала не о любимой его истории, и уж, тем паче, не о темных русских крестьянах и кровожадных американских рабах... Она думала: «Как странно. Вот мужчина – явно влюбленный. Перед ним женщина – влюбленная не меньше. Он развивает перед ней сомнительную теорию, за которую прогрессивные историки в два счета изгнали бы его из своих просвещенных рядов. Но эта теория звучит, как самое изысканное признание в любви. И ей не нужно другого». Она пыталась припомнить свои разговоры на начальных стадиях убогих «романов» в *той*, минувшей двадцать лет назад жизни. О чем говорили с ней *те* мужчины, желая продемонстрировать все самое лучшее, что было у них? Один, поигрывая крутыми плечами, рассказывал о своей завидной службе в ВДВ и хвастал значком «90 прыжков с парашютом». Это впечатляло – она бы ни тогда, ни теперь, ни одного раза не прыгнула. Другой хвалился своим мальчишеским лидерством в драчливых дворовых кампаниях и в подробностях расписывал жестокие уличные бои в крошечном приморском городке, из которых его «кодла» неизменно выходила победительницей. Третий – и последний, как оказалось, – молча чинил в ее квартире текущие краны, реанимировал обугленные штепсели, деловито приколачивал крючки и полочки – а потом залихватски глушил на кухне водку, мрачно гордясь тем, что не пьянеет. И виноватым во всем этом выходил Царь Александр Второй, вовремя не занявшийся образованием их предков, которых зато так неудачно освободил... Они демонстрировали потенциальной будущей своей постоянной самке, что она будет за ними, как за каменной стеной – то есть, они защитят ее и детенышей, и гнездо тоже будет крепким и надежным. Они инстинктивно чувствовали, что для подобной самки такие достоинства самые главные – и они их имели и уверенно предлагали. Не понимали, несчастные, что самка им досталась какая-то нетипичная, и сама не знает, чего хочет. Она тогда действительно не знала. Теперь ее тоже обхаживал самец – другой породы. Странной породы, которая не обещает своим самкам никакой гарантированной защиты от хищников, а лишь подает надежду, что их потомство будет обладать недюжинным интеллектом – а, стало быть, может, выживет и само... «Боже мой, Боже мой! А я-то думала – там – как у *них* это происходит, если не в книгах, а на самом деле! Вот, оказывается, как! Надо же – Александр Второй – и негры! И все это обещает такую большую любовь...»

Но любовь не приходит по обещанию. Вернее, она умеет убедительно обещать, но редко исполняет даже самые страшные клятвы. На одной улыбке можно построить целое сияющее царство, которое при первой же грозе рассыплется в прах – а можно годы идти к далекому свету, призывному и многообещающему, но придти в тупик мрака и боли. Но еще хуже видеть любимого человека каждый день, тепло разговаривать с ним и поверять тайные мысли, но не сметь даже прикоснуться к нему трепетным локтем.

«Я под обетом», – просто сказал ей однажды Игнат, как будто был уверен, что она поймет. И Женя понимала, потому что и об этом читала тоже; но разве это бывает – сейчас и всерьез? Это ведь звучало точно так же, как если бы мужчина двадцать первого века спокойно произнес: «Я вызову его на дуэль». С суеверным страхом она тогда подумала: «Может, я просто еще всего *о них* не знаю – а они тайно и теперь стреляются за честь и любовь?» А в той жизни за нее и морду никто никому не набил – охота было свою подставлять...

Пока не выздоровеет Маша – не прикасаться к женщине. Как это связано между собой – ее выздоровление и их любовь? Машу она помнила смутно – нечто тонконогое, с нежным лицом и любящими глазами. Лежавшее где-то в больнице на заднем плане их темных отношений и отчаянно мешавшее своим присутствием в жизни Игната. Там Женя иногда думала со злобой, что вот умрет она, наконец, и тогда, выпив несколько лишних бутылок водки и прорыдаввшись, Игнат окончательно перейдет в ее владение – а там привыкнет, и... все же знают, как это бывает... Часто только кажется, что люди друг другу не подходят. Но вышло, что в той жизни Женя умерла в одну ночь с Машей...

Когда она увидела девочку в следующий раз – уже здесь – той было только десять лет, и она едва оправилась от третьей химиотерапии. Будь это кондовые отечественные препараты, ребенок мог не перенести и второй, но использовались продвинутые импортные, лучших производителей... Ее отцу это стоило практически всех отложенных от продажи родительской квартиры денег – невероятно, но та первая квартира, которую так тщетно искала Женя до своего переезда сюда, находилась чуть ли не рядом со старым ее домом на канале Грибоедова, во всяком случае, поликлинику они посещали одну и ту же... И напрасно моталась она по детским средним школам – как раз в то время, когда она его искала, преподавал он в вечерней для взрослых – чтобы иметь возможность лично контролировать лечебный процесс – а вечером девочка все равно большую часть жизни провела в больнице... Он перешел в дневную школу только потому, что Машу, обеспеченную стойкой ремиссией, из больницы теперь забрали, днем она училась с приходящими учителями, а вечером ей дома нужен был отец... Одним из приходящих учителей – русского и литературы, и стала теперь для нее милая Евгения Вадимовна, очень быстро превратившаяся в друга семьи «тетю Женю».

Учить тихого, вдумчивого и способного ребенка правилам русского правописания, читать с ним великих авторов – и при этом знать, что учишь его совершенно напрасно, потому что ребенок этот через пять лет все равно умрет – было испытанием сердца и совести. «По крайней мере, теперь я точно знаю, что и то, и другое у меня есть», – думала иногда Женя, провожаемая после урока домой Игнатом. Он поднимался к ней на седьмой этаж и застревал надолго, философствуя и отдыхая душой – так что суровая его сестра Ариадна в глухо повязанном белом платке и мышастом платье до щиколоток – встречала ее всегда с каменным выражением своего красивого, но испорченного нарочитой бесстрастностью лица. «Если начать ходить в церковь – то вскоре станешь такой же, как она...» – с содроганием подумала однажды Женя, и самая мысль о церковной службе стала с тех пор ужасна. Игнат сам ходил, но ее не заманивал, раз только вскользь посетовал – мол, жалко, что не бываете – а вот то, что больную Машу таскал раз в неделю и заставлял выстаивать всю службу – этого она ему простить не могла. Три года смотрела на это, стиснув зубы, и ей казалось, что если у ребенка и будет рецидив – так это после какого-нибудь церковного праздника – но Игнат такие предположения обрывал с неожиданной суровостью:

- Рецидив случится, если я ее туда водить перестану.

- Сделаете из нее вторую Ариадну, – пригрозила она однажды своему другу – а он в ответ улыбнулся:

- Никогда! – и достал свой мобильник: - Маша? Я тут у тети Жени, и она думает... Неважно, что она думает, но можно я ей покажу? Сегодняшнее, про кузнечика... Спасибо...

Он значительно взглянул на Женю:

- Она давно вам хотела сказать, но стеснялась... Маша у меня, видите ли, стихи пишет... Боялась вам показывать – думала, вы же специалист, раскритикуете еще...

- Про кузнечика, который сидел в траве? В тринадцать лет уже можно и покончить с ботаникой и зоологией... По крайней мере, в поэзии... – пошутила Женя.

- Да, про кузнечика, именно про него... – странно посмотрел на нее Игнат, доставая из нагрудного кармана маленький блокнотик. – Я сюда записываю те, что она мне разрешает. Вот послушайте:

Кузнечик

*Оловянный кузнечик на тонкой травинке
знает стороны света и восемь чудес,
и органное эхо случайной тропинки
он доносит легко до ближайших небес.*

*Уши воском забей, чтоб веки не пелось,
не ворочалась в горле слепая вода –
не смеялось, не чудилось и не хотелось
в ниоткуда чужое, в свое никуда.*

*Постигай тридевятое царство снаружи,
здесь проколоты даты хрустальной иглой;
пустота обнимает, и кружит, и кружит
мотыльком обожженным над теплой золой.*

*Поднебесные сети, Господние горки;
повтори неуступчиво: кто согрешил?
Про слезинку ребенка в вонючей каморке
Не забудь, крылышка, раздавленных жил.*

Женя начала слушать стоя, прислонившись бедром к светлому икеевскому комоду, и заранее придала своему лицу умиленное выражение, как всегда это делала, готовясь реагировать на непосредственное

детское творчество, но, когда Игнат закончил читать, вдруг обнаружила себя сидящей на скамеечке для ног и полностью забывшей все русские слова. Наконец, она проговорила:

- Но вы же – правили? Редактировали? Ребенок же не мог сам...

- Ни единой запятой я ей не исправил. Но она, видите ли, в церковь ходит... - словно с некоторой даже досадой ответил Игнат.

- И вы хотели бы, чтобы я тоже ходила? – набравшись смелости, ляпнула Женя напрямик. – Скажите, вам нужно, чтобы я туда ходила?

- Это вам нужно, - серьезно посмотрел он ей в глаза.

- А вам? – настаивала она, не отводя взгляда – и он опустил свой:

- Я просто этого *очень желал бы*... Ведь три года прошло...

Он не договорил, но Женя знала, о чем он: когда пройдет пять лет ремиссии, это будет означать, что Маша, скорее всего, выздоровела. И тогда обет можно будет считать выполненным, а его – свободным... Но ведь Маша умрет, не прожив этих пяти лет – вот в чем все дело, а Игнат об этом не знает и надеется на лучшее... Выходит, она и в этой жизни, как в той, его потеряет?!

И вдруг ее стукнуло: а почему, собственно, Маша умрет? Ведь собственную судьбу она же переломила! Отчего умерла Маша? Да она сама ее, можно сказать, по незнанию убила, уведя любимого Рики, чтобы потом заманить к себе Игната! Бедная псина двое суток не проглотила ни куска, глотка воды не сделала и оскорбленно лежала к ней спиной, будто понимала... Да и понимала, конечно. Во всяком случае, лучше *той* Жени... Весь организм девочки получил тогда сокрушительное потрясение – и что-то сорвалось в нем и понеслось вниз, как снежная лавина... А если потрясения удастся избежать, то не будет и последствий?

- Игнат, а вы дочке собаку брать не собираетесь? – чтобы уточнить для себя расписание судьбы, спросила она.

- Вы тоже думаете, что стоит? – улыбнулся он. – А вот Ариадна против. Но я уж договорился, что греха таить. У Славы Воронина – в 11 «А» ведь вы литературу ведете? – у них дома сука беременная, шотландский терьер. И мне уже сугубо забронирован лучший кобель. Только Ариадне ни слова, не то она меня еще до родов съест. А Маша уж и кличку ему придумала...

- Какую? – шепотом спросила Женя, чего-то невероятно боясь.

- Рики... Подходяще, как вы думаете?

Судьба не меняла основных своих вех. Просто идти по ним, оказалось, можно иначе... Значит, два года осталось. Если б он хоть догадывался...

- Три года уже... - Игнат, вероятно, повторил вслух неотступную мысль. – Я иногда позволяю себе надеяться...

- А как я-то надеюсь... И уж не три года, а... на двадцать больше, - прошептала Женя, отвернувшись к окну, и спохватилась, что он же слушает.

Игнат подошел и прислонился лбом к ее виску – единственная ласка, которую позволял себе чуть ли не с самого начала:

- Женя... Я ведь о вас ничего не знаю... Вы с первого дня нашего знакомства были рядом, но... Как-то все время было – мое, обо мне... Будто я один страдаю... А ведь и вы, наверное... Я вам просто радовался и не о чем не спрашивал... Женя, я дурак, да?

- Это я дура. Мне так о многом нужно с вами поговорить – а я не могу.

- Поговорите. Я пойму, честное слово. Или нет, просто подумайте, а я буду вот так стоять, и все ваши мысли перетекут в мою голову. Хотите?

«Конечно, он меня любит... Господи, как же все запуталось...»

Она отстранилась:

- Так не получится. Да и вообще еще рано. Надо, чтобы эти два года прошли.

Женя знала Машу как тонкого, восприимчивого, крайне эгоистичного ребенка, видела, что голова у нее варит неплохо, хотя на уроках своих она зачастую вежливо отсутствовала. Теперь, по крайней мере, было понятно – где именно. В том мире, где рождались ее стихи. С отцом девочку связывали несколько болезненные отношения – отношения возможной скорой вечной разлуки. Так могут ненасытно страдать при виде друг друга влюбленные, знающие, что роковые обстоятельства должны их неминуемо вскорости разлучить. Он баловал дочь так, как, в общем-то, непозволительно – непедagogичной считается и меньшая вседозволенность. Например, Маше разрешалось бодрствовать до четырех утра, если вдруг ей почему-то не хотелось спать, съедать единолично все цукаты, шоколадки и кремовые розочки с праздничного торта и неожиданно отвечать тете Ариадне «Не хочу», когда та наливала ей в тарелку грибной суп, за три часа перед этим Машей же категорически потребованный. Но девочка платила отцу столь же пламенной привязанностью, выражавшейся, прежде всего, в том, что она старалась оградить отца от малейших неприятностей. Прекрасно зная, чего именно он боится больше всего на свете, она стоически скрывала до последней возможности любые свои недомогания и так артистично изображала полное здоровье и детскую беспечальность, что ухитрялась обмануть его, готового обмануться, на начальных стадиях каково-нибудь ОРВИ. В каждой легкой простуде отец ее готов был видеть грозные признаки рецидива – и Маша,

рискуя собой по-настоящему, несколько раз успешно переносила разные недомогания на ногах – лишь бы не увидеть в очередной раз в глазах обожаемого папы пугающие огоньки поднимающейся изнутри неостановимой паники...

Учительница тетя Женя лучше строгой тети Ариадны разряжала семейную обстановку – почти с первого дня своего настоящего пребывания в жизни Игната. В тот незаметно отодвинувшийся в дальнейшее прошлое июньский день, когда, оставив раздраженной секретарше кучу плохо сложенных аттестатов, она вышли из школы вместе – и, разговаривая о важных вещах – например, обычаях и порядках в школе, глядевшей на них во все окна, – простояли посреди двора друг напротив друга не менее часа, Женя готова была поверить, что видит в нем странное узнавание. Нет, он ее не узнал тогда, как, впрочем, и никогда позже – но интуитивно откликнулся на протяжный зов о помощи, безмолвно рвавшийся из ее души, потому что она-то знала, что в этом мире помочь ей может только он один. Сначала говорили о конкретной школе, с нее перешли на неразрешимые проблемы российского образования, через них – плавно на мировые, а оттуда уж и до отмены крепостного права было рукой подать...

В сентябре, когда в школу вместе с новым учителем поступила и его находившаяся на домашнем обучении дочь, Женя сама потребовала ее к себе в ученицы – понятно, что от таких «надомников» нормальный педагог отбивается руками и ногами: это ведь не доходные частные уроки, а практически бесплатная трата времени впустую; такие ученики – бросовый материал, к ним и относятся соответственно. Маша оказалась типично гуманитарной, вежливой и милой, но абсолютно закрытой девочкой. В душу допускался только папа – да и то до предела, определяемого самой дочерью, и Женя иногда подозревала, что предел этот только кажется очень далеким. Когда дружба-любовь у Игната с Женей укрепилась, вне школы они все равно виделись почти исключительно втроем: Русский музей, строго определенные отделы Эрмитажа (разумеется, Ариадной, претерпевавшей накануне таких походов жестокие нравственные корчи), изредка – скучный театр, бредовое кино, обед в симпатичном ресторанчике... Единственный раз выехали поздней весной «на шашлык» к Финскому заливу, где, к большому Жениному огорчению, случайно уронили в костер и прожгли насквозь чудный, любимый ее, ярко-синий с белыми олешками свитер Игната, так что пришлось там же его и выбросить – все это возможно было только вместе с Машей – да и делалось, собственно, ради нее. Женя с этим вынужденно смирилась, Машу, хотя и не полюбила как дочь, потому что такая любовь предполагает взаимность, но считала близким человеком, замирая при мысли о ее возможной обреченности... А теперь вот обрушились эти ее стихи – да уж, вот тебе и кузнечик «как огурчик»...

- В каком смысле – *кто согрешил?* – спросила тогда Женя притихшего Игната.

- В евангельском, - помедлив, ответил он. – Я и сам все время задаюсь тем же вопросом, что и апостолы – когда смотрю на Машу. Кстати, никто из трактовавших Евангелие убедительно это именно место не объяснил...

Женя пристыжено заморгала... Старослав она, учила, в основном, именно по Евангелию – отрывками переводили на занятиях – но сейчас вспомнить определенную сцену и привязать ее к фразе в детском стихотворении не смогла.

- Притча о слепом, - мягко подсказал Игнат. - *Господи, кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?* И дальше: *Никто не согрешил, ни он, ни родители его...* Вот именно этого диалога я и не понимаю. О возможности переселения душ я даже задумываться не хочу – настолько это было бы ужасно – но как он мог согрешить – до рождения, чтобы в наказание родиться слепым? Я надеюсь, что ни я, ни Маша мать не согрешили *настолько*, чтобы наш ребенок болел раком – значит, дело в Маше? Может, не заболит она – *и согрешила бы?* Но ведь в том месте Евангелия – нет сослагательного наклонения – или это дефекты перевода? Как вы думаете? – и на ее смущенное молчание: - Ах, Женя, как мне трудно иногда говорить с... с людьми...

Она поняла: «С вами». Спросила неловко:

- А что, если я пойду в церковь, вы сможете говорить со мной и об этом?

- Не знаю, - он вздохнул. – Во всяком случае, мы только об этом пока еще не можем разговаривать... И мне так жаль, Женя. Потому что на самом деле мне иногда кажется, что это – единственное, о чем вообще следует говорить...

Еще полтора года Женя ходила вокруг Церкви кругами, причем иногда – в прямом смысле, сопровождаемая мгновенно в ее присутствии сжимавшимся Рики, когда они вдвоем встречали со службы преувеличенно бодрого Игната и усталую до полной угрюмости Машу. Самым странным в тот период Жениной жизни была абсолютная, непоколебимая уверенность в том, что Рики – знает и помнит. Думать так было дико и безумно, она и сама это знала, но источником такого убеждения служил странный и очень смущавший Игната факт, что веселый черно-белый щенок, поначалу похожий на морскую свинку, дружески расположенный ко всем людям на свете с рождения, именно Женю сразу отказался признать. Не огрызался, не испытывал страха – вежливо, но с некоторым презрением обходил. Отворачивал морду, когда она пыталась его погладить, и всем было отчетливо видно, что ее прикосновения песик лишь терпит из уважения к любимым хозяевам. Еды из ее рук не принимал никогда и никакой. Если она брала его на поводок – то шел рядом, как кандалник, прикованный к своему напарнику, и мрачно смотрел перед собой.

Влюбленная в пса почти с такой же страстью, как в папу, Маша мгновенно переменяла свое отношение к «тете Жене» - так как прочла в одной из бесконечных идиотских од, посвященных собакам, об их, якобы, исключительной способности отличать хороших людей от плохих. Напрасно отец увещевал ее по вечерам, доказывая, что зверь не может служить для человека лакмусовой бумажкой, а песья неприязнь к женщине может обуславливаться чем угодно – хоть непривычным запахом духов, которые собаки вообще с трудом переносят, приговор ее был неумолим: «Из-за запаха он бы не смотрел на нее, как на палача», и единственной уступкой, которую она сделала отцу – это не стала вновь называть его подругу и свою учительницу Евгенией Вадимовной, как было поначалу сгоряча собралась.

Игнат рассказывал Жене обо всем этом с некоторой смущенной досадой – потому что каждому в отдельности было ясно, хоть об этом пока и молчали, что Машино внезапное негативное отношение, смешное по сути, может привести к полному провалу для них двоих: ведь если бы дело однажды дошло до выбора между Машей и Женей – Игнат бы вырвал собственное сердце и кинул его в пасть Рики, но сильного стресса для дочери не допустил бы...

А между тем, скромно пробираясь в темноте среди двухметровых сугробов, еще маленький, но неведомый и страшный, к Петербургу подбирался новый, 2011 год – а рецидива у Маши все не было, наоборот, очередные анализы, результаты которых в то же самое время *там* были сокрушительны, здесь выглядели настолько обнадеживающе, что Игнат впервые позволил себе пригласить Женю гулять в Ломоносовский парк – одну, а там обнял за плечи и так молча водил по дорожкам, боясь заговорить – и она молчала, как каменная. Короткий декабрьский день – у них обоих значившийся в расписании «методическим», то есть, завуалированным выходным – угасал на глазах так быстро, что они, незаметно забравшиеся в самые дебри, в какой-то момент поняв, что не выберутся до полной темноты, замерзшие снаружи, но переполненные лавой чувств изнутри, и оттого не восприимчивые к усиливающейся стуже, разъединились и ускорили было шаг. Поспешая за ним по утоптанной дорожке, Женя вдруг остановилась, пораженная страшной мыслью: если они сейчас выйдут из парка – вот так, не разрешившись – то все будет кончено: не выйдя наружу, лава вернется в душу и выжжет ее дотла. Она достаточно долго прожила на земле – в совокупности шестьдесят пять лет! – и все эти годы прошли напрасно.

- Игнат!!! – крикнула она таким голосом, что он бросился, к ней в испуге. – Игнат. Если здесь и сейчас я не расскажу вам всего – то идите лучше дальше один.

- А... вы? - изумленно выдохнул он.

- А я останусь здесь и повешусь, - твердо ответила Женя. – Потому что Рики-то ведь все знает, и давно бы сам рассказал – если бы умел говорить.

Ей было все равно – подумает ли он в зимнем ночном парке, где звенит по веткам усиливающийся под луной мороз, что она сошла здесь сегодня с ума, или решит, что она попросту больна шизофренией с классическим симптомом раздвоения личности – а вдруг, действительно больна?! – но молчать означало предать любовь, его и свою, и по сравнению с этим ничто не имело значения...

Мороз завернул далеко за двадцать, и звенящий парк накрыла страшная ледяная тьма, говорить в которой неожиданно оказалось легче. Женя все время видела только оранжевый маячок Игнатовой сигареты, и слышала его частое взволнованное дыхание. Если бы не толстая зимняя куртка, то и биение сердца можно было услышать в такой ночи... Когда Женя замолчала, оба стояли, прислонившись каждый к своему дереву, потому что сесть здесь можно было только в сугроб. Что он скажет? «Вы переутомились и перенервничали, давайте я отвезу вас домой»? «Как у вас повернулся язык сказать, что моя дочь умрет»? «Вам нужно пойти в церковь и рассказать об этом на исповеди»?

Сигарета как раз погасла, и стало уж совсем непереносимо жутко рядом с человеком, который мог сейчас стать безвозвратно чужим или же – ближе близкого – и Женя вдруг услышала в кромешной тьме короткий смешок. Потом Игнат глухо заговорил, и в голосе ясно слышалась мрачная усмешка:

- Это великолепно. Я тут страдаю, люблю женщину, спасаю дочь от смерти, детей учу, строю теории – и так далее, и так далее... А оказывается, что я просто персонаж Жениного сна. Вот Женечка проснется – и все возьмет и растает – вместе со мной. А я-то убиваюсь, обеты какие-то даю! А все просто сон. Ай да Женя!

- Вы не поняли. Это явь. И то было явью, только в ней все было иначе, - уже совершенно спокойно отозвалась она.

Гора свалилась с плеч – а кого она там придавила, стало уже невозможно разбираться; вернее, все ясней становилось, что похоронена под павшей горой была именно она, Женя...

- Женя, двух явей быть не может. Что-то одно – сон! Может быть, провидческий – ведь многое же совпало, даже я... Но то – была *не явь*! Или *это*?.. Не знаю... Подождите, а как же Маша?! – в темноте он безошибочно нашел Женину руку и стиснул ее. – В вашем сне Маша – умерла?!

Изнутри у нее вскипела и выплеснулась закономерная женская обида:

- Скажите, Игнат, а я – я вас не интересую? То, что я там тоже умерла – это вас не трогает? Маша сейчас здорова – а там в это время была больна – это все, что я про нее знаю! Но мне-то жить осталось меньше трех месяцев! Во всяком случае, день этот приближается – а за ним полная – невозможная – темнота!

Он опять усмехнулся, и теперь в тоне сквозила горечь:

- Вам можно позавидовать. Ваша темнота начинается только через три месяца, а моя – с каждой следующей секунды...

Женя вырвала руку и даже оттолкнула его, не соображая, что делает:

- Вы не желаете понимать! Это не шутка, не бред, не сумасшествие! Это – было! И я живу с этим четверть века и все это время жду вас! И все никак не могу дождаться, потому что у вас – «обет»! И из-за этого у нас не любовь, а только половина! Но вы ведь не давали обета – не любить! Обещали лишь не удовлетворять похоть! Меня вернули сюда, чтобы я могла все исправить – а теперь опять заберут, потому что вы по-прежнему, как и тогда – *не любите!* Я там спасала вас от горя, когда она умирала – и, по миновении надобности, вы просто вышвырнули меня! А здесь я – бесплатное приложение к вашей надежде, что она выздоровеет! И если нет – или просто если она меня окончательно возненавидит из-за отвернутой морды своей собаки – то вы опять вышвырнете!

Он сделал к ней шаг, но в темноте немного промахнулся и, оступившись, врезался в ее дерево плечом:

- Женя, нет... Неужели это именно так выглядит со стороны? Какой ужас... - он на ощупь шарил руками в темноте, пытаясь ее, отскочившую, достать; не преуспел в этом и выкрикнул в отчаянье: - Женя, я вас люблю!!! Где вы, Господи?!

Женя стояла у другого дерева и плакала, когда Игнат добрался до нее. Додумавшись щелкнуть зажигалкой, он увидел, что такое знакомое и давно родное лицо совершенно изменилось, будто ушло в потусторонность – или это темнота таинственно действовала на восприятие?

- Давайте выбираться отсюда, пожалуйста... Окоченеем ведь, – ласково попросил он. – Нам все равно теперь придется осмысливать это не один раз...

Она достала носовой платок и, всхлипывая, стала комкать его у лица.

- Хотите, скажу вам, что наши тетки подарят вам в феврале на день рождения? Телефон такой красивый, коричневый с золотом... Но вам он не понравится, и вы им пользоваться не будете... Там вы его мне отдали – и через неделю все это и... Здесь он мне не нужен – мой собственный в десять раз лучше... Может, действительно... Действительно все не будет, как тогда...

В течение трех месяцев они расставались только поздно ночью – чтобы встретиться через восемь часов в гардеробе школы. Недремлющее око дамского коллектива, давно уже, разумеется, считавшего их разумными любовниками, не афиширующими свою тихую и приличную связь, углядело их растущую спаянность, и разговоры о грядущей самой ожидаемой в сезоне свадьбе велись уже вслух. Не до того было обоим пылким влюбленным: роковая дата, за которой стояла непроглядная бездна, приближалась спокойно и неотвратимо – как палач к плахе. Напугав расслабившуюся Ариадну, Игнат почти жестоко настоял, чтобы Маша прошла еще одно дорогостоящее, наиполнейшее обследование – и вновь никаких тревожных признаков не выявили. И без того в этой жизни тростинка с большими глазами и обтянутыми скулами, Женя теряла последние килограммы, обеспечивавшие ее раньше хоть какими округлостями, и весила уже кило на тридцать меньше, чем в те же дни прошлой своей жизни – или пророческого сна. Иногда это казалось с какой-то стороны удачным – ведь в нужный день он просто легко возьмет ее на руки и унесет с собой – но до этого требовалось сначала в том дне проснуться...

«Кем я проснусь? В очередной раз брошенной женщиной – ничего не понимающей и не помнящей, толстой, тупой, бездарной, не имеющей будущего и его не ждущей? Или любимой и любящей, верящей в чудеса и умеющей творить их небрежной рукой? Войду ли я завтра в этот класс честным хорошим учителем – или буду мыкаться в поисках случайного корма, таская на горбу никому не нужные и мне ненавистные тяжести?» - во всех классах Женины ученики сегодня писали сочинения, которые ей, может быть, не предстоит проверить... Куда же все это тогда денется – вообще все – если она никогда не вернется?

На перемене она, не таясь от детей и коллег, пришла в класс к Игнату, чего, по неписанным законам, делать не полагалось.

- Я знаю, как проверить, умру я завтра или нет, - с порога напряженно сказала она. – Телефон. Сегодня я должна найти у нашего метро телефон. Он принадлежал такой странной девушке – ты помнишь, я говорила. Если он там, то, значит... Значит, включен старый сценарий.

- Сценарий-то старый, да ты новая... - поднялся Игнат, тоже взволнованный. – Так что это может ничего не значить. Но, конечно, пойдём, посмотрим... Когда ты его нашла?

- Около пяти. Когда я вышла из поезда, часы в метро показывали шестнадцать пятьдесят одну – я специально тогда посмотрела. До выхода добиралась, наверное, минуты три, так что...

- Отлично, и уроки закончатся, и даже кофе попьём... - попытался пошутить он, но столкнулся с таким взглядом Жени, что поперхнулся.

...Без шести минут пять, он лежал на прежнем месте, как и в тот раз, заляпанный серым снегом, сквозь который явно виден был блестящий розовый корпус, без меры обклеенный стразами и переводными картинками. Женя обеими руками схватилась за горло. Игнат нагнулся было, чтобы поднять и рассмотреть

вещицу, но Женя мучительно простонала:

- Не трогайте... Не прикасайтесь... К... к этому... Пусть кто хочет... возьмет... - и развернувшись, бросилась прочь.

Он догнал ее лишь через несколько минут, угадав направление только по расступающимся впереди прохожим, иногда озадаченно глядевшим вслед мчавшейся на высоких каблуках стройной маленькой женщине в ладном черном пальто и скромной изящной шляпке. Спасалась ли она? Бежала ли кого-то спасать? Игнат подбежал и взял ее под руку:

- Это ничего не значит. Это ничего не значит, - повторял он, сам не видя дороги: это ведь было первым материально видимым доказательством того, что Женя не придумала все, что рассказала...

И что они оба не сошли с ума.

Никто из них не помнил, сколько часов они вдвоем безмолвно, как приговоренные, и бесцельно, как отверженные, ходили по улицам мрачного спального района, не оживляемого даже предчувствием неизбежной весны. Игнат привел Женю домой уже около полуночи – и ему пришлось самому снимать с нее пальто, шляпу и сапоги, потому что она выглядела совершенно безучастной и, войдя в квартиру, стояла в коридоре, прислонившись к стене и даже не пытаясь включить свет.

- Ты должна поесть, - сказал Игнат, не выносивший бездействия. – Я пойду посмотрю, что там у тебя в холодильнике.

- Ничего там нет. Я не покупала. Незачем, - впервые за вечер заговорила Женя деревянным голосом. – Сядь. Теперь ты понимаешь, что что-то обязательно случится?

Он подошел к ней и вновь, как ей всегда нравилось, прижался лбом к ее виску:

- Женя. Есть один способ. Очень простой. Самый простой. Чтобы не проснуться где-нибудь... не там... Нужно просто не спать. И быть не одной. И если... Если что-то начнет вдруг меняться вокруг – пусть оно переменится и для меня тоже. Я не хочу быть твоим сном. Я хочу быть твоим... мужем. Женя, скажи, ты выйдешь за меня замуж? Завтра? Не молчи. Скажи... Согласна?

Несколько раз она судорожно вздохнула и вдруг беззвучно заплакала – но сквозь слезы мелко закивала головой, не в силах говорить; Игнат обнял ее, и они стали облегченно плакать вдвоем.

Когда они, наконец, вошли в комнату и включили свет, стрелка часов уже перевалила за двенадцать, и они одновременно это увидели:

- Смотри! – торжественно сказал он. – Пока мы там ревели – завтра уже взяло и наступило. Все хорошо. Мы победили. Нет, ты.

- Знаешь. Я сейчас подумала: даже если бы я умерла в эту ночь – все равно это было бы не напрасно. Ведь Маша жива, а значит, я выкупила у смерти большого поэта... - про себя добавив «и отвратительного человека», Женя улыбнулась: - Жаль, нет у меня шампанского. Это стоило бы отметить.

Игнат сорвался:

- И не только это! Жди! Я до супермаркета – туда и назад! Накрой пока стол, что ли... Я быстро!

Она не успела удержать его, как хлопнула входная дверь.

Стол, так стол... Женя вдруг вспомнила тот образ своей девической мечты, никогда не реализовавшейся в прошлом: влюбленно глядя друг на друга, двое сидят в полумраке за накрытым хрустящей скатертью столом, пьют золотое вино с пузырьками, и горят две высокие тонкие свечи в серебряных подсвечниках... Самое время реализовать. Серебряных подсвечников в доме не было, но нашлись стеклянные, авторской работы. А вот белая тканая скатерть имела, и, быстро освободив стол от тетрадей и книг, Женя первым делом постелила ее и любовно разгладила. Свечи оказались только в кухонном ящике – желтые хозяйственные – но и они прекрасно смотрелись в двух переливчатых, как лунный камень, подсвечниках. Тарелки надо достать парадные, с нежным рисунком из фиалок и ландышей – и она не поняла, почему так отчаянно, как предсмертно, зазвенела вдруг посуда в серванте!

Дрожь прошла по всем стенам дома – и бледная женщина в изумлении смотрела, как разноцветные книги медленно высыпаются из плавно, будто во сне, падающего плашмя стеллажа... Безмолвно закружила вспугнутой птицей горящая люстра – и все это было совершенно невозможно, потому что, в нарушение законов физики, стопка тетрадей подпрыгнула с комода сама по себе – и только когда во все поры тела вонзился невыносимый, непереносимо-острый звук на части распадающегося мира, зажав уши, Женя подняла голову – чтобы успеть увидеть и осознать, что потолок падает прямо на нее...

Эпилог

Шум мокрой листвы. Это было первым, что она точно определила, когда сознание однажды просто взяло и включилось, как тусклая лампа. Поначалу очень тусклая – так что Женя просто лежала и слушала, как шумят листья после дождя. Где-то внутри начинало разгораться – и сам собой пришел вывод: раз листва, значит, май. Или июнь, или июль, или август, или сентябрь. Но не октябрь: та листва шумит по-другому, может быть, потому, что листья облетают. Потом донесся резкий юный запах зелени и земли. Так пахнет только совсем молодая весна: это точно май. Прошло два месяца. Два месяца – с чего? С чего настолько хорошего и нужного, что только при попытке вспомнить уже охватывает счастье? Счастье стало расти, как огромный радужный пузырь – и вдруг лопнуло. Вернее, его накрыло сверху темнотой. Потолок.

Обрушился потолок. Значит, она в больнице. И давно – если тогда был март, а сейчас май. Достали из-под обломков, и все очень серьезно, раз только теперь сознание возвращается. Больница – или? Или что?

Женя очень медленно открыла глаза, и увидела кремовое небо в окне прямо перед собой – а над головой – высокий в трещинках потолок. Стены бледно-зеленые до половины, выше – оштукатурены. Больница. Стало быть, совсем плохо... Спокойно, подумать... Сломан позвоночник, и парализовало – хуже ничего не может быть... Почему? А если раздробило руки-ноги, и все отрезали? Голова, по крайней мере, цела, раз думает, слышит и видит. Ага, вот и будет – одна голова, как у профессора Доуэля... Аккуратно, попробовать, где руки... Пальцы... шевелятся! На месте! Руки вытянуты вдоль тела. От плеча до кисти двигаются. Очень хорошо. Если позвоночник – то в нижней части, а значит – ноги и... все прочее... Под себя ходить до смерти и даже не знать, когда это происходит... Только по запаху... Ну, смелее! Большие пальцы ног... Есть?! Ноги – обе? Ничего не отрезали и – шевелятся?! *Не* инвалид? Впрочем, внутри же неизвестно что осталось... Сердце, по крайней мере, стучит, и легкие дышат. Почки? Этого не проверить... Ожоги? Сильных болей нигде нет – это бы болело, хотя кто знает, столько времени... А лицо? Лицо изуродовано или нет? Как проверить? Только рукой... Осторожно... Вот идет-идет вдоль тела... Что это здесь на животе – бинт или рубашка? Потом узнаю... Это что – все мое тело? Не тело, а скелет... Подбородок, щека... Губы, нос – на месте... Глаза есть, раз вижу... Лоб... Кожа моя, целая... Хоть и шелушится, но это пройдет... Шрамов нет... Легко отделалась? А почему два месяца? Что вообще было? Дом взорвали? Ночью – ведь темнота стала... А я накрывала на стол, у меня в руках была стопка тарелок... С фиалками и ландышами – белые-белые... И тут... Игнат!!! Господи, Игнат же! Успел он уже тогда войти обратно в дом?! Накрыло его или –?! Спросить... Здесь есть кто-нибудь?! Позвать... Сестра! Голос, как из преисподней... Сестра же! Кто-нибудь!!! Бесплезно: не голос, а сип какой-то... Няня!!! Сестра!!! Подняться? Руками упереться... Нет, не могу, падаю... Шумит голова... Жив или нет?! Кружится все... снова проваливаюсь... Нет, Боже... Темнота опять.

Ага, я просто заснула... Все нормально, это больница... День еще... Я же проверяла – все на месте... Дом упал, и меня, наверное, выгнали... Какая разница, дом-то все равно не мой... Хозяйке квартиры дадут компенсацию, а мне... Не знаю... Документы, оборудование... все там пропало... Черт, это ж сколько денег... Я плакала, плакала – и заснула, поэтому и не слышала, как бабахнуло, потому что во сне... А, нет, потолок же на меня падал, а я с тарелками... Какими тарелками среди ночи – крыша все-таки едет... Этот еще сучонок в метро с телефоном... Менты паршивые обобрали... Да! Игнат же послал подальше... Вот почему плакала... Ничего, придет... Дочку похоронит – и придет, у него же никого нету... Хотя куда придет – дома-то тоже нет... Но она же ведь жива – дочка его? «Ты выйдешь за меня замуж? Завтра?» – он, правда, это сказал, или приснилось? Тогда почему такое было счастье, когда в первый раз проснулась? Или я плакала лицом в коврик? Не два же раза я помирала? Теперь вот очнулась – и потом когда-нибудь помру в третий?! Хорошенькое дело! Ну точно, наверно, меня по башке шандарихнуло... Где я очнулась – где? *Здесь* или *там*? О, Боженька, в каком это я смысле?! Совсем бардак на чердаке... Спросить кого-нибудь... Эй, сестра... Сестра! Ага, точно, зеленая рубаха и белый колпак... Что со мной? Что со мной?! Что со мной?!!

...Женя не знала, как выглядит со стороны, а зрелище, между тем, впечатляло неподготовленных зрителей. Некогда обритая наголо, голова начинала понемногу обрастать редким ежиком на две трети седых волос. На темени их не было – там во всех направлениях змеились толстые багровые шрамы, стянувшие кожу, и кое-где они еще были украшены яркими зеленочными пятнами. Глаза и щеки ввалились страшными темными ямами, высохшие сиреневые губы спеклись. Поверх одеяла лежали желтые костистые руки с косо обломанными слоющимися ногтями.

Дверь отворилась, и в палату вошел измученный мужчина с короткой сивой бородой и в праздничном сине-белом свитере, сразу вызывавшем в памяти сугробы Лапландии и лихого Санта-Клауса на его резвой оленьей упряжке – весной все это казалось уж очень несвоевременным, и хотелось спросить мужчину – зачем он так странно оделся. Но его никто ни о чем не спрашивал – стоило только чуть ближе заглянуть ему в лицо: там лежал отпечаток преодоленного горя. Он присел на корточки у постели больной женщины и коснулся рукой ее лица:

- Женя, ты слышишь меня? – спросил он. – Это я, твой Игнат.

- Здравствуй, - ответил ему едва различимый не голос, а шорох. – Это я, твоя Женя.

*Автор выражает глубокую благодарность
санкт-петербургскому поэту
Андрею Маничеву
за предоставленную возможность
использовать его стихотворения в этой повести.*

2011 г., Левашово - Букино

ПОЭЗИЯ



Евгений Раевский

* * *

Душа очищена слезами,
Я без стеснения говорю.
Любовь моя сдает экзамен,
Доверив грусть календарю.

Скучаю, искренне скучаю,
Увитый дымом сигарет,
От кофе сохну. Мне бы чаю,
Но как назло заварки нет.

Уснуть бы, мысли изничтожат,
Закинут в память навсегда.
О чем я? Я тобой не прожит,
И не скажу разлуке «да»...

* * *

Любовью выстрелив из глаз,
За тучи солнце убежало.
Раздался гром, и молний жала
Взметнулись как в последний раз.

Природа в страсти. Вздогнул день,
Гроза прекрасна, но ленива.
Вся в тучах - шапках набекрень.
Ну, где же дождь? Заждалась нива...

Хочу и я живой воды,
Живой любви, живого света,
Живого солнца для поэта,
Но без грозы и без беды...

Снегирия

Парк на Охте. В день морозный
В красках зимних лик зари,
Пылко, нежно, грациозно –
На деревьях снегири.

Алый цвет, цвет абрикоса,
В страсти божьи сорванцы,
Пламенеют светоносы.
Как прекрасны удалцы!

Восхититель цвет, свет-ангел,
Зимний день загадкой красен.
Вихрь метельный в ритмах танго.
Снегиреет. Парк прекрасен.

Мандариновые тропы
Блески, сказочные блики,
В тайны свет направил стопы,
Зимний день хмельной и дикий.

Снегири над снегом светят
С веток ясеней и кленов,
Птицам радуются дети,
Птицы радуют влюбленных...

Полнясь светом снегириным,
Ухожу от птиц и плачу...
Строк живые январины
Всем дарю я на удачу!

* * *

Я рассмотрел волшебное в тебе,
Свет глаз, блеск форм... Я стал почти мальчишкой.
С Поэзией ласкающей, в мольбе
Застыл мой голос, в сердце чувства вспышка...

В слезах мольберт художника из слов,
Восторг легенд забытых о прекрасном,
Он пишет нежностью, он искренен и нов,
Свет солнца одержим при дне ненастном.

Изгоем грез поэту трудно быть,
Поэт рожден любовником от света,
Какая-то невидимая нить
К тебе влечет заблудшего поэта...

Как диву дивному я светословлю вдруг,
Терплю упреки, колкости и с грустью
Пишу и думаю, ну как случайный друг
Вот так к заветному допустит.

Путешествие в страну Ильмению

Кудри солнечные в лужах,
Свет, дорога, в травах пение,
Чудеса, и птицы кружат –
Я иду в Страну Ильмению.

След священный Богородицы
На дороге-Новгородице,
Иллюзорницы-видения,
Грез и слез моих рождения...

Ясноглазит даль-реалица,
Русь – великая красавица.
Зной. Стрекозы-куролесницы
Мир смешат своим порханием.
Льют мелодии-рассветницы,
В сердце мне святым дыханием.

Приозерит храм, белеет
С православною молитвою
Света светлого светлее
Вторят ей земные ритмы.

Но! О прелесть! Преду мною
Озорное, золотое,
С дикой, радостной волною
Ильмень – озеро святое.

Свет пронизывает звуки,
Солнца вкус и вкус восторга.
Чьи-то взгляды, чьи-то руки,
Чей-то крик волна исторгла.

Светолет, метаморфозы
Замиражило на небе,
Плески, брызги – счастья слезы,
Ветры пьяные в разбеге.

Бал мгновений, крик эмоций,
Пир фантазий, божьи песни,
Огневое диво – солнце,
С ним теплее, интересней.

Праздник волн, загадок праздник,
В сказках озеро свет рая...
Свет земной! За мной, проказник...
Разбегаюсь и ныряю...

Ласки влаги льют по телу
Несравнимою прохладой,
Теплым ветром засвистело.
Не купанье, а награда!

Горизонт забавит цветом,
Светом мистики и власти,
Каждый луч дневной кометой,
Солнце высверкнуло страсти.

Но зовет дорога к дому,
Жаль прощаться с водным чудом.
Никогда я не забуду
В теле сладкую истому.

Поле, Аисты, мечтанья,
Теплый дождь – блаженства лета.
Уношу я Ильмень-тайны
В озорной душе поэта...

2009-2011гг.

Великий Новгород

Игорь Сафронов

Телец

Я – весь! Я – ваш! Моря, леса и нивы.
И долгий год, и искролетный миг,
И облаков небесные заливы,
И жизнь, и смерть, и то, что не постиг
Еще мой ум, но уж душа впитала,
Вобрав в себя беспечной жизни яд.
В моих глазах горячего металла
Восторгов слезы горькие стоят.
Я – весь! Я – ваш! Людье, зверье и птицы,
И стаи рыб в тяжелых толщах вод;
И я готов мгновенно перелиться
И в вечный день и в этот свет, и в тот.
Я – весь! Я – ваш! Как бабочка сквозь тени
Летучих лет, предвечных лет ее...
И пламенем бессмертных откровений
Во мне, как шторм, бушует Бытие.
Я – весь! Я – ваш! Так смертно – бесконечен,
Призваньем – мать, а сущностью – отец,
Я – весь! Я – ваш! Поэтому отмечен
Тавром высоким, ибо я Телец.

Октябрь в Михайловском

Дыханием студеной бирюзы
Раздетые березы чуть колышет.
Я снова здесь с мне близким существом
В краю холодных рощ, сырых полян и склонов.
Дохнул осенний хлад, сковав мое дыханье,
А мне за пятьдесят и страшно сознавать
Мучительность минут последнего свиданья
С Собой и с Ним и с Ней...
Не знаю как сказать... Не знаю что сказать,
Что длится этот спазм, что эта вечность длится?...
Багряный лист дрожит среди пустых стволов,
Тяжелый сон любви все продолжает сниться –
Жестокий хоровод давно увядших слов...
Октябрь. Холод. Кровь осеннего заката
И горизонт немой в дали засохших охр,
Где валиком Судьбы безжалостно закатан
Недолгий праздник наш и невозможен вдох...
Прощай мой нежный друг! Вся тяжесть и мятежность
Неистовых сердец – вознагражденье нам,
А поздняя любовь перетекает в нежность,
Как холод октября к неведомым цветам...

Наталья Сорокина

* * *

Жила, я пела и плясала,
Все раздавая ни за грош,
Судьба, как девочка босая,
Бежала по тропинке в рожь...

Я продаваться не умею,
Живу, чем Бог послал на жизнь.
Как все, страдаю и болею,
Но кто со мною, тот держись!

Я толстосумам как интригу
Стихи впечатывала в лоб,
В кармане я держала фигу,
Чтоб не гордился жадный жлоб.

Поскачем мы по буеракам.
За нами только успевай!
Удача ласковой собакой
В заливистый зайдется лай...

Зачем нам ждать щелчка на старте?
Когда в неправильной игре,
Все заберет нахал в кокарде
И с толстой сумкой на ремне?

Идти вперед! Творить! Влюбляться!
Жалея, плача и молясь,
В лицо невздам рассмеяться!
Вот в этом истинная власть!

Славянская статья

Сердцу, горем разбитому, хочется в лето.
Мне его не собрать на ветру леденящем.
В уголках отдалённых огромной планеты
Я его оставляю по каплям горящим.

Как иначе мне жить, если духом славян
Мой пропитан ночлег и моя плащаница?
И венком и кольцом мой увенчанный стан
Силуэтом под звёздами будет искриться.

Я бреду по дороге, а знает, куда –
Только ветер, что камню шептал на распутье.
Я на нём расшифровываю письма,
Смысл которых хочу разгадать и вернуть я.

Прославляю тебя, о, СЛАВЯНСКАЯ статья!
Неуёмная, яркая, древняя сила!
Всех защитников русских несметная рать!
Пусть звезда освещает вам путь до могилы!

Ты нам хлеб подарила и первенца крик,
Журавлей в поднебесье и нимбов сиянье.
Ты любовью горишь, ты чиста как родник,
Оберегом стоишь в Красоте мироздания!

Татьяна Карпенко

Гордое сердце *К портрету А. С. Грибоедова*

О как могущественны ссоры Мирозданий,
От драм великих стонут небеса,
Им дела нет до творческих исканий,
Пока творец не удостоится венца.

Нередко Личность с Гениальностью враждуют
Значительностью Лиц не убедить харит,
За суетной обыденностью дел не нужных,
Душа их на Олимп к богам не воспарит.

Пусть сердце гордое стучит натужно,
Пусть ты жестокосерд к злодеям и глупцам,
Сан одиночества, воспринятый послушно,
Подарит пусть покой измученным устам.

Высокомерие, вскормившее презреньем
Неординарный ум, оставит лишь печаль,
Не утолённую любовным вождельем,
Скрывая до поры божественный Грааль.

Ольга Сафарова

Скрипка и Харлей

Царило лето, лето скрипки...
Он ей играл – и звуки плыли,
Резвились, как в потоке рыбки,
И вились ароматом лилий...

А тот другой, затянут в кожу,
Рёв мотоцикла – рок-концертом,
Ей белой ночью кровь тревожит,
В дорогу манит знойным ветром!

В обличье байкера-кентавра
Летит – кометою Галлея,
За руль-рога, как Минотавра
Вздыбив могучего Харлея!

Ушло то лето, лето скрипки...
Полёт Харлея-Девидсона
Умчал любовь, как призрак зыбкий,
А страсть, как ветер – вне закона.

Соитье скорости и ветра!..
И далеко до поворота,
До рокового километра,
Удара и... конца полёта...

И осень им справляла тризну,
И скрипка пела, сожалея,
Что ставку смерти против жизни
Не отыграла у Харлея...

Китайские приключения

Случайно или не случайно? –
В шанхайском павильоне чайном
Прислужник, вкрадчив и угодлив,
Вручив с улыбкою лукавой
Мне предсказанье-иероглиф,
Пу-эр с цветочною приправой
Налил, потом склонился низко,
И перевёл мне по-английски:
«Три дня... стена... судьбы посланец...»
Струился аромат куренья,
В бессмертной ступке Лунный заяц
Толок века и длит мгновенья,
И Будда на настенном свитке
Косился с медленной улыбкой...
Дня через три к Стене Великой
Меня привёл туристский жребий

В толпе, как демон, многоликой
Путём династий и империй,
По скользким плитам к дальним башням,
Огонь и кровь сражений знавшим,
Отстав от всех, я шёл и ветром
С отрогов гор в проём бойницы
Вплыл дуновеньем незаметным,
Листок как тень от крыльев птицы:
Код, адрес, номер телефона,
«Мир чая», терем «Сон дракона»...
И вскоре в городе-фантоме,
В китайской чайной «Сон Дракона»,
У Чёрной речки в старом доме,
Мне кажется – всё так знакомо:
Косится Будда в неге сладкой,
И Лунный Заяц на подставке
Толчёт бессмертье в старой ступке,
Поднос с драконовой оправой
И - чай Пу-эр в сосуде хрупком,
В дыму курений – взгляд лукавый,
Глаза мерцают... ближе, ближе...
Рука... конверт... давно... в Париже...
Зелёный шёлк, нефрит зелёный,
Агат зрачков и губ кровавость,
И шёпот вкрадчивый, влюблённый,
Головокруженье и усталость...
Тогда... давно... в китайской чайной
Случайной... или НЕ случайной?

Декабрьский туман

Непроницаемый декабрьский туман,
Плывущий по теснинам Петербурга,
Колышет над Невой Исакия курган,
Загадочный, как квадратура круга.
Плывёт из прошлого колонн ритмичный стан,
Пронзает осязаемую млечность,
Петлёю времени в бессмертия капкан
Минувший день стреноживает вечность.
Здесь Сфинга мрачная – посол иных миров
Взирает на ажур порталных кранов,
И перспектива вдаль стремящихся мостов
Ведёт в страну иллюзий и обманов.
Изломы странные, фронтоны, провода
Отторгнуты от тверди зыбкой мглою,
Жемчужно-серый холст пейзажа навсегда
Прошит Адмиралтейскою иглою...

Диана Радес

Последний год

*Светить всегда, светить везде...
В. Маяковский*

Как время мчится! Не успеть
Ни оценить, ни помолиться.
Земная истончилась твердь
И голова от бед кружится...

А прошлым летом
так пекло,
Что мысль возникла:
Солнце злится,
На нас разгневано оно:
«Впустую ласка и тепло
Сквозь туч раскрытое окно –
В болоте не растёт пшеница!
За нежность, за природы строй
Никто не хочет поклониться.
Для них объект я – неживой,
И равнодушие на лицах...

Когда-то, в давние года,
Была любовь и благодарность.
Как танцевало я тогда!
И пеньем усмиряло алость.

Прошли мои златые дни,
Прошли. Ужели безвозвратно?
И на земле
моей родни
Нет более?
Судьба превратна:
С прищуром смотрят на меня,
Считают выбросы и пятна,
Хотят узнать средь бела дня
Как расщепляю термоядра!..

Ужели больше никого?..
Нет доброты
на белом свете?
А мне она – важней всего,
Без радости да кто же светит?...»

.....
– Я успокою Солнца Дух:
И доброта и радость – живы!
Горластый утренний петух
Поэта призовет под ивы
К реке на солнечный восход.
Найдутся для молитвы руны
Душа расправит песен струны,
И гимны древние Варуны
Поэт, припомнив, запоёт.

И станет лик светила ясен,
Опять улыбочиво прекрасен.
И лёгок до полудня восход.
Поэт, не спи в последний год!
Спасай и Солнце, и народ.

Валерий Орлов

* * *

Мне вырвали гортань жестоко
И запретили говорить.
Не успокоившись от жизни,
Моя душа могла лишь выть.

И возмущенная природа,
Не дав словам моим уснуть,
Холодным отблеском сиянья
Разлила крови моей ртуть.

И та рукою по бумаге,
Срывая линий черноту,
Отображала, с заиканьем,
Словес чудесных наготу.

* * *

Вертолет винтами крутит –
Значит, я еще живой.
В шлемофоне матом кроет
Чей-то голос, очень злой.

Винт прострелен не на шутку,
Где-то хлюпает вода.
И от «Стингера» на крыльях
Не укрыться никуда.

Но надежда – знак последний –
Никогда не подведет.
Без винтов и фюзеляжа,
Может, сядет вертолет.

И тогда меня обнимет
Старый друг мой боевой...
К сожалению, погибший
Прошлой раннею весной.

38-й год

Мы все обижены свободой.
Решетка нам как Божий дар.
Четыре метра по проходу
И голых спин несносный пар.

Тебе в глаза никто не смотрит.
Закон один – живой кулак!
И захрустит под переносьем,
Что если сделаешь не так!

Баланда в жестяной оправе
И грязный потолок вверху,
А под ногами изучаешь
Крыси ную нору во мху.

И день ленивою прохладой
За надзирателем идет,
А ты все слушаешь спокойно,
Как твой сосед с кровати врет.

* * *

Он опробовал заводи женского тела,
Испытал глубину и парил в облаках,
Где душа его песни любовные пела,
И с раздавленным сердцем валялся в ногах!

На туманных постелях в безбрачии пьяном
Растлевал он последние искры любви.
В черной маске трагедии и в безумии рьяном
Кто-то грозно кричал: «Нас на пир позови!»

Софья Дубовская

Фонтаны Петергофа

Золотая гора

Двадцать две ступени
Между небом и землей.
Кто открыл поток прозрачный
Между небом и водой?

То Нептун трезубцем стукнул
На вершине Золотой горы.
Три струи чистой влаги –
Золотых зверей дары.

Тритон

Звони в свой колокол, тритон!
Зови гостей, дин – дон, дин – дон!
Пирамида

Струящееся платье
Никак не может пасть
На мраморные плиты

И шелестит:
«Напрасно нарекли меня
Статичным словом ПИРАМИДА».

Царицын остров

Нарцисс идет в цветущий сад.
– О розы! Я вам очень рад!
Но есть ли здесь в саду вода?
– Ты мучим жаждой? Не беда!
Подземный ключ тотчас забил
И – отражен в воде –
Нарцисс так мил!

Нимфа

Античное дитя,
Любимица богов
Склонилась над фонтаном
На северном ветру.

Менажерные фонтаны

Вертикали водометов
Соревнуйсь
Дразнят небо:
Наверху блеснет макушка,
Тронет солнце – и домой!
И летят небрежно брызги,
Нас окутав с головой.

Сноп

Струи гнутся,
Как колосья в пору жатвы.
Струи шепчут,
Ищут встречи с человеком.
Разлетаются на мелкие караты.
И пройдя круговорот
Прорастают невысоким
Чуть наклонным стебельком.

Дворец Марли

Марли на берегу пруда.
Зеркально чистая вода.
Марли увидел отражение
И вспомнил давние года.

А там носили парики,
Не подавали
Простолюдинам руки
И по-французски
Говорили без труда.

Партер-Фонтаны-Дворец

На зеленой скатерти партера
Красно-белые узоры,
Пирамиды хвойные на склоне –
Все ласкает наши взоры.

Мрамор, воздух, облака,
Струи нежные фонтана –
Манят нас издалека.

Китайский садик

Фонтан резвится
В солнечных лучах.

Ему подражают
Амур и Психея.

Раковина

Вода побеждает
Суровые камни.
– О, сколько простора!
Волнуются струи
И дружную стайкой
Стремятся к цветам.

Церера

Прекрасная Дама античности
В прошлом
Заведовала урожаем.
Нынче
На заслуженном отдыхе.
Купается в солнечных лучах
И бриллиантовых брызгах водопада.
А вокруг – золотые поклонники.

Большой каскад

Высоко над парком
Царский дом.
Власть и слава в доме том!

Но царит над парком
Водяная тонкая стихия,
Вечное движение.
Водная идиллия.

Золотые боги
Среди струй мерцают.
В шепоте фонтанов
Мифы оживают.

По ступеням водопада
Древний мир к нам зашагал.
Искрометные фонтаны
Правят бал!

Мрамор, золото, природа –
Петергофская порода!

Василий Денисюк

Друзья

Снова стелется горечь туманом,
Пусть и солнце горит в небесах...
Но болит вновь душа, будто рана,
Об ушедших навеки друзьях!

Тихо ивушка ветви склонила,
Свет закрыла навек от меня,
Словно помнит их всех, не забыла,
И печалится так же, как я!

Здесь у речки мы часто сидела
И мечтали о долях других...
И сердца наши счастьем звенели –
Как теперь не хватает мне их!

Я приехал на Родину снова,
Чтобы счастья коснуться на миг...
Только сердце не внемлет былого,
Где так счастливы были все мы!

* * *

Мне намедни опять размечталось,
Одолели дожди и тоска...
Где-то детство мое там осталось
В дорогих мне и милых местах!..

Снова вижу себя я мальчишкой
И друзей, что забыть не смогу...
А вокруг белоснежные вишни
Украины покой берегут!

Быстро детство уходит, мы знаем,
Разлетелись друзья-голубки...
А когда мы туда приезжаем –
Слезы сдерживать нам не с руки!

Их все меньше, друзей, остается.
Жизнь на месте стоять не должна...
И мальчишек других пусть коснется,
Как и нашего детства, весна!

Святая земля

Не хлебом единым мне мил этот свет,
И рай даже будет чужбиной,
Когда я подолгу не слышу «Привет!»
С моей дорогой Украины!
Там детство за полем, там счастье тех дней,
Таи вишни цветут колдовские...
Там мамина нежность и голос друзей,
Что стали теперь мне родными!

Я строил мечты, словно Божий собор,
Но кто-то его вдруг порушил...
Пусть свечи давно уж сгорели с тех пор,
А память живет в наших душах!

Пусть редко вас вижу я снова, друзья –
Все разные судьбы а свете...
Но все, что дала мне святая земля,
Я в сердце сберег своим, верьте!

Размышления

В каком родстве я с Питером старинным?
Какой судьбой я оказался здесь?
Ведь родом я с любимой Украины,
И в ней душой останусь я и там, и здесь!

Но Питер для меня не отчим чуждый,
Не пасынок и я ему придусь...
Он дал мне крылья, этот город чудный,
И я теперь поэтом в нем зовусь!

Стихи мои еще скромны для века,
Но сердцем мне о Питере бы спеть!
И нет, наверно, в мире человека,
Чтоб так еще хотел его воспеть!

Содержание

Проза

Анна Губарёвская.....	5
Наталья Суворова.....	8
Елена Сакс.....	26
Валентина Чирок.....	28
Ирина Богородицкая.....	45
Владимир Федоров.....	48
Таша Васильева.....	57
Олег Виноградов.....	66
Татьяна Карпенко.....	70
Наталья Шитикова.....	75
Иван Ильин.....	84
Владимир Кириллов.....	103
Галина Ковальская.....	111
Валентин Лядащев.....	119
Людмила Митрохина.....	124
Светлана Панова.....	130
Юрий Пейсахович.....	134
Диана Радес.....	136
Виталий Севрюгин.....	140
Иосиф Скарбовский.....	143
Галина Тарасова.....	147
Вера Соловьева.....	149
Александр Темников.....	158
Валентина Федорова.....	161
Алексей Воронов.....	163
Наталья Веселова.....	169

Поэзия

Евгений Раевский.....	223
Игорь Сафронов.....	226
Наталья Сорокина.....	227
Татьяна Карпенко.....	228
Ольга Сафарова.....	229
Диана Радес.....	231
Валерий Орлов.....	232
Софья Дубовская.....	234
Василий Денисюк.....	237

Золотое слово
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2011 г., 240 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Отпечатано в типографии издательства
«Гамма»
Санкт-Петербург, наб.Обводного канала, д.87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15
Гарнитура «Таймс»
Подписано в печать 06.10.11
Заказ № 62 Тираж 900